

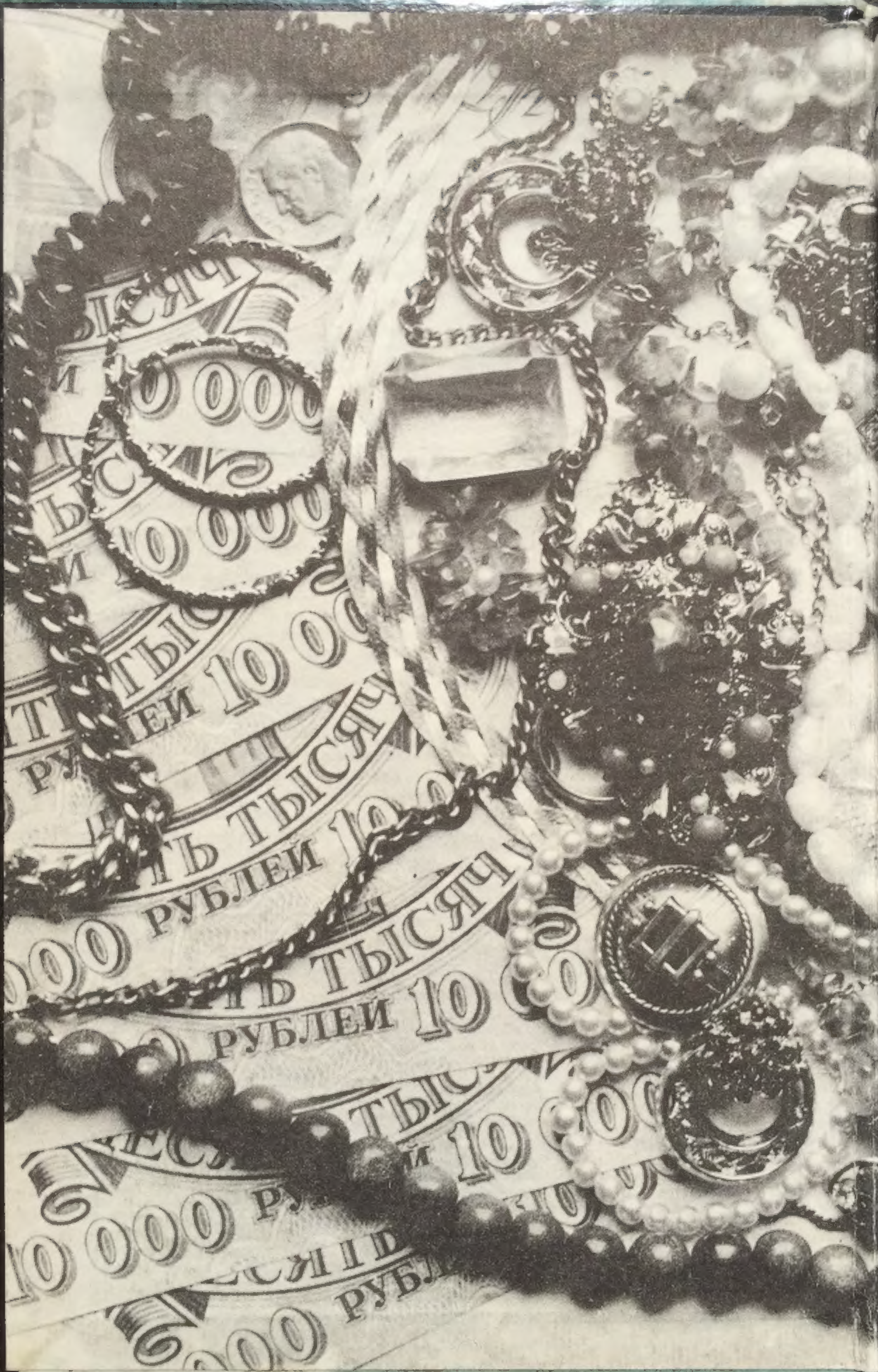
Лев
Пучков

ТЕНЬ ЗОМБИ

Андрей
Костин

СМЕРТЕЛЬНАЯ КОМБИНАЦИЯ

CM
KO

Лев ПУЧКОВ

ТЕНЬ ЗОМБИ

■

Андрей КОСТИН

СМЕРТЕЛЬНАЯ КОМБИНАЦИЯ

МОСКВА

ГОЛОС • СПОЛОХИ

1994

ББК 84Р7-4
П 88

Редакционный совет:

АЛЕШКИН П. Ф. — председатель,
КОНОВКО А. В., КУЗЬМИН Г. М., МЕНЬКОВ А. Т., САВЧЕНКО В. В.,
ТИМОФЕЕВ В. В., ФОМИН И. Р., ФОМИНА Л. Р.

Художник О. СМЕРНОВ

П $\frac{4702010201 - 31}{M800(03) - 94}$ Без объявл.

ISBN 5-7117-0119-3

© Оформление. Издательство «Голос», 1994.
© Текст Л. Н. Пучков, А. Ю. Костин, 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНЬ ЗОМБИ	3
СМЕРТЕЛЬНАЯ КОМБИНАЦИЯ	283

КО В. В.,

**Лев ПУЧКОВ
ТЕНЬ ЗОМБИ**

ос», 1994.
, 1994.

Страшным у
известковой пыли
вались четыре ст
с капюшонами-м

— Однако! Ш
ная привычка па
рала с Иваном д
репутацию чело

— Поедешь
под балахона по
И еще: у моих п
Тот же голос пр
махнул в угол,
двинулась, вых
дельной штанги
его в дугу... Кор
хотя выпрямил

Повисла зл
чальный взгляд
с незваными г
решил он.

— Одевайся
слегка нервни
беспокойства.

Возле дома
вый борт, на
она». Желтым

Забытое ра
слегка приляз
Тихая непот

ОНИ ПРИШЛИ

Страшным ударом вышибло дверь. Сквозь клубы известковой пыли в дверном проеме медленно прорисовались четыре силуэта в одинаковых черных балахонах с капюшонами-масками.

— Однако! Шоу на дому?! Вызова не давал! — Скверная привычка паясничать в минуты опасности не раз играла с Иваном дурные шутки. Но она же укрепляла его репутацию человека бесстрашного и хладнокровного.

— Поедешь со мной! — раздался глухой голос из-под балахона поодаль. — Время на сборы — три минуты. И еще: у моих парней нестандартная реакция на юмор. — Тот же голос прошептал несколько слов, рукав балахона махнул в угол, и внезапно стоящая впереди фигура двинулась, выхватила из угла гриф старенькой самодельной штанги Ивана и без видимых усилий согнула его в дугу... Короткий приказ шепотом — и штанга нехотя выпрямилась.

Повисла зловещая пауза... Иван изменил первоначальный взгляд на возможный сеанс рукопашного боя с незваными гостями. «Во всяком случае не сейчас», — решил он.

— Одевайся и пошли! — Похоже, «главный балахон» слегка нервничал. Остальные не проявляли признаков беспокойства.

Возле дома ожидал... катафалк! Через черный лаковый борт, наискось «Похоронное бюро Советского района». Желтыми буквами.

Забывшее радио из кухни пропикало час ночи. Иван слегка прилязгнул зубами, зябко передернулись плечи... Тихая непроглядная ночь, туман, призрачными клубами

ми плывущий из оврага к родительскому дому... Тускловатый свет фонаря.

— И дернуло меня приехать в это забытое Богом место,— запоздало пожалел Иван. — Кино про немцев... Ночь, похищение, катафалк... И балахоны — зомби какие-то...

Но «зомби» имели дело с офицером спецназа, прошедшим все кошмары «малых» войн и практически отучившимся удивляться.

«Зомби»... Иван почему-то именно так окрестил ЭТИХ... В отличие от их командира, который нервно подергивался и шумно сопел, в остальных троих было что-то такое... Что-то нечеловеческое, зловеще-неподвижное. Ну разве может человек пять минут стоять как статуя, ни разу не шевельнувшись.

В катафалке он увидел обитый черным крепом гроб с прислоненной к нему крышкой.

— Ты это... Ну,— шумно сопанул «вожак»,— ты ложись сюда. — И указал на гроб.

— Да ты че... Ты че, парень? Я что, на жмурика похож?! Я же пока не помер, а?!

— Вот именно — пока! Ложись, я сказал!

— Сссука... Ублюдок... Сейчас ты сам сюда ляжешь, тварь! Я тебе...

Балахон, отпрыгнув, махнул рукой:

— Взять его! — «Зомби» неуклюже обступили Ивана, медленно потянули к нему руки. Нервы, дрожащие, как натянутая струна, не выдержали,— испустив боевой клич, Иван высоко подпрыгнул и отточенным движением выбросил ногу в голову стоящего перед ним. Приземляясь, он обрушил свои кулаки на макушки стоящих по бокам...

Обычно ударом ноги он разламывал шестисантиметровую сосновую плаху, а кулаком колот два кирпича, положенных один на другой.

А тут... Балахон, ударенный ногой, мотнулся назад и, вернувшись в исходное положение, опять протянул руки. Двое других только тихо испустили мычание и остались стоять как вкопанные.

— Уложить! — прозвучала визгливая команда «главбалахона». На этот раз в его голосе Ивану слышалось что-то знакомое. На секунду он даже перестал сопротивляться.

Железными тисками его подбросили вверх и швырнули в гроб. Сверху прижали крышкой — невозможно было шевельнуться...

РЫСАК СПОТКНУЛСЯ

Став импотентом в тридцать пять лет, Александр Иванович лихорадочно занялся поисками виновных — среди окружающих его особ в юбках. Себя, точнее, тот образ жизни, который был ему свойствен в последние полтора десятка лет, он в расчет не брал.

Женщины... Те, что постарше и побогаче, ДАВАЛИ ДЕНЬГИ! Или подарки, — какая разница?

Когда это случилось впервые (он, будучи студентом первого курса, в одиночку помогал с ремонтом квартиры жене декана), Сашенька испытал нечто, похожее на угрызения совести... Хотя угрызаться было вроде и нечему — совести у него не было.

Скорее всего, это было чувство, которое испытывал каждый, кто впервые включался в устоявшуюся систему псевдоморали сощобщекития: «НИЗЯ! — НО»... Соблазн был велик. Сашенька пошлепал дальше размашистой иноходью, скоренько перебирая конечностями и наращивая темп.

Наигравшись в свое удовольствие, Сашенька бросал наскучивший объект, придумывая иногда подленькие штучки. Делалось это примерно следующим образом.

Устраивалась вечеринка, в ходе которой надоевшая подружка спаивалась до бесчувствия. Затем она аккуратно помещалась в постель с одним из приятелей Сашеньки, который также бывал приведен в положение, именуемое «в дупель!». Наутро разыгрывалась бурная сцена с проклятиями и стенаниями...

В общем, женщины служили Александру Ивановичу (далее он будет проходить под аббревиатурой А.И. — слишком много чести, каждый раз произносить полностью имя-отчество подобного типа) верой и правдой. Одни материально и другими способами поддерживали его, другие проливали бальзам блаженства на постоянно кровоточащую рану самоутверждения. Из-за обилия подруг А.И. порой попадал в положения весьма затруднительные. Однако его выносливый организм и незаурядные мужские достоинства долго выручали безотказно.

Так бы и шлепал наш рысак дальше, но, дорогие друзья, и самая породистая лошадь со временем

начинает спотыкаться и перестает быть украшением конюшни...

В очередной вечер любви, после роскошного ужина и обильного обоюдного возлияния, А.И. был поставлен, как выяснилось впоследствии, на колени перед фактом своей несостоятельности. Проще говоря, он не смог овладеть женщиной...

До самого утра он ласкал ее роскошные формы, выдумывал самые причудливые позы, принимал контрастный душ, проглотил полфлакона зарубежных витаминов. Результата не было! Зверь его сладострастия, казалось, пресытился и завалился в спячку...

Подруга оказалась тактичной — старалась помочь ему, ободряла, что-то бормотала про временные расстройства. От этого он только еще больше приходил в отчаяние.

Утром девушка ушла (НЕТРОНУТАЯ!!!), матерински запечатлев поцелуй на лбу страдальца...

То же самое повторилось на следующий вечер — с другой женщиной. И на третий, и на четвертый... Он так верил в исключительную силу своего организма! Это был самый большой камень в фундаменте его самоутверждения. И вот...

Незамедлительно последовали визиты к психотерапевту, сексопатологу, затем — двухнедельное воздержание, бег трусцой, специальная гимнастика и полный отказ от табака и спиртного. Затем — проба.

Была одна дама... Самая беспутная и соблазнительная особа из окружения А.И., способная ввергнуть в грех даже смертельно раненого. Женщина, к которой его неизменно влекло, к которой он постоянно возвращался, если в этот момент у нее не было другой связи...

Еще до того, как они залезли в постель, А.И. почувствовал панический страх перед неудачей, заполняющий его сердце, — никакой реакции на присутствие женской плоти его зверь, обычно рвущийся с цепи, не проявлял. Вдобавок ко всему дама, привыкшая к буйному темпераменту своего ветреного партнера, неосторожно принялась шутить над ним... мол, ее теперешний кавалер, престарелый доцент, дал бы ему фору... Рассвет экс-Казанова встретил с лицом посеревшим, осунувшимся и утратившим былую привлекательность, воссе-

дая над пепельницей, полной окурков, и опустошенной бутылкой «Столичной».

Все, что было смыслом жизни, безвозвратно кануло. Он знал, что после этого не сможет жить...

Взгляд А.И., бесцельно блуждающий по комнате, остановился на тихо посапывающей во сне женщине... В комнате было душно, она раскрылась. Первые лучи рассвета, проникавшие сквозь оконное стекло, падали на безукоризненные линии бедра, оттеняли разворот груди, которая потрясала завершенностью формы и как бы звала — прижмись ко мне, потрогай меня...

Бессильная ярость закипела в душе... Значит, доцент может, престарелый доцент... И другие — те, кого еще не так давно он считал ничтожеством... А он?! Неужели ВСЕ?! Он никогда не сможет заставить женщину кричать от наслаждения?!

А.И. вдруг почувствовал тревожное, до сих пор не изведенное волнение в груди. Оно постепенно заполняло все сознание. Желание... Но совсем не то, которого он так ждал!

Желание было другого рода... Сделать так, чтобы это тело не было прекрасным, чтобы никто не смог владеть им, если он — ОН! — не в состоянии им воспользоваться!

Чувство это росло и заполняло естество, набухая, бешено пульсируя... ИСКАЛЕЧИТЬ!!! РАСТЕРЗАТЬ!!! УНИЧТОЖИТЬ!!! Еще немного, и оно разорвет его изнутри...

Бросился на обнаженное тело, навалился, крепко сдавил в объятиях. Стал страстно мять, судорожно ерзать, расталкивая коленями податливые ноги, изо всей силы прижимаясь к лону... НУ ЖЕ!!! НУ ХОТЬ ЧУТЬ-ЧУТЬ!!! Женщина тихо СМЕЯЛАСЬ — со сна...

Ничего! НИЧЕГО — абсолютный нуль!!! ОНА СМЕЕТСЯ НАД НИМ... Над его беспомощностью, над его ничтожеством...

Резким рывком перевернув ее на живот, дрожащими пальцами схватил хрупкое горло и, сжав, стал душить, пригибая к постели, топча коленями упругие ягодицы, бедра, спину... Задыхаясь, она забилась судорожными рывками, нечеловеческим усилием пытаюсь оторвать от горла эти страшные безжалостные пальцы...

Это придало ему больше страсти, — отпустив ее горло, он начал выкручивать ей руки, пока не вывернул из

плеч сначала одну, затем вторую, одновременно сломав их в локтевых суставах. Полузадушенная, обессилевшая, потерявшая от боли рассудок — кричать она не могла, только тихо мычала, низко, протяжно. Звук как будто исходил откуда-то со стороны...

Не зная, что же еще такое сделать, ОН стал яростно щипать и бить ее тело. На секунду женщине удалось повернуть лицо вверх; тут ОН увидел ее глаза, полные невыразимой муки и какого-то животного ужаса. Все-таки он может властвовать над ее чувствами! ОН **ВЛАСТЕЛИН ЕЕ ТЕЛА!!**

Продолжая щипать и наносить удары, мучитель чувствовал, что **ЭТОГО МАЛО...**

Вдруг, как будто его оеенила внезапно пришедшая мысль, ОН схватил женщину за голову — одной рукой за подбородок, другой где-то возле уха.

Изо всех сил рванул назад-вбок, зарывав страшно, вложив в движение всю ярость... Почувствовал, что тело под ним бешено дернулось несколько раз, как будто по нему прошли разряды...

Стало совсем светло. С улицы начали доноситься первые звуки пробуждающегося города. Расслабившись, сидел А.И. в кресле, задумчиво глядя на изуродованное тело — оно уже не было красивым, больше походило на деформированный в результате небрежного обращения манекен, на который больше не наденут новое платье...

Он уже знал, как избавиться от тела. Сегодня выходной — никто не хватится, зная ее репутацию, такое случилось и раньше, когда она внезапно пропадала на два-три дня с каким-нибудь новым поклонником. В его подъезде есть люк, ведущий с пятого этажа на крышу. Глубокой ночью он вытащит туда тело и со стороны торцевой стены сбросит его вниз. Если постараться, оно перелетит линию декоративных кустов, растущих рядом с домом. Затем он спустится вниз, оттащит тело куда-нибудь подальше и спрячет...

Поднявшись, А.И. потянулся с хрустом, опять глядя на то, что совсем недавно жило, дышало и смеялось над **НИМ.**

Чувство удовлетворения, настигшее его в момент последнего рывка, было потрясающим, ничего подобного раньше он не испытывал...

МАНЬЯК НЕ ОСТАВЛЯЕТ СЛЕДОВ

Заведующий аптекобазой, человек респектабельный (как и его предприятие, приватизированное недавно акционерной компанией, во главе которой стоял он сам), хотел избежать скандала. Пропала крупная партия сильнодействующих транквилизаторов.

Некоторые подробности этого дела вызывали недоумение. Например, заранее исключалось, что кто-то виновен вообще. Точнее, был узкий круг лиц, на которых падало подозрение, но проверить их составляло весьма серьезную проблему.

А посему следовало корректно проследить процесс исчезновения медикаментов по маршруту база — неведомо куда. Дальнейшее — их домашнее дело.

Именно поэтому обратились к Старикову, агентство которого заслуженно пользовалось репутацией организации, умеющей с честью выходить из самых щекотливых ситуаций.

В общем, задание — поди туда, незнамо куда, и попробуй спроси не того, кого нужно, — получить от шефа по самое здрасьте... И совершенно не к чему прицепиться — членов правления беспокоить категорически запрещено, а как же получить необходимую информацию, если они и есть тот узкий круг — завскладом, экспедитор, товаровед...

Посмотреть бы на Холмса в этой ситуации, наверняка бы от лютой злобы и безысходной тоски уже слопал бы свою трубку. Время идет, а дело на нуле...

Сергей небрежным движением отодвинул листки с информацией, которую удалось наскрести по делу, и уставился на ходики, мерно тикавшие на противоположной стене. Это дело его не волновало.

Он думал о другом.

Уже который день дела ведутся как попало — лишь бы, лишь бы. Дед на утренней пятиминутке двинул ехидно-прочувственную речь в адрес местных правоохранительных органов, которые вот уже год не могут поймать этого ублюдка.

Распаляясь по ходу речи, Дед, используя весьма замысловатые выражения, прошелся насчет генетических и психофизиологических данных местной мили-

ции. Далее следовали сентенции о ее, милиции, месте в госбюджете.

В конечном итоге выходило, что это, милиция, — вообще пережиток застойной эпохи, так сказать — атавизм. И их агентству предстоит доказать это.

Короче, найти «его» — дело чести их конторы. Если кто думает иначе, пусть не стесняясь выскажется...

Иначе никто не думал. Благодаря способностям шефа, его изворотливости и связям контора процветала. Платил он хорошо, чрезмерно не требовал, выручал, когда случались трения с правопорядком (а они случались сплошь и рядом)...

И если ему вдруг стукнуло, что агентство должно поймать маньяка, значит, так и будет. Придется пахать.

Вот уже в течение года в Н... происходят страшные вещи. Первого и пятнадцатого числа каждого месяца в самых разных местах находят обезображенные трупы молодых женщин... Точнее, страшные находки происходят в разное время, но до сих пор эксперты определяли дату смерти — первое либо пятнадцатое число. И так каждый месяц в течение года...

Почерк преступления свидетельствовал о том, что убийца — сексуальный маньяк с болезненно изощренной фантазией, физически сильный и очень осторожный. Идентифицируя подробности и детали преступлений, можно было с уверенностью утверждать, что в каждом случае действовало одно и то же лицо...

В эти роковые дни по улицам города курсировали усиленные наряды милиции, патрули различных общественных организаций.

Однако проходила ночь, в некоторых случаях это бывало к исходу следующего дня, но где-то опять обнаруживали очередную жертву.

Дошли до того, что за день до рокового числа по местному радио предупреждали, что всем женщинам и девушкам от пятнадцати до тридцати лет не рекомендуется выходить из дома после 19.00 (зимой — раньше).

Из столицы приезжали особые бригады для проведения розыскных мероприятий, эксперты, какие-то специально обученные собаки, экстрасенсы... Убийца не оставлял никаких следов. Казалось, неуловимый страшный призрак преследует самых лучших представителей прекрасного пола.

ГОРОД БЫЛ В ПАНИКЕ...

ГЮРЗА-ОХРАННИЦА

Ехали долго. Сначала Иван пробовал сориентироваться по движению, считал повороты, потом сбился и плюнул.

Мало-помалу, приводя свои мысли в порядок, он все больше склонялся к выводу, что причиной принудительной прогулки послужили какие-нибудь дела в Закавказье. Все значительные моменты в его жизни произошли именно там. Возможно, он не придавал особого значения деталям, которые заинтересовали организаторов похищения.

Иван немного успокоился — особых грехов за собой он не чувствовал.

Наконец, притормозив, катафалк коротко гуднул три раза. Скрежет открываемых ворот, затем еще немного езды, остановка. Скрипнув защелками, сняли крышку иванова ложа.

От долгого лежания в неподвижности пленник совершенно не мог шевельнуться. Его извлекли из гроба, профессионально завели руки за спину, раздался щелчок застегиваемых на запястьях наручников. На голову намотали пахнущую бензином тряпку.

— Вперед, путешественник. И без фокусов, смотри! — Ага, это старший балахон. Ивану опять показалось, что в его голосе он улавливает нечто очень знакомое...

— Эээ... Предупреждаю — бензин и амортизацию трансмиссии оплачивать не буду, круиз не заказывал...

— Не волнуйся, радость моя, все расходы за счет похоронного бюро! — Игриво сообщил главпохититель. Похоже, он радовался, что операция прошла успешно.

— Н-да... Весело, — мрачно пробормотал Иван. — Ну, потопали, что ли, куда там? — И пошел, заботливо поддерживаемый под руки.

Вели недолго, пару раз завернули, затем опустились вниз — Иван насчитал 14 ступенек. Очевидно, подвал, или еще что-нибудь в этом роде.

Наручники сняли. Последовал ощутимый толчок в спину. Лязг закрываемой двери.

С отвращением сорвав с головы тряпку, Иван огляделся. Он находился в небольшой комнате — точнее сказать, камере, которая едва освещалась пучком света, проникавшего через небольшое оконце под самым потолком.

Узкий топчан, стол с железной крышкой и табурет — вот и все нехитрые удобства. Все предметы были прикручены к полу — в этом можно было убедиться, потрогав их. Посреди железной двери — застекленный глазок.

И-да... Однако бывало и хуже.

Иван прислушался, пытаясь определить, где находится. С улицы не доносилось ни звука. Свет падал на пол камеры от фонаря, ободок которого с трудом просматривался сквозь зарешеченное оконце.

От пола до окна — немногим более двух метров. Чугунная мелкаячешная решетка — непонятно для каких целей (в окно не протиснулся бы и ребенок).

Подпрыгнуть, подтянуться, уцепившись пальцами за решетку, и заглянуть в оконце — все заняло у Ивана не более полутора секунд. За окном он увидел освещенную фонарем бетонную стену с колючей проволокой поверху, в три ряда...

Секунду спустя, едва ли не с большей поспешностью наш исследователь отпрыгнул назад и, не заметив как, оказался стоящим на топчане, прижавшись спиной к стенке...

За решеткой слышалось тихое шипение, вернее, тонкий мелодичный свист...

Иван судорожно вздохнул и отер проступивший на лбу холодный пот.

— Веселое местечко! Хорошо, что решетка такая мелкая...

С наружной стороны у окна что-то прошуршало, опять послышалось шипение, и все смолкло.

Так своеобразно — стремительно, веретеном сбоку, не предупреждая, могла атаковать только гюрза. С этими змеями Иван нередко сталкивался в горах Закавказья и неплохо изучил их повадки.

Однако, черт ее задери, как она могла оказаться здесь, в этом краю, где сроду не было ни одного ужа?!

ДОГАДКИ СЕРГЕЯ

...В 12.30 по радио прервали увертюру, затем диктор, испуганно откашливаясь и запинаясь, довел до сведения жителей города, что обезображенный труп Ирины Кречетовой (сотрудники опознали жертву — она работа-

ла в Советском РОВД) обнаружен на территории Северо-Западного района, в одной из квартир готовящегося к сдаче дома... Подробности в следующем выпуске новостей, но почерк преступления свидетельствует, что это все тот же случай...

Сергей, рассеянно слушавший сообщение, к которому в принципе он был готов, внезапно вздрогнул. В течение этих суток детективы Старикова отирались в самых разных местах: на чердаках, в котельных, бойлерных, подвалах, новостройках. Так вот — Сергею досталась именно эта стройка, два готовящихся к сдаче дома...

Вчера с десяти часов вечера до часу ночи он общался с ними и ничего подозрительного не обнаружил! Ничего...

Правда, была одна встреча, которая неприятно поразила Сергея, но не в плане поисков убийцы...

Осматривая дом, сыщик на одном из этажей встретил старого знакомого. Это был бывший его однокашник по мединституту, душа и заводила их прежних совместных вечеринок (а вернее, организатор — его родители частенько уезжали в командировку, оставляя квартиру в полное распоряжение чада).

В отличие от Сергея, отчисленного с последнего курса института за драку на студенческом вечере и в жизни так ничего и не достигшего, Бабинов за прилежание и безудержное обаяние был оставлен в аспирантуре, затем вошел в группу профессора Голованова, прославившегося на весь свет новациями в области нейрохирургии...

В настоящее время Бабинов имел степень кандидата наук, несколько трудов, которые тянули на докторскую, шумный успех аудитории, поклонниц... В общем — процветал...

Эта встреча была неприятна для каждого в равной степени.

История, которая произошла когда-то между ними, была стара как мир. Будь Сергей в то время постарше, ничего подобного бы не случилось...

Девушка, которую он боготворил, которую считал образцом целомудрия и честности, которая дала согласие стать его женой, вдруг пала жертвой пресловутого обаяния Бабинова.

Все было до слез просто и пошло... На том вечере

Бабинов, куражась, объяснял своим приятелям, что никакая женщина не стоит того, чтобы по ней вздыхать и скромно за ней ухаживать. Потому что по природе своей все они ветрены и беспутны, склонны к изменам и различным авантюрам. И в данном случае уместны только обаяние и натиск...

Развивая свою теорию, он приводил множество красочных примеров, которые сводились к тому, что нет женщин неприступных, а есть неумелые мужчины.

Наконец сей искушенный муж предложил в заклад ящик шампанского, с тем чтобы ему завязали глаза, покрутили его, а он ткнет пальцем в пространство.

Так вот, он обязуется в течение трех часов переспать с той дамой, на которую падет выбор, кем бы она ни была! В противном случае шампанское с него. Разумеется, показывать нужно так, чтобы никто из дам не заметил...

Была ли то судьба или черт подрассчитал... Палец Бабинова указал на избранницу Сергея!

Приятели выразили свое сомнение по поводу успешного завершения мероприятия, зная репутацию выбранной жертвы. Сергей стоял ни жив ни мертв... От души веселясь минуту назад вместе со всеми, сейчас он был подавлен и не на шутку напуган — ну кто же мог предположить, что получится такое!

Бабинов, надо отдать ему должное, будучи в курсе сердечных чувств Сергея, по-джентльменски предложил переиграть. Однако этим предложением Сергей был уязвлен в самых лучших юношеских порывах.

Неужели кто-то может подумать, что его девушка, такая чистая и непорочная, клюнет на подобную дичь?!

Он с апломбом заявил Бабинову, что не станет ему мешать, а заодно проверит чувства своей подруги. Для того, чтобы все выглядело более реально, Сергей подошел к девушке и, сославшись на нездоровье, сказал, что уходит домой. И вышел.

Бабинов тут же подскочил к объекту заговора, осыпал фонтаном остроумия, внимания, нежности. Заговорил, затанцевал и... Вскоре они исчезли из актового зала.

Сергей, спрятавшись за колонну у входа, проводил пару внимательным взглядом, чувствуя, что в груди его закипает ненависть к женщинам всего мира, вместе

взятым, а заодно и к себе самому — за то, что согласился на такой эксперимент.

Вернулся в помещение. Вечер был в самом разгаре. Люди танцевали, шутили, жизнь брызгала веселыми искрами стробоскопических зайчиков, мерцала сполохами светомузыки, била по ушам заводной мелодией какого-то лихого танца...

Сердце Сергея разрывалось на части. Он метался по залу, не находя себе места, кусая губы... Что же он наделал?! Горячее воображение услужливо рисовало ему, что сейчас проделывает этот доморощенный дон-жуан с той, которую он сам еще не осмелился даже поцеловать...

Часа через полтора Бабинов вернулся. Один... Сергей, бледный как мел, с искаженным лицом, во все глаза смотрел на него, ожидая приговора...

На лице обольстителя блуждала блаженная улыбка, взгляд был слегка затуманен.

Достав связку ключей, он отделил один и предложил желающим пройтись пару кварталов до его квартиры (родители в это время находились в отпуске).

Так вот, тот, кто возьмет на себя труд пройтись до его квартиры, сможет засвидетельствовать, что девушка... ах, извините — уже женщина! спокойно спит в его постели — утомилась, бедная, и всем довольна...

Желающих, как ни странно, не оказалось. Все молча стояли в напряженном ожидании, переводя взгляды с победителя на Сергея, который, казалось, сейчас упадет в обморок.

Тогда, желая разрядить обстановку, Бабинов сказал, что и без этого сумеет доказать свою победу... Похабно ухмыляясь, сунул руку в карман и извлек на свет Божий аккуратный, с кружевами, ажурный лифчик.

О, ГОСПОДИ, ЗА ЧТО!? Вне себя от горя, уже не в силах сдерживать рыдания, Сергей бросился на Бабинова, молотя кулаками куда попало...

Незадачливый Казанова после того вечера две недели провалялся в больнице. А Сергея с треском вышибли из института.

Причина ссоры, разумеется, огласке предана не была... Вот почему так неловко оба чувствовали себя при встрече. Принужденно улыбнувшись, оба как по команде спрятали руки за спину.

Кандидат пробормотал, что пришел посмотреть

квартиру, которую ему вроде бы должны дать в этом доме. Сыщик что-то буркнул о делах службы. И оба поспешно разошлись...

Все это еще раз промелькнуло перед мысленным взором Сергея, когда он мчался в такси на место происшествия.

Возле дома стояли безмолвная толпа, две канареечного цвета патрульные машины и не вписывающаяся в обстановку трагедии грязная бетономешалка.

На подступах к подъезду оставалось оцепление, дожидаясь, когда квартиру опечатают.

Сергей, показав удостоверение сыскного агентства, был с неохотой пропущен. В несколько секунд он взлетел по лестнице до шестого этажа.

Из открытой двери квартиры выходили члены опергруппы, закончившие работу на месте преступления.

— НУ?! Что ТАМ?! — Метнулся навстречу инспектору, которого хорошо знал по некоторым совместным делам. На хмуром лице Костенко застыла горькая гримаса. Он вяло пожал протянутую ладонь и махнул рукой:

— Все то же. Ни малейшего следа... Но — ОН... Точно ОН!

Сергей растерянным взглядом оглядел площадку, дверь в квартиру, где было совершено ЭТО... Дверь. Секунду... Да ну, в самом деле, чего это он... И все же...

— Доктор! Когда наступила смерть? Ну... примерно хотя бы?!

— Уважаемый, я вовсе не обязан... — напыжился было эксперт.

— Да скажи ему, Семеныч, — перебил Костенко, — это от Старикова, они тоже сейчас ЕГО работают.

— Потом определим точно. А вообще где-то между восемью и девятью вечера.

Сергей ошалело помотал головой. Неужели... В эту квартиру он не заглядывал, даже не пытался толкнуть дверь, убедившись, что остальные заперты, очевидно, потому, что уже готовы к сдаче.

— Квартира была заперта? — вдогонку спускающейся опергруппе.

— Нет! — Отозвался через два пролета Костенко. — Она еще не отделана. — Вот ведь как... Встреча с бывшим коллегой произошла между пятым и шестым этажом... Около девяти вечера...

Значит, он осматривал дом, а убийца, возможно, еще сидел у тела жертвы, за дверью, которую он не догадался толкнуть. У Сергея по телу пробежал озноб.

Да, сидел за дверью... Или... Или спускался по лестнице?!

СПУСКАЛСЯ ПО ЛЕСТНИЦЕ!!!

ЭХО ЗАКАВКАЗЬЯ

После бессонной ночи Иван выглядел мрачно-помятым. Его заросшее щетиной лицо, в обычное-то время не располагающее к откровенности, сейчас вообще не оставляло надежд на возможность разговора по душам. На руках и ногах его были кандалы.

Сидящий напротив человек некоторое время изучающе рассматривал его, затем хмыкнул. Судя по тому, как доставившие пленника в кабинет громилы наблюдали за выражением его лица, он был здесь одним из главных лиц, а может быть, и самым-самым.

— Добрый день. Я приношу свои извинения за временную несвободу конечностей. Это чтобы вас не мучила мысль о попытке уйти не попрощавшись. Наслышаны о ваших способностях. Да... Ну, без обиняков — к делу. Итак, вы — Иван Николаевич Андреев?

— Ну, допустим, — хмуро процедил Иван, — а вот с кем имею честь, простите?

— Тссс... Тихо, молодой человек, — прервал хозяин кабинета, — давайте сразу условимся — вопросы здесь задаю я... Во избежание каких-либо эксцессов...

— В таком случае, предупреждаю — без адвоката и представителя независимой прессы ни на какие вопросы отвечать не собираюсь! — запальчиво выступил Иван.

— Фи-и-и... Какое неуместное позерство! Какой ненужный апломб... — Собеседник Ивана поднялся из небольшого кожаного кресла, стоявшего перед старым письменным столом, и начал медленно расхаживать по кабинету, потирая ладошки.

Роста он был ниже среднего, сухощав, абсолютно лыс, и физиономию, представьте себе, имел мало того что пренеприятную, но к тому же совершенно желтого цвета. Заметив взгляд Ивана, хозяин кабинета нахму-

рился и встал напротив окна, чтобы уличный свет мешал рассматривать его.

— Мне нужна от вас информация конфиденциального характера, не содержащая государственной или военной тайны и не представляющая никакого интереса для разведок западных держав. Кстати, что это вы такое знаете, что можно скрывать? Вы меня интригуете... Если вы откажетесь отвечать, вашим адвокатом, а также представителем прессы будет вот это...

Желтый подошел к столу с продолговатой стеклянной крышкой, на которой в упорядоченной последовательности лежали щипцы, пилки, всевозможных форм хромированные ножи и еще какие-то инструменты, предназначение которых Иван сначала не понял.

— Эта коллекция инструментов, сделанная специально по моему заказу, — орудия пыток. — Желтый нехорошо передернулся и оскалил зубы в сладострастной ухмылке. — Я уже предвкушаю, как вы будете кричать и дергаться... Очевидно, вам будет немного неприятно. Хи-хи...

Иван внимательно посмотрел на хозяина кабинета, затем перевел взгляд на сверкающие хромом инструменты. Почувствовал вдруг, как по позвоночнику пробежала неприятная дрожь. Кто его знает, чего можно ожидать от этого... Даже на первый взгляд на садиста смахивает.

— Ну... Зачем же утруждать себя! — Он нервно усмехнулся. — Я и сам... Валяйте, спрашивайте.

— Ну вот и чудесно! — Желтый довольно потер ладошки.

— Итак, вы — Иван Андреев, командир роты спецназа, приехали в отпуск, навестить родину и, так сказать, почтить память усопших родителей...

— Без «так сказать», — набычился Иван, — давайте к делу.

— Ну хорошо, хорошо... Осенью прошлого года вы выполняли какие-то задачи со своим подразделением в горах Нахичевани — в районе пограничного конфликта между нашими двумя республиками. Верно?

Иван усмехнулся. Ну, конечно... Чего, интересно, он там такое натворил?

— Было дело. Выполнял. Связей, порочащих меня, не имел. Боеприпасы и оружие не продавал. Невинных не...

— Тихо, тихо, молодой человек.— Желтый недово-
льно поморщился, резким жестом маленькой ладош-
ки давая понять, что не одобряет Иванова красноречия.

— 16 августа прошлого года вы попали в плен к
боевикам. И провели там четверо суток. Расскажите,
пожалуйста, подробнее об этом эпизоде.

Иван несколько сконфузился. О таких страничках
своей биографии он предпочитал умалчивать...

В тот день он с отделением выехал на несложную
операцию — освобождение заложника. Даже слишком
громко сказано — операция! Нужно было просто съез-
дить в армянский поселок и забрать одного пастуха,
которого захватили неделю назад, а сейчас согласились
отдать в обмен на боевика, по пьяному делу забредшего
на войсковой пост...

При въезде в поселок БТР внезапно окружила толпа
женщин и детей. Пришлось остановиться.

Дальше все шло по накатанному сценарию. Откуда-
то появились боевики, один из них залез на борт и
предложил альтернативу — просунув в люк оборонитель-
ную гранату с выдернутой чекой. Либо они выкладыва-
ют оружие на броню и не торопясь выбирают по
одному, либо он бросает гранату... Присутствие в БТР
земляка его абсолютно не смущало — если надо, пусть
помирает во благо Великой Армении.

Пришлось сдаться, чтобы избежать кровопролития.
Солдат раздели до трусов, посадили в грузовик и отпра-
вили обратно. Ивана отвели в сарай и держали там
четверо суток, пока шли переговоры об обмене осталь-
ных боевиков, ранее задержанных на границе...

— Как обращались? Хм... Прекрасно! Веселые ребя-
та, с богатым чувством юмора. Все шутили — каждое
утро выводили к скале, читали приговор — именем Ве-
ликой Армении и выпускали несколько очередей поверх
головы. С боеприпасами у них без проблем... А так, в
общем, нормально все. Даже заботу проявили — среди
них был один студент-востоковед, так вот по его насто-
янию прописали курс лечения методом восточной ме-
дицины. С пищей, говорит, в организм поступает масса
токсинов, шлаков и прочих вредных веществ... Так вот —
на четыре дня предоставили прекрасную возможность
обходиться без этих вот токсинов и всего прочего —
здоровей, не хочу...

Заметив недоуменный взгляд Желтого, Иван пояснил:

— Ну... В общем — жрать не давали!

— Ээээ... Там, в сарае... Вы там один находились? С вами никого не было? — поинтересовался Желтый.

— Один? Нет... Там еще один мужик был — раненый. Мммм... Он, этот мужик, вообще странный тип... был.

— БЫЛ?! — с нетерпением переспросил Желтый.

— Ну... Понимаете... Давайте по порядку. Сарай — единственное место в том селе, где вообще можно было содержать кого-либо. Когда меня поместили туда, там находился еще один человек. Как потом выяснилось, этого мужика случайно ранили боевики. Он был иностранец — немец, по-моему. Кстати, в этом сарае он пролежал всего несколько часов. Как потом наши говорили, это ученый с мировым именем — искал чего-то в горах... Ну и ехал себе через пограничную зону. А у них, у боевиков, там пост стоял — типа КПП что-то. Ну... Часовой дал отмашку, машина не остановилась... Очередь по колесам. Одна дурная пуля срикошетила в голову... Пока разобрались, что к чему, пока сообщили куда следует, он и лежал в сарае.

— А что было потом?

— Со мной?

— Нет, с этим... иностранцем.

— Ну, не могу утверждать, что это достоверный факт, но когда меня обменяли, наши потом говорили, что машина, которая перевозила этого дядю в предгорье, свалилась в пропасть... Все, кто в ней был, погибли... А может, помог кто свалиться.

— Аааа... Вы, э-э... — Желтый нервно откашлялся, — вы не разговаривали с этим... Ни о чем не говорили?

— Да как я мог с ним разговаривать? — удивился Иван. — Он без сознания лежал, вернее, был в невменяемом состоянии, бредил все.

— И вы не можете... — Желтый судорожно защелкал пальцем, — не вспомните — пусть приблизительно, содержание этого бреда?

— Эк вы хватили! — Иван рассмеялся — до того наивным казались ему потуги хозяина кабинета вернуть к жизни эпизод годичной давности, не имеющий как будто никакого значения.

— Он же на немецком бредил. Это я по отдельным

словам понял — в кино, помню, слышал... В школе и училище я английский изучал, и то могу только — «руки вверх» и «кто командир вашего подразделения»... А вы говорите! А вообще — одну фразу он повторял особенно часто, как заведенный. Какие-то цифры — «айн» точно было, остальное не знаю.

— И вы говорите, он часто в бреду повторял эту фразу? — По вкрадчивости тона можно было предположить, что Желтый очень хочет получить положительный ответ. Было видно, что он внутренне напрягся, как кошка перед прыжком... Да, кошка эдакая, выкрашенная дворовыми хулиганами в желтый цвет, пакостливая, вероломная тварь. Черт его знает, повторял тот немец эту фразу или нет? И как часто? Подыграть?

— Да, конечно!!! Как заведенный! Всю дорогу повторял! Постоянно бубнил.

— Прекрасно! От-т-т-лично!!! — Желтый возбужденно потер ладошки, скорчил свою отвратительную физиономию в отвратительной гримасе, которая, по всей видимости, означала улыбку торжества, вскочил с кресла и забегал по комнате перед Иваном. Похоже, что-то придумал...

— Что прекрасно? — поинтересовался Иван. — Вы будете пытаться меня до тех пор, пока я не заговорю по-немецки, и желательно, конечно, на мюнхенском диалекте?!

— Да нет, мой юный друг! — Желтый игриво подмигнул, чего ему, наверное, делать не следовало — так страшно перекособочилось его желтое зеркало души, вы сами все расскажите, без всякого нажима.

— Как это?

— Да просто все! Элементарно... Мы дадим вам кое-какие медикаменты, абсолютно безвредные для организма. Введем в гипнотический сон, настроим соответствующим образом, и вы воспроизведете фразу, которая нас интересует. Да... Фразу. А мы отпустим вас домой. И даже подвезем.

— Хм... Это и все, что вас интересует?

— Да, конечно! Больше от вас ничего и не требуется... Или вы воображаете себя какой-нибудь необыкновенно важной персоной, которую стоит похищать для...

— Так какого хрена?! — Внезапно обиделась «персона». Приехали черт знает во сколько, повязали, в воню-

чую кутузку запихали! Змеями травят! Катафалк, зомби какие-то...

— Что вы сказали?! «ЗОМБИ?!» — Лицо Желтого застыло в страшной гримасе...

— Да, мой юный друг, нервишки у вас не того... Это у вас воображение разыгралось! Зомби! Надо же, а... — Желтый с трудом справился со своей физиономией и попытался изобразить улыбку.

— Видите ли, информация эта сугубо конфиденциального характера. Мы очень боимся огласки. Поэтому пришлось разыграть небольшой спектакль. Если что не так — извините. Как только мы добьемся результата, вы свободны. Итак — за дело...

С Ивана сняли наручники и, оставив на ногах кандалы, усадили поудобнее в кресло и дали две конусообразные пилюли розового цвета.

— Глотайте, не стесняйтесь. Это всего лишь транквилизатор для буйных, — пошутил Желтый, — не волнуйтесь, травить вас не в наших интересах...

ЛОВУШКА

....Проверить тот факт, что Бабинозу квартира в новом доме не полагается, не составило особого труда. Это отняло у Сергея с полчаса — несколько звонков по хорошо налаженным каналам, пятиминутный разговор с делопроизводителем жилотдела (пришлось наврать, что звонит член жилищно-бытовой комиссии института) — вот и все...

Он так был почти уверен в этом. За время работы в сыском агентстве у него выработалось особое чувство — нюх на криминал. Если бы на месте Бабинова оказался любой другой, Сергей не колеблясь бы поделился своими подозрениями с шефом. Тем более такая веская улика — факт нахождения в доме, где в тот вечер произошло преступление. Но в данном случае здорово осложняли дело личные отношения. Все знают, какую роль сыграл Бабинов в его судьбе. И если он окажется не прав, воспримут это как личную месть. А выступать в роли эдакого мелочного злобного неудачника, который пытается досадить уважаемому в городе человеку... Поразмыслив некоторое время, Сергей решил пока ни-

кому не сообщать о своих подозрениях, а заняться розыском на свой страх и риск.

Если этот баловень судьбы — то чудовище, он его достанет... И тогда все лавры по праву достанутся ему одному... Сыщик представил себе, как это будет выглядеть, — фотографии его умного аристократичного лица на развороте газет, проницательный взгляд в камеру, предложения солидных агентств, возможно, столичных, полный переворот в его жизни... сенсация...

В противном же случае — все шито-крыто. Никто ничего и знать не будет. Вот так.

План был прост — в предполагаемый день совершения следующего преступления проследить каждый шаг Бабинова. Сделать это будет нетрудно. А так как до этого момента еще целых две недели, можно предпринять что-то еще — не сидеть же сложа руки! Ну, допустим, для начала осмотреть квартиру Бабинова! Эта мысль пришла как-то вдруг...

Зная, что Бабинов живет один, имея лишь постоянно меняющихся подруг, Сергей решил действовать тотчас же. Позвонив в клинику при институте и убедившись, что Бабинов на работе, Сергей экипировался соответствующим случаю образом и отправился в путь. Минут через двадцать он входил в подъезд дома № 25 на улице Зеленой.

Бабинов жил в кооперативной двухкомнатной квартире, оставшейся в наследство от родителей. Поднявшись на площадку третьего этажа, Сергей с минуту настороженно прислушивался. Затем извлек из кармана связку отмычек, позаимствованных как-то давно из криминального музея Деда, который за время своей деятельности насобирав целый арсенал разнообразного хлама и, естественно, не заметил, какого именно номинала в его запаснике не хватает.

Минут пять, которые показались вечностью, Сергей возился с замком — явно не хватало практики. Когда уже начал не на шутку нервничать, замок, наконец, слабо щелкнув, открылся...

Заперев за собой дверь, сыщик перевел дух. Положение явно недвусмысленное... Если его застукают здесь, это будет выглядеть как тривиальная квартирная кража. Поди потом докажи, что не верблюд...

Однако — к делу. Осторожно осматривая квартиру, Сергей с удивлением обнаружил хаос и запустение во

всех возможных проявлениях. Он бывал здесь, но очень давно, еще в студенческие годы. Тогда здесь царили роскошь и комфорт, уют, казалось, пронизывал все пространство квартиры, сюда приятно было приходить, заведомо предвкушая атмосферу благожелательности и радушия хозяев.

Поэтому то, что увидел Сергей, обескуражило его и насторожило. Повсюду пыльная паутина, вещи разбросаны в беспорядке, на кухне — горой грязная плесневевшая посуда, источавшая тошнотворный смрад...

В спальне стоял крепкий запах несвежих носков, дополнявший и без того унылый пейзаж, одной из деталей которого была неприбранная постель с бельем, грязнее которого Сергею видеть еще не приходилось...

Сергей тоже жил один, в однокомнатном кооперативе. Из-за природной лени и безалаберности он с большой натяжкой мог бы считать себя чисто плотным — особенно в сфере домашнего хозяйства. Очевидно, его жилище приобрело бы подобный вид по истечении некоторого времени — сам он практически не убирал и довольствовался постоянно ополаскиваемой под краном чашкой, тарелкой и ложкой, оставив неприкосновенной основную часть посуды. Насчет стирки тоже были проблемы — как, впрочем, и во всех остальных сферах домоводства. Но подруги Сергея, которым доставалась честь посетить его берлогу, всплеснув руками и придя в состояние, близкое к полуобморочному, первым делом занимались наведением генеральной уборки, стирали и вообще приводили его жилище в удобопотребляемый вид, а затем переходили к основной(?) части визита, на которую, как правило, оставалось так мало сил и эмоций. После таких визитов, которые не были частыми, в его жилище где-то в течение недели сохранялся относительный порядок. Таким образом прекрасный пол преподносил положительные эмоции не только в плане физической близости...

При осмотре жилища Бабинова создавалось впечатление, что здесь обитает какой-нибудь австралопитек либо вообще никто не обитает.

А еще можно было предположить, что этого жилища женская рука не касалась как минимум год. Год... Вот уже год, как происходит ЭТО...

Сергей даже передернулся от этой мысли. Спокойно,

сыщик, только не давай волю эмоциям! Так, пошли дальше. Прислушался. Показалось, что на площадке перед входной дверью что-то прошуршало... Да нет, наверное, почудилось.

В спальне на стене висел на тонком кожаном ремешке «поляроид». Шикарная штука. Простому работяге приобрести такую вряд ли по карману...

Открыв верхний ящик комода, сыщик обнаружил беспорядочную кучу фотографий отличного качества, произведенных, очевидно, этим же аппаратом.

Рассеянно перебирая снимки, Сергей увидел пакет из плотной черной бумаги, перетянутой резинкой. Вскрыв его, он вытащил пачку фотографий, запечатлевших прекрасные улыбающиеся лица молодых женщин. Хм... Кажется, Бабинов коллекционирует портреты самых красивых женщин города... Все как на подбор — писанные красавицы.

Просматривая фото, Сергей машинально отметил, что где-то он их уже видел... Что-то в них общее, какое-то сходство по определенному признаку... Нет, не красота. Что-то...

Дойдя до последней в пачке фотографии, сыщик внезапно вздрогнул и выронил ее из рук... Почувствовал, как колкий озноб пробежал по спине, волосы на голове встали дыбом.

Это было фото ИРИНЫ КРЕЧЕТОВОЙ... На обороте надпись — 15 июля. Сергея бросило в жар. Сейчас он вспомнил, где видел всех этих девчонок. Точнее, их портреты в траурной рамке.

На обороте всех снимков стояла надпись — первое либо пятнадцатое число одного из месяцев года.

В это время в замке входной двери тихо щелкнул поворачиваемый ключ.

ЧТО УСЛЫШАЛ ИВАН

Придя в себя, Иван обнаружил, что находится все в той же камере. Мутило. С трудом поднявшись с топчана, сделал несколько шагов к входной двери. Привалился к ней спиной, помотал головой, пытаюсь обрести ясность панорамы. Перед глазами медленно парили мириады белых, медленно исчезающих мошек. Тело

было будто ватное, движения медленные и вялые. Соображая, что это с ним, Иван вдруг вспомнил произошедшее накануне. Разозлился — вяло так, как пьяный вдрызг мужик, внезапно угодивший ногой в ведро с помоями и не могущий без посторонней помощи из него высвободиться. Ну и сволочи! А ведь обещали отпустить. Какого им...

— Эй, кто-нибудь... — попытался он изобразить твердый командирский голос. Не вышло — получился полужадушенный петушиный всхлип... Тишина. Начал стучать по двери кулаком. Немного погодя послышались гулкие неспешные шаги по коридору. Дверь со скрежетом распахнулась.

Во... Опять эти двое мордоворотов.

— Я... хочу провести при... при... тьфу! Брифинг! Тема — варварское обращение с советским офицером в застенках. — И сделал два шага, пытаясь выйти в коридор. Напрасно сделал. Очевидно, эти ребята были не в курсе насчет брифинга, потому что один из них — тот, который оказался поближе, неожиданно провел мощный свинг в левую скулу расслабленного.

Иван как подкошенный рухнул на бетонный пол. Теперь перед глазами поплыли не мошки, а целые сои созвездий, причудливо меняя расцветку и структуру.

Вставать не хотелось. Брифинг проводить — тоже...

— У-у-ублюдки... — простонал, чувствуя, как закипают слезы, — так было себя жалко. — Брифинг — это совсем не то, что вы там себе думаете... Вот тебе и последствия пробелов в политподготовке...

Иван осторожно встал на колени, ощупал быстро распухающую скулу.

— Слушайте, убогие... Передайте своему крашеному шефу, что я хочу с ним поговорить...

Убогие удалились... За ним пришли минут через двадцать. Наручники и кандалы надевать не стали, очевидно, имея в виду его состояние. Повязку на голову — тоже. Это несколько насторожило узника.

Когда вывели его из подвала, вяло огляделся по сторонам. П-образное здание в три этажа, довоенной постройки. Окна во всех трех этажах забраны решетками, окрашенными в белый цвет. Небольшой двор, аккуратно засаженный зеленью, на ровных, как по линейке, клумбах — мрачноватые однотонные анютины глазки

фиолетового цвета. И вокруг всего этого высокая, метра три, бетонная стена с колючей проволокой поверху в три ряда. Пленника завели за угол трехэтажного здания и по асфальтированной аллее потащили в глубину сада или парка — не разобрал, голова моталась в такт быстрым шагам, глаза не успевали зафиксировать расплывающиеся очертания предметов. Остановились у серого приземистого строения, обмазанного мелом или известью, похожего с первого взгляда на гараж.

Открыв дверь, узник с конвоем оказались в небольшой комнате, обитой деревянными панелями. Кожаный диван с продавленными подушками, перед ним обшарпанный стол. На стенах — дрянные картинки эпохи застоя — то ли колхозник с молотом, то ли доярка с тупым огромным серпом. Иван усмехнулся, разглядывая картинки. В это время один из сопровождающих нажал в стене невидимую кнопку — кусок панели с тихим жужжанием отъехал в сторону, обнажая чрево освещенной изнутри кабины, похожей на телефонную будку. Пленника завели в кабину. Кусок стены с шипением встал на место, кабина плавно ухнула вниз.

— Во, мрази, — отметил Иван, удивившись, — лифт! Ловко устроили, твари...

Лифт медленно скользил вниз. По скорости движения было трудно определить, на какой глубине он остановился. Дверь опять бесшумно отъехала в сторону, пропустив находящихся внутри в длинный, освещенный тусклыми лампами дневного света коридор с низким сводчатым потолком.

Пройдя по коридору, они остановились у большой двери, обитой материалом, похожим на войлок, и ввели Ивана в неожиданно большое, с высоким потолком помещение.

Здесь царил идеальный порядок. Стены, пол и потолок были выкрашены в отливающий тусклым блеском белый цвет.

По стенам — стеллажи с аппаратурой, стойки с ретортами, колбами, пробирками, в которых хранилась жидкость самых разнообразных оттенков.

Посредине находилось устройство, похожее на кресло стоматолога, — Иван сиживал на таком, когда ему выдирали зуб, давно, еще в школе.

При первом же взгляде на это кресло Иван почему-то почувствовал, что от него исходит опасность.

Двое быстренько подхватили узника и попытались усадить в кресло. С первой попытки не получилось — он уперся, растопырив ноги и руки, крестообразно застряв на подлокотниках. Заломав растопыренного, все-таки втиснули его в объятия кресла, затянули на руках и ногах ремни, видимо, специально предназначенные для подобных целей.

Вяло рванувшись пару раз, Иван затих. Через некоторое время откуда-то возник маленький человек с желтым лицом. Улыбаясь, он уселся верхом на небольшой табурет с колесиками и, смешно отталкиваясь ногами, вплотную подъехал к распростертому в кресле пленнику.

— Приветствую вас, мой юный друг... Упреждая ваши вопросы, спешу заверить, что это — последнее испытание, после которого вас ожидает долгожданная свобода. Это вызвано необходимостью, поймите нас правильно...

— А я думал, что вы меня прописали при вашем учреждении. — Криво ухмыльнувшись, Иван хотел было уже сказать Желтому все, что он о нем думает, используя непечатные обороты речи, но наткнулся на настороженный, колючий взгляд — взгляд маленького хищного зверя, который сквозь прутья решетки смотрит на хозяина, раздумывая, укусить его за руку, которая протягивает лакомство, или взять то, что предлагают...

Желтый встал с табурета и, пробормотав: «Сейчас, сейчас все узнаете, подождите немного», — стал расхаживать перед креслом, периодически поглядывая на часы.

— Что узнаю? — не унимался Иван. — Опять меня будете пилюлями пичкать? Хотите наркоманом сделать? А потом кр-рутой репортаж устроите? Скандал в печати? Советский офицер — наркоман!...

— Перестаньте! — Желтый нетерпеливо топнул ногой. — Никакого брифинга не будет, — при слове «брифинг» Иван недовольно поморщился, — у меня в отношении вас совсем другие планы...

Тут Желтый уставился на Ивана, буравя узника своими бусинками, в которых ни с того ни с сего вдруг запрыгал какой-то сумасшедше-ликующий огонек.

— Знаете ли... Я сейчас расскажу вам кое-что очень интересное. О-о-очень... Вы даже себе не представляете, какое это удовольствие — совершенно правдиво, не та-

ясь, рассказывать ЕЩЕ ЗДОРОВОМУ человеку про ЭТО... — Под сверлящим взглядом ненормальных бусинок Иван почувствовал себя совершенно беспомощным...

— Так вот,— продолжал Желтый, потирая ладошки и довольно покачивая прямоугольным черепом,— один мой приятель — известный нейрохирург — придумал забавную штуку. Собственно, это придумал я ... Но, надо признаться, в нейрохирургии я дилетант. Он, этот мой приятель, просто развил мою мысль, обработал ее профессионально, и... получилось гениальное открытие! ГЕ-НИ-АЛЬ-НЕЙ-ШЕЕ!!! Этого мировая практика не знала. Были жалкие потуги добиться чего-то похожего, но — увы... А у нас вот все вышло как хотелось. Уж очень нестандартные были методы, да и база для испытаний — широчайшая. Ну, не будем углубляться в подробности. Вкратце: на голове, в определенном месте, пробивается дырочка — ма-а-аленькая такая дырочка. Затем немного работы лазерным скальпелем, вот он, красавчик.— Желтый подошел к приспособлению в форме конуса на штативе, с толстым пучком разноцветных кабелей, отечески обнял его и погладил по матово блестящей поверхности.

— Мне стоило огромнейшего труда заполучить сию штуковину! Так вот, после некоторых манипуляций с серым веществом в человеке происходят необратимые изменения. Человек становится роботом, способным действовать по заданной программе... Ключом к программе является набор слов, который вводится в сознание, одурманенное наркотиком непосредственно сразу после операции.

По истечении некоторого времени сознание почти восстанавливается. Почти. А ключевой набор слов навсегда останется в подсознании.

При произнесении ключевой фразы человек сразу же выпадает из реальной обстановки. Затем ему дается какое-нибудь задание. Ну, например: сегодня в 12.00 пойти туда-то, найти того-то, убить его и через минуту после выполнения задания забыть, что вам это поручили... Просто, да? Вы живете себе спокойно до 12.00, ни о чем не подозревая, затем, когда пробил установленный час, работаете по программе. Потом все забываете и продолжаете жить как обычно... Ну, разумеется, уточняются все детали дела, потому что в «выключенном»

состоянии человек полностью нацелен на выполнение задачи и самостоятельно принимать решения не способен. Кроме того, он не испытывает в этот момент никаких эмоциональных переживаний, не чувствует боли, страха... Зато показывает феноменальную память: в «выключенном» состоянии прочитать ему несколько страниц текста и приказать вспомнить его через десять лет в определенный час, — будьте уверены, вспомнит все до последней буквы. В общем, робот целевого назначения, послушная игрушка в руках оператора...

Набор слов подбирается такой, что риск произнесения его посторонним лицом практически исключен. Ну, допустим, — Чайковский — Водочка — Задница — Уимблдон — Паровоз... Не правда ли, забавно? — Желтый зашелся в отвратительно икающем смехе.

— Зачем вы мне это рассказываете?! — У Ивана на ватной спине медленно проступала испарина липкого страха. — Вы что, меня тоже...

— Ну зачем же перебивать, молодой человек? К вам мы еще вернемся... Так вот, до того, как мой приятель разработал этот способ, мы пользовались обыкновенным кодированием, — наверное, слышали? Обычное погружение пациента в состояние гипноза с последующим введением какой-либо установки. Но это было очень ненадежно. Во-первых, далеко не все в равной степени подвержены гипнотическому воздействию. Во-вторых, любой хороший специалист, приведя пациента в необходимое состояние, может узнать у него ключевые слова и произвести раскодирование...

Вы спросите, для чего это мне? Нет, я не собираюсь заниматься мелким мошенничеством — грабить банки и так далее... Это мелочи, хотя в начале своей карьеры мне приходилось проделывать подобные штуки. Сейчас я пока тренируюсь, знаете ли. Это первые шаги. Конечная же цель — мировое господство... Да, да — господство над всем миром. Я, представьте себе, такой маленький, такой невзрачный, обожаю власть...

Хочу создать общество, во главе которого буду стоять я! Общество, в котором лучшие будут мыслить, творить, наслаждаться всеми утехами, которые пожелают... Вот вы, например, можете себе позволить роскошь каждый день развлекаться с ма-аленькой хорошенькой девочкой, лет десяти, а? Каждый день с новой, а? А потом медленно разделывать ее на части? Хи-икх-икх... —

Опять пришло
предрадо до сна
— А я слышу
чего они говорят
подскажет
при этом они
кого зависят от
всем, что имеют.
Они будут обожать
и остановился пер
глаза наблюдают за
Желтый счнулся
тоном:

— Необходимое
во благо элиты. Со
во, производство —
мире — мире раба
по-своему будут сч
такая пакостная шт
не имеет и все
продрожавший вес
стыни, если его за
потрохами, будет в
омер, купающийся
когда узнает, что
упали в цене на м
счастливы, потому
сти — жрать и раз
будут стремиться к
вокруг — разве боль
страны существует
всего прочего, одол
обусловленных нал
завтрашним днем,
представление о че
дывают те, кому он
те, кого они растят
они выбирают... У
для человечества, я
и элита!

Мир уже знает
Правда, там рабы
как у вас выражаю
Остальных я у

Опять приступ икающего смеха, от которого Ивана продрало до самого желудка.

— А я смогу дать своим подданным и это, и все, чего они пожелают. Они смогут забавляться так, как им подскажет самая дикая и необузданная фантазия. Но при этом они каждую секунду будут помнить, что все-цело зависят от меня, что только мне они обязаны всем, что имеют, что они — мои ничтожнейшие рабы... Они будут обожествлять меня!!! — Желтый закрыл глаза и остановился перед креслом, в котором Иван во все глаза наблюдал за размечтавшимся монстром...

Желтый очнулся от мечтаний и продолжал деловым тоном:

— Необходимое количество рабов будет трудиться во благо элиты. Сфера обслуживания, сельское хозяйство, производство — да мало ли? Они будут жить в своем мире — мире рабов, даже не сознавая этого. И даже по-своему будут счастливы. Ведь что такое счастье? Это такая пакостная штука, которой никто не имеет... Никто не имеет и все к нему стремятся — нищий старик, продрожавший весь день на морозе в ожидании милостыни, если его завести в тепло и накормить вонючими потрохами, будет воображать, что он счастлив; миллионер, купающийся в роскоши, может умереть от горя, когда узнает, что 50 % акций всех его предприятий упали в цене на малую толику... А эти рабы будут счастливы, потому что им оставят только две потребности — жрать и размножаться. И удовлетворяя их, они не будут стремиться к чему-либо большему... Посмотрите вокруг — разве большая часть населения вашей Великой страны существует не таким же образом? Но их, кроме всего прочего, одолевает масса мелких неприятностей, обусловленных наличием эмоций и чувств. Страх перед завтрашним днем, забота о детях и стариках, ложное представление о честолюбии, долге. Кошмар! Их обкрадывают те, кому они безгранично верят, в них стреляют те, кого они растят и кормят, их обманывают те, кого они выбирают... Ужас!!! Да я буду просто благодетелем для человечества, я уверен в этом. Должны быть рабы и элита!

Мир уже знал подобную систему общежития. Правда, там рабы периодически восставали и мочили, как у вас выражаются, своих хозяев. Мои не будут...

Остальных я уничтожу — калек, уродов, цветных,

стариков — в общем, всех лишних... Согласитесь, за последние четыре десятка лет на нашем шарике очень уж много лишних развелось, не правда ли?

Пока у меня есть трудности с самим процессом, мы не можем открыто хватать и оперировать всех подряд. Да и с медикаментами иногда туговато... Но в этом городе я уже имею большой, а главное, заметьте, полезный отряд таких — как вы выразились тогда — зомби.

В обычное время они живут, работают, радуются, как все остальные, а когда поступает команда, делают все, что я захочу. Причем большинство из них занимают важные посты. Да, да — нам стоило огромного труда заполучить некоторых из них. Но результаты налицо. Сейчас, здесь, я могу, если захочу, создать свое маленькое государство. Но это только репетиция в малом масштабе.

Ах, да — о главном. Во время второй мировой войны известный немецкий ученый — Вольфгаузен — величайший физик, химик, хирург, психолог, в общем, человек ужасающего дарования, какие раз в двести лет рождаются, изобрел уникальный аппарат. С его помощью, абсолютно без всякого хирургического вмешательства можно воздействовать на человеческую психику на большом расстоянии и обширной площади. Принцип его действия основан на создании переменного магнитного поля определенных параметров. Посредством его можно сделать все что угодно. Заставить толпу кричать все что пожелаешь, убивать друг друга, бросаться в пропасть... Ну все, все что хочешь. В общем, этот аппарат — неограниченная власть, если он попадет в умелые руки...

Об этом изобретении знали немногие. Волей случая ученый не смог сам сконструировать свое детище — из-за неразвитой техники того времени и отсутствия необходимых материалов. Проект существовал только на бумаге...

В сорок третьем году Вольфгаузену зачем-то понадобилось тайком от властей вылететь в Иран. В принципе я догадываюсь, зачем, но это уже другая история. Она вам вряд ли понадобится. Так вот, где-то в районе Араратской долины самолет потерпел катастрофу. Экипаж, естественно, погиб. Свои документы ученый всегда возил с собой, в несгораемом сейфе — не доверял даже ближайшим коллегам.

Недавно доктор Шеффер — один из бывших ассистентов Вольфгаузена, последний, оставшийся на этом свете, — вышел на след этой авиакатастрофы. Так как документы находились в сейфе, можно пребывать в твердой уверенности, что они целы и по сей день, если их не утащил кто-нибудь с места катастрофы, что так же маловероятно, как то, что я выиграю мировое первенство по тяжелой атлетике...

Теперь о вас. Немец, которого вы видели, находясь в плену, — Шеффер. Фраза, которую он непрерывно повторял в бреду, — точные координаты катастрофы самолета Вольфгаузена, вершина одной из гор Араратской долины. Каким образом эти данные попали к Шефферу, остается загадкой. Не думаю, однако, что, кроме него, кто-то знает об их существовании. На месте бывшего соратника Вольфгаузена я бы тоже помалкивал. Волей случая мы извлекли эти координаты из вашей любезно предоставленной нам памяти.

Информация, полученная благодаря вашей памяти, настолько важна, что вас просто необходимо было э-э... умертвить. Да, да, не делайте, пожалуйста, круглые глаза — в сравнении с глобальностью сведений, полученных нами, ваша жизнь абсолютно ничего не стоит...

Однако при всех моих недостатках, которых, надо вам сказать, довольно много, я очень практичен... Поэтому я очень экономно и целесообразно расходую человеческий материал — только по мере необходимости его использования... А вы нужны мне в живом виде. Через свои каналы я навел справки: вскоре подразделение, которым вы командуете, вновь отправится в Закавказье, как раз в тот район, который меня интересует.

С вашей помощью мы надеемся без помех пробраться к желанной цели через зону пограничного конфликта. О, это будет сложная операция! Но я рассчитаю все возможные варианты. Предполагаю, будет много жертв.

Вы, естественно, будете прооперированы... Прямо сейчас. Вот только появится наше запаздывающее светило нейрохирургии... Что-то долго его нет, — Желтый опять озабоченно посмотрел на часы. — Расслабьтесь, скоро мы сделаем вас — как это... немножко зомби. — И зашелся в тихом икающем взвизгивании...

— Я... Я не верю... Не верю вам... Вы все врете, —

пробормотал Иван, — зачем это вам? Ну?.. обманывать меня? Зачем...

— Да бросьте вы в самом деле! — Желтый перестал смеяться. — За свою сознательную жизнь я отправил в лучший мир столько душ, сколько у вас нет знакомых... А вообще — я любитель... Были великие профессионалы, которые, не размениваясь на мелочи, уничтожали десятки тысяч... И сейчас есть. Под благовидной личиной, респектабельной внешностью, в уютных кабинетах, все вполне цивилизованно... Р-раз! И — вперед, под пули, Отечества верные сыны... Мне, конечно, далеко до них... Пока. — Глазки Желтого замерцали. — А мне, знаете ли, доставляет удовольствие сам процесс... Этапы превращения человека в животное. Гордого, непреклонного, со всеми его амбициями, с постулатами чести и достоинства, в общем — личности с большой буквы — в омерзительнейшее, смердящее потом и кровью ничтожество. Вне лабораторных условий это довольно долгий процесс, ваши чиновники и начальники различных рангов владеют этим искусством в различной степени... Это долго и неинтересно. Но я спешу. Вы уже видели мои инструменты. Это не декорация — я частенько экспериментирую... Но вы нужны мне здоровым. Хи-хи...

От этого маленького, желтого, хихикающего вдруг повеяло смрадным трупом, могильным холодом, леденящим запахом ужаса...

— Ты!!! Ты — маньяк! Ты... Да ты просто псих! У тебя шизофрения! — Иван услышал свой голос, звучащий как бы со стороны... — Мразь желтая! Ну, погоди! Фашист! Ублюдок! Ну, погоди... Не дай Бог мне вырваться отсюда! Не дай Бог! Я тебя, пададь... — И сник. Страшно стало, жутко...

— Ничего, мой юный друг, ничего! Я вас понимаю, у вас истерика. Сейчас явится наше светило головотяпства, и минут через сорок вы будете готовы. А потом я введу вам код. — Желтый, блаженно улыбаясь, потирал руки. — Я все коды придумываю сам. Надо вам сказать, у меня это неплохо получается. Хотите, ваш будет таким: коммунист, порево, сволота, дерьмо, онанизм? Хи-хи-икх, икх...

— А впрочем, я еще подумаю. У меня будет сорок минут. Когда вы придете в норму, вам будет дана команда все забыть — в вашей памяти останется только момент падения с крыльца отчего дома и обретение

сознания в больнице. Это — ваша рабочая версия. А вот, кстати, наше светило...

Иван поднял глаза. В дверях стоял брат его матери, его дядя — Александр Иванович Бабинов...

ВО ВЛАСТИ ВЫРОДКА

Наверное, он так и не стал профессиональным детективом, каковым, несомненно, почитал себя в глубине души... Если верить авторам зарубежных романов, ему, по всей видимости, нужно было многозначительно бросить взгляд на дверь, хладнокровно шагнуть за портьеру и нехотя вытащить пистолет...

Но открытие настолько потрясло сыщика, что он на некоторое время утратил способность соображать и двигаться, а пистолета у него, естественно, не было — ну откуда у нашего частного детектива может взяться пистолет?

Хозяин пришел не один. Двое сопровождавших его молодцев, упакованных в варенку, тупо смотрели на Сергея как на неодушевленный предмет...

— Ну, сиди, сиди, — вопреки ожиданиям, Бабинов не был удивлен присутствием в своей квартире постороннего. — Приди в себя, расслабься... Все-таки выследил. Ну-ну... Ты, Сергей, всегда был очень вдумчивым мужчиной... Очень. Это-то и мешало тебе жить. Относился бы к жизни проще, все было бы в норме. К чему все эти правдоискания, желание докопаться до сути? Кому это нужно? Ну, а теперь — сам понимаешь, обратной дороги нет... Здесь я тебе ничего объяснять не буду — обстановка не соответствует. Сейчас поедem в одно место, там и потолкуем...

— Ты, монстр! Чудовище!!! — Голос Сергея дрожал. — Выродок, надо же... Ты... Да как тебя земля носит?! Я никуда с тобой не поеду! Понял, урод? Если я через полчаса не буду в конторе, мой подробный рапорт, который я написал после того, как видел тебя ТОГДА, будет на столе у начальника милиции, понял?! Я все рассказал шефу! Через полчаса ты никуда не сможешь спрятаться, тебя будут искать все силы города, понял?! Да ну тебя...

— Молчать, легавый! — резко оборвал Бабинов. —

Что ты мне здесь бормочешь?! На столе! Шефу рассказывал... Я достаточно хорошо знаю некоторые психологические нюансы, свойственные уязвленным типам вроде тебя. Ты, естественно, никому ничего не сказал! То, что ты вскрыл мою хату, убедительно это доказывает. Я сильно сомневаюсь, что твой шеф благословил тебя на предприятие, которое, буде оно провалится, сильно подорвет престиж вашей конторы! Ага! Съел? — Сергей, несмотря на нелепость ситуации, мучительно насупился и покраснел, как человек, который не умеет лгать, когда его уличили во вранье. Бабинов, внимательно наблюдавший за ним, увидев реакцию на свои домыслы, победно усмехнулся. — Кроме того, у тебя здесь еще одна нестыковка. У тебя здесь вилочка получается! С одной стороны, не дать повода для обмусоливания своих душевных мук, своей несчастной судьбины, в которой повинен такой негодяй-обольститель! Как же, а вдруг все подумают, что это месть? С другой стороны, лавры великого сыщика покоя не дают. Изловить в одиночку маньяка, которого не в состоянии поймать все силы правопорядка, верно? Такого плохого дядю, который обдирает таких цыпочек...

Договорить он не успел. Тигром бросившись вперед, Сергей схватил его за горло и стал душить, ударяя головой о стену... Спутники Бабинова стояли рядом, равнодушно наблюдая за происходящим. Никто из них и не подумал сдвинуться с места. Впрочем, Сергей этого не замечал. Всю силу своей ярости он сосредоточил в схватке, вся его мыслящая энергия сконцентрировалась в кончиках пальцев, впившихся в кадык врага... На секунду он ослабил руки, собираясь с новыми силами для рокового нажима. Этого было достаточно, чтобы удушасмый, страшным усилием отодрав руки сыщика от горла, прохрипел:

— Возьмите его!!!

Краем глаза Сергей увидел, как двое медленно переместились ему за спину, исчезнув из поля зрения. Сильные руки схватили его, оторвали от полузадушенного.

— Дай! — хрипло, неразборчиво, держась за горло, Бабинов не кричал, а шипел, как мерзкая гадина с перебитым хребтом, — дай ему по черепу!

Страшный удар обрушился на голову, брызнули искры, все погрузилось во тьму. Последнее, что он запомнил, — острый приступ внезапно подкатившей тошноты...

ОПЕРАЦИЯ

— Какая встреча! Ванюшка! Здравствуй, племяш, здравствуй, дорогой! Рад тебя видеть! — А.И., лучезарно улыбаясь, подошел к креслу и погладил племянника по голове.

— Согласись, что весь этот ужасающий груз слишком тяжел для твоей неокрепшей юной головки! Сейчас я ее быстренько обработаю — и живи себе спокойно дальше, радуйся, воюй во благо интересов большой политики, крой телок, в общем — не переживай по пустякам!

Потрясенный Иван не мог поверить себе. Он вслушивался в голос дяди, силясь понять — не сон ли это он видит? И как могла такая чертовщина присниться во сне?! Когда А.И. умолк, Иван едва слышно пролепетал: — И вы... И вы — тоже?! Вы заодно с этим?! Так это вы — тот самый гений, который изобрел ЭТО?! Вот это...

— Ну-ну, полегче, — слегка прикрикнул А.И., как на капризного ребенка. — Ты просто не в состоянии осмыслить происходящее. Да оно и понятно, что можно ожидать от человека, которого с детства травил социализмом? Ничего, все преходяще, друг мой! Кто знает, может быть, ты со временем будешь гордиться тем, что твой родственник — один из людей, вершащих судьбы мира! Может быть. — Тут А.И. гордо приосанился и расправил плечи.

— Вы что, тоже всерьез верите всей этой мути?! — Иван понемногу пришел в себя, точнее, перешел от состояния прострации к какому-то хулиганскому веселью, близкому к помешательству. — Верите, что можно осуществить ваш проект?! Ха-ха-ха! Ой, не могу! Ну и компашка! Надо же, управлять миром собрались! Шизики! А-ха-ха-ха... — Тут Ивана понесло. Он кричал что-то труднопонимаемое, вставляя хорошо различные непечатные обороты. — Да вы мрази — так-перетак! Ха-ха-ха! Да у вас тут у всех крыша набекрень! Ха-ха-ха... — Его знобило в истерике...

А.И., молча раскачиваясь, как кобра перед жертвой, некоторое время наблюдал за происходящим. Вскоре, однако, ему это надоело. Он взял со стеллажа маску с резиновым шлангом, на конце которого был небольшой баллон. Прижал на секунду к лицу бесну-

ющего племянника, повернул вентиль на горловине баллона.

Острая струя чего-то резкого ударила в нос... Полегчало. Стеллажи с аппаратурой поплыли куда-то в разные стороны. Все вокруг медленно погружалось в белый туман.

Угасающий Иван, глупо улыбаясь, спросил:

— И вам не совестно долбить дырку в голове родственника?

Последнее, что он запомнил сквозь темную пелену, мягким покрывалом накрывшую сознание, были слова А.И.:

— Шеф, пусть через полчаса притащат этого сыщика. Пока вдохновение есть, обработаю и его...

В ЛЕДНИКОВОЙ ЧАШЕ

...Он не помнил, сколько времени прошло с момента катастрофы — яркой вспышки, возникшей от столкновения летящего самолета с горой... Зато прекрасно сохранил в памяти свои действия в те минуты...

За секунду до того, как их самолет врезался в заснеженную вершину, внезапно возникшую из молочного облака спереди по курсу, Себастьян, механически повинаясь отработанной инструкции, успел открыть аварийный люк, возле которого сидел, и выбросил свое тело из машины.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит посреди вогнутого, как чаша, ледника, на склоне горы... Чуть выше, метрах в ста пятидесяти, почти на самой вершине, виднелся остов обугленного самолета...

Себастьян почувствовал, что у него сломаны правая голень, рука и несколько ребер. Вернее, даже — не почувствовал... Он просто знал это. Боли не было. Не было и ощущения тела. Вообще не было никаких ощущений...

Юноша подумал, что, может быть, он уже умер... Он вдруг вспомнил, что видел момент катастрофы как будто откуда-то сверху, со стороны. Столкновение, взрыв и разлетающиеся в разные стороны горящие обломки... Свое тело, ударяющееся о наклонную грань вершины и скользящее по склону во впадину... Затем —

черный провал небытия. Еще он помнил, что через некоторое время с ним случилось нечто похожее на пробуждение, но как вспышка внезапно отпрянувшей от реальности субстанции его бывшего Я... В тот момент облако, окутывавшее вершину, рассеялось. Ослепительные, нестерпимо яркие солнечные лучи пронзили его тело, многократно отражаясь от огромного зеркала ледника, ощутимо вонзаясь миллионами тонких отточенных скальпелей... Он как бы попал в фокус, в котором сосредоточились потоки солнечной энергии огромной мощности... Эта энергия пронзала его тело, его мозг, каждую клеточку существа, наполняя какой-то легкой, животворящей силой. Потом — опять провал в мягкую бархатную мглу...

Очнувшись взаправду, Себастьян заметил, что не чувствует боли. И он знал, почему: потому, что отключил поврежденные участки тела от системы ощущений! Все получилось так просто и естественно, как будто он делал это всю жизнь...

Одновременно с тем, что было перед глазами, Себастьян видел окружающее на несколько километров вокруг, как бы с высоты птичьего полета. Очевидно, его мозг еще не приспособился к этому второму зрению — краски смешивались, детали ландшафта то расплывались нечеткими контурами, то вдруг обретали необычайную ясность. Иногда перед глазами плыли полосы всех цветов спектра, на фоне которых проступали белые пятна с теновыми обводами...

А еще... Он чувствовал структуру горы! Ощущал монолитную толщу каменной массы, разрезы рудных жил, где-то далеко, в глубине, пещеру со всеми изгибами, пустотами и нишами, родник, пробивающийся из чрева горы по выточенному за сотни лет узкому руслу, даже несколько клубков змей, впавших в спячку...

И все это не удивляло Себастьяна. Он знал, что все это спало в нем. И вот сейчас эти, неведомые до сей поры, свойства пробудились благодаря тому, что он попал в фокус огромной линзы, оптического преобразователя, каковым явилась ледниковая чаша, пропитавшая его солнечной энергией...

Осмыслив происшедшие с ним перемены, штурман вернулся к своему состоянию. Он чувствовал, что запасов энергии для поддержания температуры тела и функционирования внутренних органов хватит нена-

долго. Можно было, конечно, отключить систему дыхания, кровообращения, остановить сердце... Но здесь, на этой вершине, никогда не появится ни один человек, чтобы потом оказать ему помощь. Постоянная температура ледника не дает телу вырваться из состояния анабиоза... Между тем организм сигнализировал — необходима пища, калории для восстановления работоспособности.

Нужно было спуститься вниз, туда, где был материал для восполнения энергозатрат... Для передвижения необходимо прежде всего восстановить сломанную голень. Себастьян ни секунды не сомневался, что сможет это сделать. На это уйдет треть энергии, что у него осталась. Рука пока подождет. Оставшиеся две трети энергозапаса понадобятся, чтобы спуститься до первой норы со спящими змеями — он с точностью до десятка сантиметров чувствовал, где она находится, в трехстах метрах ниже. Более ценного источника калорий поблизости не было...

Ну что ж. Проба... Себастьян сосредоточил внимание на переломе, направив в это место поток концентрированной энергии. От напряжения на лбу вздулись вены. Голень подрагивала, как будто через нее проходил заряд электричества огромной мощности. Одновременно здоровой рукой Себастьян массировал ногу, прижимая ее к матовой ледяной поверхности чаши, чтобы сломанные части соединились как можно точнее... Через минуту он почувствовал, что кость срослась! Расслабившись, отер проступивший на лбу пот. Да, кость срослась, ткани зарубцевались, соединились лопнувшие сосуды... Все было в норме. Однако... Включил участок в систему болевых ощущений. Охнул от резкой боли, поморщился, постепенно привыкая. Осторожно встал, несколько раз согнул и разогнул ногу, попробовал, ковыляя, пройтись. Попрактиковавшись несколько минут, понял, что в состоянии нормально передвигаться — кость ломило, была тупая саднящая боль в месте перелома, но в целом нога функционировала нормально.

Безошибочно выбрав доступный для спуска путь, штурман начал потихоньку передвигаться вниз, цепляясь за неровности и выступы во льду здоровой рукой, — склон становился по мере движения все более крутым. При этом тело делало все с точностью и

координацией хорошо отлаженной машины. Себастьян занимало совсем другое — только что проведенная им операция по заживлению ноги. Как так получилось?! Почему он был уверен, что сделает это? Даже не уверен — просто сознание, зафиксировав ситуацию, само, без вмешательства консервативного рассудка, который в принципе абсолютно не был готов к решению подобной проблемы, выдало необходимую схему действий. Надо будет последить за собой повнимательнее, вдруг, наряду с этими чудесными приобретениями, солнце снабдило его какими-нибудь непредсказуемыми пакостями...

Через час, добравшись до норы, Себастьян откопал снег и извлек замерзший клубок змей. Десантным тесаком, который, по счастью, не вывалился из ножен во время падения, не торопясь, аккуратно разделал самую большую гюрзу, немного повозившись, удалил ядовитые протоки, железы (он, как через рентгеноскоп, видел строение змей — ядовитые части мерцали фосфоресцирующими линиями) и спокойно начал поедать холодное мясо. При этом, в очередной раз удивившись, штурман заметил, что не чувствует какой-либо брезгливости или отвращения — просто поглощал калории, вот и все! Насытившись, некоторое время отдыхал, затем, прямо здесь же, поудобнее расположившись, занялся восстановлением сломанной руки и ребер...

С тех пор прошло очень много лет. Себастьян не вел счет времени, он просто чувствовал его — каждую минуту, каждую секунду.

Он жил в большой пещере в самом центре горы — в ее чреве. В пещеру вел узкий извилистый ход, который Себастьян расчистил от камней и сделал удобным для передвижения. Пол своего жилища штурман выстлал ветками кустарника, который обильно рос на южном склоне горы, у самого подножия. С водой проблем не было — несколько источников у подножия давали ее в каком угодно количестве, кристальной чистоты, с удивительными вкусовыми качествами.

Когда он чувствовал в организме нехватку калорий, витаминов или других веществ, необходимых для полноценного существования, находил их, безошибочно определяя местонахождение животных и растений.

Он обнаружил в себе еще одну уникальную способность — заставлять живое существо на расстоянии под-

чиняться его воле. Для этого достаточно было, сконцентрировав внимание на объекте, дать ему ту или иную команду!

Впрочем, к этому Себастьян пришел не сразу. Несколько дней спустя после катастрофы, прогуливаясь возле входа в пещеру, он заметил на склоне соседней горы дикого козла. Сначала штурман рассматривал животное, пораженный красотой силуэта, застывшего, как изваяние. Затем он представил себе как было бы хорошо убить это животное, чтобы вволю поесть свежего мяса. Между ними было несколько сот метров. И вдруг козел задрожал, задержался и свалился в пропасть!

Себастьян долго раздумывал, как распорядиться своим умением. Несколько раз проэкспериментировав, штурман добился наконец желанного результата — теперь ему стоило лишь, сконцентрировав внимание на животном, дать команду приблизиться...

В прежней жизни Себастьян был очень общителен, любил хорошую компанию и чурался одиночества.

Сейчас он не нуждался в обществе — отчасти потому, что был один в незнакомой стране, где всякий встречный мог оказаться врагом. Кроме того, ему как-то вдруг стали чужды мелочные житейские интересы и проблемы людей, равно как и их глобальные политические и военные проблемы...

В общем, к людям Себастьяна не тянуло. Он часто спускался вниз за фруктами, целыми днями бродил по окрестностям. Почувствовав присутствие кого-нибудь из жителей гор, чьи селения были разбросаны на значительном удалении друг от друга, без труда избегал встреч с ними.

В одежде бывший штурман не нуждался. Тело его не чувствовало никакого дискомфорта. Организм сам, без особого труда чутко реагировал на изменения температуры, регулировал тепловой баланс, кроме того, за долгие годы на теле Себастьяна выросла густая шерсть, которая с успехом заменяла одежду и не требовала особого ухода.

Чувства были предельно ясны и чисты, лишены всякого налета обычных житейских страстей. Надо ли говорить, что он никогда не болел, всегда имел прекрасное настроение и спал ровно столько, сколько

требовал не обремененный излишним грузом информации мозг?

Большую часть светового дня Себастьян проводил, сидя в чаше ледника и озабоченно поглядывал на небо, ожидая, когда наступит Момент Полной Солнечной Энергии.

Вскоре он вычислил, что такой момент, несколько секунд, наступает на рассвете, когда нет туч, покрывающих вершину гор, в строго определенное время, в зависимости от меняющихся с сезонами суточных периодов.

Если ему удавалось поймать этот самый Момент Солнечной Энергии, когда светило, неожиданно выпрыгнув из-за горизонта, заливало дно чаши протуберанцами цвета раскаленного металла, Себастьян получал ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения,— в эти секунды он кричал от счастья и скакал на льду, как одержимый... Впрочем, Солнце, даровавшее Себастьяну новые способности, больше ничего в нем не изменило, доставляя теперь только радость — не более.

Черный сейф, который бывший штурман отыскал среди обугленных обломков самолета, он утащил в пещеру и завалил камнями.

Будучи племянником Вольфгаузена, а по совместительству его личным шофером и штурманом самолета, которым доктор управлял сам, Себастьян, разумеется, пребывал в курсе самых сокровенных замыслов и деяний дяди.

Он прекрасно знал, что находится в этом железном ящике. Только благодаря вечной нехватке времени и рассеянности доктора, а отчасти тому, что не было необходимых условий для воплощения его замыслов, аппарат, чертежи которого были в сейфе, так и не родился.

После происшедшей с ним перемены Себастьян, ранее страстно желавший удачи своему дядюшке, думал иначе, чем прежде.

Пусть ящик покоится там, где его никто не найдет. Его содержимое — гораздо более страшное оружие, чем все бомбы мира, вместе взятые. Себастьян не знал про атомную бомбу.

Считая теперь всех людей детьми, делающими пер-

вые шаги на пути к совершенству, он не хотел, чтобы бумаги дяди попали в их руки.

Это было бы все равно что дать пятилетнему ребенку в качестве игрушки осколочную гранату со вставленным запалом...

ТЕКСТ, ЗАПИСАННЫЙ КРОВЬЮ

...Придя в себя, Иван обнаружил, что находится в большой белой палате. Два сводчатых окна были завешаны светло-зелеными шторами, сквозь них просвечивали тени решеток...

Кроме него, в палате был еще один человек, недвижно лежавший на соседней кровати. Голова его по глаза была плотно забинтована. Повязка образовала марлевый кокон. Посмотрев на соседа, Иван тотчас же ощупал свой череп и убедился, что на нем также находится плотная марлевая повязка.

Боль, тупая и ноющая не отпускала.

— Эй... братан! Слышь меня? — позвал Иван вполголоса. От усилия боль толчком ударила откуда-то изнутри по черепной коробке. Сосед в ответ простонал, указав пальцем на свою повязку, и затих, слабо махнув рукой, — дескать, отвяжись.

— Болит? — не унимался Иван, — тяга к общению была еще сильнее боли. — Тебя что, тоже прооперировали? — Никакой реакции. Иван немного помолчал, соображая, и вдруг содрогнулся...

Несмотря на ватную слабость во всем теле, мышцы его напряглись. Прооперировали... ПРООПЕРИРОВАЛИ!!! Значит, он еще не получил команду «забыть», если помнит... Не успел получить. И вообще может не получить, если... Если успеет смыться до встречи с Желтым... Или дядей... Или кем-нибудь еще, кто знает его код. Хотя вряд ли. Желтый не поручит никому такую ответственную задачу.

Мысль созрела мгновенно. Так, так... так. Вырубить того, кто первым придет в палату, переодеться и — двигать, двигать... К выходу двигать. Там видно будет.

А что потом? Нужно обязательно захватить с собой этого парня, который лежит напротив — как его там... Сыщик, вроде? Кажется, так его называл дядька... Обяза-

тельно захватить. Одному доказать что-либо в компетентных органах будет очень трудно. Чего доброго, можно загреметь в психушку — уж больно вся эта история на бред смахивает. А двоим поверят быстрее — случаев массового психоза на одной почве, как утверждает статистика, гораздо меньше...

Преодолевая боль, Иван поднялся с кровати и обнаружил, что он совершенно гол! Это, однако, мало его смутило. Замотавшись в простыню, он подошел к двери и осторожно подергал ручку. Дверь массивная и крепкая, была заперта, как этого и следовало ожидать. Ну что ж... Остается ждать и положиться на волю случая.

Подойдя к лежащему на койке, Иван тихо спросил: — Эй, браток... Ты как — двигаться можешь?

Браток, медленно, сморщив лицо, повернулся и приподнялся на локте, держась другой рукой за голову.

— Слушай... Отцепись, а? Чего тебе надо?

— Возьми себя в руки! — Иван рассердился. — Тут вопрос жизни и смерти решается, а он... Че, не мужик, что ли?!

Подозреваемый в немужестве, вымученно улыбнувшись, посмотрел на Ивана.

— Ну... мужик. Чего хочешь?

— Тебя тоже прооперировали?

— Стало быть, так. А что — не похоже?

— Похоже. А по какому поводу? Или так, в порядке техобслуживания? На предмет усечения лишних извилин?

Собеседник Ивана опять изобразил улыбку, очевидно, назойливый следователь в чалме и простыне вызывал у него радужные эмоции.

— А ты кто такой?

— Я-то? Ну... Иван я. Офицер спецназа, — пояснил Иван с некоторой помпой, чтобы сосед не подумал, будто ему в палату подкинули какую-нибудь шваль, предварительно замотав в постельное белье, — офицер спецназа! Меня они выкрали, чтобы получить информацию о местонахождении какого-то аппарата...

— А-а-а... Тогда ясно, — перебил соседа рапорт Ивана. — Мне предоставили возможность наблюдать, как Бабинов ковыряется в твоей черепной коробке и по ходу действий детально просветили о мировой идее во всех подробностях... Этому Желтому, вишь ты,

доставляет удовольствие рассказывать еще здоровому... Сволочи.

— Вот, вот,— подхватил Иван.— А самое обидное, что придумал вот это дрянное дельце мой родной дядечка, младший брат моей матери, царствие ей небесное... Наверное, если бы знала, что из братика вырастет, удавила бы в колыбели...

— Я бы такого дядю в унитазе утопил,— поморщившись, сообщил сосед.

— Они в деревне росли. Там унитаза не было,— глубокомысленно заметил Иван и, спохватившись, что отвлекся от главного, приступил опять к допросу.

— А ты что — сыщик?

— Сыщик? — Собеседник Ивана криво усмехнулся.— Сыщик-пыщик... Мудак я, а не сыщик! Растяпа... Хотел в одиночку изловить твоего дядю-маньяка... Изловил. Поймал медведя...

— Маньяка? Это ты про то, что он вместе с Желтым бредит какой-то идеей о мировом господстве? Точно — маньяки. Твари.

— Да я вижу, ты не в курсе? — удивился сыщик.— Ты знаешь, что у нас в городе вот уже год маньяк орудует?

— Не понял,— воскликнул Иван.— Ты что, хочешь сказать...

— Вот, вот,— продолжал сосед, не обращая внимания на реакцию Ивана,— твой дядечка и есть тот маньяк! Я его выследил. Все улики сходятся. Но, увы,— захотелось лавров... И вот — я здесь.

— Ты что?! Ты это... — Иван ошарашенно уставился на сыщика.

— Да, да. Я тоже поначалу опешил было... Ведь я его с института знаю! И вдруг — такая мразь... Желтый ему за хорошие бабки предложил левую работу — исследования по трансформации некоторых функций мозга... Он на психах экспериментировал, — если кто и помирал, не беда, списывали... Вот в этой самой клинике, в лаборатории, где нас с тобой и переделали... В обмен на любезность люди Желтого прикрывают его во время развлечений с девушками. Он там себе их обдирает, а они на шухере стоят — с транспортом. Потому-то до сих пор и не поймали его. Маньяк с группой обеспечения!

Иван некоторое время соображал, стоит ли разражаться эмоциями. Вдохнул облегченно.

— Как тебя зовут, сыщик?

— Ну вот, — сыщик слабо улыбнулся. — Самое время познакомиться! Позвольте представиться — Сергей Николаевич Плеханов. Для соратников по партии дыроголовых — просто Сергей.

— А я — Иван. Хотя, я уже говорил. Вот что, Сергей Николаевич... Я так думаю. Если мы не попытаемся сделать ноги, то будем последними гадами. Потомки не простят!

— Хм... Потомки. А сейчаски? Они, наверное, только и ждут, когда мы выйдем из этой палаты. Встречать, разумеется, будут с цветами и оркестром на главном входе...

— Ну хоть попытаться-то мы должны?

— Ну и закуска у тебя, патриот! Как будто родился в пионерской дружине, под портретом Карла Маркса и под звуки Интернационала... Ты отбрось навязчивую идею и взгляни на вещи реально. Самое лучшее в нашем положении — не дергаться...

— Да черта с два! — разозлился Иван. — Ты что — хочешь стать зомби, да?! Выполнять все, что заблагорассудится этой крашеной твари? Ни за что! Надо драпать отсюда, любыми путями драпать. — Он до того распалился, что забыл про боль в голове... Внезапно Сергей рассмеялся — тихо так, по-доброму. Закончив смеяться, пояснил:

— Очень уж у тебя вид... того. Как римлянин древний на форуме, только почему-то в чалме... И рожа явно не римлянинская... Очевидно, так бы выглядел индус или араб, который родился в Рязани, побывал в плену у индейцев племени Помойя, где ему, очевидно, в целях улучшения внешнего вида, сняли скальп — несколько неудачно, правда, схалтурили, а затем отдали в психбольницу, как безнадежно испорченный экземпляр... С дыркой.

Понурился, Иван покачал головой:

— Экземпляр... Теперь мы оба с тобой — учебное...

Настала очередь удивляться Сергею:

— Что значит — учебное?

— Ну, учебное! Это у нас такое бывает... Возьмут автомат, просверлят дыры в стволе и белой краской — учебное... Или еще какой-нибудь предмет вооружения и

экипировки... Продырявят, чтобы нельзя было пользоваться в боевых целях, значит, а только в учебных. Вот и мы...

— Ну, это ты брось. Не переживай зря. Все в этом мире преходяще...

— И все-таки я думаю, что попытаться бежать отсюда нужно! — Тон, которым произнес Иван эту фразу, показался Сергею настолько твердым, что он поневоле начал сдаваться.

— Ладно. Я с тобой согласен. Доволен? А теперь хочу услышать твой проект этого весьма сомнительного предприятия.

— Ты знаешь, где мы находимся?

— Это психиатрическая клиника. Поселок Климовка. Мы сюда на практику ездили, когда я еще студентом был. Рядом старое кладбище. До города минут двадцать езды. Лесополоса, поля... И ни души кругом.

— Да, веселое местечко. Кладбище, катафалк...

— При чем здесь катафалки? — удивился Сергей.

— Да так... К слову пришлось. В общем, так. Вырубам первого, кто заходит в палату. Если будут двое, все равно...

— Тормози.— Сергей решил сразу же покончить с этой бодягой. — Слушай обстановку, как у вас говорят. В городе все или почти все, кто занимает ключевые посты,— с дырками. Допустим, нам удастся вырваться отсюда, в чем я очень сильно сомневаюсь. Ну припрремся мы с тобой в компетентные органы. Расскажем эту самую бредятину. Возможно, даже проверят информацию. Но в конечном итоге, так или иначе, выйдут на клинику, я думаю, это бесспорно. А как только они закончат с Желтым, мы приплыли! Ну? Что там еще предполагает твой план?

Иван сник, не найдя ответа. Противоречить не имело смысла. Помолчали. Надежда, эта извечная утешительница страждущих, уплывала куда-то вбок, за стены палаты, судорожно ловя ртом воздух и вяло шевеля дряблыми ногами. Однако в то время как Иван все больше мрачней и хмурился, Сергей, зацепившись за какую-то мысль, сосредоточенно соображал... По мере продвижения работы мысли его лицо начало проясняться. Немного времени спустя он удовлетворенно крикнул и толкнул неудавшегося римско-рязанского оратора в бок:

— Так, учебный... Все в норме. Радуйся, что связался со светилом сыска и гигантом мысли.— На что Иван прореагировал, обиженно засопев:

— Сам учебный... Тоже дырявый, как ни выделывайся...

— Ладно, ладно! Квиты. Значит, так. Насчет бежать — не знаю, не знаю... Есть идея — оставить памятку.

— Какую памятку? Для беспамятных? — попытался ехидно скаламбурить уязвленный Иван.

— Ага, точно. Ты не кипи — послушай. Памятку для самих себя, то есть для Ивана и Сергея со стерилизованной памятью. Не усек? Нужно описать, что с нами произошло в этих стенах. Так описать, чтобы потом, прочитав, можно было поверить... Спрятать послание и вынести на волю. Врубаешься?

— А чем писать?

— Ты кроме «Муму» и строевого устава что-нибудь читал вообще? Из художественной литературы? Романы исторические, например? Вот, вот — вижу, в твоих не исковерканных борьбой мысли глазах появляется нездоровый проблеск... Это уже лучше. Ну, чем же бедным узникам писать? Конечно, кровью! Найди здесь какую-нибудь острую штуку — ну, хотя бы торчащую шляпку гвоздя, порежься и готово, хоть обпишись в свое удовольствие! Правда, есть опасность занести в рану инфекцию. Да уж придется рискнуть. Кто не рискует, тот ходит зомби...

Некоторое время Иван, широко раскрыв глаза, смотрел на Сергея, затем брови его поднялись вверх и почти исчезли под нижним краем повязки. Он вскочил с кровати и воскликнул восторженно, сопровождая свой вскрик неприличным жестом:

— Вот вам, а не зомби!!! — И для вящей убедительности повторил жест.

— Тихо ты, — не на шутку встревожился Сергей, — замолчи, дырявый! А то Желтый прибежит поинтересоваться, как у нас тут протекает процесс выздоровления. Думаю, сейчас писать рискованно — могут войти. Я сейчас тебя научу, как симулировать бессознательное состояние. До исхода дня надо будет притворяться, что мы еще не пришли в себя. А ночью, надеюсь, они нас беспокоить не будут — тогда и займемся завещанием...

В течение дня их два раза посетил Желтый. Прихо-

дил он не один, как ожидал Иван, а в сопровождении каких-то врачей — нормальных, судя по разговору. Речь шла о черепно-мозговых травмах, о буйнопомешанных, которые могут без должного контроля свернуть себе голову... Убедившись, что пациенты не пришли в себя, их оставили в покое...

В оставшееся время дня друзья по несчастью успели выспаться. Проснулись они почти одновременно, когда наступили сумерки, чувствуя себя значительно лучше, чем утром. Немного поговорили, не вставая с кроватей — берегли силы.

Вдруг, когда уже совсем стемнело, дверь в палату бесшумно растворилась... Узники замерли.

Вошел один из старых приятелей Ивана — громила. Запер дверь на ключ, положил его в карман брюк и уселся у двери на табурет, предусмотрительно принесенный с собой. По всей видимости, обосновался надолго.

«Все, приплыли, — уныло соображал Сергей. — Эта мразь, очевидно, не будет спать всю ночь. Написали! Ну, Желтый, ну сволота! Все пропало...»

«Так, так, — лихорадочно соображал Иван. — Убирать нужно этого парня. Рубануть, изолировать на время и — бежать... Наверняка он под «командой». В таком случае, согласно доктрине Желтого, все его болевые ощущения сведены к нулю. А парень уж больно здоровый. Вот шуму-то будет, когда они схватятся, вся клиника убежит! Да и сам я еще слишком слаб, чтобы такого бугая запросто положить... Думай, спецназ, думай... Так, так... Ага... Есть! Ну, с Богом!»

Иван замычал, как будто от боли... Невнятно бормоча, как во сне, начал медленно переворачиваться на другой бок и... упал с кровати! Ударившись о пол, начал слабо, протяжно стонать... «Только бы не позвал никого! Интересно, чего там у него в программе?»

Охранник молча поднялся со своего места, подошел к упавшему. Немного постоял, затем нагнулся, по всей видимости, чтобы поднять его...

ХРЯСТЬ!!! Иван страшно ударил наотмашь ребром правой ладони в услужливо подставленное горло и, перекатившись, вскочил на ноги...

Зомби булькнул, ухватился руками за перебитую гортань и со стуком упал на колени... Боли он, естественно, не чувствовал, но раздавленное, вмятое к шей-

ным позвонкам горло не обеспечивало доступ воздуха в легкие... Его мощное тело дергалось в судорогах.

Дальше Иван действовал автоматически. Примерившись, как во время тренировки в разбивании твердых предметов, он нанес еще один рубящий удар в основание черепа, перебивая шейные позвонки, которые противно хрустнули так, что, казалось, должны были услышать на улице...

Рухнув на пол, гигант издал свистящий хрип, его раскинутые ноги в последний раз выбили о паркет конвульсивную дробь...

Победитель, шатаясь на ватных ногах, подошел к окну. Распахнув форточку, жадно вдохнул прохладный ночной воздух... Бывало всякое, но убивать человека голыми руками, да еще не в зверином азарте боя...

Сергей едва успел свесить с кровати ноги. Вся сцена заняла не более десяти секунд... Подошел к лежащему на полу. Присел, некоторое время рассматривал, затем пощупал запястье — так, для очистки совести. Разумеется, пульса не было...

— Вань,— тихо позвал он приподнимаясь,— ты, похоже, того... ухайдокал этого...

— Угу, в курсе,— слабо отозвался Иван от форточки — его мучило.— Обыщи его... На предмет колюще-режущего... Может, и ручка найдется...

Ручки, естественно, не было. Ну зачем зомби ручка? Зато в заднем кармане брюк обнаружился маленький перочинный нож.

Сергей, заботливо поддерживая Ивана, усадил его на кровать. Подошел к окну, отдернул штору. Свет от фонарей, горевших во дворе, достаточно хорошо освещал палату.

Осторожно размотав повязку Ивана, сыщик аккуратно надрезал себе левое плечо. Поморщился. Надо!

Обмакивая кончик лезвия в сочившуюся кровь, начал быстро писать на бинте... Через несколько минут закончил, дал надписям просохнуть и привел повязку в прежний вид. Ту же самую операцию с помощью Ивана проделал со своей повязкой — теперь писал Иван, под диктовку.

— Ну, вот и ладненько,— пробурчал Иван. — А теперь надо сматываться отсюда.

Брезгливо морщась, с трудом раздели незадачливого сторожа. Кое-как экипировались. Ивану достались брю-

ки, которые оказались настолько велики, что пришлось в ремне проделывать новую дыру.

Сергею в качестве штанов пришлось использовать тенниску пострадавшего, которую он закрепил на бедрах полоской материи, отрезанной от простыни.

— Ух ты! Труппа драмтеатра на выезде! Шапито дыроголовое...

Открыв дверь ключом, изъятым у охранника, выскользнули в коридор. Постояли, прислушиваясь... Тишина... Крадучись проскользнули по коридору, спустились по лестнице, ведущей в вестибюль на первом этаже.

Тут едва не напоролись на двух дюжего вида санитаров, дремавших в глубоких креслах по обе стороны дверей, ведущих в вестибюль с лестницы второго этажа.

Юркнули обратно, распластавшись по стенам, прилипли за дверью. Так постояли, приходя в себя. В вестибюле было тихо. Осторожно высунув голову из-за двери, Иван попытался оценить обстановку.

Эти двое, беззаботно похрапывавшие в креслах, находились так близко, что был явно ощутим концентрированный перегар, мощно извергавшийся из нетрудовых легких. Иван несколько раз потянул носом, скорчив гримасу, потом глубокомысленно сообщил Сергею:

— Так... Это не зомби. Зомби на работе не пьют! У них программа!

— Эх ты! — удивленно вскрикнул Сергей, выглядывая из-за плеча Ивана. — Да они нас в три секунды утопчут! Смотри, какие шкафы!

— Ну, ну, спокойно, — невозмутимо ответил Иван, продолжая рассматривать местность, — сейчас мы их вырубаем, забираем ключи от входной двери и — дальше... Сосредоточься, делай два шага вперед и — кулаком в висок вои того, что поближе. Вот так. — Он показал, как это в висок. — Я займусь вторым. Не дрейфь, сила — не главное. Будь уверен, все получится тип-топ! Ну, раз, два — вперед!

Иван в два прыжка покрыл расстояние, отделяющее его от дальнего сторожа, и, резко крутанув корпусом, согнутой рукой саданул того в висок.

В этот момент то же самое, правда, менее профессионально, проделал со своим пациентом Сергей.

Клиент Ивана так и не пришел в себя, зато тот, которого обслуживал сыщик, негромко вскрикнул, попытался приподняться в кресле, причем дернулся так мощно, выпрастывая могучее тело из кожаных объятий, что Сергею стало нехорошо — убьет...

Кулак офицера спецназа, опустившись на переносицу недобитого, положил конец дальнейшим поползновениям к самостоятельности...

Слегка отдышавшись, начали обследовать поле битвы. Нашарив у одного из сторожей связку ключей, бросились к входной двери. Около минуты ушло на то, чтобы подобрать нужный ключ. Открыв дверь, выбрались на улицу...

Стекли с крыльца подобно теням, притаились за ровно подстриженным шпалером декоративного кустарника. Замерли, прислушиваясь... Где-то занудно взлаивала собака... Трещали цикады.

Медленно, озираясь по сторонам, двинулись вдоль стены здания, прижимаясь к выбеленному шероховатому кирпичу. Обогнув корпус клиники, оказались на широкой аллее, ведущей к воротам. Массивные, двустворчатые, варенные из листового железа, они оказались заперты на огромный амбарный замок, хорошо различимый с того места, где стояли беглецы.

У ворот, в застекленной будке, освещенной тусклой лампочкой, сидели двое и, судя по жестам, играли в карты. Временами доносились бессвязная ругань и смех.

— Так,— начал было Иван, но Сергей прервал его:

— Слышь, Вань, там за зданием гараж. Давай туда! Без транспорта нам ловить нечего.

Прокравшись к гаражу, затаились у небольшого забора. Все двери гаража были наглухо закрыты. Единственным транспортом, попавшим в их поле зрения, был... катафалк, мирно почивавший под навесом...

— Во б..! — От удивления Ивана разобрало: — Твою так-перетак! У них что, других средств передвижения нет?

— Это, наверное, соседей,— пояснил Сергей,— ну, похоронного бюро собственность... У них, очевидно, места нет для хранения. А чем тебе не техника?

— Да так,— уклончиво бросил Иван, передернув плечами,— ничего.

Подошли к машине, осмотрели со всех сторон. Сер-

гей открыл крышку бензобака, попытался заглянуть внутрь, постучал по баку пальцем.

— Вроде есть,— он закрутил крышку и обратился к Ивану, который в нерешительности стоял рядом, соображая, стоит связываться с таким вот мрачным видом транспорта или, может быть, лучше попытаться вскрыть одну из дверей гаража...

— Ну ты, спец! Чего скучаешь? Ты в машинах должен разбираться, по-моему, вас учат...

— Ага, учат.— Иван, перестав колебаться, подошел к кабине.— Все свободное от службы время тренируют рассекать на катáфалках...

Он начал открывать кабину. Кабина оказалась заперта.

— А как же мы без ключа? — поинтересовался Сергей, наблюдая за действиями напарника. — Ты без ключа можешь? Я, честно говоря, в авто ни бум-бум,— признался он и немного смутился — какой же сыщик не умсет обращаться в любых ситуациях с техникой? А как же романтическое представление о погонях, бешеной езде наперегонки и все прочее? Сергей посмотрел на Ивана, не повредил ли этот досадный факт его репутации в глазах напарника?

Ивану, однако, было не до этого. Он, сопя, выдавливал ветровое стекло. Через некоторое время открыл дверь и шмыгнул за руль. Рядом уселся Сергей.

Поковырявшись минут пять, Иван вскрыл ножом панель и, соединив провода зажигания, завел двигатель...

В ночной тишине звук внезапно заработавшего мотора прозвучал, как взрыв... Иван и Сергей от неожиданности втянули головы в плечи...

Вперед! Вырулили на аллею, медленно подъехали к воротам. Заметив приближение автомобиля, из будки вышли двое — те, которые давеча играли в карты. Потягиваясь, вразвалку подошли к кабине.

— Куда это тебя хрен понес на ночь глядя?! Опять...— начал было один и осекся, увидев за рулем Ивана.

— Федька!!! Ты гля... — договорить не успел. Иван, змеей выскользнув из кабины, прыгнул с подножки, сильно ударяя его ногой в лицо.

Второй, быстро, против ожидания, среагировав, бросился к будке. Догоняя, Иван подсек его, кошкой прыгнув на спину, два раза коротко саданул кулаком в

затылок шустряка... В это время Сергей, забравшись в будку, уже снимал с гвоздя связку ключей...

Чрез пару минут, поковырявшись с запорами, распахнули ворота. Бросились к машине.

Бешено заревел мотор, катафалк рванулся на волю...

ЗАНОЗА ИНТЕРПОЛА

...Мрачные мысли не оставляли генерального директора европейского отделения Интерпола в этот дождливый вечер. Ну и погода... Гаррисон зябко поежился. Что за чертовщина? Вчера синоптики обещали, что до конца августа не будет ни одного дождя. Вот ведь прохвосты! Несколько капель упало на подоконник, пришлось закрыть окно. Казалось, что женевское небо оплакивает последние дни уходящего лета... Судя по всему, эта скорбь грозила затянуться надолго.

В очередной раз он задумчиво перебирал клавиши компьютера, вновь просматривая собранную по крупницам информацию, объем которой за пару десятков лет разросся до ощутимых размеров...

Вот уже два десятилетия Интерпол безуспешно охотится за этим человеком, имя которого вызывает досадливую гримасу у многих корифеев международного сыска.

Ганс Фридрих Краузе. С лучшими показателями на курсе закончил Боннский Государственный Университет. Некоторое время работал там же, в аспирантуре, на кафедре психологии. Затем, после нашумевшего скандала с противозаконными опытами в области психопатологии, на непродолжительный срок исчез, по крайней мере, из поля зрения западногерманской службы безопасности.

Впоследствии всем его появлениям сопутствовали политические события различной степени важности. Как то: убийства и шантаж крупных профсоюзных лидеров и политических деятелей, подтасовка, а подчас и смена правительств в небольших, не имеющих четкой ориентации странах... Он появлялся в тех местах, где царили хаос и неразбериха, так сказать, половить рыбку в мутной водичке... Опыты с психотропиками, варварские эксперименты над жителями отсталых африкан-

ских государств, добывание крупных сумм с помощью гипноза, хищение больших партий медикаментов, участие в разных конфликтах и авантюрных войнах мелкого масштаба... Этот, далеко не полный, перечень заслуживал самого пристального внимания. Особенно если учесть, что из всех переделок Краузе выходил совершенно невредимым и, мало того, неприкосновенным для закона!

Любое из этих преступлений тянуло на десяток электрических стульев, однако ни одно из них не имело четких, исчерпывающих доказательств. Свидетели трагически гибли под колесами автомобилей, оступались, ударяясь о порог собственного дома, захлебывались в ванной, сходили с ума...

Эксперты всех служб безопасности, по-видимому, не без оснований, считали, что за спиной этого человека стоит какая-то могущественная и вездесущая организация, цели и задачи которой оставались пока невыясненными...

С одной стороны, появление Краузе в каком-либо регионе мобилизовало службу международного сыска. В таком случае все были уверены, что грядет какая-то пакость. Все готовились. Но пока просчитывали варианты, пока пытались установить контроль, он наносил удар и скрывался, по-прежнему неуязвимый...

Люди, попадавшие в результате проведенных операций, — которые, надо признаться, только били по хвостам, — оказывались лишь пешками в чьей-то игре и никогда не давали важной информации.

Пять лет назад это исчадие ада внезапно скрылось... Многие светлые головы международного сыска, да и вообще всех служб безопасности, украдкой облегченно вздохнули...

И вот, неделю назад поступило сообщение из весьма компетентного источника. Как всегда, выступая в новом амплуа, Краузе запаса безукоризненной легендой, идеально подобранным декорумом.

Однако на этот раз место появления гения авантюры повергло весь личный состав Интерпола в шок.

Дело в том, что Краузе засекли в... бывшем Советском Союзе! В этой удивительной стране контрастов, несколько десятилетий пребывавшей под игом тоталитарного режима. В стране, раздираемой чудовищными национальными конфликтами, лихорадочно хватаю-

щейся за любые приемлемые с виду меры стабилизации и формы правления, в стране растоптанных идеалов, мечущейся в разные стороны и неудержимо распадающейся на куски, как робот с программой на самоуничтожение.

Это не Конго или Зимбабве... Любые пакости в огромной ядерной державе грозили осложнениями в мировом масштабе. Быть может, последними осложнениями...

И вот — Краузе там. Было над чем крепко задуматься... Ко всему прочему, ситуацию сильно осложняла практическая невозможность организовать в этой стране взаимодействие с органами безопасности, любой представитель которых мог оказаться ставленником мафии, взяточником или просто разгильдяем. В общем, доверять было некому, приходилось работать наобум, на свой страх и риск.

Любые попытки прогнозировать ситуацию, строить хоть сколько-нибудь продолжительные и реальные планы разбивались об отсутствие всякой системы, беспорядок, неразбериху и поистине загадочный, не поддающийся никакому анализу и крайне ненадежный характер советского человека...

Вот почему был так мрачен Гаррисон. И еще... Не далее как сегодня утром он отправил в этот самый бывший Союз своего лучшего агента и любимого ученика. Отправил с задачей внедриться в окружение Краузе. Что будет дальше, оставалось только гадать.

Вот кого не хотелось бы Гаррисону посылать в эту сумятицу. Ну, очень не хотелось! Однако по странному стечению обстоятельств этот агент оказался родом из России, более того — именно из тех краев, где сейчас обосновался Краузе. Кроме того, он ни разу за все время работы не засветился у себя на родине, что сейчас было как нельзя кстати. Как говорится — судьба!

...Если вы, обладая богатым воображением, хоть на секунду можете предположить, что вид катафалка, несущегося с приличной скоростью по ночному шоссе, вызывает теплые чувства у сотрудника ГАИ, вы здорово ошибаетесь.

Во всяком случае, миновав, несмотря на отчаянное бибиканье и непечатную хриплую ругань мегафона,

первый попавшийся беглецам пост на шоссе, они, проехав еще километров пять, выскочили напрямик к шлагбауму...

Очевидно, к несчастью для них и к чести ГАИ, радиостанция на первом посту работала прекрасно...

За шлагбаумом в ряд стояли три машины с мигалками, испускавшими призрачные голубые блики. У радиаторов напряженно застыли несколько вооруженных автоматами парней в милицейской форме.

Пришлось остановиться и, повинуясь требованию группы, выйти из машины.

— Инспектор ГАИ Туров! — представился коренастый капитан. С удивлением рассмотрев нарушителей, криво ухмыльнулся, демонстрируя хорошо различимые в свете фар, отлично пригнанные вставные железные зубы.

— Никак на маскарад, а?!

Сергей, подойдя к капитану вплотную, понизил голос до хриплого шепота и сообщил, тревожно озираясь по сторонам:

— Нам необходимо видеть начальника отдела КГБ города! Дело государственной важности, даже, может быть, мирового значения!

Капитан переглянулся с остальными сотрудниками.

— Ах вот как? Если такое вот мировое дело, может, сразу куда повыше?

— Это было бы, конечно, лучше... Но нам нельзя терять ни минуты. Это очень, очень срочно! — волнуясь, скороговоркой пробормотал Сергей, оглядываясь на Ивана.

— Ага, вот оно что?! — обрадовался капитан. — В таком случае я вас немедленно доставлю в европейскую штаб-квартиру Интерпола! Сейчас маршем до Шереметьева, колонной в составе трех патрульных машин с катафалком во главе... Заправляться будем в пути! Оттуда — прямым спецрейсом в Женеву! Переодеваться, естественно, вы не будете, иначе мы просто не успеем! Ха-ха-ха!!! — Капитан, похоже, от души веселился, в очередной раз демонстрируя отличную продукцию местных дантистов. Сотоварищи вторили ему...

— Кончай, кэп! Нам не до шуток! — запальчиво выступил уязвленный Иван, подтягивая сползающие штаны. — Скажу тебе только одно — ко всему прочему, мы вышли на след маньяка, который терроризирует город!

Остальная информация — не для твоих больших ушей, понял?!

Наверное, Иван напрасно ввернул насчет ушей. У каждого человека есть свои слабости.

— За-аткнись, полуголый! — свистящим шепотом процедил Туров.

Улыбка слетела с его лица, обнажив неприятную личину начальственного хамства. — Закрой пасть, а то вообще не сможешь базарить, мразь!

Повисла гнетущая пауза. Иван, рванувшийся было вперед, вовремя сумел обуздать свой порыв — затих, стиснув зубы. Дело — прежде всего! Капитан некоторое время молча давил тяжелым взглядом вредного полуголого.

— Развелось вас последнее время... Ну, ничего, ничего... Вы, случаем, не их психушки сбежали?

— Да, мы оттуда, — ответил Сергей торопливо, боясь, что Иван опять чего-нибудь ляпнет, — но это вовсе не тот случай, капитан...

— Ага! Значит, все-таки оттуда! Ну-ну... — Капитан опять многозначительно переглянулся с сотрудниками.

— Ну, ничего, мы разберемся. Давай ко мне в машину... — Шлагбаум быстро сложили. Машины на шоссе выстроились в колонну. Беглецов усадили в головной автобус, надев на них, к неудовольствию Ивана, наручники.

Сергей невозмутимо предоставил для окольцевания запястья, заметив при этом, что роптать нет смысла, а нужно положиться на обстоятельства.

В ответ Иван выдал сентенцию, что, дескать, обстоятельства — это такая штука, которую человек делает своими руками. А если у тебя скованы руки, попробуй что-нибудь сделать. Туров, внимательно слушавший разговор, отозвал своих подчиненных в сторону и что-то им сказал, — очевидно, велел быть начеку...

По мере движения Иван несколько успокоился. Быстро проглотив небольшую порцию ночного шоссе, колонна в скором времени подъехала к зданию городской ГАИ.

В дежурной части пленников усадили на скамью, где уже дремал какой-то пьяный нарушитель ПДД, обильно пуская слюну на разодранную майку. Капитан сразу же направился к телефону.

— Товарищ Туров! — Сергей попытался заговорить

твердым, внушающим уважение тоном, что далось ему с большими потугами. — Я вас предупреждаю, что в клинику звонить нельзя! Вы просто-напросто спугнете банду и завалите всю операцию! Звоните в отдел.

Капитан недоверчиво ухмыльнулся и покачал квадратной головой, рассматривая лежащий на столе под стеклом список абонентов. Немного поразмышляв, он снял трубку и медленно, словно бы опасаясь чего-то, набрал номер.

— Это «Аргус»? Кто у телефона? Что? — Внезапно лицо его приобрело пластично-угодливое выражение. — Ах, извините... Инспектор ГАИ Туров. Похоже, тут для вас... В общем, я не уверен, но... Не могли бы вы на пару минут подъехать к горГАИ? Ага, хорошо... Извините за беспокойство...

Минут пятнадцать спустя в дежурку вошел стройный мужчина средних лет, ничем не привлекательной внешности, с лицом спокойно-уверенным и взглядом алмазной твердости. Его сопровождали двое ребят спортивного типа.

— Где мы можем поговорить? — осведомился вошедший, здороваясь с капитаном за руку и оглядывая пленных.

— Вот, пожалуйста, в мой кабинет! — резво засуетился Туров.

Пройдя в кабинет, представитель уселся за стол, брезгливо оглядел его лаковую поверхность с какими-то подозрительными белесоватыми пятнами и осторожно положил на нее свои холеные загорелые руки.

Пленников пригласили сесть на стулья, стоящие сбоку от стола. Между ними и представителем, плечом к плечу, четко и разом встали «ребята».

Капитану, опустившему было квадратный зад на стул у громоздкого шкафа с бумагами, был отпущен небрежный жест холодной дланью — дескать, изыди... Он тут же поспешно ретировался, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Итак, я вас слушаю, — голос мягкий, располагающий к доверию. Человек с таким голосом просто органически не мог причинить зла. Спокойные серые глаза, казалось, излучали флюиды доброжелательности.

Беглецы, перебивая друг друга, в подробностях принялись описывать свои приключения, повторяя, что

дело заслуживает самого пристального внимания глубо-
коуважаемой организации.

В середине повествования в дверь, постучав, боком
протиснулся Туров и сладким голосом произнес:

— Там насчет этих звонят,— кивнул в сторону плен-
ников,— я сказал, что вы у меня в кабинете...

Опять небрежное «изыди», капитан скрылся. При
этом пленники перестали рассказывать и, тревожно пе-
реглянувшись, уставились на представителя. Иван при-
встал с места и несколько раз мотнул головой в сторону
двери:

— Это они, они! — Лицо его выражало крайнюю сте-
пень озабоченности и тревоги. — Они уже знают, что
мы здесь! Видите, какая оперативность! Они...

— Сядьте, молодой человек! — Представитель успо-
каивающим жестом пригласил не беспокоиться. — Все в
порядке, вы со мной! Продолжайте.

Немного успокоившись, друзья завершили свой
сбивчивый доклад. Выслушав рассказ, представитель на
некоторое время задумался.

— Однако... Все, что вы рассказали, конечно, очень
интересно. Но... Очень, знаете ли, неправдоподобно...
Это у НАС?! В нашей стране? Очень неправдоподобно...
Ну, да ничего, мы разберемся...

И он опять задумался... И тут в повисшей тишине
зазвонил телефон... В принципе ничего особенного не
было в том, что у инспектора ГАИ звонит телефон.
Может, по делу кто... Но у Ивана почему-то сжалось
сердце. Нехорошее предчувствие накатило в виде лип-
кого, раздражающего душу страха. Он посмотрел на Сер-
гея, тот на звонок никак не отреагировал, молча сидел
и что-то мурлыкал под нос. Представитель взял трубку
и положил обратно на рычажки. Через несколько секунд
телефон зазвонил опять. Представитель крикнул, досад-
ливо пожал плечами и потянулся к трубке. Тут Иван не
выдержал. Он вскочил со стула и, прыгнув к столу,
попытался не дать представителю поднять трубку. «Ре-
бята», быстро среагировав, водворили прыгуна на стар-
товую позицию, для убедительности ткнув кулаком под
ложечку.

— Не берите! Трубку не берите... Это ОНИ, ОНИ!
Они вас...

— Спокойно! Все в норме,— покровительственно

улыбнувшись, представитель снял трубку и, не отрывая от Ивана взгляда, поднес к уху. Секунду помедлил:

— Слушаю... Да... А кто это? Да-а? Ну и что? Мне это абсолютно ничего не говорит... Да, пожалуйста. Скуратов моя фамилия, если вы уж так настаиваете... Зачем подождать? Ну, хорошо, но не больше минуты, у меня дела,— положив трубку на стол и посмотрев на часы, усмехнулся: — Деятели! И фамилию им подай, и подожди минуту для чего-то...

Иван, почувствовав слабинку в хватке ребят, опять рванулся. Его тотчас же слегка придушили захватом, пригнули к стулу. Он, освобождая горло, прохрипел:

— Положите... Трубку положите! Они вас хотят...

— Ну, ну расслабьтесь! — Представитель удивленно покачал головой и, взглянув на часы, опять поднес трубку к уху: — Ну, я вас слушаю! Минута прошла. Что... — Внезапно он замолчал, лицо его приняло каменное выражение... Некоторое время слушал, что говорит абонент... Затем каким-то металлическим голосом ответил: — Ясно... — Положил трубку на рычаг.

Встал из-за стола, глядя куда-то в пространство отсутствующим взором.

— Берем их с собой. — Подошел к двери, распахнул ее — от двери отскочил Туров, очевидно, подслушивающий беседу.

— Капитан! Я их забираю,— отрывистыми, рубящими фразами.— Позже сообщу вам, что делать. Все.

Упирающихся пленников выволокли на улицу и совместными усилиями затолкали в серую «Волгу». Машина тронулась по шоссе. Представитель что-то отрывисто бросил водителю.

Через пятнадцать минут они свернули на проселочную дорогу...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АГЕНТ

...Очевидно, доверяясь опыту кинематографа, многие представляют себе агента международного сыска примерно так: высокий блондин с пронзительным взглядом холодно-голубых глаз, атлетически сложенный, с раскованными манерами салонного льва, непринужденно ведущий себя в любом обществе, покоряющий с

ходу женские сердца и способный, если того потребуют обстоятельства, хладнокровно пристрелить любого, предварительно извинившись за доставленные хлопоты.

Или так: жгучий брюнет-красавец, остервенело палящий напра-налево из автоматического пистолета, лихо разбивающий вдребезги роскошные автомобили, оснащенные набором фантастической аппаратуры, позволяющей творить чудеса...

Ну-ну...

Ближе к полудню, в растекающейся по перрону толпе пассажиров прибывшего в Н... московского скорого можно было заметить невзрачного вида щуплого мужчину лет тридцати пяти — сорока, с бесцветными глазами, едва заметной проплешиной на рыжеволосой голове, совершенно непримечательного среди разношерстной публики. Одет этот субъект был опять же ничем не примечательно, к тому же имел весьма помятое после душной вагонной ночи брюзгливо-недовольное лицо, единственной особенностью которого было лишь то, что оно почти не имело морщин. В общем — агроном, райсобес, не до конца опустившийся совслужащий, может быть, даже какой-нибудь половинчатый алкаш...

Эх, и удивились бы пассажиры, скажи им кто, что вот этот вот, как его там... в кратчайший срок, в одиночку, вычислил и обезвредил мощную международную организацию наркомафии, выходящую на правительственные уровни, упрятал за время своей работы за решетку несколько синдикатов международного терроризма и имеет на личном счету несколько десятков раскрытых преступлений мирового масштаба... Что мафиозные кланы нескольких стран положили за его голову, да что там за голову — за одно известие о том, что он больше не существует, фантастическую сумму, на которую можно было бы приватизировать Национальный Банк Бельгии...

Между тем время близилось к обеду. Обреченно махнув рукой на забитый пассажирской плотью автобус с героически висевшими в дверях дядями, которые, разинув от напруги рты, судорожно цеплялись за одежду друг друга, наш объект внимания уныло поплелся на стоянку частников.

Изрядно поторговавшись, сговорился с водителем потрепанного запорожца за четвертак до Перищева. И то водитель согласился взять пассажира лишь потому,

что собирался ехать в ту же сторону. Ни один дурак, как выяснилось, ни за какие деньги в такую даль ломиться не станет...

Немного подождав, не будет ли еще попутчиков, с грехом пополам двинулись. Очень скоро пассажир пожалел, что решил воспользоваться услугами столь выдающегося образца отечественного автомобилестроения. Передвижение ветхой лайбы сопровождалось ужасающим воем грозящего скоропостижно развалиться двигателя, ритмичными хлопками незакрывающегося багажника и душераздирающими взвизгами задевавшего о каждую колдобину днища.

— А ты к кому приехал? — поинтересовался хозяин автомонстра, с трудом перекрикивая звуковое сопровождение. — Я сам перищевский, всех у нас знаю!

— К Софье Павловне Ануфриевой! Племянш я ее. Вот в гости пожаловал! — прокричал пассажир в ответ.

— А-а-а! Теть Сони, продавщицы! А я тебя что-то не припомню!

— Вообще я родился в Перищеве! Двадцать лет не был! В кои веки выбрался навестить...

Словоохотливый водитель оказался поистине кладом информации. Махом выдал на гора новости местного света. К концу пути пассажир пребывал в состоянии приятной осведомленности относительно самых интимных сторон перищевской жизни.

Высаживая клиента в пункте назначения, владелец авточуда пригласил забегать на пузырек. От денег, однако, не отказался — бизнес...

Тетка Соня, экстренно вызванная из магазина, долго не узнавала племянника. Подслеповато щуря бесцветные, как и у родственника, глаза, выслушала данные, подтверждающие идентичность приезжего Ануфриевскому роду.

Наконец, узнав, заохала, запричитала, прослезилась даже — так, оказывается, обрадовалась... Это, однако, не помешало ей вскользь поинтересоваться, имеет ли племянш наличность и не собирается ли он на некоторое время вскарабкаться на ее многострадальную дряблую шею.

Узнав, что племянш ненадолго — отдохнуть от города на природе, расслабиться, всего недели на две, успокоилась. Извлеченные из чемодана подарки, припасенные специально для этого случая — фальшивая индийская

шаль воркутинского кооператива «Мерзлый тушкан» и коробка настоящих шоколадных конфет — с буйной силой всколыхнули родственные чувства и укрепили их бесповоротно.

— Пашок, Пащенко! — шептала нежно бабка, обнимая племянника и с любопытством поглядывая через его спину на чемодан, из которого были извлечены подарки. — Совсем как дед твой, царствие ему небесное! Совсем... — Немного дав остынуть всплеску родственной приязни, бабка перешла к деловой части:

— В общем, располагайся как дома, отдыхай. У нас тут хорошо... А насчет расслабиться, может, на досуге заборчик подправишь, совсем уж падает. Крыша вон протекает чуть, а скоро дожди начнутся... Ну, ты это быстро — толь вон есть, краденая, эшалоны разворовали, не жалко! Вода — в колодце, пользуйся вволю! Туалет — вон, у соседа в огороде... Свой-то скоро завалится, опасно ходить... Можешь новый выкопать — молодому это раз плюнуть! Вот сосед объявится, я вам беленькую поставлю — вместе и сделаете... В общем, отдыхай, сколько душа пожелает...

После непродолжительного наставления относительно некоторых особенностей домашнего хозяйства бабка затопила баню и укувыляла в магазин.

ИВАН ЗАБЫЛ

...Голова побаливала, но не так чтобы уж очень. Общее состояние оставляло желать лучшего — донимал зуд бритого черепа под надоевшей повязкой. Солнце палило с бездонно-бабьелетнего неба, испепеляя неполитую зелень, плавило мысли...

— А, черт бы их подрал... Когда же повязку снимать приедут? Сволочное дело... — вяло ругался Иван, сидя на крыльце и лениво жмурясь на солнце. — Во... Спецназ, ядри его в корень... Последние летние деньки стоят! Надо же, а! Неделя из отпуска вон... Боевики не пристукнули, так во дворе отчего дома сподобился. У-у-у, гадость...

Он отчетливо помнил, как упал с крыльца, не успев сгруппироваться и ударился об ограду клумбы. Что было потом, Иван, как ни старался, припомнить не мог —

вплоть до того момента, когда пришел в сознание в больнице. Это было вчера. Судя по всему, травма достаточно серьезная — почти неделю провалялся без памяти. Хорошо, соседка тетя Соня вовремя заметила его, лежащего без сознания, и вызвала «скорую». Врач сказал, что мог бы и окочуриться, не окажи они своевременную помощь. Спасибо бабке... Ага, вот и она сама — легка на помине.

Иван встал с крыльца, увидев за изгородью соседку, которая пыталась выдергивать ссохшийся бурьян, поглотивший большую часть чисто символического забора, разделявшего их огороды. Соседка скороговоркой ругалась, причем отдельные фразы ее изысканных оборотов не оставляли никаких сомнений в том, что часть вины за такой вот вредный бурьян на огороде лежит на местной администрации и депутатах.

— Здорово, тетя Сонь! Рад тебя видеть в добром здравии. Ты, выходит, правительственной награды заслуживаешь! Боевого офицера, на которого вредные иностранные шпионы организовали покушение, злобно вкопав кирпичи в клумбу, от верной смерти спасла! Сорвала натовские планы, выходит! Магарыч, естественно, в рабочем порядке.

— Привет, милоч, — бабка с трудом разогнулась, подслеповато уставившись на спасенного от натовских рук, сочувственно покачала головой.

— Вот до чего оне доводят-то, девки и водка... Со всем память отшибло, а молодой ведь еще... Прошлында где-то неделю, а вчерась на «скорой» привезли. Я уж думала — все, кранты... Где это тебя угораздило?

Иван удивленно уставился на бабку.

— Да я же с крыльца упал! Не помнишь, что ли? Ты же «скорую» вызывала!

— Какую «скорую»? Да я тебя только и видела, когда приехал. В тот же день и пропал. Вечером свет горел, а утром — тю-тю... Низя так гулеванить, низя! Добром это не кончится! Жениться тебе надо, вот что...

— А врач сказал... — недоуменно протянул Иван.

— Небось, бухали с врачом-то, ась?! — Бабка непримиристо стояла на позиции осуждения иванова несправедного образа жизни. — Жениться тебе надо, жени-ться! Здоровый бугай, а ветер в голове... Тут мой племянш приехал, — не мудрствуя лукаво, тетя Соня быстренько перевела ход беседы в деловое русло. — Приходи, поси-

дите... Я вам блененькую поставлю. И не надо никуда шлындать, а то опять продырявят башку-то... А потом, сообщая, значиг, поставьте мне сортир новый — доски вон есть...

— Странно,— Иван повел плечами.— А врач сказал, что ты «скорую» вызывала, когда я упал. К чему бы это?

В это время послышался шум подъезжающей машины. У калитки иванова двора остановился выдавший виды «Москвич» с крестиком на правой двери. Из машины выплыла женщина, дородная и начальственно важная, одетая в белый халат. Не торопясь вошла во двор, неся в руке небольшой пузатый баул, опять же с крестиком на правом боку.

— Здравствуйте. Я по вашу голову. Врач разрешил снять повязку.

— Здравствуйте, здравствуйте,— обрадовался Иван.— Бегу рысью. Наконец-то вы избавите меня от этой чалмы. А то чешется — прямо ужас какой-то!

— А вот бегать вам нельзя! — строго осудила женщина в белом. — И вообще, почему вы на ногах? Смотрите, пожалуйста врачу — опять уложим в стационар. А то схлопочите осложнение, возись потом...

Они вошли в дом. Иван уселся на стул, блаженно щурясь и украдкой кося на объемные полушария, откровенно выпирающие из-под тесного белого халата, который, очевидно, был и ушит еще в те времена, когда его хозяйке не требовалась диета.

— Ну-с... Как самочувствие? — Обладательница пленительных полушарий склонилась над Иваном, начала медленно разматывать повязку, при этом, совершенно ненароком, задела иваново плечо одним из своих выдающихся женских достоинств... У Ивана томительно заняло в желудке и к горлу подступил комок...

— Нормально,— он сглотнул. Проклятая травма! Эдак скоро на первую понавшуюся будешь бросаться! Нет, может быть, длительное воздержание и полезно, но не для него, это уж точно! Постарался взять себя в руки.

— Все в порядке. Почти как новый! Вот снимите повязку, и на танцы можно... — сказал и стиснул зубы. Ну вот, опять про это...

— Какой неумный! — пробормотала искушительница и вдруг пронзительно взвизгнула таким голосом, что у Ивана пропало всякое томление:

— Кровь!... Да как много! Как будто кто специально мазал!

— Где кровь?! Откуда кровь?! — всполошился Иван, даже привскочив со стула. Медсестра сердито усадила его обратно, принялась тщательно осматривать рану.

— Странно, шрам в порядке, не кровоточит... Может, ударился где?

— Да нет, что вы, — начал оправдываться Иван, — все было в норме...

— В норме, в норме, — сердито проворчала женщина в белом сварливым голосом, и последние остатки томления как рукой сняло: оказалось, что все это — мираж, эротический бред продырявленного сознания, обусловленный избытком гормонов... — В норме! — И даже перекосила свое плоское рябоватое лицо, пытаясь пересдразнить Ивана. — Скажете, черт знает как и где! Потом долечивай! Обязательно скажу доктору — пусть опять вас положат... — И, скомкав ни в чем не повинную повязку, злобно швырнула ее в корзину для мусора, которую Иван утром поставил у двери и забыл выбросить на помойку.

— А вообще странно, — несколько успокоившись, резюмировала развенчанная обольстительница. — Это уже второй случай сегодня... У одного пациента тоже была кровь на повязке, в то время как шрам абсолютно зажил... Надо будет начальнику отделения сказать...

Медсестра помазала череп Ивана чем-то пахучим и уложила свои орудия производства обратно в баул.

— Значит так: еще неделю не двигаться, точнее, не делать резких движений. Голову не мочить, рану не трогать, не засорять, сидеть дома. Через неделю придете в больницу, покажитесь начальнику отделения. Вопросы?

— Спасибо, доктор, — подобострастно прошептал Иван, стараясь придать своему фальшивому тону проникновенность. — Вы возвратили меня к жизни... Чайком не побалуетесь?

— Я не доктор, а старшая медсестра, — чопорно урезонила подхалима дама в белом. — А чай гонять мне некогда — до обеда нужно еще троих пациентов обслужить... Ну, выздоравливайте. Из дома — ни ногой! А то обратно положим. За продуктами попросите соседку сходить — сами сидите в наиболее прохладном месте. — И с сомнением обвела жилище Ивана взыскательным взглядом, затем осуждающе покачала головой — не нашла

наиболее прохладного места. — Всего доброго! Вышла из дома, важно проплыв через двор, торжественно — на виду тети Соии и еще кое-кого из соседей, с любопытством понысовывавших головы из-за заборов своих огородов, уселась в «Москвич», небрежно бросив водителю — «трогай». И все бы завершилось совсем по-светски, но своеобразный представитель АЗЛК несколько подпортил впечатление — в течение минуты злобно кричал стартером, затем, неофициально хрюкнув воющей струей выхлопа прямо в пасть собачке соседа Иванова слева, изревел по-камазовски и загрязня по проселку...

Проводив представителя гишнократова племени, Иван быстренько оттащил корзину с мусором на помойку, запер дверь дома и сосредоточенно застыл посреди двора, хмуро поглядывая на дорогу...

Он решил навестить одноклассника — Андрюху Рыбакова. Решил еще до приезда медсестры и теперь обдумывал, как добраться до города, разминувшись с «Москвичом». Автобус ожидался где-то через час. Сидеть сложа руки было не в правилах офицера спецназа.

Решительно и сурово махнув рукой, Иван вытащил из сарая велосипед «Украина», чудом уцелевший еще со школьных времен. Велосипед, на удивление, был почти годен к употреблению — только подкачать шины. Этому Иван очень обрадовался и, слегка протерев части самоходной машины, которые тут же засверкали никелем под щедрыми солнечными лучами, минут пять работал насосом. Через десять минут он уже крутил педали, направляясь в сторону шоссе.

Поначалу нарушителя режима донимали пыль, обильно поднимаемая колесами «Украины», и боль в голове, толчками стучавшая в стенки черепа при каждом резком движении. Довольно скоро, однако, он выехал на магистраль, где стал двигаться равномерно и быстро, обдуваемый приятным встречным ветерком. Через некоторое время велосипедист настолько пришел в отличное расположение духа, что даже засвистел от удовольствия... Все-таки жизнь — чертовски приятная штука, особенно если ты молод и относительно здоров.

Вскоре велосипедиста обогнал гаишный «жигуль» с мигалкой, нелепо пускавшей тусклые в лучах ослепительного солнца проблески. «Ишь, орлы, — осуждающе подумал Иван, — даже днем мигалку не выключают... выделываются!»

Сидящий рядом с водителем капитан рассеянно скользнул взглядом по фигуре Ивана, отвернулся было и вдруг, пристально посмотрев на него еще раз, что-то сказал шоферу. Машина, скрежетнув тормозами, остановилась.

Капитан, выбравшись из «жигуля», расставил ноги, фундаментально утверждаясь раскорякой на Ивановом пути.

«Чего ему? — неприязненно подумал Иван. — Вроде раньше я его не встречал... Шкаф бракованный!»

— Здорово, псих! — радостно осклабился носитель восьми звезд, демонстрируя хорошо пригнанные вставные зубы. — Ну как, разобрались в конторе? Наручники, между прочим, не вернули ребятки...

— Вы меня с кем-то путаете... Обознались, — Иван недоуменно уставился на коренастого гаишника, неведь с чего вздумавшего вдруг так резко шутковать. «Видать, с жиру бесится! На первого встречного напустился, благо, лысый!» — подумал Иван и почему-то тот факт, что он лысый и не воспринимается всерьез представителем власти, пусть даже и таким корявым, обидел его чрезвычайно. Не станешь же объяснять каждому столбу, что побрили его из-за черепно-мозговой травмы. «А может, думает, что я молодой солдат и убежал с учебного пункта? Или хуже того — рецидивист какой?!»

— Какие наручники? Какие ребята? Обознались вы! — Теперь Иван возвысил голос, в тоне его дрожали нотки обиды и злости.

— Ты что, псих, совсем нюх потерял? — злобно зашипел капитан, стиснув зубы и подойдя вплотную к Ивану. — Совсем с головой не дружишь? Два дня назад с корешем на катафалке рассекал хрен знает в каком виде, а сейчас уже и не помнишь?! И наручники не помнишь, да? И психбольницу не помнишь?! Ну, туды-твою так-перетак, ты даешь, псих!

Тут Иван, обида которого мгновенно выплеснулась через край сознания законопослушного гражданина и ударила в свежеразбинтованный череп, ответно выревелся:

— Слушай, кэп!!! Ты чо — поел чего, а?! Или у стенки спал, а?! — Он в свою очередь напер на капитана грудью, так причем стремительно, что тот в удивлении вынужден был отступить. — Я, между про-

чим — офицер! Офицер МВД! — Иван округлил глаза и сделал небольшую паузу, чтобы злобный капитан смог проникнуться и начать размышлять, что же он из себя здесь представляет. — Да, офицер! И не позволю разговаривать с собой в таком тоне! Что вы себе позволяете?! Псих... На катафалке... В виде... В каком виде?! Что вы несете?!

— Ладно, ладно, — буркнул капитан, отступая и отводя глаза в сторону. — Если контора разобралась, мне до этого дела нет... Но, смотри, в следующий раз... Офицер... Тоже мне, — продолжая бурчать, капитан усаживался в машину. — Полуголый! Хм... Поехали! — бросил водителю, на прощание еще раз одарив Ивана демоническим взглядом...

Домой Иван попал только к вечеру. Полдня они с Андрюхой проболтали, вспоминая дни минувшие, друзей, подруг, прошлое...

Уже смеркалось. Длиннющие тени от предметов, еще более вытягиваясь, сползали в общую кучу, покрывая вечер серым одеялом загустевшего за день зноя, который через некоторое время должен был смениться влажной прохладой... Голова раскалывалась. Вот черт — угораздило! Весь отпуск коту под хвост... Сидел на крыльце, тупо уставившись в никуда, лениво отгоняя обнаглевших комаров.

В соседних домах уже начали зажигаться огни, мычали коровы, прибывшие с пастбищ, был слышен монотонный шум сельского вечера, который через пару часов должен был rispetабельно вылиться в тихую лунную ночь, лишь изредка прерываемую страшными вскриками опоенного некачественным самогоном сторожа сельмага, которого с девятилетнего возраста мучил маниакально-депрессивный психоз, выраженный в форме мании преследования...

Тихо скрипнула калитка. Во двор вошел мужчина средних лет, невзрачный...

— Здорово, сосед! Не признал, поди?

Иван всмотрелся в лицо вошедшего:

— Павел Васильевич, если не ошибаюсь? — Неприятно поморщился. «Наверное, алкаш. Сейчас на пузырь будет нарываться». — Где ж признать-то? Когда вы уехали от нас, я совсем пацаном был. Да-авно это было! Угостил бы вас, да нечего выпить...

Сосед понимающе усмехнулся и тут же разрешил сомнения:

— Да не пью я — язва... Если настроение есть, чайку поставь, потолкуем кое о чем. Я ненадолго — режим...

Пили чай, разговаривали. Сосед неожиданно оказался интересным собеседником, со спокойным, тонким юмором, без комплексов и выпячивания, что Иван особенно ценил в людях. От него исходили едва уловимые флюиды надежности и уверенности в себе, что было довольно-таки странно для человека с такой внешностью. Понемногу добрались до травмы, полученной Иваном.

— Послушай, Вань... Ты после травмы ничего такого в себе не замечал? Ну... необычного?

— В смысле?! — встрепнулся Иван.

— Ну, знаешь... Провалы в памяти, допустим... Или кое-какие вещи, которые могли бы показаться странными?

Иван подивился проницательности соседа.

— Откуда вы это знаете?

— Да так — есть кое-какие соображения... Так что?

— Вы знаете, есть такое дело! Что-то не так... Есть. Сегодня гаишник один ошарашил, говорит, что я с каким-то мужиком на катафалке два дня назад рассек! Придумает тоже... На катафалке! Хотя какой резон? Ну, придумывать ему? На психа вроде не похож... Тетка ваша — тоже... Утверждает, что не она обнаружила меня после падения во дворе... А врач сказал, что именно она! Ума не приложу... Ну, это еще так-сяк... С бабкой-то. Мало ли — все-таки старая уже. Может быть, с памятью не все в порядке. А вот с гаишником — черт его знает! Вроде б он и не шутил. Рассекал, говорит, ночью на катафалке... А я в это время пластом лежал! Про психбольницу чего-то упоминал. Наручники, контора... Чертовщина! А вам-то что до всего этого? — с легким оттенком раздражения поинтересовался Иван и вдруг ощутил, как устал за сегодняшний день и нуждается в отдыхе.

— Спокойно, Ваня, расслабься! Я понимаю, что ты устал, что у тебя болит голова и тебе нет никакого дела до проблем, которые, может быть, на самом деле окажутся гораздо более важными, чем этого бы хотелось... — Сосед вдруг заговорил мягким, обволакиваю-

щим, монотонным голосом. Взгляд внимательных, через чур умных глаз действовал усыпляюще-гипнотически...

— Я хочу выяснить один вопрос. Это очень важно для меня, для тебя, для многих других людей. Постарайся доверять мне, я это не из праздного любопытства... Позже я все тебе объясню более подробно... Идет?! — Последнее слово он произнес резко, как бы обрывая медленный ток своей фразы... Иван встряхнул головой и зевнул. Надо же, а?! Он улыбнулся — боль прошла, голова была легкой, клонило ко сну, но не как после напряженного дня, а будто бы после неспешной вечерней прогулки по берегу реки.

— Вы что — гипнотизер? Как это у вас получается?

— Мы все учились понемногу... Экстрасенс-недоучка, — пошутил сосед. — Ну, давай займемся делом... Повязку сняли сегодня, верно?

— Да, утром. Медсестра приезжала. Не мыть, не засорять...

— Тихо, тихо... Бинты куда дели?

— Бинты?! — Иван сонно выпучил глаза. — Какие бинты?! А, повязку... На помойку выбросил вместе с мусором. При чем бинты?

— Ничего странного не заметил, когда сестра снимала повязку?

— А что там странного? А, ну да... Кровь была засохшая, на конце бинта. Сестра сказала, что это ненормально. И что же?

— Значит, ничего... Так, стало быть, ничего... Ну, ладно. Смотри сюда, — Павел извлек из кармана штанов небольшой сверток. Это был перевязочный бинт, еще утром смятый и брошенный в корзину для мусора, а сейчас тщательно выглаженный...

Показав Ивану сверток, Павел подошел к входной двери и, распахнув ее, некоторое время внимательно всматривался в темноту. Убедившись, что во дворе никого нет — да и кто бы мог там быть в такое позднее время? — вернулся, разложил бинт перед Иваном.

— Попробуй прочитать.

На марлевом полотне отчетливо проступали бурые, с разводами, мелко и коряво писанные строки: «Меня с разводами, мелко и коряво писанные строки: «Меня похитили. Псих. клин. Климовка. Дядя А.И. — маньяк, убийца. Сделали операцию. Закодировали. Код — несколько слов, знает только Желтый и дядя А.И. Я — зомби.

Выполнию любую их команду. Затем скомандуют все забыть. Желтый — главарь. Гараж-прихожая-кнопка в панели-лифт. Подземная лаборатория. Почти все шишки города прооперированы — в руках у Желтого. Желтый ищет самолет Вольфгаузена, катастрофа в горах Армении. Ящик — проект аппарата для управления психикой толпы. Со мной Сергей — сыщик. Он выследил дядю. Мы вдвоем — зомби. Будем бежать. Вспомни Ван...» — Последняя буква расплылась пятном... Сон как рукой стряхнуло.

— Чушь какая-то, — неуверенно пробормотал Иван. — Это что — моя повязка?! Вы где это...

Вдруг возле дома послышался скрежет тормозов. Скрипнула калитка. Через несколько минут в дверь громко постучали. Едва уловимым движением Павел смахнул повязку со стола и, скомкав, сунул в карман брюк. Обернулся к Ивану, приложил палец к губам и многозначительно погрозил кулаком...

ВОЙНА В ГОРАХ

Однажды Себастьян задержался на ночь у небольшого села, по ту сторону границы. Это было в конце лета.

Внезапно, как это часто бывает в горах, разгулялась непогода. Шел тяжелый проливной дождь. Село лежало в котловине. С кручи, на которую предстояло взбираться по дороге домой, грязными потоками стекала жидкая смесь глины и мелкого камня. До горы, где находилась пещера, ставшая домом бывшего штурмана, было очень далеко, — увлекшись накануне прогулкой по окрестностям, он забрел значительно дальше, чем обычно.

Решив переждать ненастье у села, Себастьян отыскал у подножия одного из холмов довольно объемное углубление, похожее на небольшую пещеру. Пристроив туда козью шкуру, наполненную фруктами, уселся рядом, принявшись созерцать картину разгулявшейся стихии.

Кромешная тьма, окутывавшая все вокруг, абсолютно не мешала ему наблюдать... Он отчетливо различал разрезы энергетического фронта, возникающие при столкновении огромных воздушных масс с

монолитом скал, когда ветер обрушивал на камни сгустки воздушных пробок самой разной плотности, видел вспышки голубовато-багрового свечения, вырывавшиеся из домов.

Несмотря на то что жители их были защищены от непогоды кровлей и стенами, энергетическая оболочка людей испускала задушевные разрядики страха. Люди боялись...

В стране гор шла война. Многим непонятная и страшная в своей бессмысленности. Люди, еще совсем недавно улыбавшиеся при встрече друг с другом, стали врагами... Они подкрадывались к селам по ночам, стреляли исподтишка, украдкой, убегали... Иногда, объединившись в большие группы, приходили днем, убивали, жгли, издевались...

Себастьян знал, что неподалеку от того места, где он находится, проходит линия, разделяющая два народа. Совершенно условная линия. Граница... Когда-то у кого-то хватило ума нанести эту линию на карте. Давно это было. И вот теперь об этом вспомнили...

Селения по обе стороны границы практически не отличались друг от друга. Такие же небольшие домики, лепленные из глины и камня, вагончики-временки самого разнообразного типа... Так же, как почти не отличались друг от друга люди, населяющие эти земли.

До войны они жили и трудились рука об руку. Скот их пасся на общих пастбищах — природе не прикажешь, чтобы равномерно распределила альпийские луга по обе стороны границы. Осенью они вместе собирали урожай, многие имели общие семьи — как с той, так и с другой стороны. Практически все нити уклада их жизни были переплетены в единый прочный канат, подобный тому, который удерживает альпинистов в одной связке над пропастью, независимо от того, какой они национальности...

Это БЫЛ хороший народ. Это был дружный и счастливый народ. Энергетическая оболочка каждого из них, которую мог ощущать Себастьян, была удивительно чистой и радужной. Очень редко в ней встречались помутнения, свидетельствовавшие о наличии нездоровых эмоций, еще реже — голубоватые пятна страха...

В общем, они нравились Себастьяну. Нет, он не испытывал симпатии к конкретным людям — все они были ему безразличны с их, по его меркам, неразвита-

ми способностями. Но жители гор — здоровые, сильные, независимые люди, жили почти по законам природы, не нарушая правил Всеобщего Существования, совершенно не задумываясь над этим. Они являлись лучшей частью природы...

Изредка поднимавшиеся из долины люди очень невыгодно отличались от своих соседей сверху. Их оболочка была мутна и переливалась проплевшинами лишних эмоций и желаний. **ТАК БЫЛО...**

Сейчас многое изменилось. Гордые дети гор стали похожи на охваченных паническим страхом животных. Они перестали понимать законы природы. Их оболочка, некогда чистая, покрылась мутной пленкой, из-под которой вырывались протуберанцы голубовато-багровой энергии... Страх... Ненависть...

Себастьян пытался разобраться в природе нового состояния, охватившего людей гор. Пытался и не мог...

Земли было много. Климат оставался прежним, местность — тоже. Увеличившаяся с течением времени радиация не была достаточной, чтобы вызвать ощутимые изменения в структуре организма ЭТИХ людей. Люди, по крайней мере внешне, оставались такими же, как много лет назад. Однако же уничтожали друг друга, ненавидя и боясь. Почему? Для чего?

Способы и методы взаимоубийства здесь, в горах, среди не обремененных предрассудками цивилизации детей природы приобретали формы самых изощренных зверств. Отрезанные уши, носы, груди... Вспоротые животы, засыпанные землей — нате, ешьте — вот она, ваша земля... Убивали днем, убивали ночью, врывались в села, гнали с веками обжитых мест — наша земля...

Беспощадно втапывали в землю достоинства мужчины — самое дорогое для горцев... Насиловали женщин, как правило, на глазах родственников, в присутствии мужа, детей, с дикими криками, выворачивая конечности...

Природу всех этих сдвигов объяснить было трудно... Очень трудно. У Себастьяна постепенно сложилось мнение, что все эти люди находятся под воздействием чьей-то злой воли, какого-то могучего извращенного ума, который неведомым способом управляет самыми черными позывами души этих не так давно чистых и неискушенных детей гор.

Иногда, не доверяя себе, бывший штурман проверял, на месте ли ящик с бумагами Вольфгаузена...

И хотя ящик был на прежнем месте, Себастьян иногда подумывал, что какой-то злобный гений-параноик, возможно, внедрил в жизнь идеи давным-давно усопшего доктора... Создал тот самый злополучный аппарат и теперь проводит свои жуткие эксперименты, избрав в качестве подопытных крыс жителей гор, как наиболее чистый материал, не замусоленный человеческими пороками...

ПОЖАР В НОЧИ

Стук повторился. Иван отпер дверь. В комнату вошел его дядя — А.И. Бабинов...

— Ну! Уже почти здоров! И лыс к тому же! Здравствуй, племянш! — Настороженно посмотрев на Павла, А.И. подошел к Ивану и стиснул его в объятиях, демонстрируя родственную приязнь.

— Если гора не идет к Магомету, товарищ Магомет едет к горе в карете «скорой помощи»!

За его спиной Павел еще раз приложил палец к губам и многозначительно помотал головой.

— Врач позвонил твой, говорит, медсестра обнаружила на повязке кровь... Как рана? — Все так же настороженно поглядывая на Павла, А.И. осмотрел шрам на голове Ивана. — Так что? Болит, не болит?

— Нормально... Побаливает чуть.— Иван выглядел подавленно. Обалдевший от нагромождения информации, он мучительно соображал, какую же линию поведения избрать. С одной стороны стоял Павел, гипнотизируя взглядом и как бы приказывая — «молчи, молчи», с другой — А.И., который, в свою очередь, сверлил Ивана взглядом, словно пытался проникнуть под черепную коробку племянника и поковыряться в беспорядочном хаосе его мыслишек...

— Вот, познакомьтесь,— Иван попытался отлепиться от навязчивых взглядов,— это Павел Васильевич, приехал к нам в гости... Да вы наверняка знакомы — в детстве, очевидно, вместе росли... Ну, вспомнили?

— Может быть, может быть,— глаза А.И. впились в лицо Павла, буравя, стараясь продырявить... В ответ он

встретил настолько спокойный и твердый взгляд, что немного погода не выдержал — смущенно отвернулся, делая вид, что рассматривает обстановку.

— Давно было... Разве вспомнишь? — А.И. извлек из кармана сигареты, не спрашивая разрешения, подкурил одну, шумно затянулся, затем нервно выпустил дым через нос, присвистнув фистулой.

— Вот зашел навестить соседа, — Павел счел нужным разрядить обстановку. — Дай, думаю, посмотрю, как там больной, может, помочь чем...

Немного помолчали, затем перекинулись несколькими ничего не значащими фразами, так, чтобы не молчать. После этого опять повисла пауза. Первым не выдержал А.И.

— Ладно, уважаемый, — голос его внезапно стал вкрадчиво-любезным, как у человека, который хочет соблазнить юную девушку, еще не жившую половой жизнью, или устроить какую-нибудь другую пакость в том же духе. — Дите нужно уложить спать и вообще поменьше беспокоить некоторое время... Сейчас он ляжет отдыхать, а мы с вами пойдем по своим делам. Договорились? — При этом он коротко взглянул на Павла, и во взгляде его прочитал Павел что-то нехорошее для себя, неприятное...

— Завтра я заеду, посмотрю, как ты себя чувствуешь, — обратился А.И. к племяннику, — а сейчас отдохай... Ну, пока. — Они с Павлом вышли. Во дворе скрипнула калитка, послышался шум мотора...

Иван, ошарашенный всем происходящим, растянувшись на старом продавленном диване, отрешенно пялился в потолок, стараясь не заснуть. Он был уверен, что в скором времени сосед вернется и все разъяснит...

Простившись у калитки с дядей Ивана, Павел направился к себе, уселся на крыльце и стал ждать. Он не пошел к Ивану сразу, будучи абсолютно уверен, что врач вернется проверить, как выполняется его предписание, — уж больно подозрительно смотрел он на Павла при посещении племянника. Вот человек! Никакой конспирации — все эмоции отражены на лице... А между тем, похоже, дядя Ивана обладает неплохими навыками гипнотизера, — Павел, сам в совершенстве владеющий этим искусством, сделал такой вывод, когда А.И. пытался воздействовать на него и в то время, как Иван их знакомил... Н-да, фрукт...

Прошло достаточно много времени. Лунный диск с отъеденным краешком, подобравшийся к зениту, выскакивая иногда в разрывы между облаками, непродолжительные промежутки распространял вокруг изжелтабледное свечение. Было тихо. Лениво таякали собаки, скучавшие на подворьях... Легкие дуновения ночного порывистого ветерка с едва слышным шелестом пересбирали стебли сухой высокой травы, обильно покрывавшей пространство возле изгороди, разделявшей огорода Ивана и тети Сони.

Внезапно эти заросли привлекли внимание Павла... В призрачном свете рассмотреть детали пейзажа подробно было весьма затруднительно. Просматривались только нечеткие силуэты сортира, затаившегося среди зарослей бурьяна и большого объемного пятна самого бурьяна, поглотившего треть забора и покусавшегося уже на некоторую часть площади, отведенной под грядки с помидорами. Разумеется, увидеть что-либо скрытое в бурьяне не представлялось возможным... Однако Павла как-то вдруг, с размаху охватило чувство опасности — ощущение, которое выработалось за долгие годы работы, когда твоя жизнь зависит частенько только от быстроты реакции и умения сообразить на секунду раньше, чем твой оппонент... Труднопередаваемое ощущение, от которого дыхание становится прерывистым, начинают потеть ладони и противно сводит от напряжения левую бровь...

Теперь он с определенной уверенностью мог утверждать, что в кустах кто-то есть! И этот кто-то внимательно наблюдал за каждым его движением — он это чувствовал...

Да уж... Не прост доктор, ох, не прост! В том, что опасность, исходящая из кустов, каким-то образом связана с приездом дяди Ивана, Павел почему-то не сомневался...

Однако нужно было что-то предпринимать — не сидеть же на крыльце сложа руки до самого утра! К тому же кто его знает, каковы намерения того, кто скрывается в кустах? Или, может быть, их там двое и больше? Может быть, они наблюдают за ним без какой-либо определенной цели — просто так, на всякий случай... А может быть, когда он двинется к выходу со двора и будет проходить мимо бурьяна, они его — раз!!! Ну, ничего, ситуация пока контролируется.

Павел еще с минуту поразмышлял, чтобы протянуть время — решение пришло сразу же, как только он почувствовал в кустах инородное тело... или тела?

Изгородь с бурьяном изолирована от построек. Рядом с забором, прямо в середине зарослей, — ТОНУС (туалет, обреченный на немедленное уничтожение и снос! — так Павел окрестил это ветхое сооружение, в котором каждый, кто захотел бы удовлетворить естественные надобности, подвергался опасности быть погребенным под внезапно обрушившимися стенами и крышей или провалиться вместе с полом не очень глубоко)... Ну, этого добра не жаль, если, конечно, он не дорог тете Соне как память — как-никак подарок первого мужа к первой годовщине свадьбы...

Павел встал, потянулся, разминая мышцы. Зашел в сени. Из пачки старых газет, лежавших стопкой на этажерке, взял несколько штук, смял из них изрядный кокон. В середину запихал большую коробку хозяйственных спичек.

Вышел на улицу. На секунду присел у крыльца, рядом с валявшейся на земле толкушкой для корма пороссятам. Аккуратно заправил толкушку сзади — за резинку штанов. Получилось не очень элегантно, зато спереди незаметно, если слегка придерживать рукой, вполне сносно можно передвигаться.

Не торопясь поднялся, направился к туалету. Сердце в груди судорожно бухало о ребра. Стиснул зубы — столько лет он занимается работой, связанной с огромным риском, а все никак не может привыкнуть к ощущению опасности, перед каждым делом дрожат колени и противно потеют руки, перед каждым, самым незначительным осложнением обстановки он первничает и всячески старается перебороть волнение. Да, потом наступает вторая фаза, так бывает всегда. Тогда мозг действует необычайно четко и быстро и тело удивительно легко выполняет команды, появляется направленность на выполнение задачи, которая исключает всякие тревоги и волнения... Но, черт побери, как ни крути, вот этой благодатной второй фазе всегда предшествует первая, такая противная и, казалось бы, совсем ненужная...

Шагах в восьми от бурьяна Павел вытащил из коробки на ощупь несколько спичинок, чиркнул о боковину, быстро, пока они еще не успели разгореться, сунул их обратно. Судорожно обмял кокон из

газет еще раз и зашвырнул вспыхнувший сверток в середину кустов...

— Счастливо погреться, мужики!!! — Отскочил назад, за ствол тополя и встал с толкушкой наизготовку — милости просим...

Бурьян, иссохшийся за лето, вспыхнул как порох.

Через минуту горел весь участок, покрытый зарослями, вместе с изгородью и сортиром...

Еще через несколько секунд из зарослей во двор скакнули две объятые пламенем фигуры... Значит — двое! Вопреки ожиданиям эти двое не голосили отчаянно, не метались... Горели и молчали!!! Не издавали ни единого звука... И медленно, вытянув руки вперед, шли на Павла...

Две темные фигуры, неотвратимо, безмолвно, распространяя вокруг омерзительный запах горелого мяса и жженого волоса... Казалось, они не идут, а плывут, загребая сгустки мрака, раздираемого светом от пламени пожара, будто необъяснимо как возникшие здесь фантомы...

Павел помотал головой, отгоняя волну внезапно подступившей слабости. Такого он еще не видел...

Прыгнул в сторону — перпендикулярно курсу ЭТИХ. Тщательно рассчитывая силу удара, опустил толкушку на голову одного, чуть сместился — хрясть! Второго тоже не обделил — навернул по затылку... Ну! Ого?!

Как ни странно, воздействие ударным инструментом не оказало должного профилактического эффекта! Двое, лишь слегка покачнувшись, развернулись и продолжали движение, стремясь схватить Павла...

Это озадачило и на миг даже парализовало управляющего толкушкой. Но лишь на миг... В следующее мгновение он по-кошачьи прыгнул вбок и опять поочередно обрушил свое оружие на тлеющих незнакомцев, на этот раз вложив в удары всю силу...

Оба нападавших рухнули наземь и затихли. Павел обессиленно присел у тополя. Короткая схватка за какие-то десятки секунд высосала из него все имеющиеся в наличии силы. Повернул голову к поверженным незнакомцам, на которых еще тлела одежда, — почувствовал запах... О, Господи, что за вонь! Быстрее поднялся и отошел подальше — еще чуть-чуть, и вывернуло бы наизнанку!

Запоздало выскочившая на крыльцо тетя Соня, под-

слеповато щурясь на пламя, прошептала: «Пожар!», и собралась было завопить благим матом, но Павел упредил ее:

— Спокойно, тетя Соня, опасности нет! Вот бурьян подпалил, все равно мешает... Завтра буду новую изгородь ставить... И сортир тоже новый сделаем, с соседом...

Убедившись, что огонь, пожрав кусты, быстро угасает и не угрожает постройкам, хозяйка, поворчав для порядка и истребовав от Павла твердого обещания восстановить причиненный ущерб, удалилась. Двух распростертых под тополем тел она не заметила...

Иван, выбежавший на шум, ошарашенно таращился на следы пожарища. Приложив ладонь к бровям, он некоторое время всматривался в лицо Павла, напоминавшее маску в багровых отсветах тлеющего кустарника.

— Что случилось?! Мне показалось...

— Тссс... Тихо, Ваня... Фонарь есть дома?

— Должен где-то быть. А зачем...

— Да успокойся ты,— досадливо поморщился Павел.— Не задавай лишних вопросов — и без того проблем хватает. Лучше сбегай домой, притащи фонарь.

Иван ушел к себе. Через три минуты он возвратился со старой керосиновой лампой довоенного производства. К этому времени дотлели последние остатки кострища и во дворе и прилегающей к нему части огорода опять стоял беспробудный мрак — луна только что заскочила за облака. Поковырявшись немного, Иван с грехом пополам зажег фитиль.

— Ну-ка, посвети сюда,— Павел осторожно развернул лежащие на земле тела, стараясь не дышать глубоко — воняло омерзительно. Неровный свет лампы вырвал из тьмы два бесформенных, обугленных капюшона с прорезями для глаз.

Иван дернулся назад, едва не выронив светильник.

— О Господи... Это... Это вы их?!

Павел не ответил — сам пристально рассматривал тела...

Кострище догорело. Мигнув пару раз, задрожал и погас фитиль в лампе, которую держал Иван. Из-за облака выглянула луна, осветив все вокруг безжизненным призрачным светом. На некоторое время воцарилась гробовая тишина; Павел и Иван замолкли, потря-

сенно созерцая картину, которую представляли два неподвижных тела с запахом горелого мяса.

Иван прокашлялся, собираясь нарушить молчание...

Вдруг, конвульсивно востепенувшись, один из лежавших вскочил! Механическим движением сорвал с головы капюшон и, хорошо различимый в свете луны, окровавленный, страшный, с безумными глазами на обугленном лице пошел на Павла, вытянув вперед скрюченные пальцы.

Пальцы внезапно воскресшего сомкнулись на горле Павла. Боль вернула к действительности, сбросив столбняк, охвативший его при виде столь трудно объяснимого явления... Гортань сдавило, словно клещами. Павел, хрипя, пытался разомкнуть эти клещи — и не мог...

Иван, зачарованно глядя на сцену борьбы, словно в полусне, медленно передвигаясь, подобрал с земли толкушку, примерился и, немного подумав, как следует трахнул душителя по затылку. Вскрикнув, тот выпустил свою жертву, сложившись пополам, боком упал на землю.

Пульс не прощупывался. Второй в капюшоне тоже не подавал признаков жизни. Иван, уже уставший за этот вечер удивляться, безучастно наблюдал за манипуляциями Павла.

— Это... Это вы их? А-а-а, ну да... Кто такие вообще? Как будто обкуренные... И вонь такая! — Иван зажал нос ладонью.

— Да нет, не обкуренные... — Павел поднялся, вытер локтем пот со лба. — Это кое-что другое! От дядечки твоего подарочек... Шустрый, однако, мужичок!

— Вы мне в конце концов объясните, что все это значит? Ну, весь этот цирк — биты, штуки с памятью, парни горелые эти...

— Объясню, Ваня, непременно объясню! Об этом, — Павел махнул рукой в сторону трупов, — об этом придется поставить в известность местные власти. Не думаю, что можно как-то скрыть сей прискорбный факт. Но прежде мы должны закончить разговор. Пошли к тебе...

— На чем мы там остановились? — продолжил Павел после того, как они оказались в доме Ивана. — Ага, на бинтах...

— Да, бинты! Записи на повязке. — Иван развалился

на диване, массируя голову, — напряжение начало отпус-
скать, одновременно вернулась головная боль. — Дайте я
еще раз прочту.

Павел достал из кармана злополучную повязку и
протянул ее Ивану. Тот, несколько раз пробежав глаза-
ми написанное, откинулся на спинку дивана и уставил-
ся в потолок, шевеля губами.

— Что за чертовщина? Околесица какая-то... По-
том вы там что-то сказали насчет дяди... Ну, насчет
подарочка! И тут тоже, — он указал глазами на бин-
ты, — тут тоже сказано, что дядя... В общем, что-то
непонятное!

Павел, до этого нервно вышагивавший по комнате,
понемногу успокоился. Он взял стул, поставил напро-
тив дивана, оседлав его, сложил руки на спинке и
пристально, в упор, уставился на Ивана. Через некото-
рое время Иван почувствовал, что боль куда-то уходит,
голова становится ясной...

— Вы что, точно экстрасенс? — глупо улыбаясь, по-
интересовался Иван. — Второй раз за сегодняшний вечер
меня лечите...

— Это не так важно... Боль не должна раздражать
тебя, тебе сейчас нужно быть предельно внимательным
и собранным. Перед тобой стоит одна-единственная
задача — принять на веру все, что я тебе расскажу.
Потрудись все оценить серьезно, потому что многое
может показаться просто бредом, если судить об этом,
исходя из обычных житейских стандартов. Ну, по по-
рядку. С момента падения во дворе до возвращения
домой из больницы ты, конечно, ничего не помнишь,
верно?

— Ну почему? — Иван наморщил лоб, пытаясь при-
помнить детали. — Кое-что помню — смутно так, будто в
больнице был... Детали не помню — такое впечатление,
как будто мне об этом кто-то рассказал!

— Хорошо, — продолжал Павел. — Моя тетка, как она
утверждает, «скорую помощь» не вызывала... И вообще
не видела, как ты падал или лежал у себя во дворе.
Подозревать ее в выдумке, я полагаю, нет смысла —
зачем ей лгать?!

— Да, верно, — неуверенно пробормотал Иван, —
только...

— Что только? — поинтересовался Павел. — Ты хо-
чешь сказать, что она старуха и может кое-чего не

помнить? Что у нее, возможно, просто-напросто старческий склероз? Ты знаешь, я общаюсь с ней несколько дней кряду — так вот, сделал интересное наблюдение. Старушечья сохранила великолепную память, дай Бог, любому! Она помнит, кому чего продала год и более назад, может по памяти перечислить ассортимент товаров в своем магазине, а он достаточно обширен. Кроме того, она просчитывает в уме все свои торговые операции! Ты меня понял?! Бабка не врет и не забыла ничего! Что бы это значило, друг мой?!

Иван пожал плечами и опять уставился в потолок.

— Далее,— продолжал Павел,— инспектор ГАИ утверждает, что два дня назад, ночью ты с каким-то парнем, как он выражается, рассекал на катафалке. Причем, в непотребном виде.

— Да, он говорит... Насчет конторы чего-то и вообще,— подтвердил не очень-то охотно Иван.— Наручники, псих...

— Контора — это в просторечии КГБ,— пояснил Павел.— Я думаю, ты в курсе. Наручники, псих — при детальном рассмотрении всего этого месива можно составить вполне логичную картину, если, конечно, иметь ключ ко всему этому добру. И вот он, этот ключ.— Павел встал со стула и взял у Ивана бинты.— Запись на повязке! Да, это самое главное — без этого бинта, легкомысленно выброшенного тобой на помойку, не было бы никаких делов. Что поделаешь, жизнь устроена так, что некоторые, не задумываясь, выбрасывают то, что нужно им больше всего на свете, в то время как другие находят там, где не ожидают. Находят как раз то, что им тоже нужно, может быть, не больше всего в жизни, но нужно!

— Чего-то вы в философию ударились,— улыбнулся Иван.

— Да, да,— спохватился Павел.— Давай о деле. Но сначала вот что. Теперь, когда ты стал участником этой игры, не плохо было бы ознакомиться с правилами. А то получишь желтую карточку или вообще будешь дисквалифицирован. Я нахожусь здесь для того, чтобы выяснить, чем занимается один тип, проследить его связи и выявить намерения. Не в частном порядке, а от лица одного ведомства, которое занимается делами подобного рода.

Иван с интересом уставился на Павла.

— Я так и думал! Что-то, думаю, здесь не так! Вот оно, оказывается...

— Не торопись, друг мой! — Павел усмехнулся, покачал головой. — Это знание, увы, тебе ничем не поможет. В этой стране наша организация так же нелегальна, как РСДРП до революции. Поэтому после нашего разговора ты обо всем забудешь и никому ничего не скажешь. Ясно?

— Ну, скажете тоже! — Иван даже обиделся слегка. — Я буду нем как могила! Под пытками...

— Не надо под пытками, — перебил Павел, досадливо морщась, — не надо... По странному стечению обстоятельств у лица, меня интересующего, цвет лица, пардон за каламбур, — желтый! Последствия неудачного эксперимента с химикатами. Как только я прочел записи на повязке, а это вышло совершенно случайно, я понял, что нашел то, что мне нужно! Это просто удача! Невероятная удача. Так повезти может раз в жизни, понимаешь?! Или вообще не может. Пошел выносить мусор на помойку, иду обратно, а в щель между тапочком и оторвавшейся подошвой попадает бишт! Представляешь?! Я его вытаскиваю чертыхаясь, и вдруг... Знаешь, как бывает, — открываешь книгу где-нибудь посередине, бросаешь взгляд, и вдруг, совершенно независимо от твоей воли, он выхватывает какое-нибудь слово или выражение, которое ты раньше неоднократно слышал или которое у тебя на уме. Потом ты это слово или выражение несколько минут ищешь на этой самой странице! Так и здесь — вытащил из тапочка бишт, швырнул его подальше, а перед этим, совершенно невзначай, бросил взгляд на кровавые разводы, и выхватил мой мозг — ЖЕЛТЫЙ!!! Ты себе представить не можешь! У меня волосы на голове дыбом встали! Я минут пять стоял как огорошенный. Это просто поразительно! После такого и начинают верить в Провидение... Во всех картотеках мира этот тип проходит под кличкой «Желтый». Улавливаешь?! Добавлю так же, что это — психоаналитик высшего класса, специалист в нескольких отраслях науки и, кроме того, экстрасенс и пройдоха, каких свет не видел.

Далее. Твой дядя — нейрохирург высшего класса. В записях на повязке указано, что ты прооперирован. Это значит, если только я не ошибаюсь, что мы имеем дело с величайшим открытием в области хирургии головной

го мозга. Величайшим и крайне опасным, понимаешь? До сих пор Краузе — это подлинное имя Желтого — занимался примерно следующим. Ну как тебе... В общем, грубо — происходит контакт с нужным человеком, его вводят в состояние гипноза, дают команду выполнить какое-нибудь задание: сделать что-либо, подписать нужную бумагу, перевести такую-то сумму на такой-то счет... Да мало ли?! Однако здесь Краузе встречал массу проблем. Во-первых, не все в равной степени подвержены гипнотическому воздействию. Во-вторых, есть немало людей, которые, подобно Краузе, могут владеть искусством гипноза, могут раскодировать загипнотизированного ранее. Кроме того, очень большой риск при контактах. Метод несовершенен, — чтобы соответствующим образом обработать пациента, необходимо создать определенные условия, ввести его в исходное состояние, в ряде случаев дать какое-нибудь психотропное средство...

Когда сегодня утром я нашел твою повязку, мне пришлось проделать довольно большой объем работы по проверке наиболее правдоподобной версии, которая сама напрашивалась после недолгих размышлений. В частности, съездить в город, навести справки о твоём дяде, психиатрической клинике в Климовке, сыщике Сергее... Твой дядя достиг выдающихся успехов в нейрохирургии и на данный момент является одним из лучших специалистов в операциях на головном мозге. Правда, он очень часто, ну, очень — улавливаешь? — отсутствует на работе, прогуливает. Но за талант его прощают.

Клиника стоит на месте, где ей и полагается. Заведующего клиникой, несмотря на то, что в городе он бывает редко — живет при клинике, поскольку одинок, видели некоторые жители города. И все утверждают, что у него довольно странное лицо — какое-то желтое! И хотя он постоянно носит черные очки, говорят, что сразу видно, что это урод, каких свет не видел... Может быть, конечно, привирают кое-что, но все-таки...

Неделю назад один из агентов частного сыскного бюро Старикова попал в больницу с черепно-мозговой травмой. Через два дня после того, когда тебя в последний раз видела моя тетка, в день твоего приезда домой. Улавливаешь? Да, сыщика зовут Сергей.

Связав все эти картинки воедино, мы можем довольно четко представить себе следующее.

Тебе и этому парню-сыщику сделали операции. Скорее всего, твой дядя — больше некому. Он работает на Краузе. Каким образом они сошлись, остается только гадать. Есть несколько версий, но нет времени отрабатывать каждую детально, а без отработки это так, просто гипотезы. Дальше. Вам удалось каким-то образом написать послание — вот оно, перед нами. Возможно даже, вам удалось бежать из клиники, но, судя по конечному результату, вы были водворены обратно. Это опять гипотезы, но с очень реальной подоплекой. Многое предстоит выяснить, — Павел стал погибать пальцы. — Связь твоего дяди с Краузе, гараж, как указано в записи, лаборатория, примерное количество прооперированных в городе, к каким категориям принадлежат эти люди, вообще насколько глубоко успел внедриться этот тип и что он собирается делать в ближайшем будущем. Работенка грядет неслабая. И еще. Я думаю, на повязке этого сыщика тоже была записка. Если вы были вдвоем, обязательно должны были написать два послания, на всякий случай... Вопрос только в том, куда делась эта вторая повязка. Может быть, ее постигла участь твоих бинтов, а может быть... В общем, всякое может быть! Нужно проверить.

— Интересно, каким это образом нам удалось накапать два послания? Этот Желтый, выходит, совсем кретин — не смог организовать нашу охрану или какой-нибудь контроль? — Иван уже не таращился, воспринимал действительность с философским спокойствием. Сказалось напряжение сегодняшнего вечера и последующее расслабление.

— Ну зачем же кретин! — заступился Павел за Желтого. — Мало ли чего могло случиться? Во-первых, очевидно, до этого ни разу не было подобных срывов, а это ослабляет бдительность, создает ощущение безопасности. Во-вторых, возможно, до этого Желтому не попался такой человек, как ты. Ты только не пыжься, я не хочу сказать, что ты супермен, но... Насколько я разбираюсь в подобных вещах, после такой операции человек не в состоянии не только на катафалке рассекать, но и самостоятельно в туалет сходить! Там длительное время идет такой «отходняк» от наркоза или обезболивающих, что даже говорить неохота — язык сводит. Я пару раз

попадал в подобную ситуацию. Поэтому, очевидно, никто и не рассчитывал, что вы сможете что-то сделать. А вы — вон как. Какой-то просчет имел место, бесспорно... Вот и выходит, что после операции вы, находясь, как принято выражаться в подобных случаях, в здравом уме и твердой памяти, накатали вот это, — Павел указал на бинты.

— Кровью написали! В принципе ничего странного, очевидно, больше ничего подходящего не нашлось. — Павел задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— И, судя по рассказу гаишника, вы где-то там прихватили катафалк. Катафалк — вот это странно. Откуда бы? Ну, да ладно...

— Вот так дела! — Иван встал с дивана, прошелся по комнате, сосредоточенно морща лоб. — Если бы вы не нашли повязку, все заглохло бы! Я, естественно, не прочитал бы эту запись на бинтах. Да если бы и прочел, ни за что бы не поверил. Это же чушь собачья! Еще, может быть, у дядечки спросил бы, что да как?! Ха-ха-ха, — отчетливо и громко произнес Иван по слогам, очень уж мрачная перспектива вдруг начала вырисовываться...

— Павел свернул бинты и уложил в карман ивановой тенниски. — Береги — это единственный свидетель реальности, которая кажется бредом. Если что случится... А впрочем, если что случится, уже ничего не понадобится. Ладно. Нужно решать насущные проблемы. Ко всему прочему, у меня сейчас маленькая неприятность. На мне, как у вас выражаются, висят два жмурика. По законам любой страны убийство, даже совершенное при необходимой обороне, является тяжким преступлением.

— Ну почему же на вас!? — Иван гордо расправил плечи, во взоре его загорелся огонь. — Я тоже...

— Молчать, солдафон! — Павел усмехнулся. — Ишь ты, жертва. Ты тоже — это уже групповое! Кроме того, если «ты тоже», то суд не будет усматривать в наших действиях, приведших к гибели двоих людей, элементов необходимой обороны. То есть будет, но с огромным превышением. Кроме того, я же сказал, что предстоит много работы! Так вот — всю работу проделаешь ты. У тебя просто нет выбора. За это, — Павел махнул рукой в окно, — за это меня обязательно возьмут под стражу. Это ясно. А пока я тебя всесторонне проинструктирую. Да,

кстати, надо будет посмотреть, нет ли чего у этих горелых на голове — уж очень странно они себя вели! Но это чуть позже. Я дам тебе координаты этого Сергея, ты найдешь его и убедишь во всем, что знаешь. Обязательно, понял? Он тебе нужен — вдвоем вам будет значительно проще.

И еще о записке. Там сказано, что Краузе ищет самолет Вольфгаузена. Готовясь к работе здесь, я тщательно изучил все материалы, хоть как-то связанные с этим делом. В принципе самолет никак не связан с Желтым. Но совершенно случайно и из других источников, совсем по другому делу, я знаю, о чем идет речь в записке.

Многие величайшие умы человечества охотятся за бумагами этого полусумасшедшего доктора, который давно погиб. Возможно, все это вымысел, чья-то злая шутка. Однако из-за вот этих самых предполагаемых бумаг уже погибло очень много людей. Боюсь, как бы и здесь не потянулся кровавый след. Сейчас я тебе кое-что напишу, передашь человеку, которого я тебе назову. На некоторое время я буду выключен из дела судебной процедурой. Сюда, скорее всего, пришлют другого агента, может быть, целую группу. Если я буду молчать, точно группу пришлют. Так что ты должен будешь обязательно передать мое письмо. Ты, очевидно, тоже будешь каким-то образом задействован в работе. Я не спрашиваю, согласен ты или нет — у тебя просто нет выбора. Если ты хочешь избавиться от контроля над твоей дырявой головой.

И вообще, представь себе, закодированные генералы, пилоты стратегических бомбардировщиков, капитаны атомных подводных лодок, президенты наконец!!! А ведь это вполне возможно, ну чем отличается генерал от обычного человека? Он тоже иногда обращается за помощью к врачам и не особо-то соображает, чего они там с ним вытворяют. А если ко всему этому приложить максимум усилий и незаурядный талант?!

— Я просто... Нет, это вы чересчур! Это вы... А как этот вскочил?! — вдруг неожиданно вспомнил Иван, — похлеще, чем в любом ужаснике! А ведь на его месте мог бы и я... Ну уж нет! Вот вам, а не робот, — Иван сделал неприличный жест, — я их всех сделаю!! Ж-Б!!!

— Что такое «Ж-Б»? — поинтересовался Павел, с

улыбкой наблюдавший за сменами настроения своего собеседника.— Это что, ругательство такое?

— Нет, что вы? Какое ругательство? Это у нас так говорят — железобетон значит. Ну, в общем, все будет настолько же верно и прочно, как железобетон. Живым не дамся!

— Хорошо, хорошо,— перебил Павел воспламенившегося борца за поправленную независимость головы.— Действовать нужно очень и очень осторожно. Возможно, как сказано в записке, многие чины этого города уже под контролем Краузе. Кстати, это предстоит выяснить. Если ты приобретешь компаньона в лице сыщика, для него это не составит особого труда. Нужно будет просто разузнать, кто поступал в лечебные учреждения с черепно-мозговыми травмами, ну, скажем, за последние полгода. А также кто за последнее время проходил курс лечения в психиатрической клинике. Этих проверить наиболее тщательно. На основе этих данных впоследствии можно будет сделать анализ — с достаточной точностью определить круг людей, которые могут быть полезны Краузе.

— Интересно,— вдруг совсем некстати спохватился Иван.— А зачем я-то им понадобился? Ну, сыщик — ладно, какой-нибудь секрет, может, выследил или что-то узнал про них. Ну, а я? Ведь не из-за родственных связей с моим дядечкой?!

— Не торопись, друг мой,— утихомирил Павел Ивана.— Трудно сказать, зачем ты им был нужен сейчас. Тут можно только гадать. А вот если они собираются искать самолет, точнее, останки самолета Вольфгаузена, погибшего в катастрофе... Если учесть, что ты располагаешь ротой спецназа, вооруженной до зубов и имеющей отличную подготовку... Если учесть, что, возможно, твою роту направят в то место, где поблизости может находиться этот злополучный самолет... Не будем забывать голову всякими домыслами, у нас и имеющихся фактов достаточно, чтобы загрузить работой пару отделов ЦРУ.

— Павел Васильевич! — Иван неожиданно даже просветлел лицом, настолько, как ему показалось, хорошая мысль пришла вдруг в голову.— А... ваша организация, она что, не в состоянии вас избавить от тюрьмы?

— Глупыш! — Павел грустно улыбнулся.— Да разве я стану обращаться с такой мелочью? Моя карьера здесь

завершена — для организации я труп. В данное время, в данном месте. Кроме того, я совершил чудовищный проступок, посвятив тебя в подробности. Я не должен был этого делать ни при каких обстоятельствах! Пони-маешь?! Вот рожа будет у советника, когда ты передашь ему мое письмо! — Павел на секунду закрыл глаза, представляя, какая это будет рожа. Очевидно, увиденное ему здорово не понравилось, потому что он тот час же широко раскрыл глаза и потряс головой.

— Хотя мой проступок вызван необходимостью. На-деюсь, они это поймут. Ну, а для организации я уже больше не существую. После того, что случилось, я должен сам уладить трения с законом, коли уж влип — так отвечай! Ну, ладно. Мне нужен конверт, лист бума-ги, ручка и двадцать минут...

Окончив писать, Павел запечатал письмо в конверт и протянул его Ивану.

— Спрячь. Береги как зеницу ока. Впрочем, если у тебя его отберут, прочесть все равно никто не сможет — зашифровано. Если это случится, скажешь, что какой-то мужик просил передать. Однако надо постараться, чтобы сие послание дошло по назначению.

— Не отберут! — воинственно воскликнул Иван, де-лая страшные глаза, — я его съем, если что!

— Ну, ну, полегче, — досадливо поморщился Па-вел. — Вот уж, поистине дурное влияние кинематографа на подрастающее поколение. Не нужно играть, Ваня. Сразу после того, как обработаешь сыщика, поедешь в Москву. Даже если не обработаешь, все равно поедешь, не задерживаясь ни на минуту, этот пункт самый важ-ный в дальнейших мероприятиях!

Позвонишь по телефону, который я тебе дам, попро-сишь к трубке советника посла по безопасности. Когда он подойдет, попросишь назначить тебе срочное свида-ние. По телефону ты должен говорить кратко. Скажешь, что ты от Ахилла и что у тебя есть информация группы «А». Потом найдешь швейцарское посольство, убедишь-ся, что за тобой не следят, и постарайся войти туда, по возможности незамеченным. Это, конечно, тебе не удастся, но главное — то, что ты все-таки войдешь! Это главное. Скорее всего, тебя потом возьмут в оборот ваши работники госбезопасности. Это в том случае, если советник решит, что ты не нужен для дальнейшего выполнения задачи. Ну, а если ты понадобишься, тогда

тебе все расска-
тара работает в
ния посольства
и на стенах по
ности есть не
болел — и все!
попросил пере-
ешь.

— Постойте
же... Это же ст
это же или ш
так?

— Ну вот с
человек! Шпио
равленно пров
интересов. Ну,
письмо... Вооб
все, Ваня, — Па
мым, что сам
приятного исх
Однако есть ц
как быть. Но
Можно не идт

— Да хват
рвал Иван, —
этим тварям,

— Не над
Павел. — А се
Прихвати сво
ших приятеле

Возможно
весьма обычн
уровня — как
только не И
ное, захватил
дому. Постоя
лись к пепел

— Дай-ка
земле трупам
что был без
лицо с отк
больше пох
кошмара.
Преодоле

тебе все объяснят. Будь очень внимателен — ваша контора работает круто! Даже если тебя возьмут до посещения посольства, постарайся добиться встречи с послем и на словах передать ему, что для советника по безопасности есть новость — Ахилл заболел. Понял? Ахилл заболел — и все! А вашим конторщикам скажешь, что это попросил передать один мужик, какой — сам придумаешь.

— Пойдите, пойдите, — перебил Иван, — да ведь это же... Это же статья! Если меня загребут у посольства, это же или шпионаж, или измена Родине?! Разве не так?

— Ну вот еще! Уж очень вы круто берете, молодой человек! Шпионаж. Никто не докажет, что ты целенаправленно проводишь линию на ущерб государственных интересов. Ну, подумаешь, попросил мужик передать письмо... Вообще-то, конечно, если заметут, считай — все, Ваня, — Павел покачал головой, показывая тем самым, что сам не исключает возможности неблагоприятного исхода. — Ты очень здорово рискуешь. Очень. Однако есть шанс. Ты, пожалуйста, взвесь все и реши, как быть. Но выбора нет. Или идти, или не идти. Можно не идти, но идти нужно.

— Да хватит философствовать, — решительно прервал Иван, — я уже давно все решил. Чтобы досадить этим тварям, я готов хоть пожизненно в тюрьму!

— Не надо пожизненно, Ваня, — задумчиво произнес Павел. — А сейчас пошли ко мне, я тебе кое-что дам. Прихвати свою чудо-лампу, посмотрим заодно на наших приятелей — чего там у них на голове.

Возможно, подобная реплика вывела бы из равновесия обычного представителя среднестатистического уровня — как же, пойдем, взглянем на трупы... Но только не Ивана — он воспринял указание как должное, захватил лампу и вслед за Павлом вышел из дому. Постояли во дворе, прислушиваясь. Приблизились к пепелищу.

— Дай-ка лампу, — Павел подошел к лежащим на земле трупам, направил свет лампы на голову того, что был без капюшона. Искаженное, обезображенное лицо с открытыми глазами было залито кровью и больше походило на страшную маску из дурного кошмара.

Преодолевая отвращение, Павел внимательно осмот-

рел голову поверженного, для чего пришлось трогать ее руками. Несмотря на свернувшуюся кровь, обильными сгустками покрывавшую череп, в районе лобных долей, ближе к темени, под короткими волосами был хорошо различим небольшой подковособразный шрам...

— Так я и предполагал.— Павел встал, направился к дому, увлекая за собой Ивана.— Думаю, нет резона осматривать второго.

В своей комнате Павел достал из-под кровати старый потрепанный чемодан, распахнул его темно-синие суконные недра.

— Вот деньги,— передал Ивану толстую пачку сиреневых ассигнаций. Заметив его колебание, усмехнулся.— Вот совдеповская закваска! Бери, не на себя тратить будешь! Организация оплачивает необходимые расходы, они у тебя возникнут обязательно. Теперь по экипировке,— Павел извлек из чемодана несколько предметов.

— Обычная китайская ручка с золотым пером. Отворачиваешь колпачок, нажимаешь на поршень — доза нервно-паралитического газа. Пспасть нужно в лицо. Смотри, не вдохни сам. Вообще чего я тебя учу — сами народ травите, на демонстрациях и митингах...

— Мы этим народ не травим,— гордо возразил Иван.— Это очень дорогое удовольствие. При общении с народом с лучшей стороны себя зарекомендовало изделие ПР-73. Просто и безотказно,— скромно улыбнулся он.

— ПР-73?! — удивился Павел.— Ну-ка, ну-ка! Что-то я не слышал про такой газ. Это что-то новое? Последняя модификация? Или это служебная тайна?

— Ну что вы! — засмущался Иван.— Это уже давно! Это палка резиновая, 73 сантиметра.

— Ах вот оно что! — Павел усмехнулся, почесал затылок.— Вот это пробел! Ну ладно, постигая, приобретаешь. Так, что там дальше из предметов экипировки? Ага,— в руках у него появилась зажигалка,— универсальная фотокамера. Пленка в тридцать кадров. Направляешь этим торцом на объект, слегка нажимаешь на рычажок — снимок готов. Если нажать до щелчка, появится пламя, пленка будет уничтожена. Проявить можно только в специально оборудованной лаборатории. Необходимо в первую очередь сфотографировать твоего дядю, клинику, гараж и так далее, но

самое главное — постараться запечатлеть Желтого. Если удастся, конечно, в чем я сильно сомневаюсь. Там будет видно. Далее,— Павел передал Ивану несколько иголок с пластмассовыми головками и небольшой микрокалькулятор.

— Это радиомаяки. Иголочку аккуратненько за лацкан пиджака или еще куда, чтобы клиент не догадался. На калькуляторе набираешь код,— при слове код Иван слегка поморщился.— Вот эта комбинация цифр: 2-12-85-06. И смотришь на табло. Здесь высвечивается цифра, количество метров до маяка. Справа стрелка — направление от твоего места нахождения до преследуемого. Очень просто и удобно. Правда, присутствие маяка можно обнаружить, имея специальную аппаратуру, но я далек от мысли, что таковая имеется у наших приятелей. Ну вот и все, больше тебе пока ничего не понадобится. Все запомнил?

— Все,— уверенно кивнул Иван и тут же спросил: — А оружие вы мне не дадите? Какой-нибудь пистолет...

— Оружие?! — Павел ядовито рассмеялся.— В сарае стоит гаубица, получишь утром у тети Сони. Выкажишь на прямую наводку и раскатаешь клинику по бревнышкам. Эх, Ваня...— Павел перестал смеяться, тяжело вздохнул.

Иван засмутился, ему стало совестно.

— Да ладно, я понимаю прекрасно, что дело деликатное.

— Вот, вот,— проговорил Павел, внимательно рассматривая Ивана, как будто впервые увидел его в каком-то новом качестве.— Твое оружие — голова. Голова, понял?! Она иногда требуется для иных целей, нежели ношение каски. Давай без резкостей и прочих фокусов. Мы должны их обмануть, понял?!

— Понял, Павел Васильевич, понял! — с жаром воскликнул Иван.— Если потребуется, я их голыми руками передую!

Павел сочувственно посмотрел на душеителя, покачал головой, тяжело вздохнул.

— Эх Ваня, Ваня... Боюсь я за тебя. Точнее, не за тебя даже. Твоя гибель по масштабам этой суперпако-сти практически ничего не стоит. Ни-че-го. Уж больно молод ты, горяч. Ну да ладно, выбирать не приходится.

А теперь — прощай. Я пойду будить участкового.

СЛЕДСТВИЕ

Странная ситуация, которая вырисовывалась в ходе расследования дела о двойном убийстве, заставила следователя РОВД Советского района изрядно поломать голову.

Во-первых, начисто отсутствовали мотивы. Прицепиться было абсолютно не к чему. Убитые при нападении на Ануфриева Борцов и Ломакин были с ним не знакомы. Более того, Ануфриев 20 лет не был в Перищеве и ни с кем из его жителей, а так же жителей города дел не имел.

Борцов и Ломакин были довольно хорошо известны в городе, а так же за его пределами. Оба — заслуженные мастера спорта по борьбе, работали до момента гибели тренерами облсовета «Динамо».

Путем многократных опросов свидетелей по делу удалось установить, что погибшие при жизни никогда не встречались с Ануфриевым. Практически вся жизнь мастеров проходила на виду у широкого круга людей. Поездки в составе команд, различного ранга соревнования, турниры — везде им сопутствовала многочисленная свита, знавшая практически все о жизни спортсменов с большой буквы. Да и что общего может быть у таких людей с заурядным слесарем депо Москва-Сортировочная?

Из показаний Ануфриева следовало, что он подвергся нападению после того, как уехал нейрохирург Бабинов, навестивший племянника, недавно получившего травму. Бабинов, врач «скорой помощи» и водитель показали, что понятия не имеют о спортсменах, что подтвердилось в ходе следствия.

Последний автобус, уходящий в город, убыл из Перищева примерно за три часа до происшествия. Опрос местных жителей показал, что никакая другая техника после убийства автобуса в поселок не приезжала. Спортсменов в деревне никто не видел, что тоже было нетрудно проверить — любой чужой человек, появившийся там, непременно бы привлек внимание и стал бы объектом пересудов и досужих толков. В общем, определить, каким образом мастера попали в Перищево, было весьма и весьма проблематично. Разве что предположить, что Бабинов, в сговоре с врачом и водителем «скорой помощи», тайком спрятали спортсменов где-

нибуть в ма...
кусты Ануфри...
абсурд...
И еще одна
ки. Как полу...
делом жизни
справиться с н...
который, пом...
ударить живот...
действовал агр...
состоянии сил...
жил внезапный...
чивших из ог...
тоже была все...
ки, Ануфриев
впасть в состо...

Зачем спор...
Как они попал...
Почему смерт...
анатома, наст...
репа и дефор...
должно было...
гов? Спортсма...
как на их го...
Почему спорт...
показала эксп...
в самом цент...
было достато...
мощь и вообш...
И еще мно...
ответа. А тут...
давно перене...

Выйдя из...
ожидают. У...
человек сред...
несколько ст...
странно выд...
ные глаза, ко...
4*

нибудь в машине, завезли в Перищево и подбросили в кусты Ануфриевского двора! Но ведь это же явный абсурд...

И еще одна деталь не укладывалась в обычные рамки. Как получилось, что двое здоровенных мужчин, делом жизни которых было единоборство, не смогли справиться с невзрачным сорокапятилетним мужичком, который, похоже, понятия не имеет, как это можно ударить живого человека! И, как показало следствие, действовал агрессивно только потому, что находился в состоянии сильного аффекта, причиной которого послужил внезапный страх, охвативший его при виде выскочивших из огня черных фигур... Хотя такая реакция тоже была весьма нестандартной, как утверждают медики, Ануфриев должен был просто оцепенеть от страха, впасть в состояние прострации.

Зачем спортсмены натянули на головы капюшоны? Как они попали в поселок? Что хотели от Ануфриева? Почему смерть, как следовало из заключения патологоанатома, наступила вследствие обширного пролома черепа и деформации мозга, а не от болевого шока, что должно было произойти при наличии ужасающих ожогов? Спортсмены должны были погибнуть еще до того, как на их головы обрушилась толкушка Ануфриева! Почему спортсмены не кричали от боли, хотя, как показала экспертиза, целых две минуты они находились в самом центре горящего, как порох, бурьяна и у них было достаточно много времени, чтобы звать на помощь и вообще как-то привлечь к себе внимание?

И еще много вопросов и ни одного вразумительного ответа. А тут, как назло, разболелась голова после недавно перенесенной черепно-мозговой травмы...

СЕРГЕЙ ЗАБЫЛ

Выйдя из конторы в обед, Сергей обнаружил, что его ожидают. У подъезда нетерпеливо слонялся молодой человек среднего роста и крепкого телосложения. На несколько скуластом, не лишенном приятности лице странно выделялись ошалелые, с чертовщинкой, зеленые глаза, которые буквально принялись пожирать Сер-

гея. Незнакомец поздоровался и без обычных для клиентов замешательств сразу, в лоб спросил:

— Вы точно Плеханов? Сергей Николаевич?

Сергей усмехнулся — ишь какой резкий пацан!

— Может быть. А зачем вам именно — точно? У вас ко мне дело?

— Да, дело, — незнакомец осмотрелся по сторонам и беспокойно стал растирать запястье, — очень серьезное дело. Если вы можете уделить мне немного внимания... — Сергей поморщился — опять какой-нибудь ревнивый муж. Это ж такая публика, как прицепится...

— Вот что. Сейчас у меня обеденный перерыв. А в перерыве я делами не занимаюсь. Приходите после обеда, тогда и поговорим. Но недолго, я очень занят.

Незнакомец нехорошо задергал левой бровью, глаза его внезапно наполнились сильно концентрированным мутным ультрамарином.

— Я вас очень прошу! Это крайне важно не только для меня! Всего лишь десять минут — и вы все поймете! Ну?! — Это «НУ» было произнесено с таким нажимом, что Сергей сдался — черт его знает, может, действительно что-то серьезное, вон какая неадекватная реакция на отказ.

— Ладно. Я обедаю в кафе «Раб желудка». Отсюда до него пятнадцать минут ходьбы, если идти не торопясь. Вы можете прогуляться вместе со мной и на ходу изложить суть вашего дела. Большим временем я не располагаю — занят. Устраивает?

— Ага. Устраивает! — Незнакомец заметно обрадовался и несколько расслабился. Двинулись. Незнакомец представился:

— Иван Андреев. Военнослужащий. Офицер. Сейчас в отпуске. Я заранее попрошу вас — не удивляйтесь, если в моем рассказе вам что-то покажется странным.

Сергей поморщился. Ну вот, сейчас начнется: я думаю, что она спит с таким-то... Черт бы побрал всех этих ревнивых мужей!

— Вы недавно получили травму, верно? — неожиданно огорошил «муж». — 99,5% что это так, точно?

— Ну, получил... А какое отношение это имеет к вашему делу? — удивленно спросил Сергей. — И почему именно такое количество процентов? Вы что, приверженец теории вероятности?

— Просто знаю, — скромно сообщил собеседник. —

Так что, я не ошибся? А при каких обстоятельствах вы получили травму?

— Но позвольте! — возмутился Сергей. — Насчет допроса мы не договаривались! Потом, какое отношение имеет моя травма к вашему делу?!

— К НАШЕМУ делу! — безапелляционно прервал собеседник, как-то хулигански надув щеку и с резким звуком выпустив изо рта воздух. — Имеет, имеет, вы не сомневайтесь.

— Ах, к нашему делу!!! Мы с вами уже подписали договор? — Сергей саркастически усмехнулся.

— Не пронижируйте, — нахмурился «муж», — договор подписали за нас другие, причем не спросив на то нашего согласия.

«Странный «муж», — подумал Сергей, с опаской наблюдая за собеседником. — Может, чокнутый?! Только этого не хватало!»

— Не знаю даже, почему это я должен отчитываться перед вами... — начал было он, но, увидев, как посуровело лицо спутника, решил не испытывать судьбу — кто его знает, что у него на уме? — Ну что ж. Если это имеет отношение к нашему делу, извольте. Поскользнулся в подъезде, ударился головой о батарею, результат — черепно-мозговая травма. Устраивает?

— Надо же! — криво ухмыльнулся собеседник, выражая такое недоверие к столь куцей версии, что Сергею даже на секунду стало совестно, что он не может приподнести нечто более весомое, нечто вроде кровавой групповой драки во время погони за преступником.

— Даже не потрудились другую версию придумать! Ну-ну... И все это время, конечно, пролежали в больнице?

— Ничего я не придумывал! — удивленно воскликнул Сергей. — Представьте себе, пролежал в больнице. Вчера меня выписали, сегодня — первый день на работе. Судимостей нет. Связей, порочащих меня, за последнюю неделю не имел.

— А повязку, — навязчиво, не обращая внимания на иронию, продолжал собеседник, — ну, бинты — что, сняли там же?

Сергей немного задумался.

— Простите, как вы сказали, вас зовут?

— Иван я, — тяжело вздохнул собеседник. — Иван. Так что с повязкой?

— Послушайте, Иван,— продолжал Сергей выяснять отношения,— вы уверены, что вам точно нужна эта информация?

— Да нужна, нужна,— Иван начал терять терпение,— не мне она нужна, а вам, я вам уже пять минут твержу!

— Ага. Ну понял,— согласился Сергей с обреченным видом.— Сняли бинты, конечно. Вчера, перед тем как отправить домой, медсестра сняла. Куда она их дела, тоже имеет значение?

— Имеет, имеет,— заверил Иван,— но это не столь важно... сейчас. А когда снимали бинты, медсестра вам ничего не сказала?

— А-а-а! Там были бриллианты! — не удержался, спаясничал сыщик,— а медсестра их утащила!

— Да перестаньте вы! — рассердился Иван. Сейчас он понял, как иногда он раздражал других в различных ситуациях, не к месту отпуская неудобопотребимые шутки.— Что вам сказала медсестра?

— Перестал,— серьезно ответил Сергей. Он начал понимать, что так просто, от скуки, нормальные люди не отлавливают в обеденный перерыв сыщиков и не задают им дурацкие вопросы насчет невесть куда пропавших использованных бинтов.— Сестра сказала, что на бинтах оказалась кровь. А ее там наверняка не должно было быть — шрам зарубцевался.

— Угу. Так оно и есть,— задумчиво резюмировал Иван.— А теперь послушайте и не перебивайте пожалуйста.— И он подробно-подробно поведал обо всех событиях, происшедших за последнюю неделю. В конце, когда они уже подходили к кафе, Иван упомянул, что довольно странным, на его взгляд, кажется то, что в записке сказано насчет того, что его дядя оказался маньяком, потому что при общей сумятице фактов это обстоятельство довольно трудно объяснить, а еще труднее проверить на практике.

Слушая собеседника, Сергей сначала пришел к выводу, что парень явно спятил. Однако спустя некоторое время ясность изложения и спокойное поведение Ивана заставили сыщика изменить первоначальное мнение.

— Вы, возможно, считаете, что я «поехал»?! — Понял сомнения собеседника Иван.— Так вот, я могу вам представить кучу свидетелей, которые совершенно беспристрастно могут подтвердить, как мы с вами той ночью разъезжали на катафалке и как нас потом забра-

ли сотрудники ГБ... Если вы позвоните инспектору ГАИ Турову и назоветесь врачом-психиатром из клиники, я думаю, он даст вам исчерпывающую информацию.

Они подошли к золотистой вывеске над входом в кафе, на которой красовалось аляповато раскрашенное «РАБ ЖЕЛУДКА» и был изображен пожилой, унылого вида гражданин с негритянским лицом, прикованный за ногу огромной цепью к огромному же, анатомически правильно нарисованному желудку, выкрашенному почему-то в ядовито-зеленый цвет.

— Ну что ж... — задумчиво протянул Сергей, покачивая головой. — Зайдем в кабинет заведующего, он мой приятель. Позвоним. Обязательно позвоним. Если все, что вы рассказали, правда... Кстати, я хорошо знаком с вашим дядей — мы вместе учились в меде... Ну, прошу, — он жестом хозяина распахнул дверь, приглашая Ивана пройти в холл с мягким журчанием кондиционеров и стандартными кадко-фикусами. Поздоровавшись со швейцаром, который раболепно привскочил со стула, Сергей повел Ивана по коридорчику, уходящему круто влево. Завернув несколько раз и напорвшись в каждом углу на аппетитные запахи, от которых у Ивана выступила слюна, они подошли к двери с бронзовой табличкой «Заведующий».

Павел не стуча широко распахнул дверь, пропуская Ивана вперед.

Заведующий был занят. Он полулежал в кресле, оседланный длинноногой девицей с задранной до подмышек юбкой. Девушка исполняла нечто среднее между ламбадой и танго, поводя плечами и мурлыча под нос какую-то приятную для слуха мелодию. Глянцевато подрагивали ее ягодицы, шоркая по неудачно приспущенным «бермудам» хозяина кабинета.

У Ивана, не имевшего плотного общения с дамами достаточно долго, учащенно заколотилось сердце. Он стыдливо отвернулся и попытался даже выйти из кабинета. Сергей придержал его и, не обращая внимания на парочку, прошел к стоящему на столе телефону, бросив на ходу:

— Привет, Макс. Нужно срочно переговорить с клиентом по делу. Может, ты уберешься на пять минут?

Заведующий, тучный мужик лет сорока, бесцеремонно согнал девицу, которая, абсолютно не смущаясь присутствием посторонних, спокойно одернула юбку,

успев при этом состроить глазки Ивану, сделала ручкой и вышла, покачивая бедрами. Амплитуда покачиваний настолько превышала допустимую, что, проходя через дверной проем, дама слегка зацепила бедром косяк. Вслед за ней, застегнув штаны и ни капельки не возмущившись, выплыл сам хозяин кабинета, всем своим видом выражая покорность нелегкой судьбе.

— Так, значит,— Сергей взял потрепанный телефонный справочник, полистал. Нашел фамилию одного из начальников отделения психиатрической клиники, затем номер Турова. Поднял трубку. Инспектор, как ни странно, оказался на месте.

— Капитан Туров слушает.

— Добрый день. Вас беспокоит начальник приемного отделения психиатрической клиники Молюев...

— Я слушаю!

— Я хотел бы выяснить кое-какие обстоятельства происшествия, которое недавно случилось у нас. Дело в том, что наши два пациента... Сумели самостоятельно покинуть клинику...

— А-а-а! Это те клоуны, на катафалке?! — Заметно оживился Туров.— Один еще вместо штанов какую-то рубашку, то ли кофту нацепил! Они что-ли?!

— В общем, да... Видите ли, я провожу служебное расследование происшествия и хочу, если это, конечно, вас не затруднит, чтобы вы описали в деталях, что помните о той ночи.

— Пожалуйста!!! — Очевидно, скандальчик, нарушивший однообразную жизнь провинциального гаишника, остался в его памяти ярким пятном. Он подробно, смакуя каждую деталь и безбожно привирая, описал события злополучного вечера. В конце повествования Туров посетовал, что сотрудники КГБ не вернули наручники.

Сергей, ошеломленно уставившись на Ивана, держал трубку в руке, несколько на отлете, не проронив ни слова.

— АЛЛО!!! — Вдохновенно орал Туров.— Что вы там замолчали, записываете, что ли?

— Да-да, записываю,— сыщик усилием воли взял себя в руки.— Другие очевидцы смогут подтвердить ваш рассказ?

— Да вы что, мне не верите?! Вся смена там была! Приезжайте к нам сегодня, они все как раз заступили. А что, вам от конторы здорово досталось? За то, что психов упустили?

Сергей прокашлялся.

— Ну, это не так важно. Внешность можете описать? Ну, вдруг это не они?

— Да они, они! — радостно вопил Туров, насилуя мембрану, — они, кому же еще быть! Один — среднего роста, коренастый, лет двадцати пяти, глаза зеленые. Крепкий такой. Это тот, что кричал, будто он — офицер. Я, кстати, вчера его видел. Его что, уже выпустили? Или опять удрал?!

— Он в отпуске. Знаете ли, мы даем больным отпуск, ну, тем, кто исправляется.

— Во блин?! — здорово удивился Туров. — Психа — в отпуск! Ну, вы там дайте! Второй — повыше, худощавый, вместо штанов какая-то кофта или рубашка, ну, сразу ясно — псих! Да, еще у него в верхнем ряду два зуба золотых, справа. — Сергей машинально потрогал языком золотые коронки у себя во рту. — И оба с повязками на головах — ну, не скажешь разве, что чокнутые?! Про банду какую-то несли... Да вы приезжайте!

— Спасибо, — прервал сыщик словоизвержение абонента, — вы нам очень помогли, спасибо.

— Ничего, пожалуйста. — Очевидно, на том конце провода Туров злопыхательски усмехнулся. — В следующий раз крепче держите своих психов, — посоветовал он, — а то — отпуск! Ха! Пока! — положил трубку.

Иван, прислушивавшийся к разговору, торжествующе спросил:

— Ну что, убедились? Хотите еще свидетелей найду?

— Значит, все-таки, это правда? — Сергей никак не мог до конца поверить в происходящее.

— Правда, Сергей Николаевич, правда. И очень страшненькая, надо вам сказать. Нас всего трое — вы, я и тот мужик, про которого я вам говорил. Только мы знаем, каково истинное положение дел и только от нас зависит, сделают эти твари свое дело или нет. Мне наплевать на их планы. Но вот то, что меня хотят сделать рабом чьим-то, типа работа, уж позвольте! Вы бы видели, как тот вскочил! Ну, после того, как его уже ухайкали, я вам говорил — у соседа в огороде... Не-е-ет, не выйдет! Надо сделать все, что только можно, чтобы досадить этим тварюгам. В этом городе многие, как вы и я, уже прокомпостированы. И эти люди занимают высокие по здешним меркам посты. Поэтому нужно быть предельно осторожными. Хорошо, что мы знаем,

откуда грозит опасность. Можно бороться. При личном контакте главное — не дать произнести код. Я, конечно, не знаю, какой. Но если кто-то, обращаясь к вам, попытается произнести набор слов, который вам покажется странным, нужно просто не дать ему договорить. Если по телефону, бросить трубку. Если так, тет-а-тет, вырубить его! — глаза Ивана кровожадно блеснули, он изобразил какое-то скручивание, — или заткнуть уши, убежать, в общем — не слушать.

Сергей встряхнулся, встал с края стола, на котором сидел.

— Ну да ладно. Как бы плохо ни было — как говорили древние, предупрежден, значит вооружен! И что же вы намереваетесь предпринять? Я так понял, что здесь обращаться к кому бы то ни было бессмысленно, если, как вы утверждаете, все у них в руках, верно?

— Я должен срочно выехать в столицу, я уже говорил, зачем, — сообщил Иван, несколько напыжившись — роль руководителя подпольной группы очень его вдохновляла. — Вы, пока я буду путешествовать, займетесь следующим, — он передал Сергею вещи, полученные от Павла, и подробно объяснил, как ими пользоваться. — В общем, соберете необходимую информацию, только аккуратноненько. Нет необходимости подставлять свою и без того продырявленную голову под липкие желтые лапы. — Внимательно посмотрел на Сергея, проверяя, правильное ли впечатление он произвел на сыщика, выступая в качестве шефа.

Они подробно обсудили план действий и распрощались. Сергей позвонил в контору, сообщил, что сегодня больше не придет, сославшись на недомогание. Наскоро, не обращая внимания на качество пищи, пообедал и отправился домой. От напряженной работы мысли голова, еще не пришедшая в норму, раскалывалась.

СБОР ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Утро следующего дня Сергей, бодрый и отдохнувший, встретил в уверенности, что сегодня он разматывает основную часть клубка, который Иван подбросил ему накануне. В принципе этот парень еще совсем пацан, в таком возрасте объективно оценить ситуацию очень

трудно — мешают различные сильнодействующие факторы — амбиция, максимализм, идеологическая зауженность. Возможно, что на самом деле все не так уж и страшно, как кажется.

Позвонив в контору, Сергей отпросился еще на день — привести себя в порядок. Для вящей убедительности пришлось говорить через силу, вяло и с хрипотцой, — шеф очень болезненно реагировал, когда узнавал, что его люди без причин отлынивают от дела.

Наскоро позавтракав, Сергей рассовал по карманам предметы, полученные от Ивана, и вышел из квартиры. Купив в киоске на углу пачку деревянных «Столичных», сыщик закурил и, расхаживая под железной крышей остановки, начал прикидывать, в какой последовательности ему лучше осуществить свой план.

Последовательность годилась любая, так как все пункты плана друг от друга не зависели. Нужно было:

а) навести справки о роде деятельности Бабинова, желательно в подробностях;

б) разузнать через свои каналы в городском отделе здравоохранения, каким образом заведующий психиатрической клиники таковым стал и вообще все о нем;

в) в центральной поликлинике, где находилось областное отделение статистического управления Минздрава СССР, опять же через свои каналы выяснить, сколько людей за последние полгода получили черепно-мозговые травмы;

г) съездить в Климовку и... ну, скажем, хотя бы осмотреть клинику снаружи.

Немного поразмыслив, сыщик вдруг вспомнил, что сегодня он болен! Это значит, что до вечера в городе показываться не стоит — можно нарваться на шефа или кого-нибудь из коллег. Значит, остается одно — прогулка в Климовку, на лоно природы, так сказать...

До клиники сыщик добрался сравнительно быстро. Выйдя из полупустого автобуса № 9 на остановке «Климовка», он медленно пошел по тропинке в сторону бетонного забора клиники, корпус которой выглядывал из-за макушек деревьев метрах в трехстах от остановки.

О том, чтобы легально попасть на территорию клиники, не могло быть и речи. Судя по всему — если все рассказанное Иваном хотя бы наполовину верно, — их должны были хорошо запомнить здесь. А это

значит, что встреча с обитателями сего милого заведения не будет, увы, носить того налета добросердечности, который сыщик так ценил в отношениях между людьми...

Сергей решил осмотреть клинику снаружи. Центральные ворота, от которых к шоссе шла неширокая дорога, усыпанная гравием, находились прямо напротив остановки. От ворот в обе стороны уходил высокий бетонный забор с колючей проволокой поверху. Клиника выгодно расположилась в самом центре большого лиственного массива, раскинувшегося на огромной площади. Других признаков жилья поблизости не было. Сам поселок стоял далеко. Да, мрачноватое местечко — одно название юдоль скорби. А если еще знаешь, что за лесным массивом, сразу за тыльной стороной клиники, находится огромное старое кладбище, которым вот уже много лет не пользуются, навещая только в день Поминования...

Про кладбище он знал потому, что будучи студентом мединститута проходил в этой клинике практику и, как обычно в юном возрасте, когда в голову приходят очень остроумные и плодотворные идеи, одну ночь провел на этом самом кладбище — на спор...

Сергей смутно помнил расположение зданий и построек клиники — практика была давно, кроме того, тогда его интересовал отнюдь не план хозяйственного двора этого лечебного учреждения, а нечто другое, более мягкое и нежное.

Ну что ж, нужно обойти вокруг забора, может быть, что-нибудь и отыщется, какая-нибудь лазейка или дыра.

Осторожно продираясь сквозь обильно растущие кусты, сыщик пытался отыскать хоть какое-нибудь подобие тропинки. Минут через пятнадцать он уже выбился из сил, порядком оцарапался и вспотел.

Ко всему прочему, здорово донимали комары, прятавшиеся в кустах от дневной жары. В общем, Сергей уже было пожалел о своей затее, как вдруг обнаружил в заборе небольшую железную дверь!

От двери уходила тропинка в сторону старого кладбища, ограда которого плохо просматривалась сквозь густые заросли боярышника.

Судя по зарослям лишайника на тропинке и ржавчине на висячем замке, запирающем калитку, здесь

долгое время никто не появлялся. Сергей прислушался. Стояла тишина, свойственная первой половине жаркого летнего дня в лесу, изредка нарушаемая слабым шелестом листьев, которые колыхались от несильных заигрываний изнуряющего подобия ветра. Внезапно сыщику стало как-то не по себе. Близость кладбища, заброшенная калитка, густые развесистые кусты, тишина... И ни одной живой души вокруг — идеальное место для расправы над слишком докучливым соглядатаем.

Так не пойдет, нужно взять себя в руки. Надо же, еще не перелез через забор, а мандраж. Начитался детективов — всюду враги мерещатся.

Извлек из кармана перочинный нож со множеством лезвий. Оглядевшись вокруг еще раз, принялся ковыряться в заржавевшем замке, поминутно прекращая работу и настороженно прислушиваясь. Замок оказался нехитрым. Минут через пять он ржаво крикнул и, раскрывшись, упал, больно ударив Сергея по ноге.

Осторожно потянув на себя пронзительно заскрипевшую дверь, сыщик скакнул на территорию врага и тут же присел на полчетвереньки. Он хорошо помнил, что точно так же делал герой одного американского боевика. Правда, в руках того героя, насколько помнится, был крупнокалиберный пулемет, да и враги прицельно стреляли с пяти точек, но такие мелочи Сергей в расчет не брал.

Посидел, внимательно оглядывая ландшафт и прислушиваясь. Вроде тихо. Нигде не гудела сигнализация, не лаяли сторожевые собаки. Сыщик чуть-чуть расслабился — первая часть вторжения прошла успешно.

У забора, так же как и снаружи, в изобилии росли кусты. Тропинка от калитки вела к длинному приземистому зданию. Дальнейшую панораму заслоняли мелкие деревья.

Сергей крадучись направился к зданию. Обойдя его сзади, засел в кустах. Скорее всего, это гараж. Или склад. Гараж!!! Вот оно... Сместился по кустам, миновал торец. Точно гараж. Несколько больших, обитых крашеной жестью дверей, двустворчатых, запертых, по-видимому, изнутри. Одна маленькая, деревянная. Рядом с гаражом, под навесом, стоял, поблескивая черным никелем, катафалк. Сергей вздрогнул. Все, рассказанное Иваном, приобретало реальную основу.

Сыщик в несколько прыжков доскочил до маленькой

двери. Осторожно потянув за ручку, заглянул внутрь. Никого. Небольшая комната, обитая лаковыми деревянными панелями. Дрянные картинки на стенах. Сыщик шмыгнул в комнату. Свет, проникающий в нее через небольшое окно, не давал возможности хорошо рассмотреть стены. Сергей, облокотившись о косяк, цепко ощупывал взглядом панели, пытаясь обнаружить какое-либо подобие кнопки или рычага. Внезапно его внимание привлекло пятно, похожее на зашлифованный сучок. Облизнув пересохшие от волнения губы, сыщик осторожно нажал большим пальцем на пятно. Послышалось мягкое жужжание. Панель неслышно отъехала в сторону, открывая доступ в лифт!

Сергей метнулся к входной двери, приоткрыл ее, осторожно выглянул наружу. Никого... Закрыв дверь, вошел в кабину. Несколько секунд рассматривал внутреннее устройство лифта. Надо же! Обычный лифт, как во всех высотных домах — пластик под орех, уголки из рифленого алюминия... Только панель управления несколько иная, всего две кнопки. Нажал на кнопку, под которой была изображена толстая стрелка, указывающая вниз. Панель встала на место, закрывая вход, раздалось жужжание, и лифт плавно ухнул в пропасть. Через несколько секунд движение прекратилось. Дверь лифта отъехала. Сергей высунул из кабины голову. Длинный коридор, ярко освещенный лампами дневного света. В конце коридора — большая, обитая чем-то, похожим на войлок, дверь. Несколько секунд размышлял — идти не идти. Вроде не надо бы — и так все ясно, правота Ивана бесспорно доказана: и лифт, и подземелье, и катафалк в наличии. Скорее всего, там, за этой дверью, та самая лаборатория. Возможно, даже скорее всего, там кто-то есть. Бес любопытства упорно шептал на ухо — пойдешь, посмотри, ну что тебе стоит?! Ведь потом будешь жалеть!

Сергей чертыхнулся и, по-кошачьи ступая, двинулся по коридору, ощущая, как сердце бешено колотится о ребра. Тут, спохватившись, он метнулся обратно, вытащил из кармана зажигалку, направив ее торцом на открытую дверь лифта, щелкнул рычажком. Проделал ту же манипуляцию, сфотографировав коридор. Убрал зажигалку в карман, немного поколебавшись, извлек ручку с золотым пером, отвинтил колпачек и, взяв ее наизготовку, на цыпочках опять двинулся по коридору.

Добрался до таинственной двери. Постоял возле нее, всматриваясь в обивку, будто пытаюсь взглядом проникнуть внутрь. С опаской взялся за ручку, выполненную в пошлейшем стиле — нечто вроде коричневой головы льва, чья искусственно вытянутая пасть и служила рычагом, за который брались грязные, липкие желтые руки... Тут вспомнил Ивана — как, интересно, он бы поступил на его месте? А, была не была! Осторожно потянул дверь на себя... Когда между косяком и торцом двери образовалось пространство, достаточное для того, чтобы просунуть голову, сыщик уже было и собрался это сделать, как вдруг вспомнил крысу...

Тогда в их блоке меняли стояки центрального отопления. Как обычно, работали сантехники снустя рукава, заведомо зная, что за вот эти плановые работы никакого дополнительного гонорара не обломится. Ну и, как обычно, загнали фуфло. Выгибая трубы, разворотили бетонные полы так, что в том месте, где труба уходит в пол, образовалась здоровенная дырища.

И вот как-то вечером, ужиная в одиночестве, Сергей имел удовольствие пронаблюдать следующее:

Недалеко от вновь образованной дырищи, у кухонной плиты мирно покоилась заплесневевшая корочка хлеба. Это было вчера, насколько помнил Сергей, как, впрочем, и позавчера и вообще, может быть, неделю назад — такое иногда случалось, когда одолевали работа и отсутствие желания делать уборку. А вот сегодня эта самая корочка находилась прямо над вновь образованной дырищей и, мало того, слегка шевелилась! Недоуменно полюбовавшись на столь необычное поведение корочки, Сергей пришел к выводу, что это, очевидно, крыса! Она каким-то образом проделала или обнаружила уже готовый путь в перекрытиях и, стащив корочку, пыталась сейчас, нагло и бесцеремонно, в присутствии хозяина увлечь корочку в свое логово!

Но тут планы крысы потерпели крушение — из-за грандиозности размаха и неправильной оценки своих способностей. Корочка не пролезала под пол, потому что значительно превышала размеры дырищи. Это так, образно сказано — корочка, а в реальности имел место здоровенный, в полбулки, зачерстневший до металлической твердости кусище. И вот теперь крыса, не желая оставлять такой большой объект добычи, скребла ост-

рыми гранями корочки о края дырищи, пытаюсь протолкнуть ее под пол.

Сергей, крайне возмущенный такой бесцеремонностью, решил наглядно продемонстрировать преимущество человеческого гения и наказать противную крысу. Он оттащил корочку на исходную позицию — к кухонной плите, вооружился палкой от гардины и, замаскировавшись столом, стал ожидать. Несколько минут было тихо — Сергей даже решил, что крыса, напуганная внезапным исчезновением объекта своих вожделений, ретировалась навсегда. Однако через некоторое время из дырищи показались остренький носик с усами и бусинки-глазки. Ненадолго появились, на полсекунды, и исчезли. Через несколько секунд процедура повторилась — теперь на поверхности показалась несколько большая, чем в первый раз, часть мордочки. Затем, спустя секунду, крыса опять исчезла. Таким образом, каждый раз увеличивая длительность своего пребывания над уровнем пола, крыса выскакивала несчетное количество раз, — Сергей сбился, пытаясь зафиксировать количество появлений. И каждый раз, оглядевшись по сторонам, юркала обратно. В общем, проводила очень тщательную разведку, хотя могла бы и сразу подойти к куску. Убить крысу в тот день Сергею так и не удалось, — он неловко, не выдержав напряжения спектакля с появлениями, шуранул в крысу палкой, и она навсегда убралась восвояси. В тот же вечер неудачливый охотник заделал дырищу цементом. А инцидент с крысой прочно засел в мозгу, настолько поразила модель поведения животного...

Так вот, когда между дверью и косяком образовалось пространство, достаточное для того, чтобы просунуть голову, Сергей вдруг вспомнил про крысу.

Открыв дверь еще чуть-чуть, сыщик опрометью бросился к лифту; заскочил в него и, положив палец на кнопку, под которой стояла толстая стрелка, указывающая вверх, осторожно высунул треть головы и один глаз в коридор и стал наблюдать... Прошло что-то около полминуты. Тишина. Сергей вышел из лифта и, взяв ручку с золотым пером наизготовку, на цыпочках двинулся по коридору. Достигнув двери, он распахнул ее полностью и опять опрометью бросился к лифту, про-

делав ту же процедуру с кножкой и третью головы, что и в первом случае бегства. Тишина!

Прождав минуту, сыщик уверенно вышел из лифта и спокойным шагом направился к двери.

Ярко освещенная комната неожиданно огромных размеров была заставлена аппаратурой явно медицинского назначения. Всюду — стерильный пластик и совершенная чистота. Посреди комнаты возвышалось кресло, похожее на обычно стоящие в стоматологических кабинетах. С кресла свисали какие-то ремни с пряжками... Сергей извлек зажигалку и, направляя ее в разные стороны, несколько раз щелкнул рычажком, запечатлев кресло, стеллажи и все прочее, что попало под руку.

Обойдя комнату по часовой стрелке, сыщик решил, что пора убираться восвояси, — он увидел все что нужно и даже больше. Дальнейшее пребывание здесь не давало ничего, кроме риска быть застигнутым хозяевами лаборатории на месте преступления. Внезапно, когда он уже собрался было ретироваться, взгляд его случайно упал на ширму, стоявшую в углу, которая была частично загорожена стеллажом с аппаратурой, — именно поэтому сыщик при первом беглом осмотре не обратил на нее внимания.

Сергей с трудом протиснулся за стеллаж и отодвинул ширму. Ничего особенного за ширмой не было. Небольшая железная дверь в стене, крепко запертая на два врезных замка, однотумбовый канцелярский стол и вращающаяся этажерка с какими-то бумагами...

Наугад вытащил одну.

На плотном листке прессованного картона, в левом верхнем углу наклеена небольшая фотография тучного мужчины средних лет, практически лысого. Ниже напечатано на плохой машинке (жирные, плохо очерченные буквы с западающей «е»): Медикамесов Эстебан Яхьяевич, зав. аптекобазой. Опер.14.03.91., норсульфазол-карина-дно-нарцисс-бурдюк. И все.

Сергея прошиб холодный пот, он даже на секунду перестал соображать, где находится, присел на стол и, сунув большой палец правой руки в рот, тупо уставился на лист с короткой надписью.

Значит, это не бред Ивана. Неужели все так просто?! Конкретный живой человек, его неповторимый интеллект, многообразие эмоций, непостижимый спектр пси-

хических особенностей... И все это втиснуто в какую-то глупую, бессвязную фразу.

Сколько их тут?!

Сергей начал лихорадочно перебирать карточки, отмечая, что большинство фамилий ему знакомо. Все, все сходится! Только больно уж все легко получилось! Ой, не к добру! Наконец он дошел до ячейки, в которой стояли карточки его и Ивана. Не раздумывая, сложил их пополам и сунул в карман рубашки. Затем, немного поразмыслив, неаккуратно вывалил все карточки на пол и, разложив их на несколько групп так, чтобы были видны надписи, сфотографировал каждую группу. Получилось двадцать три кадра по десять — двенадцать карточек.

Затем, поспешно уложив все в этажерку, двинулся к двери. Бегло окинув взглядом помещение, убедился, что вроде бы ничего не нарушил, и вдруг, к своему ужасу, заметил над дверью небольшую железную коробку, посредине которой беззвучно мигал малиновый глазок...

Значит, все время, пока он находился здесь, работала сигнализация!!! Сергей почувствовал, что волосы на голове выпрямляются, обретая жесткость стальных пластин. Бросил взгляд на часы — он машинально засек время, когда вошел в лабораторию. Если даже учесть, что где-то полторы минуты он метался от лифта к двери по методу крысы, с момента открытия двери прошло совсем немного времени, что-то около пяти минут, все манипуляции с осмотром, фотографированием и так далее он делал с лихорадочной быстротой. Может быть, удастся?!

Прыгнул к двери, рванул ручку на себя. НЕ ОТКРЫВАЕТСЯ!!!

Истерично выматерившись, несколько раз рванул еще, выгибая морду льва... Тут вспомнил, что дверь открывается наружу. Резко толкнул.

Дверь открылась.

В коридоре, сложив руки на груди и тупо глядя на дверь, стояли двое здоровенных мужиков звероподобного вида с лицами уголовников и телами заслуженных мастеров спорта по тяжелой атлетике...

Сергей отпрыгнул назад, чувствуя, что сердце сейчас вот-вот проломит грудную клетку...

Парни с нестандартной внешностью, не выказывая

никаких эмоций по поводу пребывания постороннего в лаборатории, молча, разом шагнули вперед, расцепив руки, до этого мирно покоившиеся на груди и вдруг оказавшиеся такими огромными, волосатыми и неотвратимо приближающимися...

Сыщик отпрыгнул еще на пару метров, тихо взыв от бессильной ярости, — каждый из этих милых бездушных шкафов при желании может убить его одним ударом!

Вдруг Сергей вспомнил про ручку Ивана. Лихорадочно рванув ее из кармана, направил пером в сторону движущегося на него атлета, поднял руку на уровень лица, три раза нажал на поршень, не особо надеясь на результат...

Наступавший схватился за лицо, изогнулся дугой и, несколько раз дернувшись, рухнул на пол.

Направив ручку в сторону второго, Сергей повторил манипуляции с поршнем. Этот тоже не замедлил присоединиться к напарнику, ранее расположившемуся на полу.

Перепрыгнув через распростертые тела, сыщик бросился к выходу. Через две минуты он уже мчался скачками по тропинке в сторону спасительной двери в заборе, втянув голову в плечи и боясь оглянуться назад.

Еще через две минуты Сергей, выскочив через калитку за забор, закрыл ее и, страшно потя от напряжения и бормоча самому себе бодрящие непечатные ругательства, с трудом втиснул валявшийся тут же замок в дужки калитки. Теперь ломитесь за ним!

Собравшись с силами для нового рывка, Сергей стал продираться через кусты, уже не соблюдая осторожности. Тут его, распространяющего вокруг запах крутого пота, махом облепили комары.

Когда сыщик уже забрел в самые заросли, ему пришлось в голову, что, выйдя к воротам клиники, он может наткнуться на кого-нибудь из персонала. Возможно, даже скорее всего, его поджидает еще пара сильно развитых парней...

Сегодня он, пожалуй, уже использовал лимит времени, отпущенного для знакомства с нравами и обычаями обитателей дома-компостера. Он тут же продрался обратно к калитке и быстро пошел по тропинке, ведущей на кладбище...

ОПЛОШКА ИВАНА

Купив билет на московский поезд на 14.30, Иван уложил дипломат с нехитрыми пожитками в камеру хранения и, чтобы как-то убить время, отправился гулять по городу.

Достопримечательностей в городе было немного, точнее, не было вообще, если не считать за достопримечательность изрядное скопление мусора в тех местах, где даже в российских городах подобного типа его обычно убирают.

Однако присутствовали другие атрибуты, характерные для сощдействительности, не лишённые приятности и некоторого очарования.

Многочисленные заброшенные скверы, загаженные большими неопрятными птицами и забытые как городской администрацией, так и теми людьми, что с долей сомнения причисляли себя к классу «люди приличные».

В этих скверах по вечерам собиралось так называемое «отребье», в бытность застойных годин именуемое «советская молодежь». Это шаткое составляющее социальной структуры в темное время суток в этих самых сквериках занималось любовью в далеко не идеальных условиях для создания будущего «золотого фонда» демографического хранилища России, глушило спиртное, курило черт знает что и хуже, отравляя сознание окружающих дикими криками и немзыкальными песнями, в коих сквозила беспросветная тоска по иного рода развлечениям, по воле судьбы не доступным для бывшей «советской молодежи».

А днем там никого не было, кроме редких представителей другого, не менее архаичного сословия, трясущимися руками разливавшего по замусоленным стаканам добытое с утра для утоления вчерашней жажды. Остальные представители различных сословных прослоек в «зоне отдыха» не появлялись.

После недолгого раздумья Иван направил стопы именно туда, где он меньше всего рискует столкнуться с теми, кого не желал бы видеть, и не опасаясь сможет побродить на свежем воздухе.

Задача № 1 — это убраться отсюда поскорее, пока Желтый и любвеобильный дядечка не занялись всерьез его скорбной головкой.

Задача № 2. Впрочем, для того чтобы выполнить задачу № 2, нужно успешно завершить выполнение задачи № 1. Самое занятное в этой истории, что ведь никто не поверит в реальное положение дел. В областном центре орудует банда маньяков, у которой в руках вся правящая верхушка, творят все, что им заблагорассудится, и никто не почешется. У всех проблемы, семья, дом, дача, невыплаченные долги. Ревнивые любовницы и неверные жены, склонные к разложению дети.

Иван перелез через оградку с выломанными штaketинами и медленно пошел по асфальтированной аллее, заваленной мусором.

Очень уж это все похоже на маленький макет большой психологической войны. Или психической... Психотронной или как там еще... Война. Даже какая там к черту война?! Просто все делают то, что надо Желтому, и даже не подозревают об этом. Пришел домой, выпил чашку чая, заваренного в третий раз на тех же нифелях, получил по телефону команду, пошел укокошил лучшего друга или брата, или кого угодно вообще... И обратно — домой, отключился и смотри себе телевизор, не вспоминая ни о чем. Оч-ч-чень удобно...

А если удастся увеличить масштабы? Ну, хотя бы в пределах этой, Богом забытой и без этого Желтого стране?

А если кто доберется до бумаг этого немца? А может быть, уже кто-то и добрался? Ведь десятилетиями живут в нищете, гордо бия себя в чаклую грудь, хрипло крича, что мы — великий народ... Дерутся в переполненных автобусах, давят друг друга в очередях...

Иван вдруг вспомнил, как в юности он, гуляя по Москве с экскурсией, попал под дождь. Тогда они во главе с молоденькой учительницей истории забились под крышу остановки и наблюдали, как промокшая толпа атакует битком набитый автобус, ругаясь и крича, пихая локтями друг друга... Какая-то бабуся, с двумя военными орденами на вымокшем полинялом пиджаке, толкала с озверевшим лицом в спину щуплого парнишку, а потом одиноко стояла на опустевшей остановке и что-то беззвучно шептала посиневшими губами, вытирая глаза... И красивая женщина на заднем сиденье сверкающей «ГАЗ-24» черного цвета... «Волга» остановилась позади автобуса, не желая объезжать его по огром-

ной и, возможно, глубокой луже. На переднем сиденье терпеливо скучал моложавый генерал, листая газету и бросая взгляды на сражение в дверях автобуса. А на заднем — очень красивая молодая женщина, не настолько, однако, молодая, чтобы быть дочерью генерала. Она наблюдала за автобусной сценой с таким неприкрытым презрением, ну, совсем как человек за копошащимися в тухлом мясе опарышами... Когда автобус уже тронулся и остающуюся бабуся спихнули с подножки, красивая женщина презрительно покачала головой и, постучав пальчиками по золотому погону своего спутника, что-то жеманно сказала ему, небрежно кивнув в сторону бабуся и нехорошо улынувшись при этом. Генерал бросил взгляд на ругающуюся бабуку с военными орденами и осуждающе покачал головой, что-то ответив красивой женщине... «ГАЗ-24» медленно тронулся вслед за автобусом. Бабуся с орденами осталась стоять на краю лужи, вытирая глаза и что-то бессвязно бормоча...

Иван некоторое время сосредоточенно пинал банку из-под немецкого пива, не поднимая головы, сплевывая на левую сторону. Допинал до черной гранитной плиты и остановился. Банка с мягким щелчком ударилась жестяным боком о гранит и, отскочив недалеко, застыла в пожухлой траве. Иван поднял глаза. Помотал головой, перевел взгляд на банку. На лице его медленно отразилась гамма эмоций — сначала тупая, жалкая улыбка, переходящая в недоумевающую гримасу, а затем какое-то скорбное выражение, которое бывает у любого человека, когда он теряет что-то ценное... Банка из-под немецкого пива, сейчас лежавшая в пожухлой траве, секунду назад отскочила от гранитного основания монумента, стоящего на центральной аллее сквера. От памятника жителям этого города, погибшим во второй мировой войне, которую у нас принято именовать Великой Отечественной.

Сквер Героев войны. Он давно не убирался — городской администрацией так и не были найдены средства для уборки зоны отдыха.

Суровый гранитный солдат сиротливо стоял на грязной, забитой мусором пустынной аллее, понуро уставившись на свой автомат, который сжимали сильные жилистые руки. Его непокрытую голову украшало громадное белое пятно с подтеками, которое оставили разнокалиберные представители птичьего племени.

Иван
сплелась раз
вах.
Почему
никуда
к горлу.
кулаком
стало боль
нувшись,
оглядывая
тельства...
Вот ведь
ны все и
точки зрен
И никто
честь. Мож
никто не
ще, кто е
Иван
правдоис
виков? Х
Сейча
бы ободр
ствовать
еще мен
прощави
жесть св
Нет,
благо к
годы на
погонах
свое со
чужой
то ни б
сделать
го, при
хлопну
налома
Кол
своими
как в
МВД.
Ак
в тих

Иван постоял немного, забыв о своих проблемах, силясь разобраться во внезапно нахлынувших чувствах.

Почему-то стало жалко себя — не солдата, не кого-нибудь другого, именно себя. Горячий комок подступил к горлу. Стиснув зубы, Иван несколько раз стукнул кулаком по раскрытой ладони, сильно стукнул, так, что стало больно. Потом поднял банку из-под пива, размахнувшись, далеко забросил ее, подальше от солдата, и, не оглядываясь, быстро пошел прочь, глухо бормоча ругательства...

Вот ведь странно... Все обгажено, замусолено, поправны все идеалы, пусть даже и не самые гуманные с точки зрения демократических кругов развитых стран. И никто не борется, не стоит насмерть за поруганную честь. Может, воздействует кто? Полстраны пересажали, никто не вздрогнул. Единый трудовой лагерь... А вообще, кто его знает, что там творится.

Иван вздохнул. Где-то они сейчас, эти журналисты-правдоискатели, бескомпромиссные герои крутых боевиков? Хоть одного бы!

Сейчас был бы очень кстати человек, который мог бы ободрить, посоветовать что-нибудь. Просто посочувствовать — одному нести такой груз малопонятных и еще менее разрешимых проблем, ну, очень тяжело! Распрощавшись с Павлом, Иван остро ощутил, какая тяжесть свалилась на его плечи, так сказать бремя.

Нет, он не был сторонником самопожертвования во благо каких-то идеалов. Насмотревшись за последние годы на зажавшихся чиновников различных рангов, в погонах и без, единственной целью которых являлось свое собственное процветание любыми способами за чужой счет, Иван просто-напросто не верил в какие-бы то ни было идеалы. Но сама мысль о том, что его хотят сделать каким-то подобием робота, кем-то управляемого, приводила его в неопределимую ярость. Если не прихлопнуть дело в самом начале, эта теплая компания наломает дров из элитных сортов древесины...

Колокол в местном кремле пробил час. Занятый своими сумбурными рассуждениями, Иван не заметил, как выбрался из зоны отдыха и подошел к госпиталю МВД.

Аккуратный корпус госпиталя стоял на набережной, в тихом, укромном месте. Иван немного поглазел на

мрачные окна лечебного учреждения, вяло соображая, зачем бы это понадобилось красить здание в такой ужасный цвет — серый сурик свинцового оттенка, наводящий на мерзостные мыслишки с явно суицидным акцентом. Потом развернулся и поплелся по улице вниз — скоро поезд...

Внезапно тишину прорезал верещащий звук сирены. Из-за поворота стремительно вылетела машина «скорой помощи» и, едва не сбив Ивана, успевшего в самый последний момент отскочить в сторону, резко притормозила у подъезда главного входа госпиталя.

На крыльцо выбежали две молодые санитарки, торопясь спустились по ступенькам к машине. Иван, немного потоптавшись в нерешительности на месте, направился к «скорой» — просто так, из праздного любопытства. Если с сиреной, значит, что-то такое... Почему бы и не посмотреть?

Из салона стали вытаскивать носилки.

Сначала показались ноги. Сразу бросилось в глаза, что левая нога, выпирающая из разрезанной брючины, больше похожа на багровое, с синими пятнами бревно средней толщины... Эк его вздуло!

Когда носилки извлекли целиком, у Ивана задержалась левая бровь и на лбу проступил холодный пот...

На носилках лежал Сергей.

Только вчера он с ним разговаривал, и тот был живой и здоровый, по крайней мере неплохо выглядел для человека, недавно перенесшего черепно-мозговую травму. Неужели Желтый? Точно, Желтый, кому же еще?

— Твари... Сволота!!! — тихо прошептал Иван, стиснув зубы.

— Что с ним, а?! — Нервно цапнул за грудки толстого врача «скорой помощи», медленно вылезавшего из кабины. Видимо, переборщил — толстый испуганно отшатнулся, пытаясь отстраниться от нервного.

Иван ухватился жестче, напирая.

— Ну... — врач испуганно заозирался по сторонам, видимо, надеясь на помощь извне. Помощи не предвиделось — все занимались Сергеем.

— На шоссе нашли, в пригороде... Один мужик на мотоцикле мимо ехал, подобрал. Говорит, мимо каждую секунду проносится машина, и ноль внимания на то,

что человек лежит почти на середине проезжей части. Ну вот. Довез до ближайшего телефона и сообщил...

— Что с ним? Что случилось? — не отставал нервный.

— Да я ж и говорю — подобрал! — Толстый медленно пятился, пока не наткнулся пухлым задом на раскрытую дверь со стороны водителя. — Когда этот мотоциклист его обнаружил, он еще в сознании был. Говорит, змея укусила... Три раза, говорит, укусила. Сам себе успел жгут наложить, вскрыл места укусов ножом. Причем, профессионально, как медик. И все было бы в норме, ну, относительно, конечно, какая там норма при тройном укусе! Все было бы в норме, да, видимо, долго добирался до шоссе — цапнули его где-то в лесополосе. Яд успел разойтись. Сколько здесь живу, ни одной змеи в округе не встречал... А он — пожалуйста! А ты кто ему?

— Я-то? Ну... друг, — буркнул Иван, отцепляясь от толстого. — А больше ничего не говорил этот мотоциклист?

— Да нет. — Толстый, разглаживая помятый на груди халат, внимательно посмотрел на Ивана. — А что он мог сказать такого? Трепаться было некогда, мужика надо спасать... Ах, да! — вспомнил врач и, хлопнув себя ладошкой по лбу, заинтересованно взглянул на носилки с Сергеем, которые в этот момент скрылись за дверью парадного входа, влекомые двумя нежными санитарками, в то время как два здоровых практиканта шли рядом. — Точно, что-то тут не так! Там же рядом больница — психиатрическая клиника. С первоклассным оборудованием, отличными специалистами. Так этот мотоциклист хотел его сначала туда тащить, буквально триста метров пройти! А тот уперся — лучше, говорит, брось меня здесь. И ни в какую! Видать, не любит психов-то! — толстый понимающе усмехнулся, дружески толкнул Ивана в плечо. — Что, из психушки удрал твой дружок, а?

— Пошел ты... Мудак жирный! — неблагодарно выверился Иван, отбрасывая руку врача, который от неожиданности даже рот раскрыл и отступил на два шага.

Иван не стал слушать объяснения толстого, бросился в корпус. Немного пометался, разыскивая, куда потащили Сергея. Нашел, наконец, на кушетке возле

реапалаты,— в этот момент, как раз, кстати, предприимчивые практиканты задумали вытащить оттуда большущий стол, который коварно застрял в проеме. Потребовалась экстренная помощь трех человек. Иван отозвал в сторону врача, который, страшно понося практикантов и всех, кто придумал такой вид деятельности, как таскание столов, жестоко попикивал вышеозначенных практикантов в мускулистые спины, стараясь ускорить процесс.

Выслушав уверения врача, что положение хоть и нелегкое, но особых опасений не вызывает — настолько квалифицированно Сергей оказал себе первую помощь, Иван спросил, может ли он забрать свои вещи, которые давал пострадавшему накануне. Он, видите ли, уезжает...

— Пожалуйста, к сестре-хозяйке...

Пожилая властная дама после придирчивых вопросов, переписав данные Иванова удостоверения личности в толстую книгу и потребовав расписаться, вернула вещи.

Ручка, зажигалка, калькулятор и футлярчик с иглами. Иван лихорадочно распахивал вещи по карманам и уже собрался было удалиться, когда властительница госпшмоток, ощутив рубашку Сергея, извлекла из нагрудного кармана два сложенных пополам листа пресованного картона.

— А это, случайно, не ваше? — брюзгливо осведомилась взыскательная дама, разогнув картон и с недоумением прочитав надписи.

— Да нет, нет — что вы! — Иван с тревогой глянул на часы — время поджимало. — Это, наверное, документы какие-нибудь. Спасибо вам еще раз, до свидания! — И выбежал прочь, заметив в окно такси с зеленым огоньком на лобовом стекле...

ПО ДОРОГЕ В МОСКВУ

...На поезд Иван чуть было не опоздал. Нужно было успеть взять дипломат из камеры хранения, которую именно в этот момент решили закрыть по поводу поимки там вора, какого-то бича, который спрятал от собратьев по ремеслу в секцию пузырек, благоразумно

рассудив, что тут
гаться риску. таска
Спрятать-то спрята
и попался, а пока
камер оценили. и
уговорить сержант
сознания своей не
брать дипломат.

Как обычно, в
что попутчиков в
Иван осмотрел
ный костюм, перео
рые пожитки, устр
выходил случай с
ния. Бывает же та
оставил его в поке
Желтый не из тех
ния, по всей вид
видел, верно гово

Что же все-та
оказался в район
лось ли ему что
Если нарвался н
на худой конец
они могли вы
которая их инте
Но змеи?!

Иван извлек
вал ее, вертя в
чтобы взглянут
Однако следова

На данном
убрался. По во
вала в неведени
наверняка при
Но Сергей? В
произвол судь
шайки. Стара
себя тем, что
теперь самое
информацию

Швейцарск
швейцарское?
мя вяло сооб

рассудив, что лучше потерять 15 копеек, нежели подвергаться риску, таская с собой весь день такое добро. Спрятать-то спрятал, а комбинацию цифр забыл — вот и попался, а пока разобрались, что к чему, помещение камер оцепили, и Ивану с большим трудом удалось уговорить сержанта милиции, должностно-важного от сознания своей необходимости, чтобы разрешили забрать дипломат.

Как обычно, в Москву поезд уходил полупустой, так что попутчиков в ближайшие два часа не ожидалось.

Иван осмотрел купе, достал из дипломата спортивный костюм, переоделся. Разложил на столе свои нехитрые пожитки, устроился поудобнее. Из головы все не выходил случай с забытым бичом кодом камеры хранения. Бывает же так! Вот бы Желтый забыл его код и оставил его в покое! Вот это было бы здорово. Однако Желтый не из тех, кто прячет бутылки в камеры хранения, по всей видимости, это пройдоха, каких свет не видел, верно говорил Павел.

Что же все-таки случилось с Сергеем? То, что он оказался в районе клиники, понятно. Интересно, удалось ли ему что-нибудь раскопать? И почему змеи? Если нарвался на людей Желтого, мог быть избитым, на худой конец — убитым... Или, что вероятнее всего, они могли выведать у сыщика всю информацию, которая их интересовала, и дать команду «все забыть». Но змеи?!

Иван извлек зажигалку. Некоторое время рассматривал ее, вертя в руках и так и сяк. Эх, много бы он дал, чтобы взглянуть, есть на пленке что-нибудь или нет. Однако следовало запастись терпением.

На данном этапе главное сделано — из города он убрался. По всей видимости, теплая компания пребывала в неведении относительно его исчезновения, иначе наверняка приняли бы какие-нибудь меры. Это плюс. Но Сергей? Выходило, что Иван бросил сыщика на произвол судьбы. Точнее, на произвол Желтого и его шайки. Стараясь подавить чувство вины, он утешал себя тем, что в сложившейся ситуации выбора нет, теперь самое главное — выбраться из города и передать информацию по адресу.

Швейцарское посольство... Интересно, а почему швейцарское? Уставившись в окно, Иван некоторое время вяло соображал. Швейцарское... Ах ты, зараза! Ведь

каждый школьник знает, что штаб-квартира Интерпола находится в Женеве! Совсем расклеился или пару нужных извилин во время операции усекли? Интересно, бывает такое — пару извилин усекли, а в целом мозг работает так же, как и раньше?

Тут Иван попытался представить, что сделали с его мозгом. Напрягшись, он тужился восстановить перед своим мысленным взором, почему-то изрядно помутневшим, картинки из школьного курса анатомии. Однако то ли он напрочь забыл то, что не особенно хорошо учил в восьмом классе, если, конечно, вообще учил, то ли имел место недостаток воображения, но... Память вдруг представила другую картину — годичной давности. Услужливо представила, расцветив богатыми яркими красками, панорамно приблизив детали пейзажа...

Их высадили в седловине, укрытой с трех сторон пологими склонами чужих корявых кряжей. Иван, офицер-медик и девять бойцов. Специальный расчет из одиннадцати человек. Задание было несложное. Этой ночью в течение двух часов обстреливали Гюнют — заставу на границе между Нахичеванью и Арменией.

До того на этом участке границы были лишь мелкие ночные стычки, не вызывающие особого опасения у командования района. Однако по интенсивности огневой мощи нынешнего ночного боя можно было предположить, что в налете участвовало по меньшей мере человек тридцать. Многовато для обычного ночного обстрела.

Необходимо было выяснить, имеет ли место передислокация мобильного отряда, каковы его цели на данном участке, численность, вооружение. И вообще... Что понимал под «вообще» начальник разведки особого района, Иван не догадывался. Как всегда, при инструктаже перед операцией — «и вообще» — с глубокомысленным видом. Думай как хочешь...

До заставы часа полтора карабкаться вдоль границы, ближе пилоты приссть отказались, сославшись на то, что трехкилометровый радиус под контролем боевиков. Конечно, у страха глаза велики, да и расстояние с неба кажется мизерным. Но спорить бесполезно — сказано посадить в квадрате 36-45, высадили. Ну да ладно, в первый раз, что ли.

— Потона
шлись вперед.
порядок, он
командир зна
всего-вперед
ся в колонне.
12—15 шагов.
и надоело до
Несмотря на
как здесь гов
переставлял н
ненароком не
тит почти не
вает привязан
ной чеке гран
из-за границ
мастера на по
А то мож
это время су
греются на
Зазеваешься,
учишь треуг
очень мало
опасная для
Никакой
рался. Нача
плюнуть. Пр
точки, опред
вление, выяс
обще... Прил
том, восторг
ки на карте
Какой ту
были отпра
свое. Ждали
ки свежие, в
операции, в
А началь
академик, н
повезет не
плечо...
Иван соб
нам отоспа

— Потопали, — вяло махнул рукой Иван, двинувшись вперед. О том, чтобы построить расчет в боевой порядок, он не позаботился. Не поворачивая головы, влево-вперед метров на пятьдесят. Остальные двигаются в колонне, ступая след в след, сохраняя дистанцию 12—15 шагов. Все давным-давно отработано до мелочей и надоело до чертиков...

Несмотря на то, что они шли по своей территории, как здесь говорят, «бизим торпаг», Иван осторожно переставлял ноги, внимательно глядя на грунт, чтобы ненароком не наткнуться на мину или вовремя заметить почти невидимую леску, один конец которой бывает привязан к колышку, а второй — к предохранительной чеке гранаты... Всякое бывает в этих горах. Парни из-за границы, особенно если это «Черные кресты», мастера на подобного рода шутки...

А то можно еще нечаянно наступить на гюрзу — в это время суток змеи, свернувшись кольцом, обычно греются на солнце на проплешинах горной породы. Зазеваешься, наступишь на такое вот колечко — и получишь треугольной головкой под колено. Штука, ну, очень малоприятная! А если промедлишь с помощью, опасная для жизни.

Никакой рейд, естественно, он проводить не собирался. Начальнику разведки задачу поставить — раз плюнуть. Провести рейд, да еще ночной, засечь огневые точки, определить тип отряда, не вступая в соприкосновение, выяснить степень подготовки, вооружение, и вообще... Прилетел после обстрела, пощелкал фотоаппаратом, восторгаясь панорамой голубых гор, сделал пометки на карте — работайте, пацаны! Академик...

Какой тут рейд... Через неделю их батальон должны были отправить на базу — в Казачьи Лагерь. Отпахали свое. Ждали на смену софринцев. Вот приедут ребяташки свежие, румяные, пусть себе делают засады, рейды, операции, в общем, все что заблагорассудится.

А начальник разведки вроде парень ничего, хотя и академик, но если что, цинковый ящик родственникам повезет не он, а Иван. Три раза плюнул через левое плечо...

Иван собирался отдохнуть. Расслабиться, дать пацанам отоспаться. Три месяца они вкалывали, как папа

Карло. Только у папы Буратино получился, а у них — ни хрена, что тут может получиться?

А всю необходимую информацию можно собрать, посидев с биноклем на первом посту заставы. А что не видно с поста, расспросить местных жителей. Они лучше любого спеца осведомлены во всех вопросах, что могут возникнуть по ту сторону границы.

Начальник заставы — свой парень, однокашник, учились на одном курсе Новосибирского училища. Так что, если понадобится, даст слово коммуниста, что Иван со своими хлопцами все три ночи, отпущенные на операцию (слово-то какое громкое), на брюхе бороздили границу. Тут они всегда найдут взаимопонимание: этим парням на заставе тоже надоело торчать в этих проклятых горах, охраняя чужую землю, трястись каждую ночь, ожидая обстрела...

В общем, Иван аккуратно переставлял ноги, прикидывая, долго ли еще шкандыбать по буеракам, и предвкушал, как они с начальником заставы будут гонять чай в вагончике, перебирая по косточкам курсантское житье-бытье. А может, чего покрепче найдется — долина, набитая виноградниками, под боком. Скорее бы дотопать, раздеться и залезть в проржавевшую бочку с родниковой водой, которая не успевает нагреться за целый день под палящими лучами — до того холодна и прозрачна она на этой заставе.

Вот тут и началось... Титов с надрывом рывкнул: «К БОЮ!!!» Иван не успел стряхнуть раздумчивое оцепенение, как уже лежал, плотно вжимаясь в породу, — тело, тренированное и битое не только на матах в спортзале, автоматически, независимо от сознания делало то, что нужно.

Метрах в десяти спереди лупанула тугая струя свинца, вышибая фонтанчики каменного крошева, затем еще, еще, еще... Осторожно развернулся вправо, поднял голову ровно настолько, чтобы увидеть пространство впереди себя. Там, впереди, палить перестали. Тишина, наступившая после выстрелов, казалось, звенела на недостигаемой для слуха частоте. Повернул голову направо, негромко передал:

— Перекличка по цепи, — Демченко и Титова, занявших позиции слева, он видел хорошо. Через три секунды отозвался последний в цепи, все целы и никто не ранен.

— Наблюдать
тя можно было
по инерции ко
откуда черт пр
по всему, напав
классом стрель
могли бы и при
бы смог занять
с такого рассто
очередями.

Можно, коне
вым шквалом
там? Может бы
вдруг больше?
из пацанов воз
не высовывать

Иван лихо
конечно, кипел
стрела спецов
Слышимость
самом скором
чальник заста
услышав стре
лить не стане

Но пока Б
рется до них
пятнадцать, и
смешают с к
если, конечно
Если они в к
идиоты, то н
вых пулемет
бачьим... А у
жение в зели
ну, посмотре

Внезапно
спереди, Ив
пару секунд

— А ну-
во-о-он возл
лил, давая
Слышите, н
Воздух

— Наблюдать, приготовиться! — отдал команду, хотя можно было бы и не утруждаться — все знают. Так, по инерции командир должен командовать. Однако откуда черт принес этих стрелков-любителей? Судя по всему, напавшие на расчет не отличались высоким классом стрельбы. Били наугад, по площади, хотя могли бы и прицелиться — ведь ждали... Он сам, если бы смог занять позицию так, чтобы его не заметили, с такого расстояния положил бы колонну четырьмя очередями.

Можно, конечно, рывком, все сметая на пути, огненным шквалом накрывая... Но кто его знает, сколько их там? Может быть, только пост — три-четыре человека. А вдруг больше? Обидно будет, если вдруг зацепит кого из пацанов возле самого пункта прибытия. Нет, лучше не высовываться.

Иван лихорадочно оценивал ситуацию. На заставе, конечно, кипеж. Вертолет видели, знают, что после обстрела спецов пришлют — как всегда в таких случаях. Слышимость в горах великолепная. А это значит, что в самом скором времени следует ожидать помощь. Начальник заставы, Иван был в этом уверен на 100%, услышав стрельбу на маршруте движения спецов, медлить не станет.

Но пока БТР спустится с первого поста, пока доберется до них по колдобинам, будут здесь минут через пятнадцать, не раньше. Тогда они без особого риска смешают с камнями этих доморощенных робингудов, если, конечно, к тому времени те не уберутся восвояси. Если они в курсе, что на заставе есть броня, и не совсем идиоты, то не станут ждать, когда прикатят два танковых пулемета и перепашут их позиции к чертям собачьим... А убраться им будет трудновато — каждое движение в зеленке хорошо прослеживается отсюда... Ну, ну, посмотрим.

Внезапно в зарослях лощины, метрах в двухстах спереди, Иван уловил какой-то блеск. Пропал. Через пару секунд появился снова.

— А ну-ка, ну-ка... Справа трое, по расщелине — во-о-он возле того большого булыжника... — чуть помедлил, давая бойцам сориентироваться, — полмагазина... Слышите, не больше! А то я вам... ОГОНЬ!!!

Воздух вспорол оглушительным треском, мощно

давануло на перепонки — несколько секунд ничего не разобрать... Все стихло.

— Наблюдать! — крикнул оглушенный Иван несколько секунд спустя — просто так, по инерции, каждый лежащий в цепи и без того ловил малейший намек на движение в своем секторе.

Через несколько секунд, видимо, оклемавшись, с той стороны открыли беспорядочный огонь, сразу с нескольких точек; со скольких, Иван считать не стал, пригнув голову, секунды матерился, проверяя, нет ли крошек в стволе. Приподнявшись, махнул рукой, крикнул: — Сосредоточенным... О... — Что тут началось!!! Не дослушав команды, бойцы Ивана начали прицельно лупить по вспышкам. Это они могут! Огонь из десятка стволов по фронту, да еще прицельный, — малоприятная штука для тех, кто с той стороны. Иван сам не удержался, выстрочил магазин — нате!

Сзади послышался надрывный гул: из седловины нехотя, сердито ворча полз БТР.

Начальник заставы (Иван знал, что тот всегда сам сидит за пулеметами — не доверяет наводчику), издали сориентировавшись по вспышкам в кустах, развернул башню и всадил веером из обоих пулеметов по позициям боевиков.

Да уж... Дело парень туго знает... Не хотел бы Иван оказаться на месте незадачливых агрессоров!

Очереди из тяжелых пулеметов методично и ровно прошивали пространство в трестах метрах спереди, срезая кусты и кроша камни.

— Хорошо б... — заорал Иван, стараясь перекрычать грохот, — хватит! Да хватит же, б... — Его, естественно, никто не услышал. Миновав цепь спецов, железная коробка поползла дальше, к позициям боевиков, продолжая без устали изрыгать плюмбум.

— В колонну по два — за броней! — рявкнул Иван, и, вскочив, бросился вперед, в несколько прыжков настигая медленно удаляющуюся машину. Бойцы мгновенно пристроились за кормой, прижавшись друг к другу так, что спереди возможность поражения была практически исключена.

Добежав до места, остановились. БТР прекратил стрелять. Ответного огня со стороны боевиков тоже не было.

Немного помедлив, из люка выпростался чумазый

ничего не
Иван не-
ции, каж-
ний намек
ись, с той
азу с не-
не стал,
я, нет ли
кой, крик-
лось!!! Не
прицельно
из десятка
приятная
удержал-
едловины
егда сам
, издали
развернул
позици-
бы Иван
и ровно
еди, сре-
екричать
ственно,
железная
ов, про-
Иван, и,
з насти-
новенно
ругу так,
тически
екратил
тоже не
умазый

начальник заставы со слегка обалдевшим от грохота лицом. Соскользнув к Ивану, полез обниматься и, громко матерясь, — оглох, прошелся по адресу боевиков и членов их семей.

Сторожась, поводя стволами, пошли осматривать местность. Шестерых обнаружили почти сразу — на небольшом удалении друг от друга — застывшие в неестественных позах, уродливо искореженные тела, мало напоминающие тела людей, даже умерших не своей смертью. Иван мимоходом досадливо поморщился, косясь на трупы, и в голову ему пришла какая-то неуместная мысль: интересно, кто придумал такой калибр — 14,5 мм. Он представлял себе, какие следы в человеческом теле будут оставлять его пули?

Седьмой неожиданно вывалился из кустов, перевернулся на спину и захрипел, пуская кровавую пену, зажимая руками грудь. Проходивший мимо Титов испуганно отпрянул, резко вскинул автомат, но, увидев, что раненый доходит, опустил ствол.

Присел рядом на корточки. Угасающим взглядом боевик зацепился за Титова и вдруг, криво усмехнувшись, поманил солдата окровавленной рукой, сунув вторую руку за пазуху.

Титов наклонился к умирающему, думая, что тот, очевидно, хочет что-то сказать или передать...

— Эй, эй! Тит! А ну, отойди от него! От них можно... — начал было Иван, направляясь в ту сторону, и вдруг заорал страшным голосом: — ЛОЖИСЬ!!! ВСЕМ!!! — И бросился ничком на землю, стараясь вдавить каждый сантиметр своего тела в каменистый грунт.

Слабеющей рукой боевик вытащил из-за пазухи гранату с разогнутыми на запале усиками и, успев вырвать чеку, бессильно уронил маленький ребристый цилиндр на землю.

Ф-1. Разлет осколков — 200 метров. Рвануло так, что на секунду Иван перестал соображать. Однако в следующую секунду ноги уже сами несли его туда, где лежало тело Титова. Еще не видя, что с ним произошло, командир знал, что его бойцу помочь уже нельзя. Споткнувшись, Иван упал и не поднимаясь полз на коленях вперед, навзрыд бормоча:

— И чего ты, а, Тит?! Тит! Чего ты к нему полез, а?! Ты что же это наделал, а?!

Вот тут он и увидел мозг. Тот, который потом

частенько посещал его кошмары, каждый раз в самых разных измерениях и видах.

Осколком Титову снесло верхнюю часть черепа — аккуратно, как бритвой. А мозг остался почти цел. Теперь он блестел сквозь кровавую кашу, студенисто подрагивая в такт судорогам конвульсивно дергавшегося, живого еще тела.

По счастливой случайности никого серьезно не задело — все успели упасть и укрыться. Спасла мгновенная реакция командира и привычка слепо выполнять любые его команды, кроме того, все находились достаточно далеко от центра взрыва.

А Иван еще долго сидел на коленях, отрешенно уставившись на то, что минуту назад было человеком, который шел с ним рядом по жизни.

...Обрывая нить воспоминаний, Иван судорожно передернул плечами и потряс головой. Вот привязалось!

Колеса убаюкивающе постукивали, навевая дремоту. Поезд, замедляя ход, подъезжал к первой на пути следования станции. Иван опять знобко передернул плечами, решительно встал и, повращав корпусом, вышел в тамбур.

Проводник, явно пренебрегая мерами безопасности, высунулся из вагона почти наполовину, наблюдая по ходу поезда. Обернулся на стук двери, мотнул головой в сторону приближающейся станции:

— Распеньево! Стоянка пять минут. Если есть желание, можно кости размять.

Поезд плавно остановился возле небольшого перрона. Одноэтажное здание вокзала, больше похожее на ларек «пиво-воды», вокруг несколько пожеванных акаций, покрытых густым слоем пыли. Двое до одурения чумазных детей неопределенного пола, один из которых пытается в ходе увлекательнейшей игры ударить второго большой палкой с гвоздем на конце. Несколько запыхавшихся пассажиров, торопливо прощаясь с провожающими, усаживаются в вагоны.

Иван, разминая суставы, немного походил возле тамбура и уже было взялся за поручни, как вдруг услышал, что его окликнули.

Обернулся. В нескольких шагах от него стоял дядька — А.И. ... Стоял и пристально смотрел, буравя взглядом.

Краям глаза
медленно свет
— Ну, здрав
собрался? Если
поспешнее беге
Взял и поехал.
Мянику в глаза
дое слово, слов
сказать, ему эт
дядьки, его при
и непонятное со
пенения.

— А теперь
шон... — Тут А.И.
машину «соро
Ненадолго огля
было вполне д
контроля. Слуш
по-джентльмен
за развернулся

Однако тут
дилемма: что
титься за пору
просто необход
Иван замешка
достаточно, что
ровенных муж
что-то крикну
ногах.

Секунду п
тамбура и, ух
нелицеприятн
Дядя же, п
от боли, введ

— Псих э
ный! Маниак

— Фу, ты,
ганно пробор
виду и не ск

— Да они
нил А.И., на
ленный орга
человек каж
буянил он т

Краем глаза Иван уловил, что по перрону к ним медленно едет машина «скорой помощи».

— Ну, здравствуй, племянш. Ты, кажется, куда-то собрался? Если не секрет, куда? И чем вызвано столь поспешное бегство? Ни слова, ни полслова — втихаря. Взял и поехал. — А.И., ласково улыбаясь, смотрел племяннику в глаза, медленно, нараспев проговаривая каждое слово, словно старался загипнотизировать. И, надо сказать, ему это почти удалось. Внезапность появления дядьки, его пристальный взгляд, свистящий полусшепот и непонятное обаяние повергли Ивана в состояние оцепенения.

— А теперь слушай меня внимательно. Маркс-Крюшон... — Тут А.И. не выдержал — воровато оглянулся на машину «скорой», которая была уже совсем близко. Ненадолго оглянулся — всего на полсекунды. Но этого было вполне достаточно, чтобы Иван выпал из-под контроля. Слушать дальше он не стал. Зажав уши и не по-джентльменски лягнув дядечку в пах, витязь спецназа развернулся и шустро бросился в вагон.

Однако тут перед ним возникла весьма серьезная дилемма: чтобы забраться в вагон, нужно было ухватиться за поручни. А чтобы ухватиться за поручни, ну, просто необходимо было отпустить уши! На мгновение Иван замешкался. Всего на мгновение, но этого было достаточно, чтобы выскочившие из «скорой» трое здоровенных мужиков в белых халатах, которым А.И. что-то крикнул пронзительно, повисли на ивановых ногах.

Секунду повисев, его оторвали от спасительного тамбура и, ухватив мертвой хваткой за три конечности, нелицеприятно потащили в машину.

Дядя же, прыгая по перрону на корточках и морщась от боли, вводил в курс недоумевающего проводника:

— Псих это. Из клиники удрал. Оч-ч-ч-чень буйный! Маниакально-депрессивный психоз.

— Фу, ты, Господи! — удивленно и несколько испуганно пробормотал служитель чугунной трассы. — А с виду и не скажешь даже! Во дела!

— Да они на вид все как будто нормальные! — пояснил А.И., наконец-то распрямляясь и массируя ушибленный орган. — Чем запущеннее болезнь, тем умнее человек кажется, это я вам компетентно заявляю! Не буянил он тут у вас?

— Нет, нет! Все в порядке! Сейчас я вам его вещички...— Проводник на миг исчез и тут же вернулся, притащив вещи Ивана.

— Вот, пожалуйста, нам чужого не надо, тем более ненормального. И надо же было так угораздить — псих и в моем вагоне! — растерянно проговорил проводник, как будто именно на его вагоне стояла надпись, запрещающая проезд психов.

Поезд, засвистев, дернулся. Обескураженный хранитель вагонного престижа еще долго торчал в дверях и мог наблюдать, как врач медленно подсеменил к машине, где трое яростно ломали ненормального, что-то им сказал, затем, сильно размахнувшись, не по-врачебному саданул больного ногой в пах, отчего тот скрючился и перестал сопротивляться, был затолкан в «скорую», и «скорая» поехала, свернув с перрона.

ЗМЕИНЫЙ УКУС

...Сергей попытался приподнять голову. Мышцы не слушались, как будто чужие. Красная пелена, до этого застилавшая сознание, медленно исчезала, постепенно растекаясь, как туман. Огляделся по сторонам. Белые стены, окно, задернутое желтоватой шторкой. Мягкий полумрак. Почувствовал, как что-то мешает правой руке. С трудом приподнял ее, с удивлением стал рассматривать тонкий прозрачный шланг с иглой на конце, заправленной под повязку на руке. Другой конец шланга был присоединен к небольшому стеклянному бачку с желтой жидкостью, висевшему на никелированном штативе. «Капельница... Зачем капельница?» — вяло подумал Сергей и, не отдавая себе отчета, потянул за тонкий шланг, ухватившись двумя пальцами. Очевидно, где-то что-то сработало — в палату быстро вошла медсестра. Проверив капельницу, наклонилась над больным:

— Что, уже хулиганите? Первый раз в сознание пришел, и вот тебе...

— Что? — сиплым голосом выдавил Сергей. — Что со мной?

— С вами-то? — несколько даже удивилась сестра, — с вами все в норме. После того, что случилось-то... Теперь ваше состояние, можно сказать, очень даже...

Кровь вам перелили, теперь неделю на витаминах посидите,— сестра кивком указала на капельницу,— будете как новый. Интересно, как же это вас угораздило?

Только после этого вопроса Сергей вспомнил, что же с ним произошло.

Дойдя по тропинке до кладбища, сыщик остановился. Стояла тишина, которую подчеркивали неприятные вскаркивания одиночных ворон, с любопытством следивших за передвижением человека, появление которого здесь, очевидно, было редкостью.

Старое заброшенное кладбище занимало огромную территорию. Все пространство, которое мог охватить взор, было заполнено неровными рядами могил, склепов, надгробий самых разных стилей и эпох, просто деревянных крестов, жестяных обелисков, слепленных кое-как, и целых архитектурных ансамблей.

Повсюду на свободном месте, а иногда прямо из забытых и разрушенных захоронений росли небольшие деревья, в некоторых местах образуя маленькие рощицы.

Очевидно, когда-то огромное кладбище представляло собой довольно внушительное зрелище,— когда здесь были сторожа, регулярно подправлялись ограды и имелись в достаточном количестве родственники и близкие усопших, которые частенько навещали сюда почтить память и проникнуться сознанием тщетности мирской суеты и неизбежностью мрачного конца дней своих. Однако с течением времени все эти близкие и родственники сами перескочивали на кладбище или по каким-то причинам выехали из этого административного района. В данный момент кладбище считалось заброшенным, сюда никто не приходил в обычные дни, и только на родительский день здесь можно было увидеть посетителей, и то очень немногочисленных.

Прикинув направление, в котором могла находиться остановка, Сергей побрел наугад, ежеминутно спотыкаясь о какие-то бугорки и холмики и проваливаясь в различные рытвины и ямы.

То ли сыщик выбрал неправильное направление, то ли попросту дал круг, но он передвигался уже с полчаса, а окраины кладбища все не было видно. Мало того, он потерял и начальный пункт своего прибытия — тропинку, по которой пришел на кладбище!

Сыщик решил немного передохнуть и собраться с

мыслями. Он присел на старый надгробный камень, выполненный из шлифованного черного мрамора. Надпись на камне, полуразрушенная от времени, гласила, что здесь покойся прах усопшего в 1935 году раба Божия Яхъя Эстебановича Полушмякина.

Тишина, изредка нарушаемая шелестом листьев при слабых порывах ветра, казалась зловещей. Сергей зябко поежился. Выросший в городской суете и проживший большую часть своей жизни среди конченных скептиков, подвергавших сомнению не только явления незаурядные, но и сам факт своего существования, сыщик не был суеверным даже на малую толику.

Но вот сейчас, забыв про все нешуточные тревоги, которые только что пережил, он почему-то почувствовал неудобство, что ли.

Еще раз внимательно огляделся вокруг, даже залез на надгробье, приложил руку козырьком к бровям, зорко всматриваясь в окрестности. Кресты — ровные и покосившиеся... Памятники и обелиски... Мраморные плиты и детские могилки, в голове которых лежат плохо отесанные сероватые булыжники.. Царство мертвых. И он — один среди могил. Слез с камня, встал рядом с ним, задумчиво посмотрел на пыльные следы, которые оставили его сандалеты на матовой растрескавшейся поверхности. Внезапно ему в голову пришла мысль, что, встав ногами на камень, он совершил какое-то кощунство, которое неминуемо повлечет за собой расплату. Внезапно так — ни с того, ни с сего... Стал лихорадочно стирать отпечатки своих подошв, глупо причитая: «Извини, браток, я не хотел... Извини!» Опять огляделся по сторонам, на этот раз панически, как бы зовя на помощь. Ни одной живой души, ни звука.

Какой-то первобытный ужас, не испытанный никогда ранее, потихоньку вползал в душу, обволакивая мраком сознание. Захотелось кричать...

Внезапно Сергей услышал шаги! ГОСПОДИ!!! Он вскочил как ужаленный, завертел головой во все стороны.

Шаги приближались. Создавалось впечатление, что кто-то топает по гулкому покрытию. Но ведь никого нет! Сергей недоуменно ворочал головой, чувствуя, как к горлу подступает горячий комок, готовый выплеснуться наружу диким криком...

И тут сыщик понял, что шаги раздаются из-под

надгробного камня, на котором он только что сидел, а до этого вставал на него ногами...

Кровь резко прилила к вискам, страшно забилося сердце, казалось, его сдавила чья-то безжалостная ледяная рука. Сергей даже почувствовал на миг, что он видит эту руку — полуистлевшие пальцы синюшного цвета, со скрюченными ногтями, волосатое запястье... С трудом преодолев слабость в ногах, стелая от ужаса, сыщик бросился бежать.

Далеко, однако, убежать не удалось. Буквально через пять метров Сергей запнулся о полуразрушенный остов ограды, со всего маху шлепнулся между двух могил и от удара на миг потерял сознание.

Очнувшись, поднял голову и стал наблюдать за тем местом, откуда только что убежал — была видна только небольшая часть надгробного камня, но и этого было вполне достаточно.

Сергей был абсолютно уверен, что сейчас он увидит НЕЧТО. Нечто чудовищное, невероятное, необъяснимое.

Вот ОНО!!! Внезапно что-то заскрежетало, раздался пронзительный звук, похожий на завывание одновременно и электромотора, и какого-то наигнуснейшего существа в мире, в существование которого трудно было поверить. Надгробный камень начал плавно отодвигаться в сторону!

Ну, это уж чересчур! Подобного зрелища Сергей вынести уже не смог. Крепко зажмурив глаза, он уткнулся носом в прелую, издающую странный запах землю, зажав голову руками.

Жужжаще-завывающий звук прекратился. Вслед за этим послышалось сопение, кряхтение и невнятное бормотание. Сергей еще сильнее вжал лицо в землю, одновременно стараясь припомнить хоть строчку из какой-нибудь молитвы — тщетно, однако. Тогда он стал про себя быстро-быстро повторять: «Господи, спаси меня, пресвятая дева Мария, спаси меня, апостол Петр, спаси меня, я исправлюсь, исправлюсь, Господи!!!»

Чужое бормотание становилось все громче и отчетливее. Услышав «в Бога мать», сыщик осторожно разжал руки на голове и стал потихоньку отрывать лицо от земли. ЭТО про Бога не будет поминать. Точно не будет! Про мать, очевидно, тоже. Что это ОНО там еще? Ого! Ну, про такое — точно не будет!

Немного приподнявшись на руках, сыщик осторожно взглянул. Возле камня, отряхиваясь, пританцовывал... Бабинов! Облегченно переведя дух, Сергей вдруг почувствовал, что его охватывает приступ безудержного веселья. Сейчас он был готов расцеловать этого «вурдалака»!

Бабинов, страшно ругаясь непечатной строфой, перестал отряхиваться, нагнулся, пошарил в траве, что-то потянул на себя. Опять послышался неприятный визгливый звук монстромотора, плита медленно вползла на прежнее место.

Продолжая изрыгать плохие идиомы, нейрохирург двинулся куда-то, причем шел он быстрым, уверенным шагом, не спотыкаясь, очевидно, по тропинке, хорошо ему известной.

Когда он скрылся из глаз, Сергей медленно встал, судорожно вздохнул и начал отряхиваться, чему-то глупо улыбаясь и периодически раздражаясь короткими всхлипами истерического смеха.

Спустя три минуты он почувствовал, что уже вполне достаточно восстановился и отошел от пережитого. Медленно подошел к загадочному надгробию, обошел камень со всех сторон, внимательно осмотрел его. С треском выдрал целое звено сгнившего штакетника и забросил с могучим выдохом далеко-далеко, крикнув: «Вот тебе!» Затем быстро развернулся и резко и сильно пнул несколько раз ни в чем не повинную молодую сосенку, взвизгивая при этом: «Вот тебе, упырь! Вот тебе, вампир! Вот тебе, вурдалак!!!»

После этих манипуляций Сергей немного постоял, размышляя, а не поехал ли он крышей от переживаний? Подумал и решил — очевидно, нет, просто имеет место сильный эмоциональный всплеск, реакция вполне здорового организма на запредельную ситуацию.

Успокоился. Занялся поисками устройства, приводящего в движение плиту-надгробие. Через три минуты, шаря в траве рядом с плитой, обнаружил толстое железное кольцо, наполовину утопленное в грунте и порядком заржавленное.

Потянул на себя. Никакого эффекта. Подумал немного, повернул кольцо по оси и опять потянул. Вздрыгнул, когда раздалось визгливое жужжание и плита со скрежетом поехала в сторону, открывая провал подземного хода.

Во бляха-муха! И подземный ход есть! Монтекристы занюханые! Он не удивился бы, окажись сейчас перед ним что-нибудь типа метро или транспортера размером с хороший паровоз.

Никаких технических приспособлений больше не было. Вниз вели бетонные ступени, плохо пригнанные к бетонным же стенам. Насколько глубоко подземелье, определить было затруднительно — внутри стоял непроглядный мрак.

Сергей был уверен, что ход ведет в лабораторию — другого его предназначения он был просто не в силах придумать. Сыщик уже было взялся за кольцо, чтобы вернуть плиту на прежнюю позицию и убраться восвояси. И тут бес любопытства опять взял верх над здравым смыслом. Сергей решил осмотреть ход — просто так, на всякий случай. Потом ведь покоя не будет, мог, а не осмотрел.

Безжалостно надрвав с близстоящей сосенки изрядный пучок веток, он соорудил некое подобие факела, приправив его сухими ветками от искусственных цветов, валявшихся там и сям возле могилы.

Запалив его, убедился, что огня хватит минут на пять, не больше. Ну и нормально — больше ему и не потребуется.

Вглядываясь в темноту, начал осторожно спускаться вниз, держась правой рукой за стену. Ступени заканчивались на довольно большой глубине. Осторожно ступая, прощупывал носком ноги пол, продвигаясь вперед. Свет нещадно чадающего и почти бесполезного факела выхватывал из мрака узкий туннель со сводчатым потолком, выложенным из белого кирпича.

Когда факел начал уже было догорать и Сергей решил поворачивать обратно, перед ним из темноты выросла небольшая металлическая дверь с заклепками и ручкой в форме продолговатой головы льва.

Ну, вот и притопали. Дверь, конечно, заперта, хотя чем черт не шутит?

Протянув руку к дверной ручке, сыщик одновременно сделал шаг вперед и наступил на небольшой кругляш, возвышающийся над полом сантиметра на два.

Что-то треснуло под ногами, точно разорвался толстый лист ватмана, пол резко провалился. Негромко вскрикнув, сыщик рухнул вниз. Далеко не полетел. Пол находился на уровне глаз. Гамма ощущений менялась

молниеносно по нарастающей. Еще не успев опомниться от страха перед падением, сыщик почувствовал, что его ноги, обутые в легкие сандалии, угодили во что-то скользкое, упругое, шевелящееся... Потянуло гнилью, плесенью. Раздалось яростное шипение, и сыщик ощутил один за другим три довольно сильных удара в ногу.

Ужасный вопль, полный страха, омерзения и боли одновременно, раздался под сводами подземелья.

Не заметив как, Сергей выскочил из ямы и, подвывая, бросился к выходу, ориентируясь по свету, тусклым пятном мелькавшему спереди.

Выбравшись из могилы, упал на траву, судорожно засучивая штанину. На голени он увидел две маленькие красные точки, отстоящие друг от друга миллиметров на пятнадцать... Такие же точки были на икре, всего три пары...

Автоматически сработали навыки бывшего студента мединститута. Стараясь двигаться побыстрее, Сергей сорвал брючный ремень, положил под него носовой платок и туго перетянул ногу чуть выше колена. Дрожащими руками извлек перочинный нож и, прокалив лезвие в пламени зажигалки, сделал крест-накрест глубокие надрезы на месте укусов. Обильно хлынула кровь.

Стиснув зубы, Сергей поднялся и заковылял в ту сторону, куда не так давно удалился Бабинов. Нога быстро немела, одновременно Сергей почувствовал, что немеет язык, точнее — корень языка, сознание потихонечку начинает обволакивать красной пеленой, на фоне которой отчетливо проступала фраза, выполненная белой масляной краской с полутенями: «Только бы успеть добраться до шоссе... Только бы не упасть на этом кладбище... Только бы добраться...»

БЕЖАТЬ

С адвокатом Павлу повезло. Низкорослый, крепкого сложения мужчина с классической плешью и одутловатым, преисполненным благообразия лицом с первого взгляда внушал уверенность в благополучном исходе дела. От него, казалось, исходили флюиды компетентности и доброжелательности, весь вид его как бы гово-

рил: «Вы ни в коем случае не пожалейте, что связались со мной, уж я-то не подведу, будьте уверены!»

Детально разобравшись во всех тонкостях дела, Дормидонт Улюлюевич Дохин вынес утешительный вердикт: полтора, максимум два года общего режима, что было довольно неплохо, учитывая тяжесть преступления.

Ничего предосудительного в действиях Павла Дохин не усматривал — по крайней мере, так он утверждал. Что ж, было так было, ничего не воротишь, кроме того, каждый имел право защищать свою жизнь так, как сочтет нужным при имеющихся обстоятельствах.

Однако и адвоката занимал тот же вопрос, что не давал покоя следователю. Уже во время ознакомительной беседы он поинтересовался у Павла, не занимался ли тот каким-нибудь прикладным видом спорта, скажем, чем-нибудь из восточных боевых искусств.

Получив отрицательный ответ, проницательно посмотрел на подзащитного, покачал украшенной плешью головой и произнес:

— Ну что же... Дело, как говорится, ваше. И ладненько. Будем считать, что все это вы натворили, будучи в состоянии сильного аффекта, как сказано в протоколах предварительного расследования...

Несколько дней спустя Павел попросил его разузнать, как поживает Иван. При этом Павел сослался на тот факт, что он перед арестом посоветовал Ивану съездить в Москву, к известному психотерапевту — на предмет обследования и последующего восстановления некоторых функций мозга, частично утраченных после получения травмы.

Информация, которую раздобыл адвокат, была такова:

— Ваш сосед спокойно сидит себе дома и никуда не собирается ехать. Насчет частично утраченных функций — это вы тогда слишком мягко, знаете ли... У вашего соседа ужасающие провалы в памяти! Его лечащий врач, с которым я побеседовал по личной инициативе, утверждает, что в данном случае имеет место особая форма амнезии, так сказать, избирательная. Ну, например, его два раза допрашивали в качестве свидетеля по вашему делу, в присутствии врача, разумеется. Ничего. Понимаете? Абсолютно ничего не помнит. А между тем, во время первого допроса, сразу после происшествия, он дал довольно четкие показания. Впоследствии,

когда ему дали почитать тот протокол, написанный его собственной рукой, он был очень удивлен. Врач подтверждает, что таковы последствия травмы. И вообще с момента выписки из больницы до совместного с вами чаепития и приезда дяди, Бабинова, помнит, а дальше, два дня спустя, как ножом отрезали. После этих двух дней опять помнит. Получается, что его амнезия затрагивает только какие-то определенные моменты времени...

Эта новость повергла агента в уныние. Значит, Краузе узнал об их планах! Если он знает обо всем, это конец. Как же так получилось? Возможно, после гибели двух исполнителей эта компашка решила на всякий случай обработать Ивана? Но в любом случае это значит, что информация о нем, Павле, как и о планируемых мероприятиях с участием Ивана и Сергея-сыщика, стала достоянием Краузе — уж, конечно, тот не упустил возможности поинтересоваться странным субъектом, возникшим в поле его зрения. Или в поле зрения Бабинова, что, впрочем, одно и то же.

Оставался еще вариант — сыщик. Если Иван успел встретиться с ним и провести соответствующую работу до того, как стерилизовали его память, можно на что-то надеяться. Это в том случае, если сыщик, как очень хотелось надеяться, окажется изворотливее, хитроумнее Ивана и, самое главное, сможет вовремя разгадать козни Краузе и не попасть под удар, как случилось с Иваном.

В одну из следующих встреч Павел попросил Дохина навестить Сергея и порасспросить о делах насущных — разумеется, сугубо конфиденциально. Адвокат, заинтересовавшись, поспешил выполнить просьбу Павла, надеясь отыскать связь между происшествием и знакомствами подзащитного. Уж больно соблазнительная вырисовывалась цепочка.

Выяснилось следующее:

— Сыщик по фамилии Плеханов находится в данный момент в госпитале МВД. В отделении токсикологии. Из всех лечебных учреждений города госпиталь — единственное, в котором такое отделение функционирует на данный момент. Попал туда вследствие жестоких змеиных укусов! И не одной змеей, а змеями!

Рассказывая, адвокат загадочно улыбался и произ-

тельно сверлил подзащитного своими бусинками, блещущими от возбуждения.

— Ах, да... Еще один незначительный нюанс,— Дохин так старательно попытался замаскировать под напускным равнодушием эту фразу, что Павел внутренне напрягся, ожидая какой-нибудь пакости.

— Этот сыщик, к которому вы меня послали, утверждая, что он хороший знакомый вашего соседа и отчасти ваш тоже, он категорически заявляет, что с ВАМИ НЕ ЗНАКОМ. И с Иваном не знаком. В глаза, говорит, не видел! Кроме того, он не помнит, слышите, не помнит, каким образом попал на шоссе в районе психиатрической клиники в таком вот истерзанном состоянии. Амнезия, опять же... У вас что, все знакомые в одночасье приболели?

К вящему недовольству адвоката, Павел не стал проливать свет на загадочные подробности своих отношений со странными знакомцами, которые утверждали, что они совсем ничего не помнят. Задав еще несколько вопросов и заметив, что Павел ушел в глухую защиту, Дохин обиделся и, накуксившись, распрощался.

После ухода адвоката Павел уныло проанализировал ситуацию. Итак, самые худшие предположения его оправдались. Оба парня выбыли из игры. Более того — вероятнее всего, у них выведали все про него и про его миссию. В этом Павел почти не сомневался. Глупо было бы предполагать, что Краузе, как правило, детально разрабатывавший каждый штрих любой своей авантюры, мог упустить такой серьезный момент. Теперь Павел как кость у него в горле. Если учесть, что вся городская элита в руках этого проходимца, можно заранее сказать, что Павел — труп. Или, того хуже — живой, но... прооперированный! Агент Интерпола — ЗОМБИ. Интересно...

При попытке к бегству... При попытке к нападению. Или сунут в камеру с зомби, который в назначенный час, часиков этак в пять утра, когда всем спится хорошо, придавит потихонечку... Или того проще — инсценируют самоубийство, в наш-то суицидный век...

Вывод напрашивается только один — уматывать любыми способами! Но... Бежать из СИЗО?! Для осуществления столь беспрецедентного акта потребуется перебить всю дежурную службу, завладеть всеми имеющимися ключами и... насколько далеко от изолятора уда-

стся потом отъехать? В пределах административного района, который будет мгновенно поднят на ноги?!

Остается только один шанс, да и то тускловатый такой, призрачный. Попытаться бежать, когда его повезут на следственный эксперимент. Сегодня вечером.

АГЕНТ НА ЗАМЕТКЕ

...Краузе быстро расхаживал по кабинету, резко подергивая плечом и теребя носовой платок.

— Значит, только двое — ваш племянник и этот, как его там — сыщик? Вы уверены, что больше он ни с кем не контактировал? Да перестаньте наконец курить, черт побери!

А.И., вальяжно развалившись в кресле, пускал в потолок замысловатые кольца, стараясь нанизать одно на другое. Форточки в кабинете были закрыты, кондиционер, как явление, способствующее распространению различных вирусов и простуды, вообще отсутствовал. Краузе панически боялся сквозняков.

Он берег свое здоровье, этот маленький тщедушный человечек, отправивший в мир иной не одну сотню душ. И старался поменьше подвергаться стрессовым нагрузкам, прекрасно зная, как пагубно это отражается на функциях нервной системы. А сейчас он здорово нервничал, и это ему сильно не нравилось.

А.И., старательно затушив окурок о подошву, поискал глазами, куда бы его забросить. Не нашел — положил в карман рубашки, потирая руки, улыбнулся — удивительно, как много значения шеф уделяет такому пустяку.

— Да успокойтесь, все в порядке. Я же сказал — только двое, больше ни с кем он не общался. Агент сейчас в тюрьме, по всей видимости, надолго, эти двое обработаны, так что опасаться нечего!

— Да вы просто не представляете себе реального положения дел! — Краузе аж взвизгнул, до того его покорила беспечность партнера. Он немного посто-
ял, внимательно следя за своим дыханием — коротко, как собака в жару, вдыхал и выдыхал воздух, деля вдох и выдох на семь частей. Уделив достаточно

времени дыхательной гимнастике, соблаговолил разъяснить А.И. ситуацию:

— Видите ли, вам трудно оценить серьезность положения именно потому, что вы родились в России. Хотя, если подходить беспристрастно, в этом вы не виноваты, разумеется. Я неоднократно сталкивался с этой проклятой организацией и, поверьте на слово, всегда в таких ситуациях, когда уже был уверен в провале, всегда приходилось, сломя голову, уносить ноги, теряя большие средства, подставляя подготовленных людей и так далее. И уж если каким-то образом пронюхали, что я здесь,— уж будьте уверены, докопаются до всех наших мероприятий.— Тут Краузе подошел к окну и крепко стукнул маленьким желтым кулачком по подоконнику, подумал и стукнул еще два раза, затем, морщась от боли, стал трясти кистью — тоже своеобразная форма направления эмоций в иное русло.

— И надо же этому было случиться, когда до цели оставалось совсем немного! Никак не поверю, что агент вышел на вашего племянника совершенно случайно, ну, просто никак!

— Да я уверяю вас, что все вышло совершенно случайно! — несколько обиделся даже А.И. — Не спорю, может быть, он и приехал по вашу душу, может быть. Но бинты, которые выкинул Иван, я повторяю, он обнаружил совершенно случайно. Кстати, а ведь даже вы не догадались насчет бинтов, разве не так? — Тут в голосе А.И. послышались нотки какого-то нездорового торжества — в кои-то веки представился случай уличить шефа, разум которого он считал непогрешимым, в таком досадном упущении! Да и кто провел — безмозглый солдафон Иван! Правда, в глубине души А.И. даже несколько гордился тем, что это именно его родственник проявил столь незаурядные способности.

— Насчет бинтов это верно,— нехотя проскрипел Краузе, немного даже краснея, однако тут же ответно окрысился, язвительнейшим тоном вопрошая: — А вы не находите, что все наши неприятности исходят от вас?! — А.И. даже привскочил от высказанного предположения, однако Краузе усадил его обратно в кресло, надавив на плечо маленькой сильной ручкой и, приблизив свою желтую физиономию с сумасшедшими, навывкате глазами, один лишь взгляд которых способен был вызвать трепет у самой цельной натуры, продолжал:

— Ну, сами посудите, племянник — ваш. Сыщик — ваш приятель. Вы тайком от меня, хотя я даже не представляю, зачем это нужно, ведете картотеку! Я что, когда-нибудь вам отказывал, если кто-то из подопытных вам был нужен? Или мне теперь нужно проверять каждый уголок в лаборатории? Стыдно! Далее, не вы ли организовали охрану лаборатории, уверяя меня, что туда и муха не просочится? А ваш приятель и отдаленно на муху не похож. В конце концов, если бы вы тогда не оставили в огороде этих ублюдков одних и не удрали бы в город, возглавили бы похищение агента, ничего бы этого не случилось. Хотя тогда мы не знали, что это агент... Тем не менее это именно вам взбрело в голову, что он — крайне подозрительный тип и его необходимо обработать! Почему же вы лично не занялись этим делом, поручив такую ответственную работу двум монстрам? Вы знаете, я уже начинаю сомневаться даже, в состоянии ли вы выполнить простейшие организационные мелочи. Вы допустили встречу вашего племянника с этим сыщиком, вы выпустили его из-под контроля и дали возможность уехать — пришлось затевать скандал на станции. Да ладно, я думаю, вышеперечисленного с лихвой хватит. — Тут Краузе выпустил плечо партнера и отошел к окну. Выпав из-под контроля, А.И. тут же обиделся и стал отпираться:

— Однако же это мой племянник дал координаты лелеемой вами мечты! Не будь его, ничего бы из вашей затеи не вышло! Вот так! Это вы в расчет не берете?! Насчет моего приятеля — это вы зря. Он угрожал, причем весьма основательно, моей, а значит и вашей безопасности, потому его и пришлось обработать. А что касается вашего Джеймса Бонда, мне кажется, вы преувеличиваете степень опасности. Вы ведь можете сделать так, что сам начальник следственного изолятора привезет агента вам сюда, прямо в кабинет! И никто ничего знать не будет! Доставьте мне его сюда, и я за полчаса прочищу ему мозги! Ха-ха-ха! Один из моих, простите, ваших рабов — агент Интерпола! Вот это дела! Начинаем вплотную подбираться к мировому господству! Переходим от подполковников милиции к международным агентам. Глядишь, в скором времени президенты косяком попрут...

Внезапно он осекся, уловив тяжелый взгляд шефа.

— Наверное, это у всей вашей родовой в крови —

фиглярство. Вот и племян ваш тоже. Яблоко от дерева — или как там у вас? А впрочем, черт с вами. Вы мне нужны и пользуйтесь этим. Только не забывайте, определено нацеливаю вас, не забывайте, пожалуйста, что успех нашего дела — гарантия вашей личной безопасности и, если хотите, самой жизни. Агента будем убирать. Немедленно!

Тут А.И. встрепенулся:

— Не понял?! Как это — убираем? Вы что — не собираетесь его использовать? Такого продуктивного парня? Ну, шеф, вы совсем уже...

— Да прекратите вы! — Краузе в бешенстве замахал, затряс руками, опять желтой коброй метнулся к креслу с упакованным в нем неразумным партнером, застыл, раскачиваясь, над ним, завораживая:

— Я вижу, вы не поняли, что он из себя представляет! Совсем не поняли! Хотя, если разобраться, с вас трудно спросить за это — вы ведь тепличный, непуганный монстр под сильным крылом могучего разумом партнера! Поймите наконец, каждый их человек крайне опасен! Ведь там работают сливки, квинтэссенция человеческих возможностей и способностей! Взять хотя бы этого — посмотрите, что мы имеем. За неприязнительной внешностью скрывается бездна экстраординарных качеств! Вот вы — здоровый и сильный человек. Способны вы были бы одолеть хоть одного из этих пареньков, которых он уколошил, как у вас выражаются? А ведь до сих пор они не давали осечки! Посмотрите, как фантастически быстро он вышел на наш след! Неужели вы не усматриваете здесь работу нестандартного интеллекта, умственных способностей на пару порядков выше даже очень хороших? Вот вам пришла бы в голову мысль копаться на свалке только лишь потому, что какие-то бинты вдруг показались вам подозрительными из-за неровных следов крови? А как он организовал работу с агентурой? Я имею в виду вашего племянника и этого сыщика. И посмотрите: ведь в каждом случае мы были на волосок от провала! Если бы вы упустили вашего племянника, он был бы сейчас в Москве, как и это племянника, он был бы сейчас в Москве, как и это письмо, — тут Краузе указал на вделанный в стену небольшой сейф, — которое, кстати, написано таким шрифтом, что абсолютно ничего нельзя разобрать. Вы знаете, я всем занимался понемногу на пути к процветанию. Так вот, кроме всего прочего, я неплохо разби-

раюсь в шифрах и могу вам сказать с определенной долей уверенности, что шифр этот принадлежит к категории, которой обычный агент не пользуется. Знаете, у меня таблицы, у вас таблицы, условные знаки — стандартный набор. Например, вариант один — расположили таблицы в одной последовательности, вариант два — в другой, один дубль — поменяли знаки, переставили с начала в конец, и так далее. Понятно я изложил, надеюсь? — Краузе говорил несколько раздраженно, сердясь на то, что приходится объяснять партнеру такие, казалось бы, прописные истины. — Так вот, это не тот случай, — он опять указал на сейф, — это — ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ШИФР. Он имеется только у двух или трех, в общем, у очень ограниченного количества человек. Мы имеем дело не с рядовым агентом. Это агент экстра-класса или, если хотите, суперагент с неограниченными полномочиями. Этот человек попытается бежать — на его месте я поступил бы точно так же. Когда — это вопрос времени, но так или иначе другого выхода у него нет, — заметив недоумевающий взгляд А.И., Краузе с досадой втянул воздух сквозь стиснутые губы, скривив рот на правую сторону, отчего его лицо симпатичнее не стало. — Послушайте... Вот вы — гениальный нейрохирург. Вы сделали открытие, вне всякого сомнения, коль скоро оно станет достоянием гласности, будет являть собой начало новой эры в науке. Откуда же такая ограниченность? Неужели ум ваш имеет только сугубо профессиональную направленность? Почему вы не можете сообразить на пару ходов вперед? Синдром совдеповского воспитания?

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

На место происшествия выехали в 22.00. Как и ожидал Павел, состав конвоя был весьма внушителен.

Когда арестованного ввели в помещение для обыска, там, кроме ДПНСИ и его помощника, находились еще шесть человек. Непосредственный начальник всего мероприятия — следователь, его помощник, двое ассистентов в гражданке, по всей видимости, тоже сотрудники органов, и два дюжих сержанта милиции в форме.

Бюрократические формальности, необходимые при

передаче арестованного, и поверхностный обыск — шмон, заняли не более пяти минут.

После этого Павла приковали за руку к дюжему сержанту милиции. Миновав три двери, вышли на воз- стовский вечер показался Павлу желанной прохладой, напоенный блаженными ароматами. Павел, глупо улы- баясь, прошествовал к серому «жигулю», на заднее си- денье которого и был посажен вместе с пристегнутым к нему сержантом.

Рядом, с левой стороны, резво втиснулся второй сержант. Следовательно уселся на переднее сиденье, ос- тальные разместились в патрульном «уазике».

Берегут... Как же, не дают покоя подвиги с толкуш- кой. Чего, интересно, они опасаются, того, что он по- пытается бежать с транспорта во время движения? При- хватив с собой здорового сержанта для разнооб- разия...

Павел был в курсе, что агент может иметь трения с законом страны, на территории которой он выполняет задание. При очень плохом стечении обстоятельств мо- жет быть взят под стражу, даже судим и помещен в одно из учреждений, осуществляющих пенитенциарный режим. Зная, что на следствии могут быть использова- ны недозволенные методы дознания, идущие вразрез со всеми международными требованиями. Однако...

Нет, его не били, не гладили живот раскаленным утюгом производства эпохи первой Французской рево- люции, не засовывали паяльник в разные места...

Выяснив в течение двух суток все необходимые под- робности, Павла просто так, безо всякой задней мысли определили в одну из камер СИЗО города Н....

Большинство россиян с детства приучены жить в условиях, которые нормальному европейцу или амери- канцу показывают в страшных фильмах, не часто, прав- да, периодически, чтобы закалять психику.

Ни у кого не вызывает удивления повсеместное засилье коммуналок и разного рода общаг типа «га- дюшник», с воняющими вперемешку кошачьей мочой и человеческими испражнениями подъездами, через кото- рые с наступлением темноты прошмыгивают только сильно рискованные люди. Никто не возмущается из-за наличия хронически протекающих кранов в таких вот общагах и забитой пожизненно канализации, которая

создает такие своеобразные ароматические эффекты, проникающие во все поры жилищ, что поневоле забываются все другие проблемы, имеющие место в непроходимой глуши сощобщения. Некоторые лишенные приятного общества пенсионеры даже рады, что существующая звукоизоляция позволяет постоянно пребывать в курсе самых интимных подробностей из жизни соседей. И уж совсем никого не волнует повсеместное засилье ужасных помоек, годами разлагающихся и так органично дополняющих реалии сощкультбыта...

Все эти этапы с успехом осваиваются такой формацией, как советский народ.

Но СИЗО...

Камера без окна, с неработающей вентиляцией площадью 18 кв.м., битком набитая людьми, — всего 42 обитателя. Трехъярусные суррогатные кровати (шконки на местном диалекте) с вонючими матрацами, развешенное на дужках мокрое зловонное белье (некоторые подолгу сидели без права свиданий и передач и сами стирали, суша вещи здесь же), унитаз в углу, без крышки и слива... Большинство курят прямо тут же... А между тем на дворе лето, к полудню температура поднимается до 50 градусов у потолка камеры.

Издевательства, которые неизбежны при встрече нового заключенного, впервые попавшего в неволю, не последовало, все обитатели старались поменьше двигаться, чтобы хоть как-то уберечься от потницы — специфического заболевания, свойственного камерам, от которого кожные покровы начинают страшно чесаться, до крика, а впоследствии по телу высыпает мерзкая такая красная сыпь, на место которой потом вскакивают гнойные язвы и фурункулы.

Кроме того, как оказалось, статья Павла давала ему право на известную долю уважения местной братии.

Но здесь издевательства и не потребовалось бы, чтобы сломить дух самого стойкого цивилизованного человека, его просто нужно было оставить на недельку в камере и не трогать.

Когда Павла ввели в камеру, он чуть было не задохнулся, некоторое время недоуменно оглядывался по сторонам, удивляясь, как это такое количество людей может здесь находиться?!

По истечении некоторого времени организм адаптировался к условиям содержания, но сознание, претер-

пешее вонюче-безвоздушный компресс, воспринимало действительность как-то ирреально-безразлично.

В таком же состоянии пребывали остальные сокамерники. Через сутки Павел почувствовал, что он морально уничтожен! Вот в чем дело! Никого не надо пытаться, хватать за волосы, бить головой о стену. Несколько суток пребывания в подобных условиях заставят кого угодно подписать любые показания, только бы скорее перевели на зону, на вольный воздух...

Павел вспомнил, как однажды их вертолет потерпел крушение над джунглями Южно-Африканской Республики. Двенадцать суток он, один оставшийся в живых, продирался сквозь непроходимые заросли. Невероятные скопища насекомых, слепящих глаза, беспрерывно наносящих болезненные укусы, ядовитые змеи, встречающиеся на каждом шагу, какие-то цветные пауки, падающие на голову с деревьев, дикие звери, непролазные топи малярийных болот... Это был ад в полном смысле этого слова. Однако Павел хорошо запомнил, какая мысль красным пунктиром пульсировала в его сознании все эти двенадцать суток — ЖИТЬ! Выжить любой ценой! Да, он стал зверем к концу пути — инстинкты возобладали над гражданской оболочкой, слетевшей, как шелуха. Обычно писатели, когда хотят показать, как много вынес герой, пишут в конце предполагаемого повествования с типичным концом: он плакал от счастья. Или рыдал от счастья. Павел хорошо помнит, что он не рыдал от радости и не плакал от счастья, когда добрался до плохонькой грунтовой дороги, ведущей в негритянский поселок. Нет, не рыдал, он тогда страшно рычал от счастья, рычал, как первобытный человек, какой-нибудь австралопитек или кроманьонец, победивший в бою один на один пещерного медведя. ЖИТЬ... ВЫЖИТЬ...

Здесь, в этой камере, жить не хотелось. Если бы сейчас кто-нибудь занес над ним нож, Павел даже не пошевелился бы — убивайте, если считаете нужным. Даже мысли о побеге мелькали чисто автоматически, машинально, по инерции, скорее даже не из чувства личной безопасности и для спасения своей жизни, а из-за... привычки и служебной дисциплины! Нужно бежать не потому, что его, Павла, могут убить, а потому, что он должен выполнить задание, иначе просто может лишиться работы, которая стала для него всем в жизни.

Рассуждения Павла были прерваны резкой остановкой — машина затормозила возле калитки тети Сониного двора.

Хозяйка, предупрежденная заранее, уже стояла у калитки, шмыгая носом, утирая концом платка глаза, подозрительно сухие, всем своим видом показывая, как она сочувствует Павлу.

Однако узника ухищрения тетки абсолютно не трогали. Он, разбуженный свежим воздухом, теперь лихо-радочно перебирал возможные варианты действий, просчитывал каждый на несколько ходов и тут же отметал, как нереальный или трудноисполнимый. Изъяны в системе охраны вычислить нетрудно. Уйти из-под опеки конвоя, затаиться, изменить внешность — все это довольно-таки непросто, но все же выполнимо. Однако было во всей этой ситуации одно маленькое НО, которым ни в коем случае нельзя было пренебречь: Павел слишком хорошо изучил потенциальные возможности своего противника, чтобы не опасаться его.

Краузе наверняка рассчитывает, что он должен бежать. Это ясно на сто процентов, если, конечно, не брать в расчет тот вариант, что Желтый совсем спятил, находясь в этой стране. Более того, очевидно, он тоже считает, что самый благоприятный момент для побега — следственный эксперимент. А это значит, что на каком-то этапе осуществления плана Павла поджидает сюрприз.

Что это будет? Может быть, случайная пуля, дробящая череп, и последующие затем путанные объяснения следователя или кого-нибудь из охраны насчет попытки нападения. Или еще какая-нибудь случайность, которая позволит агенту оказаться в руках Желтого.

И было всего лишь одно светлое пятнышко где-то в самом верхнем углу этой мрачной перспективы. Краузе — европеец. Более того, он немец. Конечно, он с беспощадной пунктуальностью рассчитал каждый шаг своего противника. Можно предполагать, рассчитал с математической точностью, не хуже компьютера. Недаром этот желтый человечешко считается одним из умов мирового значения. Именно поэтому он до сих пор еще не попался, хотя должен был бы.

Но он, Павел — русский. Представитель великой безалаберной нации. Да, безусловно, он прожил в Европе немало времени, успел обрести привычками, образом

мышления, свойственными цивилизованному человеку. Однако в глубине души его, как и у каждого русского, всегда есть место для бесшабашного лихого поступка — так, наудачу, «отколоть номер», «отмочить»... Такие вот поступки не поддаются никакому просчету и анализу уже лишь потому, что русский сам, до последней минуты, до последней секунды не может себе представить, как это будет выглядеть. У йогов, кажется, это называется мозговой штурм или эвристическое мышление. А у нас... Черт его знает, как оно называется — «на авось», наверное.

Между тем большие стенные ходики в прихожей дома громко пробили одиннадцать раз.

«Интересно,— подумал Павел,— каким образом Краузе собирается управлять ситуацией в данном случае? Телефона здесь нет, а дать команду, ориентируясь по времени,— чистейший абсурд, он имеет стопроцентную гарантию, что здесь строго по минутам ничего делаться не будет. Обязательно кто-то опоздает, что-то забарахлит — в общем, как обычно!»

Во дворе шла подготовка к эксперименту. Следователь с помощником что-то высчитывали, промеряли расстояния, иногда что-то спрашивали у Павла, он рассеянно отвечал. Странное чувство. Ты стоишь во дворе дома — ну, пусть не своего, но дома своей родственницы, где ты некоторое время жил, когда был свободен. А сейчас? Как и несколько дней назад, ты опять во дворе этого дома, но на этот раз — под конвоем.

— Это что еще такое? — недоуменно пробормотал Павел, почувствовав, как нехорошо заняло в груди. У калитки, деликатно скрипнув тормозами, плавно остановилась машина «скорой помощи»...

— Начнем эксперимент с момента посещения Бабиновым своего племянника, страдающего провалами памяти,— пояснил следователь.— Пришлось, конечно, доктора вытащить из дома на ночь глядя, но что подделаешь.

Из машины вышел Бабинов и быстро прошел во двор.

— Здравствуйте, доктор,— следователь и его помощник подошли к А.И.,— извините, конечно, что потревожили вас.

— Потревожили!!! Ну, Краузе!

— Значит так,— продолжал следователь,— у нас еще

пятнадцать минут. Я думаю, чтобы побыстрее отпустить доктора, мы предварительно проиграем сцену посещения, чтобы потом заминок не было.

— Секундочку,— вмешался А.И.,— у меня тут кое-что для вас есть.— Он взял под руки следователя и его помощника и что-то прошептал на ухо сначала одному, затем второму. Даже при рассеянном свете подфарников можно было заметить, что с обоими произошла какая-то перемена... Были люди, стали изваяния. Лица их сделались замкнуто-отрешенными.

— Так... Внимание! — Голос следователя, бывший до того мелодичным, со множеством оттенков, вдруг зазвучал металлически резко.— Сейчас я, лейтенант Капаев, доктор и подследственный пройдем в дом для уточнения кое-каких деталей. Попрошу никому не мешать!

Сержант, прикованный к Павлу, недоуменно пожал плечами и, отсоединившись, замкнул второй наручник на его левой руке, передав следователю маленький ключик на колечке. Павел обернулся в сторону следователя,— А.И. что-то горячо нашептывал тому на ухо, не отпуская рукава его рубашки. Немного погодя следователь направился к дому, взяв походя Павла за локоть и бросив исключаящее сомнения «вперед».

— Батюшки святы! Фантастика! У них что, полгорода с дырами, что ли?! Да такого просто не может быть! Ну, следователь — ясно, фигура заметная, вполне можно предположить, что и проштамповали на всякий. А помощник? Этот лейтенант Караев? Насколько же велик объем охвата?! Хотя какое это имеет значение сейчас? Ведь — ВСЕ! Смертельно ранен при попытке ли к бегству, при нападении ли...— Павел резко поник духом. Такого поворота событий он не ожидал. Все остальные принимают все здесь происходящее за чистую монету.— Закричать, что ли? Дескать, спасите меня, это зомби! Посмеются, спятил, скажут, от долгого сидения в душегубке.

Пропустив всех в прихожую, А.И. запер входную дверь на крючок. Павел отсутствующим взглядом, по инерции, обшарил каждую деталь обстановки. Ничего подходящего. Хотя что тут могло бы быть? Руки скованы за спиной. Можно, конечно, ногой попытаться, хотя вряд ли получится. А Иван еще оружие просил! Пушка в сарае... Смех и грех! Вот это влип.

Взгляд Павла остановился на самодельной этажерке, на средней полке коготорой стояла небольшая, с отломанной крышкой пластмассовая шкатулка, наполненная пуговицами разного калибра. Тетя Соня... Хозяйственная бабка, какую пуговицу где-нибудь на полу найдет, обязательно домой тащит, даже если она ей совсем без надобности. Вот и сейчас лежит на самом верху ярко-красная, стеклянная с латунным ободком. Наверняка одна-единственная в деревне. Куда же она ее пришивать собирается?

Почему всякая дурь в голову лезет, ведь сейчас, очевидно, убивать будут?!

Рядом со шкатулкой валялся наполовину выдавленный тюбик «РЕДЭТА» — антикомариной мази. Вернее, не валялся, а стоял. Тетка аккуратно подвернула выдавленную часть, причем так, что тюбик можно было поставить, и теперь он был даже и не совсем на тюбик похож. А на что? На что-то уж точно...

Тьфу, мразь! Привязалось! Последние конвульсии сознания перед неизбежной гибелью? Пуговица — мазь... А может, и не будут жизни лишать, может, прооперировать захотят?! Может! Пуговица — мазь... Тьфу! Зараза! Нет, слишком он для них опасен, большой процент риска — Краузе на это не пойдет. Убрать гораздо проще. Пуговица — мазь, какая же здесь связь? Вот напасть! Даже стихами! Точно, конвульсии. Чего это Бабинов там нашептывает этим? Наверное, инструктирует, каждый шаг продумывает, какую программу заложить, так все и сделают. А трусоват дядечка Ивана, трусоват. Вон как косится, даром что исполнители под рукой, да и жертва в наручниках. Пуговица — мазь... Да отвяжется это в конце концов или нет? Трусоват... Трусоват? Пуговица — мазь... Стоп! А ну-ка! ЕСТЬ! Пусть голимый блеф, хуже не будет, приговоренному агенту нечего терять!

Павел как бы случайно придвинулся к этажерке, медленно повернулся к ней спиной, чуть-чуть приподнялся на носках. Не обращают внимания... Пальцами скованных рук нащупал стеклянную баночку с медным ободком. Или латунным. Крепко зажал в пальцах, немного отстранился от этажерки, стал медленно расслабляться, глубоко и долго выдыхая, стараясь выгнать лишний адреналин. Сейчас ему понадобятся олимпийское спокойствие и нестигаемая уверенность.

А.И. закончил инструктаж. Немного помолчав, он откашлялся и, обращаясь к следователю и его помощнику, громко произнес:

— Ну, ты становишься с этой стороны, а ты — там. Напоминаю, через пятнадцать... Нет, нет! Сразу после выстрелов откроете наручники и тут же все забудете. Прощайте, Бонд! Честно говоря, я был против вашего устранения, я хотел вас прооперировать. Но шеф... Они, — Бабинов небрежно махнул рукой в сторону застывших фигур, — укокошат вас как бы при попытке к нападению. Вы же сильный человек! Замочили двух борцов без потуг, верно? Очень даже будет правдоподобно, если вы попытаетесь напасть.

Интересно разговаривать с трупом! Скажите что-нибудь на прощание! Крикните — да здравствует Интерпол или чего еще там. Все. — А.И. отошел в угол, поднял руки, чтобы зажать уши, и скомандовал следователю с помощником. — Достаньте оружие! — Не удержался, похвастался перед Павлом: — Видите, какая организация труда! Обычно следователь без оружия ходит! А мы постарались — как же! Такой опасный тип! Ха-ха-ха... — Он поперхнулся, начал кашлять, потом перестал и, опустив руки, уставился на Павла. По мере того как он продолжал смотреть на агента, выражение лица его постепенно менялось.

— Чего это вы улыбаетесь? Вы что — не боитесь? А?! Вы...

— Секундочку, доктор! Прекратите болтать и послушайте! — Раздался полный пренебрежения и спокойной иронии голос Павла. Голос, абсолютно не похожий на предсмертный вопль жертвы. — Посмотрите-ка лучше, что у меня в руках! — С этими словами он развернулся, показывая сжатый в пальцах скованных рук предмет.

— Это дистанционный взрыватель. Вы же знаете, кто я и какую организацию представляю? Неужели вы могли предположить, что, отправляют на дело с пустыми руками? — Павел осуждающе покачал головой, внимательно следя за реакцией Бабинова. Таковой пока не последовало — Бабинов, приоткрыв рот, тупо смотрел на агента.

— Так вот, примите мои соболезнования по поводу вашей некомпетентности. Вы, естественно, не могли предположить, что, прежде чем впускать агента

моего класса в помещение, где он некоторое время уже находился ранее, необходимо изъять из этого помещения все более-менее подозрительные предметы. Но шеф-то ваш мог бы и упредить! Такой досадный промах,— тут Павел издевательски расхохотался. Как ни странно, именно смех вызвал А.И. из состояния прострации. Он попытался заговорить этим небрежно-бодрым тоном:

— Что вы там несете? Вы что, думаете, я всему этому верю? Ни грамма! — Получилось малоубедительно.

— Прекратите болтать, я уже сказал. Прежде чем я продолжу разговор с вами, хочу сообщить небольшую деталь — я болен раком. Не надо удивляться, на такие задания у нас посылают именно сотрудников, которые в некоторой степени обречены, именно поэтому они ничего не боятся и выполняют задание до конца.— При этом «до конца» было произнесено с присвистом, с таким патетическим вздохом, а в глазах агента блеснул такой фанатичный огонь, что А.И. вздрогнул.

— Так вот, спешу сообщить вам,— продолжал Павел торжественным тоном.— Я должен умереть предположительно через две недели... — Тут он замолк, изучая, как воспримет эту новость А.И. Тот воспринял. Павел продолжал.

— А поэтому я приношу вам огромную благодарность за то, что вы дали мне в руки столь грозное оружие. Чтобы не терзать ваше любопытство, поясню. В предметы нашей экипировки входит комплект взрывных устройств большой мощности, закомфлированных, как правило, под предметы быта, свойственные обиходу той страны, в которой приходится работать. Вот этот тубик, например,— Павел указал глазами на стоящий на полке «РЕДЭТ»,— целую неделю монтировали на ядерном полигоне в штате Невада. А все-таки не смогли воспроизвести с подлинной точностью — посмотрите, он выглядит не совсем обычно, не правда ли?

А.И. машинально кивнул головой, замороженно глядя на тубик, как на ядовитую гадюку. Некоторое время недоверие и страх боролись в нем. Но, наконец, страх победил — агент все-таки! Международный! Сам шеф предупреждал, что не просто агент, а супер.

— А теперь о главном,— Павел, прочитав в глазах

А.И. то, что хотел, решил действовать немного резче, пока доктор не выпал из-под влияния,— если вы не будете делать глупостей, то будете жить. Ваша жизнь мне не нужна. Сейчас мы с вами поедem к вашему шефу. Там я вас отпущу, а сам...— Снова фанатичный блеск в глазах, торжественно-патриотический тон: — Мне недолго осталось жить... Я буду рад умереть в обнимку с самым страшным негодяем на Земле! — Опять блеск, тон тот же. А.И. тихо вжимает голову в плечи.

— Возьмите этот тубик,— Павел кивнул на этажерку. А.И. удивленно наклонил голову, показывая, что не понял.— Возьмите, возьмите, сам по себе он абсолютно безвреден, пока я не нажму на контакт взрывателя.— Видя, что А.И. колеблется, опасливо переводя взгляд с тубика на него. Павел прибавил металла в голосе.— Я сказал, берите! В конце концов с таким же успехом я могу включить взрыватель и тогда, когда вы будете рядом и даже когда отойдете на несколько десятков шагов. Берите! Да не вздумайте выбросить в окно, это не поможет, радиус действия взрывного устройства — 200 метров! Подумайте, 200 метров сплошного поражения! В случае взрыва здесь останутся выжженная земля и радиоактивные облака пепла! Я начинаю нервничать, а от этого у меня усиливаются боли в пораженном раком желудке,— тут Павел страшно закатил глаза, болезненно морща лицо.— Если боли усилятся еще немного, я не смогу контролировать свои действия, а ведь пальцы мои сжимают взрыватель! Поэтому, если вы не желаете спасти своего шефа путем собственной гибели, выполняйте все мои распоряжения беспрекословно! — Тут Павел снова прикрыл глаза, болезненно морща лицо. А.И. сделал шаг к этажерке и дрожащей рукой взял тубик, во все глаза глядя на него.

— Смелее! Вот так, хорошо! — одобрительно произнес агент.— А теперь положите в карман вашей рубашки и застегните клапан. Да не дрожите вы так, черт вас подери! Аппарат может сдетонировать от удара, если вы его уроните!

А.И. осторожно сунул тубик в карман и застегнул клапан. При этом он даже попытался заискивающе улыбнуться и ласково посмотреть Павлу в глаза. Даже со скованными руками агент казался теперь фантастическим суперменом и вызывал трепет.

— Так, хоро
бросив А.И.: —
команду след
не, водител
закивал голо
тером — я, вы
но, водител
остальные же
руктировать
разом вышли
Следовате
находящихся
и подследств
сто выяснит
уменно пожа
суально-сам
Минут ч
Павел сказа
остановить
Вышли.
них душны
прохладным
будет немн
Шоссе, п
тума. В пр
сверчки. Хо
сле того, ка
— Пуст
рядился П
Требуем
наручники
затекшие
вицу, за ко
но вытягив
дала из пу
— А не
Сделай то
Павел ки
отдалении
— А т
ру тоже,
больше в
следствия

— Так, хорошо.— Павел двинулся к двери, на ходу бросив А.И.: — Едем в Климовку, к вашему шефу. Дайте команду следователю, мы поедем на санитарной машине, водитель ваш подопытный? — А.И. подтверждающе кивнул головой.— Ну вот и ладушки. Мы поедем внятно, водитель. Пусть следователь распорядится, чтобы остальные ждали нас здесь.— А.И. быстро начал инструктировать следователя и его помощника. Затем все разом вышли во двор.

Следователь бесстрастным голосом довел до сведения находящихся во дворе, что он, лейтенант Капасв, доктор и подследственный поедут минут на двадцать в одно место выяснить кое-какие детали дела. Остающиеся недоуменно пожали плечами, но следователь — лицо процессуально-самостоятельное, попробуй возрази.

Минут через пятнадцать езды по ночному шоссе Павел сказал А.И., чтобы тот дал команду шоферу остановить машину.

Вышли. Стояла душная летняя ночь, одна из последних душных ночей уходящего лета. Скоро они будут прохладными и немного сероватыми, тогда и в СИЗО будет немного полегче, почему-то подумал Павел.

Шоссе, нагретое за день, пахло смесью резины и битума. В придорожных кустах беспечно потрескивали сверчки. Хорошо потрескивали, уютно так, приятно после того, как чудом избежал смерти...

— Пусть следователь отомкнет наручники, — распорядился Павел. — Только без фокусов, пожалуйста.

Требуемое было тотчас же исполнено. Павел забрал наручники с ключом себе и с удовольствием растерзатекшие кисти, продолжая удерживать в пальцах пуговицу, за которой внимательно следил А.И., обеспокоенно вытягивающий шею, когда рука с пуговицей выпала из пучка света от фар «скорой».

— А неплохо устроились! — Павел подошел к А.И. — Сделай то, пожалуйста, сделай это, еще пожалуйста. — Павел кивнул на неподвижно стоящих в некотором отдалении следователя и его помощника.

— А теперь скомандуйте вашим приятелям и шоферу тоже, пусть топают пешком в деревню. Они нам больше не понадобятся, я сам неплохо вожу машину, а следствие по моему делу закончено. Когда дойдут до

деревни, пусть вспомнят, что я сбежал, захватив вас заложником.

Заметив, что на лице А.И. отразилось замешательство, Павел угрожающе прикрикнул:

— Да побыстрее вы, черт бы вас разодрал!

Через пару минут трое плелись по шоссе в обратном направлении. Бабинов, проводив их тоскливым взглядом, со страхом посмотрел на Павла.

— Идите-ка сюда, доктор.— Павел отошел от шоссе метров на двадцать в сторону, к березовой роще, одиноко стоящей близ дороги.— Да не бойтесь, слово джентльмена, что не сделаю вам ничего плохого, хотя и следовало бы. Протяните руки вперед.— А.И. почувствовал, что слегка ударился лбом о гладкий ствол довольно крупной березы. Он инстинктивно обнял этот ствол, и в ту же секунду раздалось клацанье защелкнутых на его запястьях браслетов.

— Готово. Извините за некоторую бестактность, проявленную к представителю гиппократова племени, увы, не всегда приходится делать то, что находится в рамках приличия.— Агент на секунду задумался.— Видите ли, я собираюсь оставить вас здесь.

— Что вы! Зачем же здесь?! — Возопил свежеприкованный доктор,— мы же собирались ехать к шефу! Неужели вы оставите меня в поле одного? Меня же сожрут комары! Это негуманно! Высадите меня где-нибудь возле Климовки, но не в поле же!

— Заткнитесь, сударь! — В голосе Павла прозвучали жестокие нотки. Каак-кая в задницу гуманность, сокол вы мой сизокрылый?! Не вы ли полчаса назад собирались укокошить меня? А то, чем вы занимаетесь с вашим шефом?

— Это все шеф, шеф! Я только ученый, я врач! Я...— Жалобно, чуть не плача причитал А.И. Смешно и отвратно было наблюдать, как этот здоровый сильный мужчина, полчаса назад такой непререкаемо-властный, этаким властителем судеб, сейчас, попирая свою гордыню, на коленях обнимает славное русское дерево.

— Вы омерзительны, сударь! Я больше не желаю вас слушать! — с этими словами Павел направился к машине. Пошарив в салоне, он возвратился через пару минут, неся в руках грязное солдатское полотенце и изрядный кусок веревки.

— Я уже сказал, что не желаю вас больше слы-

шать, — сообщ
бинову, — а
ние в течени
сноровисто
шей надежн
ревой, оста
Ночь сто
А.И., побел
ся в одну
Павел забы
причем аген
— Ах, эт
му шефу. Я
поддался бы
доктор... Ну
родного сы
еще вместе
террористы
ловину выд
во, способ
200 метров
ожидал! На
го ведомст
примерно
пробовали
одним тол
что не про
гуманност
прекрасно
Невинном
бытовой
рода взры
реться и
передайте
гроб поп
И Па
Трудн
стояние,
мгновен
невинно
предмет
прерыви
имел уд
руль «с

шать,— сообщил Павел пребывавшему в отчаянии Бабинову,— а посему именем себя обрекаю вас на молчание в течение некоторого времени.— И агент быстро и сноровисто замотал пленнику рот полотенцем, для большей надежности упаковав импровизированный кляп веревкой, оставив свободным только нос.

Ночь стояла лунная, и можно было различить, что А.И., побелев лицом, вытаращенными глазами уставился в одну точку — под ноги своего тирана... Впопыхах Павел забыл про пуговицу, теперь она валялась в траве, причем агент успел пару раз на нее наступить!

— Ах, это! В общем, так. Я передумал ехать к вашему шефу. Я знаю его достаточно хорошо. Вот уж кто не поддался бы на такую глупую провокацию! Эх, доктор, доктор... Ну кто же вам сказал, что у агентов международного сыска по всем углам валяется взрывчатка? Да еще вместе со взрывателем! Вас обманули! Мы же не террористы какие. Потом, ужель вы верите, что в наполовину выдавленном тюбике может находиться вещество, способное уничтожить все живое вокруг в радиусе 200 метров? Это же фантастика! А еще ученый! Ну, не ожидал! Насчет рака сообщаю, что каждый агент нашего ведомства по физическим параметрам подбирается примерно так же, как космонавт. Вы, к примеру, не пробовали двенадцать суток гулять по джунглям? С одним только десантным ножом? Не мычите, я знаю, что не пробовали. С тем вас и покидаю. Кстати, насчет гуманности — в вашем нагрудном кармане находится прекрасное средство от комаров. Вы были в городе Невинномысске? Чудесный город! Тамошний комбинат бытовой химии производит различные сорта такого рода взрывчатки! Если вы изловчитесь, можете натереться и с успехом провести ночь. А вашему шефу передайте, что он — труп! Пускай себе закажет у соседей гроб попроще.

И Павел пошел к машине.

Трудно описать выражение глаз Бабинова и его состояние, которое из положения глубокого оцепенения мгновенно перешло в безобразное буйство с пинанием невинной древесины и крепкими ударами головой о предмет объятий. Вся эта процедура сопровождалась прерывистым скорбным мычанием, которое Павел имел удовольствие слышать, усаживаясь поудобнее за руль «скорой помощи».

КАРАТЕЛИ

...Гроза постепенно утихала. Последние порывы ветра еще некоторое время настырно цеплялись за окрестные скалы, как пьяный дебошир, которого волокут за ноги из ресторана.

Наступил рассвет. Струйки мутной воды извилисто спешили к подошве горы, образуя там и сям изрядные лужи.

Себастьян, некоторое время созерцавший картину зарождающего дня, вздохнул. О том, чтобы подняться по тропинке, ведущей круто вверх — кратчайшему пути, не могло быть и речи. Мокрая глина, пластами отставая от базальтова монолита, красно-бурым месивом покрывала все пространство, видимое глазу. Придется идти в обход села, к другому, более пологому склону.

Взвалив свою ношу на плечи, бывший штурман не спеша тронулся в путь. Через полчаса он обогнул село и начал забираться по южному склону, так же размытому, однако сравнительно более приспособленному для подъема.

Поднявшись над селом метров на тридцать, Себастьян остановился и окинул взглядом открывшуюся панораму. Несколько десятков лепленых из глины и соломы домишек и небольших вагончиков-бытовок, стиснутые в замкнутом пространстве котловиной. Кричали петухи, блеяли овцы. Энергетическое поле над селом лениво перемигивалось зеленоватыми сполохами. Мирный спокойный сон в преддверии погожего радостного дня...

Над одним вагончиком, стоящим отдельно от других, Себастьян уловил всплески энергии, из бледно-розовых переходящие в красные. Всплески, похожие на страстные вздохи, на пульсирующие движения тел в любовном экстазе. Ну да, конечно. Там любили друг друга мужчина и женщина, сильно любили. Себастьян был в курсе всех событий этого села, так как частенько бродил неподалеку и улавливал массу информации посредством прослушивания энергетического поля.

Вчера эти двое, молодожены, недавно отпраздновавшие свадьбу, поднялись сюда из долины к деду молодого мужа, старейшине рода, чтобы оказать знаки внимания, погостить немного. Этот дед, несмотря на опасную близость границы, не пожелал спуститься в долину, чтобы дожить остаток отпущенных ему Аллахом

дней в покое и
и боялся, что
последнее врем
надо. Что поде
Увлёкшись
стьян не сразу
нилась.

На окраин
возникло мо
рации, всегда

Немного
Пять БТРов

Они медл
селу со стор
метров.

Себастьян
той стороны
вороватые о
вреда. В дру
чения, налет
труднодоступ

Это было чт

Между т
расположил
зались в се

Что-то з
штурмана.

именно! Та
которую вс
кой велико

Ну что
ведущая в
погоду мож

если таков
полдня. Ут

ночи. В сел
чины. Акт

дет? Неуж
миниатюр
ций прош

Себасти
одной из
наблюдать

дней в покое и достатке. Хотел умереть в родных горах и боялся, что этот последний час, которого он ждал последнее время ежесекундно, застигнет его не там, где надо. Что поделаешь, у старости свои причуды.

Увлечшись подсматриванием чужого счастья, Себастьян не сразу заметил, что обстановка несколько изменилась.

На окраине села, обращенной в сторону границы, возникло мощное черное излучение высокой концентрации, всегда сопровождающее ненависти и злобе.

Немного погодя появился и сам источник энергии. Пять БТРов без опознавательных знаков.

Они медленно и почти бесшумно спускались к селу со стороны границы, с интервалом в пятьдесят метров.

Себастьян остановился в недоумении. До сих пор с той стороны этому селу угрожали только обстрелы — вороватые очереди в ночи, не причинявшие особого вреда. В других местах было. Были бои местного значения, налеты, захват территорий. Но здесь? В этом труднодоступном и никому не нужном горном селе? Это было что-то новое.

Между тем, миновав седловину, бронетранспортеры расположились таким образом, что все построики оказались в секторе обстрела.

Что-то знакомое всколыхнулось в памяти бывшего штурмана. Что-то давно ушедшее в небытие. Да, да, именно! Тактика действий карательных отрядов СС, которую всячески поносили и считали недостойной такой великой цели офицеры их авиаотряда.

Ну что ж, в смекалке им не откажешь. Дорога, ведущая в село из долины, с которой в нормальную погоду можно добраться за два часа, размыта, помощь, если таковая предвидится, поступит не ранее чем через полдня. Утро. Все отдыхают после бессонной ненастной ночи. В селе, кроме того, практически отсутствуют мужчины. Активное сопротивление исключено. Что же будет? Неужели спустя десятки лет ему предстоит увидеть миниатюрную модель грандиозных карательных операций прошедшей великой войны?!

Себастьян не испытывал предрасположения ни к одной из сторон. Просто удивительно и странно было наблюдать в этом тихом горном краю, как отголосок

прошлого, тщательные приготовления к карательной акции.

Себастьян поднялся еще метров на пятнадцать и занял удобную для наблюдения позицию. С небольшой площадки, где он расположился, село и подступы к нему просматривались, как на ладони.

События между тем разворачивались. БТРы тихо замерли на исходных позициях. Из люков ловко выскальзывали бородатые парни в камуфляже-трехцветке. Всего Себастьян насчитал пятьдесят человек. Все, кроме одного, заняли позиции возле своих бронемашин. Бывший штурман отметил про себя еще раз, что позиции выбраны очень удачно — прослеживалась должная роль командира. Если правильно распределить сектора обстрела, практически исключена возможность поражения своих сил. Ну, ну, что же, однако дальше?

Дальше было вот что. Старший, тот, кто не залег вместе с остальными, поднял вверх красный флажок. Тихая возня у колес бронетранспортеров мгновенно прекратилась. Убедившись, что его хорошо видно отовсюду, старший резко взмахнул флажком и тут же упал под колеса БТРа...

Лавина свинца накрыла село. Люди, залегшие возле БТРов, сосредоточенно били из автоматов. Им вторили крупнокалиберные пулеметы бронетранспортеров, разнося в клочья ветхие постройки из соломы и глины, прошивая насквозь дюралевые стенки вагончиков. Стоял невообразимый грохот, казалось, ад переместился на землю. И так ровно минуту.

Через минуту огонь, словно по команде, одновременно во всех местах прекратился. Как будто эхо стрельбы, из построек раздавались крики боли и ужаса, стоны, проклятья и плач детей. Словно спохватившись, из нескольких вагончиков начали стрелять — несколько разрозненных ружейных выстрелов.

Спустя еще две минуты боевики по команде старшего опять открыли огонь — на этот раз только по тем строениям, откуда раздавались ответные выстрелы. И снова ровно через минуту огонь прекратился. Ответных выстрелов больше не было.

Создавалось такое впечатление, что эта хорошо обученная команда уже неоднократно проделывала подобные вещи — слишком уж четко у них все получалось.

Из-под БТРа поднялся командир боевиков. Стоял во

весь рост, не опасаясь, чувствовал, наверное, что некому больше стрелять. Поднял вверх правую руку, сжатую в кулак. Немного выждав, махнул рукой в направлении поселка. Тотчас же бородачи двинулись вперед, крадучись, перебежками. Сначала в строгом порядке, по расчету — первые, затем, с интервалом в 20 — 25 метров вторые, третьи... Приблизившись вплотную к линии построек, наступающие убедились, что их никто не встречал огнем и, смешавшись в толпу, с криками, улюлюканьем бросились к жилищам, из которых раздавались вопли и стоны раненых. Что-то кричал их командир, злобно потрясая автоматом. Бесполезно. В секунду дисциплинированный и сплоченный перед лицом опасности отряд, почувствовав безнаказанность и отсутствие сопротивления, превратился в неуправляемое стадо.

И тут, резко вспоров воздух, в упор, оглушительно саданула автоматная очередь во весь магазин... С десяток бородачей остались неподвижно — в нелепых позах, как застигла смерть, — лежать на пятачке, метрах в пятнадцати от вагончика, где ночевали молодожены. Еще четверо, судорожно изгибаясь в грязи, издавали страшные, нечеловеческие крики.

На мгновение всех будто бы парализовало. Однако нужно отдать должное: боевики оклемались быстро — было заметно, что вид смерти этим людям не в новинку. За какие-то секунды они опять превратились в боеспособный, послушный воле командира отряд. Прозвучало несколько гортанных команд, которые были немедленно исполнены.

Шустро заняв безопасные позиции, боевики начали прицельно долбить по вагончику, в стенах появились дыры...

Дед молодоженов понимал толк в войне. Низ вагончика, намертво залитый цементом, смешанным с каменной крошкой и заложенный снаружи мешками с песком, служил бруствером окопу, который предусмотрительный горец выдолбил, услышав первый выстрел на границе — в самом начале пограничного конфликта. На окоп дед затащил вагончик, специально для этого нанял трактор из долины. Пол вагончика был выложен листовым железом в несколько слоев и опять же залит раствором с каменной крошкой на тридцать сантиметров! Оставались только пять по периметру бой-

ниц размером не больше пехотной лопатки. Люк, ведущий в вагончик из импровизированного ДОТа, намертво запирался изнутри на винтовую задвижку.

Когда началась стрельба, дед и его внук Сеид с молодой женой быстро спустились в убежище. Сеид — бывший офицер ВДВ, два года воевавший в Афгане, теперь командовал отрядом самообороны, который в данный момент перекрывал какое-то ущелье на границе, на довольно большом удалении от этого села. Разумеется, отправляясь в гости к деду, на самую границу, он прихватил свой автомат и изрядный боезапас к нему. Плюс дед, хоть и старый, но опытный вояка со своим ветхозаветным карамулькуком... Можно было не сомневаться, что они продержатся в своем укрытии сколько угодно.

Об этом командир боевиков прекрасно знал — посты наблюдения внимательно следили за селом. Вот уже три дня каждый шаг его жителей находился под неусыпным контролем, как и положено перед началом проведения операции. И о том, что в селе практически не осталось никого, кто мог бы поднять оружие, тоже знал. И о том, что отряд, которым командует Сеид, находится далеко и не сможет прийти на помощь, и о том, что поблизости нет ни одного войскового поста...

И еще кое-что. Несколько лет назад командир боевиков учился с этим человеком, уложившим одной очередью кучу его людей, в одном училище, в военном училище. На одном курсе, в одном взводе, в одном отделении. Да что там в училище! Они учились в одной школе, в долине, в одном классе, сидели даже за одной партой. На лето приезжали в свои села и практически все это время проводили вместе. Они были друзьями — такими друзьями, чьи отношения порой гораздо крепче, чем родственные узы. Были... Жена Сеида, тоже выросшая в этом горном селе, которое сейчас было плацдармом, бегала за молоком к матери Артура, командира боевиков, через границу бегала. Впрочем, тогда она была сопливой девчонкой, а про границу никто из них не знал. Не было тогда границы.

Обо всем этом, естественно, Себастьян знать не мог. Однако он чувствовал, насколько схожи эти два человека, как два близнеца, как две половинки яблока. А между тем один из них сидел под вагончиком, держа на

прикаты...
лял, как бы...
Стрельба...
стоял...
время...
судьба...
ряды на...
им, выкрик...
ным пальц...
ной плоскост...
ком, где леж...
дачи...

Боевики...
пригибаясь...
спустя они...
ди себя ост...
одни женщ...
возраста, п...
но несли сл...
цировался...
Так уж сл...
которое до...
расположе...
способный...
мандир от...
знает где...

Понем...
вых жите...
около сор...
полуживы...
глядя на...
радовалис...
нали ране...
нимающ...
взахлеб з...
ный в н...
мала ру...
слабей о...

По д...
толпу п...
стволы.

— Се...
мандир...
ный! Ка...

прицеле другого, в то время как этот другой размышлял, как бы ему достать первого.

Стрельба прекратилась. Командир размышлял. Он стоял возле укрытия, не опасаясь получить пулю, в то время как его бойцы тщательно прятались, памятуя о судьбе своих соратников, неосмотрительно сменивших ряды на пятачке. Внезапно командир повернулся к своим, выкрикнул короткую гортанную фразу, указательным пальцем левой руки очертив круг в горизонтальной плоскости, затем указал на пятачок перед вагончиком, где лежали сраженные внезапной очередью бородачи...

Боевики тотчас же разбежались в разные стороны, пригибаясь и прячась за постройками. Некоторое время спустя они начали возвращаться обратно, толкая впереди себя оставшихся в живых жителей села. Тут были одни женщины, дети и несколько мужчин престарелого возраста, практически все — раненые. Все мужчины давно несли службу в отряде самообороны, который дислоцировался в местах наибольшей опасности на границе. Так уж случилось, что к моменту нападения на село, которое до сих пор считалось безопасным из-за своего расположения, в нем оказался только один мужчина, способный оказать активное сопротивление — Сеид. Командир отряда самообороны, который находился черт знает где...

Понемногу пятачок заполнился. Оставшихся в живых жителей села вместе с детьми оказалось что-то около сорока человек. Сейчас они жались друг к другу, полуживые от страха, измазанные в крови, с ужасом глядя на оскаленные в ухмылках лица боевиков. Те радовались — командир придумал неплохую шутку. Стонали раненые. Плакали испуганные выстрелами, не понимающие сути происходящего дети. Истошно визжа, захлеб заходился мальчишка лет четырех-пяти, раненый в ногу. Мать, боясь навлечь гнев бородачей, зажимала рукой ему рот. Он бессильно кусал эту руку, слабая от боли и задыхаясь.

По данному командиром знаку боевики окружили толпу полукольцом, направив на женщин и детей стволы.

— Сеид! Ты хорошо меня слышишь?! — крикнул командир. — Это я, Артур, твой друг! Братишка твой кровный! Какая встреча, не правда ли?

Командир смолк, слушая, не прозвучит ли с той стороны ответ. Из-под вагончика не доносилось ни звука.

— Сколько лет мы не виделись, Сеид?! — продолжал главарь боевиков, мило улыбаясь. — Сеид! Ведь мы были, как братья! Мы были лучшими друзьями, помнишь? Зачем нам ссориться? — На этот раз, когда командир смолк, в ответ раздался искаженный перекрытием голос Сеида:

— Салам... шакал! Собака... Мой друг Артур умер в этих горах. Для меня умер. Остался шакал — ты. Ты что же, выходит, в гости ко мне пришел? А женщин и детей собрал, чтобы все видели, какой ты храбрый? — Сеид ненадолго замолчал, затем продолжил. — Я понял, чего ты хочешь. Если ты мужчина, ты не сделаешь этого! Подумай, ты же первый начал! Ты причинил нам зло, убил наших людей, я просто отвечал вам! По-моему, мы квиты! Отпусти всех, уходи! Я не буду стрелять.

Внезапно командир боевиков расхохотался, прерывая Сеида:

— Слушай сюда, брат! — последнее слово прозвучало с издевкой, — шесть лет назад я подарил тебе часы на день рождения — штурманские. Помнишь? Они у тебя сохранились?

— Сохранились... свинья. Если ты немного подойдешь поближе, я выкину их тебе, забери! Стрелять не буду! — мрачно ответил Сеид.

— Ради Бога! Оставь их себе! Они тебе сейчас пригодятся. Засеки время. По окончании нашего разговора у тебя будет три минуты на размышление. По истечении этого времени, вы, все трое, должны будете сдаться. Обещаю по старой дружбе сохранить тебе и твоей жене жизнь! Матерью клянусь, что вы останетесь в живых! — Голос Артура звучал с каким-то надрывом. Создавалось такое впечатление, что то, что он сейчас делает, происходит вопреки его воле, как бы насильно.

— В противном случае ровно через три минуты я дам команду расстрелять этих, — он небрежно махнул рукой в сторону женщин и детей.

Повисла томительная пауза...

— Зачем же я тогда тебе нужен, если ты не собираешься меня убивать? Ты что, хочешь просто пожать мне руку? — В голосе Сеида звучало недоверие.

Да ты совсем не патриот, Сеид! — Вожак бородачей развеселился. — Ты что, за дурака меня считаешь? Как я могу спокойно отходить, имея в тылу ствол? Забыл, чему нас учил подполковник Волошин на тактико-специальной подготовке? У тебя по этому предмету вроде всегда отлично было! Обезопасить тыл. Это, во-первых. Во-вторых, мы возьмем тебя заложником, чтобы завтра твой отряд не уничтожил то село, — он махнул рукой в сторону границы, откуда приползли их бронетранспортеры. — Что, разумно? Этому нас в училище не учили, это на практике. — Артур повел стволом автомата в сторону толпы, делая в воздухе движение крест-накрест. — Подумай об этих людях. Их кровь ляжет на твои плечи несмываемым пятном позора. Ладно, хорош базарить! Время пошло.

Задрожала, натягиваясь, тонкая струнка молчания. Сеид, глядя в бойницу на застывшую фигуру Артура с часами в руках, оторопело качал головой. Фигура сразу вдруг стала расплываться, теряя четкие контуры, ее заволокло чем-то серым. Слеза... В училище Артур был командиром их отделения. Вот так же на утренних тренажерах при выполнении нормативов он снимал часы с запястья, брал в левую руку, делал значительное лицо и командирским голосом давал отсчет, делая перед последним словом небольшую паузу и громко, с ударением на последнем слоге и выпадением первой «о» вскрикивал «пошло»... Как недавно, кажется, это было! Но кто-то дал общий отсчет, и все завертелось, понеслось. «Время пошло». Его бывший командир отделения, бывший друг, бывший кровный брат дает отсчет на выполнение норматива. Только оценки немного разные будут.

Три минуты подошли к концу. Командир боевиков громко дал команду своим людям — приготовиться к стрельбе. В толпе началась паника, истошно заголосили женщины...

Медленно открылась дверь вагончика... Перед входом упал автомат, затем сумка с магазинами, наконец, глухо лязгнув о дюралевую обшивку, неловко шмякнулось длинное ружье деда. Немного погодя на улицу по очереди вышли Сеид, его жена Айна и дед.

Артур что-то крикнул боевикам. Несколько человек бросились к Сеиду, начали ожесточенно избивать его. Сначала сжавшись под ударами, Сеид вдруг выгнулся

кошкой, распрямился и несколькими точными ударами повалил нападавших на грязный грунт, рядом с убитыми ранее неудачливыми участниками атаки. Избиватели на карачках расползались в разные стороны. В рядах боевиков прокатился возмущенный ропот. Командир боевиков опять что-то крикнул. Ропот прекратился, к Сеиду на этот раз с опаской подошли еще несколько человек, начали аккуратно вязать его сорванной в близлежащем дворе бельевой веревкой. Бывший десантник больше не сопротивлялся — понуро стоял, бросая на Артура мрачные взгляды. Крепко связав руки, Сеида подвели к большой кряжистой айве, росшей неподалеку от вагончика, и той же веревкой намертво прикрутили к дереву.

— Я хочу тебе кое-что показать... брат. Наверное, ты хорошо помнишь моего отца? Он к тебе очень хорошо относился. Помнишь, когда-то давно, когда мы еще совсем пацанами были, мы сломали ветку черешни в нашем саду? Тогда отец отлупцевал меня, а тебя не тронул. Ты тогда кричал: «Не бейте его, дядя Ашот, не бейте, это я виноват!» Помнишь?! Нет дяди Ашота. Ваши... убили моего отца. Здесь, в этом селе. А жену мою помнишь? Тогда она еще не была моей женой. Помнишь одноклассницу Карину? Мы тогда сидели с тобой на задней парте и дергали ее за косы — ты, наверное, помнишь, у нее такие большие шелковистые косы, — тут голос Артура сорвался на хриплый шепот, невыразимая горечь послышалась в нем. — Да, мы дергали ее за косы, а она лупила нас учебником и получала замечания Сергея Владимировича — классного. Помнишь?! Твой двоюродный брат изнасиловал ее со своими друзьями, когда они поймали их — ее и отца в вашем селе. Потом ее убили. Ты знаешь, как ее убивали? — Голос Артура наливался неудержимой яростью, руки начали трястись, в глазах стояли слезы.

— И ты, может быть, ждешь, что я обниму тебя? А, БРАТ?! — Последнее слово он прокричал срывающимся от рыданий голосом. Согнулся у ног Сеида, сидел раскачиваясь и глухо стонал. Спустя несколько минут он пришел в себя.

— Теперь, слава Богу, моя очередь, Сеид, — Артур вытер сухие глаза, на губах его зазмеилась язвительная усмешка. — Я покажу тебе, как все это было... брат. — Он обернулся к пятерым бородачам, стоящим с ним ря-

дом. — Ну-ка
рону жены
Пятеро.
сторону же
ясь о ваян
гиканьем
несколько
потацили
чок, перед
Сеида, ря
боевиков.
в их руках
Тогда оди
всей силы
женщина
ртом возд
разорвали
молочной
местности
колени, и
лицо, при
щипать е
мися рук
ху, старая
могая бо
прижима
шись, не
в живот
задом, ре
ками, со
ерзать за
полез е
на секун
дом, яр
В уж
мертво
вый ств
нувший
в пах.
Арту
мичным
насилов
стиснув
ренное

дом.— Ну-ка, приласкайте ее! — Рука его махнула в сторону жены Сеида.

Пятеро, пахабно ухмыляясь, вразвалку двинулись в сторону женщины. Вскрикнув, Айна побежала, спотыкаясь о валявшиеся на земле трупы боевиков. Бородачи с гиканьем помчались за ней, улюлюкая и крича. Через несколько секунд они настигли ее, уронили подножкой, потащили, заламывая руки, обратно. Втащили на пятчок, перед вагончиком, повалили на землю напротив Сеида, рядом с залитым кровью трупом одного из боевиков. Она изо всех сил сопротивлялась, извиваясь в их руках, как маленький зверек, попавший в капкан. Тогда один из боевиков, отступив на шаг назад, изо всей силы пнул Айну ногой в живот. Тонко вскрикнув, женщина согнулась пополам, затихла, судорожно хватая ртом воздух. Двое, сноровисто ухватившись, яростно разорвали в клочья ее блузку, затем юбку. Сверкнуло молочной белизной, неожиданной для женщин этой местности, молодое упругое тело, пригнутые к груди колени, крутая линия бедер. Один сел женщине на лицо, придавив его задом к земле, стал жестко мять, щипать ее небольшие твердые груди. Другой трясущимися руками приспустил свои штаны, навалился сверху, стараясь ухватить ее ноги под колени. Айна, превозмогая боль, упрямо выпрямила ноги, изо всех сил прижимая их друг к другу. Насильник, нервно выругавшись, немного отстранился, сильно ударил ее кулаком в живот — Айна обмякла. Бородач, вильнув волосатым задом, резко раздвинул ее ноги. Ухватив их под коленками, согнул, всей тяжестью навалился на ее лоно, стал ерзать задом, чертыхаясь, потом освободил одну руку, полез ею через бедро Айны, немного покопался, потом, на секунду выгнувшись дугой, начал резко дергать задом, яростно рыча...

В ужасе застыла толпа. Страшно кричал Сеид, намертво привязанный к дереву, бился головой о шершавый ствол, кусая помертвевшие губы. Дед Сеида, рванувшийся было вперед, был сбит с ног мощным ударом в пах.

Артур, неотрывно, жадными глазами следил за ритмичными, все убыстряющимися движениями боевика, насильовавшего Айну. Немного погодя тот закричал, стиснув зубы, и перестал дергаться, издавая удовлетворенное мычание, судорожно вздрагивая волосатым за-

дом. Его место тут же занял другой. Так продолжалось с полчаса.

Где-то гроыхнул, преодолевая звуковой барьер, пассажирский лайнер. Где-то в эту минуту решались судьбы человечества, заседали конференции, проходили презентации новейших технологий производства, дети в школах слушали, затаив дыхание, о прекрасной любви Ромео и Джульетты...

Здесь, под бездонно-чистым небом гор, прямо перед мужем, на глазах всего села зверски-показательно насиловали семнадцатилетнюю женщину, женщиной-то ставшей всего неделю назад, еще недавно прятавшую в портфель тряпичную куклу перед уходом в школу...

— Ну, все? Хватит, что ли? — спросил Артур, обращаясь к Сеиду, который висел на веревках в полубессознательном состоянии, издавая глухие стоны.

— Хватит так хватит, — командир пинком согнал пятого бородача, страшно тискавшего Айну. — Оставьте ее в покое, этого достаточно!

Оставили... Нагое тело, все еще в кровоподтеках, безжизненно лежало на земле.

Артур обвел взглядом присутствующих, проверяя, какое впечатление произвел...

— Так... Начинаем вторую часть. Давайте сюда деда.

Боевики подтащили к привязанному Сеиду, который уже не воспринимал происходящее, старика, поставили рядом с деревом. Дед что-то бормотал про себя, бездумно глядя на небо, иногда поднимая руки и вопросительно восклицая, — должно быть, он беседовал с Аллахом, полагая после пережитого, что уже находится там, разве может Аллах допустить, чтобы ЗДЕСЬ происходило такое зверство?

Артур что-то сказал молодому лысому парню, стоящему неподалеку. Тот повесил автомат на плечо, криво усмехнулся и вытащил из сапога длинный тяжелый тесак.

— Эй! Подними глаза, брат! — Артур несколько раз потряс Сеида за волосы. Тот открыл глаза, глядя перед собой мутным взором.

— Посмотри, вот твой дед — старейшина вашего рода. Отца у тебя нет, это, конечно, печально, — усмехнулся Артур, отходя от дерева. — Давай!

— Хек-кк... — Лысый взмахнул тесаком, оскалив зубы. Кровь фонтаном брызнула в лицо Сеида, ужасно

закричали женщины. Немного постояв в том положении, в котором его застиг удар, обезглавленное тело старика унало к ногам опозоренного мужа.

Артур подошел вплотную к Сеиду, взял его за волосы, приподнял лицо вверх. Некоторое время наблюдал, внимательно, пристально вглядываясь. Старался уловить выражение потухших глаз своего бывшего кровного брата. Как будто хотел постичь, какова его скорбь, равна ли величина страданий его собственным.

Наконец, как бы насытившись, отошел от своей жертвы. Поднял руку вверх, призывая людей ко вниманию:

— А теперь нам пора уходить. Но такое количество этих выродков мы оставлять в своем тылу не можем. Эта война будет длиться долго, возможно, несколько десятилетий. Кто поручится, что вот это милое дитя, которое сейчас ничего не соображает,— тут Артур подошел к толпе и погладил по голове раненого пацана, который потерял от боли сознание и теперь, обмякнув на руках у матери, казалось, мирно спал,— кто поручится, что оно умрет от голода здесь, в горах, а не вырастет в свирепого хищника и через десять лет не подстрелит меня или кого-нибудь из нас,— тут он обвел взглядом своих людей.— Или не будет ставить мины на нашем пути? Нельзя оставлять корни сорняков. На благодатной почве они, как правило, дают прекрасные всходы.

Он резко прервал свою речь и внимательно оглядел своих людей еще раз, нет ли в ком колебания? Нет, колебания не было. Все понимающие глаза убийц, готовых ко всему...

— Приготовиться...— Бородачи быстро выстроились в цепь. Клацнули затворы. Единый крик ужаса на губах обреченных.

— Огонь!

Через несколько секунд было все кончено. Несколько человек, перешагивая через неподвижные тела, сноровисто добавляли, всем без исключения, контрольный выстрел в голову. На всякий случай — бригада работала, видимо, не в первый раз.

— По местам! Быстро! — Командир, убедившись, что все его люди побежали рассаживаться, подошел к Сеиду.

Склонился к бессильно повисшему на веревках бывшему другу:

— Вот видишь, я сдержал свое слово,— говорил тихо, почти ласково. Откинув со лба связанного слипшуюся от пота прядь волос, закрывавшую правый глаз.

— Да, сдержал. Оставил жить тебя и твою жену. Вы оба живы и даже здоровы,— Артур тихо засмеялся, наблюдая, как медленно размыкаются веки Сеида.— Кстати, очень сексуальная женщина! Как она пластично ноги загибала! Вот это была эротика! Наверное, ей здорово понравилось, как ты думаешь? Ты переспроси ее на досуге. Ну ладно, счастливого вам медового месяца! — вытащил нож, поднес его к горлу Сеида, слегка нажал на кадык. Сеид никак не реагировал. Скрипнув зубами, Артур зарычал: — Не-е-ет! Живи! Носи свою боль! Это хуже, чем смерть! Теперь мы с тобой опять братья — чаша страданий каждого на одном уровне! — Перерезал веревку, связывавшую Сеида, и побежал к БТРу, на секунду задержавшись возле лежавшей на земле Айны.

Сеид, мгновение державшийся на ногах, рухнул рядом с обезглавленным трупом деда...

Заурчали бронетранспортеры. Двинулись, медленно карабкаясь вверх, выбрасывая из-под колес, обмотанных цепями, ошметки глины. Минут десять еще раздавался их надсадный рокот, удаляясь в сторону границы. Затем все стихло.

Спустя некоторое время Сеид поднялся, шатаясь как пьяный. Мутными глазами оглядел местность. Никаких ощущений. Раздавленное сердце, сломанная душа. Трупы. Побрел куда-то не глядя. Запнулся. Опустил глаза — окровавленная голова деда. Подняв ее, бережно прижал к груди, шепча что-то помертвевшими губами.

— Сеид... — Кто-то окликнул хриплым шепотом. Обернулся безучастно. Обнаженная Айна стояла возле вагончика, сжимая в руке серп.

Черный, искусанный в кровь рот. Синие от кровоподтеков груди и бедра. Хрупкая фигурка девочки-подростка.

— Сеид... Муж мой... — Не плакала, не причитала. Своими чистыми, прекрасными глазами смотрела куда-то вдаль, как будто уже...

— Ты любил меня, муж мой. Да, да, я знаю, ты очень любил меня,— говорила тихо, медленно выдыхая каждое слово.— У нас был бы ребенок. У нас было бы много детей, да? Муж мой, как теперь ты сможешь ко

мне прикоснуться? А разве после этого я смогу смотреть людям в глаза? Кому это нужно?! — Она опустила голову.

— Прощай, муж мой. Ты, такой сильный, не смог защитить меня. Это было на твоих глазах. Прощай.

Одним движением отточенного, как бритва, серпа женщина перерезала себе горло. Тело ее упало на грязную землю, некоторое время содрогалось в конвульсиях.

Широко раскрытыми глазами смотрел на свою мертвую жену седой, как снежная вершина, постаревший мужчина, единственный живой человек посреди мертвого села. Не делая даже попытки приблизиться к телу жены, он прижимал к груди голову деда. Что-то медленно шептал про себя, устремив взор в землю...

Немного погодя, развернувшись, Сеид медленно побрел в сторону границы, в гору, туда, куда недавно укатали посланцы смерти.

ЖЕЛТЫЙ ДЕЙСТВУЕТ

Краузе нервно расхаживал по кабинету, изредка бросая испепеляющие взоры на согбенную в кресле фигуру своего помощника.

Надо сказать, что А.И. вид имел прежалкий и вызывал всяческое сочувствие, если такой тип вообще может вызывать какие-либо нормальные человеческие чувства.

Весь в грязи — под утро лунная ночь разродилась коротким проливным дождем, распухший от укусов комаров, он так и не сумел воспользоваться мазью, неудавшийся организатор устранения суперагента был найден в семь часов утра колхозным пастухом Сидором, точнее, его собакой Цапфой.

Плохо воспитанная собака, очевидно, в знак протеста против скверного ветеринарного обслуживания в области, в частности, и по республике в целом, успела до появления Сидора со стадом в клочья изодрать штаны доктора и даже два раза укусила за то, откуда ноги растут. В данный момент ТО изрядно опухло и ужасно болело.

Однако шеф не удостоил своего помощника и капелькой сострадания. В эту минуту он люто ненавидел

А.И., а в его лице — всех русских с их чертовым нестандартным поведением. В эту минуту он также ненавидел и себя за то, что имел глупость связаться с этой братией.

— Вы понимаете, ЧТО вы натворили?! Вы подписали наш смертный приговор! Теперь у него 95 % шансов ускользнуть, если только он не сделал этого уже! Если он успел проскочить... Три дня, вы слышите, три дня, и нас накроют! Вы что, сумеете за три дня демонтировать лабораторию? Убрать из клиники всех подопытных? Даже если все это взорвать, где возьмете столько взрывчатки? С ума сойти! Титанический труд, столько работы — к чертям собачьим! И все из-за того, что вы испугались тюбика с комариной мазью! Идиот, какой идиот! О, майн готт, ну как же это можно?! — Краузе резко оборвал тираду, уперся руками в подоконник и глухо замычал, качая желтым черепом.

А.И. был готов забиться под кожаную обивку кресла.

Впрочем, Краузе довольно быстро взял себя в руки.

— Ладно, хватит сетовать. Уж коль скоро Бог обидел меня разумом, позволив связаться с вами, придется самому распутывать этот узел. Есть два варианта: либо он ушел, либо скрывается где-то поблизости. Ждет, когда стихнет ажиотаж. Лично я склоняюсь ко второму — сам бы так действовал в подобном случае. Возможно, его перехватит милиция, в чем я сильно сомневаюсь. Ваша задача: возьмете фотографии Ануфриева, сейчас же объедете всех наших подконтрольных, работающих в органах, дадите команду при обнаружении уничтожить! В Москву ехать не имеет смысла. В самолет его не пропустят без документов. Да он и сам не сунется — слишком большой риск. Значит, если что, он отправится поездом. Имеет смысл попытаться... После того, как объедете всех, кого я указал, приведете себя в порядок. В 21.30 сегодня вы летите в Москву. Билеты я органирую. Будете там торчать у швейцарского посольства. Как только объект попадет в ваше поле зрения, уничтожьте.

— Я... — робко пролепетал А.И., — я один... Почему?

— Не задавайте глупых вопросов! — досадливо поморщился Краузе. — Вы, естественно, полетите не один. С вами будут подопечные, которые придушат его в один момент. Я пока детально продумаю эту акцию. И организую звонок из местной конторы, насчет сумасшедше-

го, одержимого навязчивой идеей. Пусть ГБ поработает на нас, коль скоро представится такая возможность. Племянник ваш отправится к службе, вариант с ним остается в силе, если, конечно, нам удастся убрать агента. Впрочем, если нам не удастся этого сделать, никаких других вариантов, кроме как бегства из страны, более не предвидится. А вот ваш сыщик. Он нам больше не нужен. Кстати, сегодня первое августа. День обострения вашего психоза. До отлета у вас будет масса времени. Подумайте об этом! В Москве вы нужны мне с абсолютно здоровой психикой.

ПОДМЕНА

Сергея выписали из больницы.

Похудевший и осунувшийся, он предстал перед взыскательным взглядом Деда.

— Не нравишься ты мне, Серый, в последнее время. Знаешь, как сказано в Екклесиасте — время разбрасывать и время собирать камни? У тебя, наверное, время сейчас как раз такое — собирать камни своей головой и складывать за пазуху. Нельзя тебе сейчас работать. С сегодняшнего дня, вернее, с завтрашнего, ты в отпуске. Зайди в бухгалтерию, рассчитайся, поезжай к родичам в деревню, восстановись. А то ведь уволю! Не хватало еще, чтобы один из лучших моих людей в роли посмешища выступал! Ладно, бывай!

Придя домой, Сергей немного поразмыслил над положением дел. Да, к чертям, надо немедленно выехать на лоно природы, повидать родственников. Прямо сейчас, только вот навести порядок в квартире, где, как всегда, черт ногу сломит.

С тех пор как он прикупил однокомнатный кооператив на свои кровные, его жилище, как зачастую бывает у людей общительных и не обремененных семьей, стало своеобразным холостяцким притоном. Сюда собирались все его приятели, когда было нечем заняться, а дома сидеть не представлялось самым лучшим вариантом убийства свободного времени. Поболтать, послушать музыку, пообщаться с дамами, коль скоро общество таковых наклевывалось...

И хотя сыщик получал неплохие по нынешним вре-

менам деньги и не тратился на обременительные составляющие семейного жития, и не кутил здорово, быт его был обставлен более чем просто. Немудрящая мебель — тахта, сервант, стол, стулья, кое-какая кухонная утварь, телевизор и магнитофон, примерно две трети срока эксплуатации находившийся в ремонте, вот и весь интерьер квартиры молодого холостяка, которому еще не перевалило за сорок, но уже минуло тридцать.

Прибравшись, Сергей почувствовал, что устал, пообедал, чем Бог послал, и прилег отдохнуть, решив, что отъезд в деревню можно отложить и до завтра.

В два часа дня сон его прервал телефонный звонок. Прошлепав босыми ногами в прихожую, снял трубку, приложив к уху, недовольно буркнул:

— Слушаю... Да, я.— И тут лицо его оцепенело. Деревянным голосом сыщик проговорил: — Да, внимательно слушаю... Еду, забираю фотографии, в 18.00 приезжаю к НФС. Да, понял. Все понял.— Положил трубку и стал одеваться, ровно и размеренно, не делая лишних движений. Глаза его при этом сохраняли пустое, отсутствующее выражение...

Через полчаса сыщик добрался до квартиры Бабинова, поднявшись на третий этаж, вытащил из распределительного щита ключ, отпер дверь. Уверенно пройдя в спальню, выдвинул ящик комода, взял черный пакет с фотографиями, сунул его в карман тенниски, затем, захлопнув за собой дверь, отправился восвояси.

Спустя полчаса он благополучно прибыл домой. Положив пакет в сервант, сыщик уселся на тахту и совершенно неподвижно просидел до 17.30. Затем встал, вытащил из стеллажа старую хозяйственную сумку и вышел из квартиры.

Через пять минут он уже садился на тринадцатый троллейбус, следующий в пригород, а в 17.50 подходил к забору НФС.

Уверенно свернув с шоссе, минут пять продирался сквозь кусты, в изобилии растущие вдоль забора, затем зашел за угол.

Здесь в стене находилась изрядная брешь, которую поленились заделать при постройке забора, уповав, что приемная комиссия не полезет проверять целостность забора через строительные топи и хляби.

Перемахнув через пролом, Сергей добрался до болотистой полянки. Здесь находилось какое-то недостроен-

ное сооружение с провалами черных окон, затянутых паутиной. Кругом стояла мертвая тишина, лишь где-то вдалеке слышалось равномерное гудение мощного насоса. Тянуло прелью.

Сюда никто никогда не ходил — незачем было. Даже пацаны, выбирающие для своих игрищ самые невероятные места, обходили этот уголок стороной — так сыро, сумрачно и неуютно было здесь в любое время года.

Впрочем, ничего этого сыщик не ощущал. Он, автоматически двигаясь, вошел под своды строения, на ощупь подобрал какие-то железки, полуутопленные в вязкой глине, уложил их в сумку.

В углу что-то лежало. Опустившись на колени, Сергей стал водить по этому рукам. Затем провел измазанными в ЧЕМ-ТО ладонями по лицу, тенниске, брюкам. Затем сел на лежащий рядом камень и застыл в совершенной неподвижности, вперив пустой взгляд в стену...

МАНЬЯК СХВАЧЕН

Иван сидел в полупустом здании аэровокзала. До регистрации оставалось двадцать минут. Настроение было прескверное. Ночью прошел дождь, и теперь невыносимо парило, а отсутствие ветра делало духоту невыносимой.

Вот, блин, тебе и отпуск. Как-то проскочил, не заметил даже. Иван вспомнил планы, которые строил перед приездом домой: порыбачить вволю, заняться спортом, по крайней мере каждый день пробегать не менее десяти километров, поднять какую-нибудь шуструю бабенку и задать ей перцу, чтобы чертям тошно стало! Вот так задал! Расслабился на всю катушку. Угораздило же так кумполом приложиться! Провалы в памяти... Если так пойдет дальше, вышибут из войск в два счета. А без войск он никуда — он любил свою службу, что в общем-то довольно странно в наше время.

Как всегда, мучительно рассуждая по поводу своего состояния, Иван опять задумался: а вообще нормальный ли он?!

Соседка говорит, что он не падал. Гаишник утверждает, что видел его ночью на катафалке в непотребном

виде с каким-то парнем. Сосед... С соседом вообще дичь. Пили чай, за жизнь толковали. А потом — обрыв! И что было в последующие два дня — ни в одном глазу. А соседка, между прочим, в тот вечер скромно спалил полгорода и ухайдакал двух лучших спортсменов города. И все это приятное мероприятие — в пятнадцати шагах от его дома. А он ничего не видел и не слышал? А следовательно? На допросе давал читать показания, подписанные его, Ивановой, рукой, в которых черным по белому: слышал шум борьбы, видел пожар. Показания, данные в тот вечер, сразу после задержания соседа. Что было потом? Правда, врач заявил следователю, что такие явления — неизбежное следствие травмы, временная амнезия, что ли. И что его показания не имеют силы, как показания лица, находящегося в невменяемом состоянии. Вот это приехали!

Иван потрогал бугорок шрама на голове. Странно. Бывало и похлеще. Контузия, пулевое ранение по касательной, сильнейший удар обрезком железной трубы. И ничего подобного! Может, сейчас сказалось все вместе взятое? А может, у него крыша едет, а от него это скрывают — как же, сын уважаемых родителей, дядька светило. Тьфу!

От таких домыслов становилось тоскливо, пакостно на душе, хотелось бежать куда-то, кричать, просить — люди, помогите, сделайте что-нибудь!

На стене тихо щелкнул репродуктор. Иван встрепенулся — регистрация! Вместо ожидаемого голос диктора — произнес:

— Экстренное сообщение. Только что пойман убийца, застигнутый на месте преступления. По всей видимости, это тот самый маньяк, который в течение года терроризировал наш город и которого многочисленные силы правопорядка пытались безуспешно вычислить. Час тому назад неизвестный гражданин позвонил по телефону в отделение милиции и сообщил, что видел, как какой-то мужчина шел с девушкой по направлению к НФС Кировского района. Сначала он не обратил на это внимания, решив, что это обычная парочка, желающая уединиться в тихом уголке, потом вдруг вспомнил, что сегодня первое августа!

Наряд милиции среагировал моментально. Прибыв к месту, указанному гражданином, патруль обнаружил в заброшенном строении на территории НФС обезобра-

женный труп молодой женщины и возле него — убийцу, который не успел скрыться.

При задержании преступник оказал ожесточенное сопротивление — наряду пришлось применять силу. Сейчас задержанный находится в палате больницы следственного изолятора города.

Личность преступника хорошо известна работникам милиции: им оказался агент частного сыскного бюро Старикова.

При нем обнаружена сумка с различными предметами, при помощи которых он совершал свои гнусные злодеяния. Более подробную информацию слушайте в информационном выпуске местного радио.

Немногочисленные пассажиры, ожидающие рейса, оживленно гудели, обсуждая сообщение. Наконец-то!

Иван тоже встрепенулся, отвлекаясь от мучавших его сомнений. Он был далек от интересов родного города. Слишком много времени прошло, их более ничего не связывало, если не считать редких сентиментальных ниточек, что иногда ностальгически проскальзывали в грубошерстном полотне боевой Ивановой судьбы. Однако сейчас он был рад, что эту тварь наконец-то поймали. Вот родится такой раз в десяток лет. Впрочем, наверное, родился-то он нормальным, таким же, как тысячи других гололобых младенцев этого часа на планете Земля. А вот потом уже, очевидно, произошел сдвиг по фазе...

Тут Иван, привыкший каждое явление воспроизводить в воображении, попытался представить, каким же образом у этого маньяка поехала верхняя часть. Понапрягавшись несколько минут, Иван понял, что из этой затеи ничего хорошего не выйдет, — сначала перед его мысленным взором упорно воздвигалась монументальная конструкция его собственной бритой головы в красках заката, на фоне которой визгливый голос соседки противно вещал: «Какую такую «скорую»? Бабы и водка до добра не доведут!». Затем опять стал настырно разбухать умирающий мозг Титова. Поморщившись, Иван помотал головой, прогоняя наваждение. Вот так всегда, когда чего надо вообразить запредельное. Может, действительно он чокнутый? Тот маньяк, наверное, тоже не раз задавал себе подобный вопрос.

И надо же — именно в их городе! Видать, наряд по-стахановски выдал, если ЭТОТ в больнице. Впрочем,

так ему и надо. Это ж надо, будут лечить, вопросы задавать, столько бумаги изведут на тварюгу. Все равно ведь шлепнут! Таких нужно на площади, под барабан! Чтобы все видели — вот так будет с каждым. Тут Иван представил, как это будет на площади — выходило как будто ничего, вполне сносно, если не считать того факта, что детям такого видеть бы не надо. Нужно, наверное, в подобных случаях писать: «Детям до шестнадцати лет вход на казнь запрещен». Тьфу, зараза, всякая дребедень в голову лезет...

Объявили регистрацию. Подхватив чемодан, Иван поплелся к мгновенно образовавшейся очереди.

КАССИР НА ВОЛЕ

Павел быстро гнал машину по пустынному ночному шоссе, направляясь в сторону города. По пути изредка мелькали огни встречных машин. По счастью, на этом участке трассы не было ни одного патруля или поста ГАИ.

Машинально посвистывая под нос навязчивую мелодию «Таганки», Павел сосредоточенно рассуждал.

Пока эти недотелепали до деревни, он в безопасности. Относительной, конечно, но все же. Вряд ли кто их подбросит — сами они голосовать не будут, программа не позволяет, а то, что их на маршруте движения перехватит милиция или ГАИ, практически исключено. Нужно поспешать, чтобы все получилось, как задумано.

У агента был план. План грандиозный, можно даже сказать — невероятный! Но тут уж, как в сказке — чем дальше в лес... Каждое звено этого плана было необычайно зыбким и выглядело весьма расплывчато даже при поверхностном рассмотрении, однако Павел делал ставку именно на невероятность и нелепость этой затеи.

Лежа в изоляторе на тюфяке, сутками без сна, Павел слушал непрерывную болтовню молодого, сразу же проникшегося к нему урки, который, по его выражению, «торчал по третьей ходке», но все по мелочам. Уважение было вполне понятным: еще до появления Павла в камере «радио» донесло, что взяли «залетного», который голыми руками замочил двух амбалов.

Вот и «втирал» урка молчаливому соседу, махнув

рукой на «закон», предписывающий молчать о делах зоны. Да и кто сейчас, в наше непонятное время, серьезно «отвечает»?

Из пропасти всякой информации Павел чисто автоматически, не зная еще, зачем ему это понадобится, выяснил следующее:

Оказывается, он — Павел, как две капли воды похож на «вора», державшего в Н... шишку — Кассира. Только Кассир в отличие от Павла обладает жесткой щеточкой небольших усиков, которые, по словам урки, делают его гораздо солиднее.

Замечателен этот Кассир был тем, что торчал до этого два срока — первый раз за спекуляцию валютой в особо крупном размере, второй — за то, что не совсем удачно продал эшелон с государственными пиломатериалами, не тому, кому следовало.

Дела были громкие, но кого надо прикормили, и оба раза вышли небольшие сроки.

Но это было да-а-авно! Лет десять назад. А на протяжении последних лет Кассир прочно «держал шишку», представляя в своем лице третью власть в городе. В его руках находились такие оборотные средства отрасли народного хозяйства, как спекуляция спиртными напитками, табачными изделиями и различного рода медикаментами, проституция, тотализатор и весь провинциальный рэкет. Что и говорить, деятель, заслуживающий особо пристального уважения.

Жил Кассир как князь, имел трехэтажный особняк, отряд телохранителей, умопомрачительный гарем в нескольких городах России и за ее пределами, виллу в небезызвестных курортных местах.

И вот в этой хорошо отлаженной машине что-то сработало не так. Кассира загребли. Как болтают, не поладил с местными властями. Слишком стал заноситься, решил стать удельным князем без пошлин.

Накрутили, что называется, по самое здратье. Получил Кассир вышак. И покоиться бы тленным останкам воротилы теневого бизнеса в негостеприимной земле Н-ской области или там, где исполняют приговоры, но... Где-то что-то опять подмазали, кого-то прикормили, в результате после кассации получил Кассир червонец.

И вот этот последователь провинциального ноу-хау уже полгода «торчит».

И хотя житье его обставлено по-царски, насколько это возможно в исправительно-трудовом учреждении — спит отдельно в каютерке, кушает деликатесы, которые ему готовит персональный повар, из приближенных, никогда не работает, вся зона, включая администрацию, перед ним на цирлах ходит, — несмотря на все эти дела, тоскует Кассир очень сильно.

Выходило по словам урки, что ест Кассира хандра по воле вольной, по женщинам, к изобилию которых он привык.

Много интересного поведал словоохотливый урка из жизни Главвора: и в каком бараке он проживает, и в каком отряде, и как ему перебросы доставляют. Сам рассказчик всего месяц назад откинулся с этой самой зоны, но не успел как следует разгуляться, как опять замели, — на этот раз за хулиганство в общественном месте.

Естественно, не виноват он — ну, подумаешь, изволил не совсем одетым танцевать в ресторане «Встреча». На столе. А когда прибывший по вызову администрации наряд милиции начал недвусмысленно намекать, что, дескать, в зале довольно прохладно, как-никак кондиционеры работают вовсю, танцор выдвинул одну довольно-таки безобидную, на его взгляд, версию. Он популярно объяснил стражам порядка, что их родители здорово ошиблись, задумав произвести своих чад на свет Божий — время тогда сильно суровое было для поворожденных, что обуславливалось целым рядом неблагоприятных факторов, а именно: нехватка сахара, бетонные полы в роддомах, по случаю дешевизны спиртного вечно пьяные акушеры.

Генетически обиженные милиционеры попытались было вывести поборника нудизма силой, и тут у них в этом вопросе непонимание вышло. Обоюдное, причем. А последствия — судя по всему, годика три придется Дарвина штудировать, кто от кого произошел.

А еще, между прочим, упомянул урка, начальник «десятки» — зоны, на которой он торчал, мужик старой закваски, нрава очень строгого и крутого. За глаза все его «батей» кличут — факт, говорящий сам за себя. Особо не переваривает алкоголиков и всех, кто на работе употребляет, карает безжалостно.

Он, Павел, может не поверить, но Кассир здорово похож на «батю». Невероятно?! Здорово похож, только

«бать» без усе
быть, Павел
Тогда, все
развить теори
чудах, но, ви
вовремя зат
наступать на
ствий возник
бирал вариан
абсурдностью
ситуацию да
точно решил
может! А зна
возможность
бы и не по
Въехал в
кривые неши
дом перекрес
рез двадцать
темнее, загни
по сторонам
Минут че
части ВВ, о
осужденных
из себя не
ыми постро
ром из кир
Тыльная
собой ограж
Удобнее так
вообще экон
Павел ос
неподалеку
тельной. Ог
на. Немног
раскидисты
шись поудо
расположен
себе структ
рода (в свое
положения,
Павел воспр
Из числ
рый должен

«батя» без усов и немного массивнее, осанистее. Стало быть, Павел тоже похож на «батю», как и на Кассира!

Тогда, вспомнил Павел, урка попытался было тут же развить теорию о совпадениях и генеалогических причудах, но, видимо, припомнив свой печальный опыт, вовремя заткнулся, рассудив, очевидно, что два раза наступать на грабли было бы неосторожно. Схема действий возникла случайно, по мере того как Павел перебирал варианты. Сначала он даже посмеялся над явной абсурдностью задуманного и принялся просчитывать ситуацию дальше. Но спустя некоторое время Павел точно решил — только так. Потому что так быть не может! А значит, никто всерьез и не задумывается над возможностью осуществления подобной дичи. Почему бы и не попробовать?!

Въехал в город. Некоторое время пробирался через кривые неширокие улочки, с опаской застывая на каждом перекрестке. Осторожно миновав центр, минут через двадцать добрался до пригорода. Выбрав улицу потемнее, загнал машину в тупик за гаражами, огляделся по сторонам и быстрым шагом направился к окраине.

Минут через двадцать Павел добрался до войсковой части ВВ, осуществляющей охрану и конвоирование осужденных всех ИТК города. Часть ничего особенного из себя не представляла — участок территории с жилыми постройками, огороженный двухметровым забором из кирпича, с натянутой поверху колючкой.

Тыльная стена забора, огораживающего в/ч, являла собой ограждение внешней запретной зоны ИТК № 10. Удобнее так — для боеготовности резервной группы и вообще экономия стройматериалов.

Павел остановился метрах в двадцати от КПП части, неподалеку от глухой стены двухэтажного здания котельной. Огляделся по сторонам, прислушался... Тишина. Немного поразмыслив, сноровисто взобрался на раскидистый тополь, росший возле котельной. Устроившись поудобнее, несколько минут внимательно изучал расположение объекта. Достаточно хорошо представляя себе структуру и организацию службы в/ч подобного рода (в свое время тщательно штудировал необходимые положения, да и вырос в этом «зоновском» городе), Павел воспроизвел в памяти детали.

Из числа командования назначается офицер, который должен контролировать выполнение подразделени-

ями распорядка и проверять службу караулов, так называемый «ответственный». Но у каждого свои проблемы, поэтому назначенный обычно «отвечает» до отбоя, затем садится на штабную машину и укатывает домой. В подразделениях по одному дежурному офицеру или прапорщику — те либо дрыхнут, либо занимаются черт знает чем, как то: проверка службы, игра в «секу» или совместное уничтожение изъятых у солдат спиртных напитков.

Остается дежурный по части и его помощник. Согласно инструкции, помощник дежурного должен в это время отдыхать, а дежурный — бодрствовать. А покажите-ка кого-нибудь, соблюдающего беспрекословно инструкции?

Здание КПП с большими витринными окнами. Интересно, тот, кто замастырил такие вот окна, не делал ранее аквариумы? Вся дежурная служба как на ладони! Очевидно, специально для наблюдателей. Этаким образчик деммышления — у нас от вас секретов нету, и мы не боимся нападения. Сквозь огромное стекло хорошо просматривался плешивый капитан с повязкой на левой руке, периодически открывавший наполовину один глаз, который бросал на секунду прояснившийся взор на страницу открытой книги на пульте. И глаз опять закрывался. В углу дежурки солдат, опять же спящий. Очевидно, посыльный. Больше никого.

Чуть поодаль от КПП, слева, вдоль забора — двухэтажное здание. Над входом золотыми буквами на красной табличке, подсвеченной фонарем, надпись: ШТАБ В/Ч № Света нет ни в одном окне. Нормально. Однако помнится, если в вестибюле имеется знамя или комната для хранения оружия, обязательно должен быть часовой. Часовой, конечно, весьма серьезная помеха, если он не спит. Также должен быть и запасной вход с другой стороны — положено по правилам пожарной безопасности.

Ну, с Богом! Павел соскользнул с тополя и двинулся вдоль стены. Метров через пятьдесят он наткнулся на участок забора, где колючая проволока немного провисала. Павел подпрыгнул, ухватившись руками за штырь, на котором крепилась колючка, подтянулся. Осторожно забросив ногу на забор, носком кроссовки поднял нижнюю нить проволоки, затем, стараясь не

оцарапаться, протиснулся в этот зазор и спрыгнул с той стороны.

Двинулся к штабу. Продрался сквозь декоративные кусты и, слегка пригнувшись, начал пробираться вдоль стены здания.

Возле крайнего в первом этаже окна резко отпрянул и распластался рядом с подоконником.

Слышался негромкий разговор, смех. Сбоку, из-под маскировочной шторы, пробивалась полоска света. Агент осторожно заглянул в щелку.

Панели коммутационных устройств, кусок пульта... Очевидно, АТС. Двое солдат, по пояс голы, потные. Кажется, это называется «форма № 2». Чуть поодаль третий с автоматом меж колен и штык-ножом на ремне.

Вот ты где, часовой! Притомился, бедолага, на огонек забрел. Все трое пили чай, непринужденно болтая. Порядок во Внутренних Войсках!

Павел быстро, не таясь, прошел вдоль окон к входу. Дверь была не заперта. Агент прокрался через вестибюль и в несколько прыжков взлетел по лестнице на второй этаж. Прислушался, готовый каждую секунду рвануть обратно по лестнице. Тишина...

В коридоре горел яркий свет — несколько плафонов по четыре лампы. «Интересно, нельзя, что ли, в цепь впендюрить еще пару выключателей? Всю ночь горит вся иллюминация, а хватило бы и одной лампочки на весь коридор!» — чисто машинально отметил Павел, ловя себя на мысли, что даже в такой ситуации продолжает отмечать нерациональные проявления, характерные для страны социализма. Впрочем, надо выработать установку не отвлекаться на такие вот нюансы, как-никак, вся страна — одна большая нерациональная несуразица!

По обеим сторонам коридора — ряд дверей с табличками. Выбрал ближайшую к запасному выходу. На табличке можно было прочесть: «МАЙОР СПОТЫК О.Е.». Извини, Спотык, ты нисколько не виноват, что начальник «десятки» тоже майор.

Вытащив из кармана огромную отвертку, предусмотрительно прихваченную из багажника «скорой», агент начал ковыряться в замке. По счастью, замок был старым, с расхлябаным язычком, который взломщик довольно скоро отжал в недра двери. Осторожно проскользнул в кабинет. Свет включать не было необходи-

мости — кабинет достаточно хорошо освещался фонарем с улицы, через незашторенное окно.

Убранство кабинета не вызывало особых эмоций. Два стола буквой «Т», объемный сейф с бронированными дверями (интересно, что там может такого секретного храниться?), платяной шкаф в углу и узкая солдатская кровать с матрацем и подушкой, без белья. Видимо, человеку по долгу службы приходится иногда ночевать на работе. Наша служба и опасна и трудна. Павел открыл шкаф, ощупью перебрал вещи, которые там находились. Шинели — не то, жарковато, плащ — тоже не то, бушлат... Вот то что надо — полевое х/б. Здесь же, внизу, стояли ботинки с высокими берцами. Не ахти, конечно, но выбирать не приходится.

Интересно — ходит «батьа» в полевом х/б? Вроде бы общего образца. А вдруг не ходит? А впрочем...

Павел быстро переоделся, зашнуровал ботинки, оказавшиеся на размер больше. Не беда, сгодится. Связал свою одежду в узел, взял подмышку. Вроде все.

В это мгновение по коридору затопали тяжело, как будто что-то тащили.

Остановились напротив двери. Какое-то сопение, невнятные чертыханья. О замочную скважину начал тихо скрести ключ.

Павел с бешено колотящимся сердцем отступил от двери назад, оглянулся по сторонам. Более надежного убежища, чем шкаф, естественно, не было. Осторожно забрался внутрь и закрыл за собой дверь.

Тут его поджидал неприятный сюрприз — дверь не желала закрываться до конца! Оставалась небольшая щель.

Тем временем ругань снаружи становилась все интенсивнее. Судя по разговору, присутствовали двое, однако один из них, явно не стеснялся, в то время как второй только поддерживал его монолог:

— А-тра-тарарах! Может быть, ключ не тот?

— Да тот, у него в кармане был!

— А-тара-тах! Ну, крути тогда еще!

— Да кручу — не поддается!

— А-тар-та! Ну, толкни! Может быть, и не заперто!

— И точно — не заперто!

Дверь распахнулась, сквозь щель Павел увидел, как в кабинет ввалились трое. Точнее двое — дежурный по части и посыльный. Третий ввалиться не мог по той

причине, что
именовать «В
В общем, ка
весьма непо
задевая за
Нечто одутл
погонах май
— Твою
Погрузил
— Видат
— Ладно
Заступился
ду, напомни
мандиру.
И, брос
шли из ка
затихли. Не
Майор н
за таковы
ми котор
терпкий по
тела майор
хорошо вы
Извини
ся, ходят о
или нет.
Тяжко
стегнув пу
короткими
на от как
брюки, пе
бок.
Быстро
то в шка
майора и
Перев
толстые
начал вз
желал по
лая рабо
опасная.
нутсь в
носки
Агент

причине, что находился в состоянии, которое принято именовать «в дупель». Или «в дымину». Или «вдрызг». В общем, как бы ни именовать, его несли. Причем, весьма непочтительно — волокли за руки и за ноги, задевая за все, что попадалось на пути следования. Нечто одутловато-багровомордое, мертвецки пьяное в погонах майора.

— Твою так, б...! Грузи на кровать, так-перетак!

Погрузили. Солдат утер пот, ухмыльнулся:

— Видать, крепко спотыкнулся товарищ майор!

— Ладно, б..., не болтай, тарарах! С кем не бывает! — Заступился за мертвецки пьяное дежурный. — Если забуду, напомни, чтобы разбудил его в 7.30 — на доклад к командиру.

И, бросив ответственного на произвол судьбы, вышли из кабинета. Свет оставили включенным. Шаги затихли. Немного подождав, Павел выбрался из шкафа.

Майор на кровати не подавал признаков жизни, если за таковые не считать стойкое зловоние, составляющими которого являлись ужасный самогонный перегар, терпкий потный духан, исходивший от плотно сбитого тела майора, и ни с чем не сравнимый ужасный аромат хорошо выдержанных прелых носков...

Извини, конечно, Спотык, ну, никак не вспоминается, ходят офицеры внутренней службы в полевой форме или нет.

Тяжко вздохнув, Павел начал раздевать майора. Расстегнув пуговицы, снял пропитанную потом рубашку с короткими рукавами, обратив внимание на свежие пятна от какого-то соуса, поборов брезгливость, стащил брюки, перевернув ароматизирующего майора на левый бок.

Быстро переоделся, повесив полевую форму на место в шкаф, положив на верхнюю полку документы майора и все, что было в его карманах.

Перевернутый Спотык тяжело захрапел, выпячивая толстые губы, в уголках которых запеклась белая пена, начал взрыкивать от недостатка воздуха, который не начал поступать в перекошенное неудобно горло. Тяжелелал поступать в перекошенное неудобно горло. Тяжелая работа у некоторых офицеров штаба. Тяжелая и опасная. Очень опасная. Есть страшный риск — задохнуться во сне или получить тяжелую форму отравления носковым газом.

Агент осторожно выглянул в коридор. Никого.

Аккуратно прикрыл за собой дверь и на цыпочках пошел по криво состыкованным пластинам линолеума, устилавшим коридор штаба.

Проходя мимо стенда с документацией, бросил на него мимолетный взор. На графике с надписью «Учет служебной нагрузки офицеров штаба» в графе с сегодняшним, нет, уже вчерашним числом напротив фамилии Спотыка стоял крестик.

Агент выглянул в вестибюль. Часового не было. Значит, все в порядке, чай еще не кончился. Неслышно ступая, прокрался к выходу, выглянул на улицу. Никого. Броском метнулся к забору, сноровисто перекинул тело через проем между колючкой и верхом забора.

Обогнув ограждение части, Павел через пять минут вышел к КПП жилой и смежной с ней производственной зоны.

Подойдя к двери КПП, постоял, сосредоточиваясь. Проверил, готов ли, нормально ли работают все ощущения. Ну, с Богом!

Нажал на кнопку звонка. Никакой реакции. Немного переждав, еще раз надавил на кнопку. В ночной тиши отчетливо слышимый, в утробе шлюза прозвучал резкий звонок. Спустя несколько секунд зажужжал электромеханический замок. Толкнув дверь, агент вошел в шлюз. Сонный часовой КПП, уроженец какой-то южной республики, расстегнутый до пупа, вскочил, натягивая на необезображенное муками мышления чело подобострастную улыбку.

— Здражляю, тыщ маер! — И тут же нажал кнопку, отпирающую замок второй двери, ведущей в зону. Павел оглядел часового критическим взором и сделал замечание за нарушение формы одежды. Житель республики проворно полез заправляться — чисто автоматически, пуговиц на подлежащих местах не хватало, по всей видимости, давно. Смущенный, немного покраснел и, похоже, даже рассердился — начал глубоко и нервно дышать.

«Зря придрался, — подумал Павел, — чего доброго, начальника караула позовет».

— Ладно, ладно, — начальственным голосом, — все в порядке у вас?

— Наррррмальныыы! — Конфликт исчерпан, опять улыбка.

— Смотри. И
что я пришел, а
— Тык тощ
приветствия. зат
житель смущенн
с представителем
входу в жилую з
зоне, ярко освещ
и КПП, никого
теперь попасть
контролеров.
Все-таки про
ная фигура с по
Ну что ж, мо
разница не так
— Товарищ
лой зоне проис
скового наряда
ные, запавшие
— Здравств
мательно вгляд
Однако прапор
ника. Судя по
ниях между н
внезапно подум
сходства его с
форма, манера
прибытие нач
Между тем
своей граблей
швам и ожид
Начальств
— Да так,
лепаев побузи
Повисла
преподнести
зять, что хо
ночное время
фамилия это
Помощь
— Товар
— Что х
— Тут п
ся. — Я по

— Смотри, не вздумай предупредить контролеров, что я пришел, а то...

— Тык тощщна! — Правая рука взлетает к виску в приветствии, затем вспомнив, что без головного убора, житель смущенно чешет затылок. Ну, хватит общаться с представителем. Павел пошел по дорожке, ведущей ко входу в жилую зону, оглядываясь кругом. В локальной зоне, ярко освещенной прожекторами со здания ДПНК и КПП, никого не наблюдалось. Вот еще проблема. Как теперь попасть в жилую? Так и так придется тревожить контролеров.

Все-таки предупредили! У калитки маячила дородная фигура с повязкой на рукаве.

Ну что ж, может, тем лучше? При свете прожекторов разница не так заметна.

— Товарищ майор, во время несения службы в жилой зоне происшествий не случилось! Начальник войскового наряда, старший прапорщик Мончев! — Красные, запавшие глубоко глаза, но четкий доклад.

— Здравствуй, Мончев.— Павел протянул руку, внимательно вглядываясь в лицо. Не заметил ли разницу? Однако прапорщик совсем не смотрел на лицо начальника. Судя по всему не лицо самое главное в отношениях между начальником и подчиненным. Тут Павел внезапно подумал, что, возможно, и нет такого особого сходства его с начальником колонии, что просто имидж — форма, манера держаться и установка подчиненного на прибытие начальника соответствуют.

Между тем прапорщик, радостно улыбаясь, потискал своей граблей начальственную длань, вытянул руки по швам и ожидал, что начальство изволит речи.

Начальство изволило узнать, что нового.

— Да так, ничего особенного. Во втором отряде Теплаев побузил малость, до утра в ШИЗО засунули.

Повисла пауза, Павел лихорадочно соображал, как преподнести дело в наиболее безобидном аспекте. Сказать, что хочет проверить, чем занимается Кассир в почное время? Ко всему прочему, он даже не знает, как фамилия этого Кассира.

Помощь неожиданно пришла со стороны Мончева.

— Товарищ майор...

— Что хотел?

— Тут понимаете, дело такое... — прапорщик замялся. — Я понимаю, конечно, что тут особый случай.

Но...— Он неопределенно покрутил в воздухе рукой,— только сил терпеть больше нет! Если так и дальше будет продолжаться, я за себя не отвечаю!

— Ну чего резину тянешь? Говори толком! Чего терпеть? — Павел даже несколько раздасадовался — надо же, теперь придется какие-то непонятные проблемы решать.

— Да вы ж знаете! — Прапорщик от нетерпения даже притопнул на месте: — Кассир опять! Ну, Шубников, будь он неладен! Я понимаю, будь он проклят, что тоска у него! — Прапорщик показал жест возле шеи, растопыренной пятерней, выражая, какая, по его мнению, дошла тоска у этого Кассира. — Крах надеж, дэпрэсья и все прочее... Но сколько ж можно! Грубит при всем отряде, насмешничает, отказывается распоряжения выполнять. Сегодня опять на вечернюю поверку не вышел! Я понимаю, что он «вор», но до каких пор?! ДПНК молчит, заискивает перед ним. Все перед ним на цирлах. Я больше так не могу — вот увидите, что-нибудь сотворю, если он опять чего выкинет в мое дежурство!

— Тормози! Выделяется, говоришь?! — У Павла аж дух перехватило — так удачно все оборачивалось. Вот уж не знаешь, где найдешь...

— Значит, так. — Агент выдержал паузу, нахмурившись, пусть Мончев видит, что в голове начальника кипит процесс. — Так, значит. Сейчас я с ним потолкую. — Нелицеприятно! Он у себя?

— Да, да, у себя! В каптерке сидит, читает, не спится ему, вишь ли ты. Только вы это... — Тут прапорщик несколько засмутился, стараясь показать, что его это особо не заботит, но все же... — Ну, как бы не от моего имени... Можно так?

— Все будет в норме, — успокоил его Павел. — Можешь не беспокоиться. Сейчас я пойду к нему, а ты проследишь, чтобы во время беседы нас никто не беспокоил, ни под каким предлогом. Понял?!

— Так точно, товарищ майор! — Мончев расплылся в тревожной улыбке — исход данного мероприятия он меньше всего хотел бы прогнозировать, слишком нестандартным на сей раз оказался объект воспитательной работы.

Отойдя от калитки на несколько метров, они сразу же приблизились к барaku первого отряда. В зоне стояла мертвая тишина, изредка нарушаемая взвыванием

ем по громкой связи часового-оператора, будившего не докладывающих вовремя часовых постов.

Зашли внутрь первого барака. Сидящий на подоконнике дневальный, дородный, ушлого вида мужчина с выпучил глаза, соскочил с подоконника и разинул было рот, обнажив великолепную вставную челюсть из хорошего металла.

— Тихо! — махнул на него Мончев. — Не мельтеши! На месте он, товарищ майор, — и показал рукой в сторону двери в конце коридора. Павел некоторое время постоял, оглядывая помещение, стараясь, чтобы физиономия его приобрела этаким брезгливо-пренебрежительный начальственный вид. Затем решил, что этого вполне достаточно, и воспроизвел рукой небрежный отпускающий жест, — ладно, ты иди, делай как я сказал.

Мончев удалился, на ходу ухватив под локоть дневального, и, протащив его с собой до двери, что-то нашептал раскатистым шепотом. Тот понимающе закивал головой, бодро постукивая по коленкам.

Мнимый начальник зоны неспешно дошагал до двери, указанной Мончевым, не доходя пары шагов остановился, делая вид, что осматривает потолок и стены, сосредоточиваясь.

Пока все идет хорошо, даже слишком хорошо — как-то гладко! В каждом звене спонтанно возникшего плана были чудовищные проценты провала, которые чудом удалось миновать. Только благодаря случаю и тому, что место действия — Советский Союз. В любой цивилизованной стране мира, да что там цивилизованной стране — в любой, идущей по пути рыночного развития, развивающейся, так сказать, стране, вряд ли можно было бы безнаказанно мочить такие ляпы. А здесь? Мог оказаться на месте часовой, мог бы Павел не найти лазейку в проволочном ограждении. Могли обнаружить в кабинете, если только он смог бы вообще попасть туда. Мог бы его не пропустить часовой КПП, если бы, следуя инструкции, потребовал пропуск. И не так уж он похож на этого самого «батю», если разобратся как следует. И уж точно «батя» не ходит по ночам в потной рубашке и мятых брюках на размер больше, декорированных подозрительными пятнами, украшенный трехдневной щетиной. Да мало ли?!

Павел постучал в дверь, обернувшись. Дневальный со скучающим видом стоял у подоконника в противоположном конце коридора, глядя в окно.

Из-за двери слышался недовольный голос:

— Чего надо?

Павел прокашлялся и постарался придать своему голосу как можно более жесткие нотки:

— Открывай Шубников, быстро! Это я!

Дверь распахнулась. Ох ты! Действительно, похож! Очень похож. Только повыше, покрупнее. Лицо гораздо полнее, холенее. Щеточка жестких усов. Холодный наглый взгляд из-под более тонких, чем у Павла, бровей. Авторитет. Интересно, в далеком-далеком прошлом не были ли их предки в очень близких отношениях? И вообще, так бывает в жизни — ни с того, ни с сего, на одном административном участке, в одно время двое очень похожих друг на друга людей? Впрочем, почему двое? Трое!!!

— О-о-о! Какие люди! Какая честь! В нашу конуру, — надменно, с расстановкой, взгляд не опускает. — Чем обязан?

— Потолковать надо, Шубников. Тет-а-тет, без лишних ушей. Разговор очень серьезный, — со значением сказал Павел.

Кассир удивленно поднял брови, на секунду застыв на месте. Обычно начальник никогда не опускался до разговора с зэком вот так, наедине — берег свою репутацию, мало ли что могут подумать. Это что-то странное.

— Прошу! — Широкий жест — дескать, я в своих владениях, а ты — мой гость, причем незванный, знай свое место! Как много можно сказать одним движением руки, поворотом корпуса!

Павел прошел в каптерку, закрыл за собой дверь. Осмотрелся по сторонам. Повсюду идеальный порядок. В стеллажах аккуратно разложены какие-то серые мешки. Письменный стол, покрытый толстым, аккуратно разрезанным стеклом. Под стеклом — веер фотографий с обнаженными красотками. Павел уселся в мягкое кожаное полукресло, стоящее перед столом. Откуда такое в зоне?! Удобное, между прочим, наверное, приятно в нем сидеть вечером, когда затихнет шум зоны, и под рассеянным светом настольной лампы не спеша, в свое удовольствие, почитывать что-нибудь такое. На краю

стола — раскрыл
ложку — История
кина, издание
Кассир, прива
груди, смотрел
— В молча

днее.

— Я же про
усмехнулся «ни
понижил голос
толкну резко д

Главвор не
тересно, чего
тил на старост
откуда-то сор

— Давай,
пот.

Авторитет
зад, затем в
неплохие нав
ногой под ру

БАЦ! Глу
ный ощутим
сти, с поруче
замочной ск
во созерцал
эмоций, не
гался:

— Ах ты
сечешь здес
та, потирая
ся к подоко

Кассир з
уселся на п

— Слуш
тановился,
«вора» опят
ИТК нико
остальных
такое случ

— Ты н
По лицу
но-каменно
недобрая у

стола — раскрытая на две трети книга. Посмотрел обложку — История дипломатии, I том, редакция Потемкина, издание 1941 года. Ну фрукт! Поднял глаза — Кассир, привалившись к стеллажу, скрестив руки на груди, смотрел на него явно недружелюбно.

— В молчанку играть будем, начальник? Время позднее.

— Я же просил, чтобы разговор без лишних ушей! — усмехнулся «начальник», глядя мимо Кассира на дверь, понизил голос до полусшпота: — Ну-ка, не в службу — толкни резко дверь!

Главвор недоуменно воззрился на собеседника. Интересно, чего это сегодня с начальником? Может, спятил на старости лет? Вид какой-то странный, как-будто откуда-то сорвался.

— Давай, давай, толкни! — Опять тревожный шепот.

Авторитет недоверчиво ухмыльнулся, покосился назад, затем вдруг резко прыгнул к двери, выказывая неплохие навыки в передвижении, и сильно саданул ногой под ручку.

БАЦ! Глухо вскрикнул, отскакивая назад, ушибленный ощутимо дневальный, который, по всей видимости, с поручения Мончева пристроился подслушивать к замочной скважине. Несколько секунд Кассир задумчиво созерцал открывшуюся картину, затем лениво, без эмоций, не стесняясь присутствия начальника, выругался:

— Ах ты, сука. Фуфло злокозненное. Ты че, падла, сечешь здесь? Ну-ка бегом на место, сволота! — Сволота, потирая ушибленное место, молниеносно ретировался к подоконнику.

Кассир захлопнул дверь, придвинул к столу табурет, уселся на него и опять уставился на Павла.

— Слушай меня внимательно, Кассир, — Павел остановился, наблюдая за реакцией собеседника. Брови «вора» опять недоуменно поползли вверх. Начальник ИТК никогда не употреблял кличек и ругал за это остальных сотрудников. Чего все-таки это с ним такое случилось?

— Ты на волю хочешь, Кассир? Насовсем?

По лицу Шубникова, хранившему до этого надменно-каменное выражение, начала медленно расползаться недобрая усмешка, переходящая в гримасу.

— Вы че, потравить меня решили? Меня?! Скучно, наверное, стало, да? Шутковать, значит, решили! Хорошо, начальник, хорошо! Это вы напрасно так, уважаемый,— голос его резко набрал обороты и внезапно, практически на самой кульминации — нет, не крика, тихого напора, нескандального всплеска эмоций человека, который в каждое сказанное слово привык вкладывать определенный смысл,— он оборвал свою речь, с присвистом выдохнул и застыл на месте, немигающе глядя на Павла. И взгляд этот не сулил ничего доброго. Надо же, затронул больной вопрос! Интересно, советские психологи, изучающие личность преступника, как они бы классифицировали подобный тип?

Кассир немного расслабился:

— Так что там у вас? Я что-то не пойму, рассудком убогий.

— Секундочку, Кассир, дай собраться с мыслями,— Павел постарался, чтобы его тон оказал влияние на Кассирову психику, может быть, таким образом удастся немного разрядить обстановку. Обычно это давало хороший эффект — недаром он столько времени тренировался и даже добился хороших результатов по свидетельству маститых специалистов гипноза. Кассир не поддавался! Взгляд его не затуманивался, не расслаблялся. Он пристально и жестко продолжал созерцать начальника, было такое впечатление, что он, в свою очередь, пытается подействовать на психику Павла.

Ситуация заходила в тупик. Чтобы убедить Кассира в реальном положении дел, понадобится много времени. Слишком много, чтобы за это время ничего не успело случиться. Черт, что же такое ему преподнести, чтобы сразу поверил, проникся. Такое достоверное, что можно было бы сразу понять, практически потрогать?! От напряженной работы мысли Павлу стало жарко, он вдруг до передерга остро почувствовал на себе чужую рубашку с запахом чужого пота, неприятно колющий шею воротничок, давненько, видимо, нестиранный. Павел ухватился правой рукой за отвороты рубашки на груди — благо без галстука! — приподнял локти вверх, потряхивая, и подул на грудь — все лишняя струя свежего воздуха! Еще раз подул на грудь, опустив глаза от линии пересечения с Кассировыми прожекторами. Если он ему ничего путного не преподнесет в течение ближайших двух минут, он будет иметь бледный вид. Еще

раз опустил глаза на грудь, усиленно дую. Неужели сразу нельзя было вспомнить, столько времени потерял!

Урка в СИЗО рассказывал, что лет пять назад, во время ликвидации бунта в зоне, начальник «десятки», непосредственно принимавший участие в операции, был тяжело ранен. Один зэк полоснул его по груди работающей бензопилой. От близкого общения с инвентарем лесозаготовительной промышленности у «бати» остался страшный шрам через всю грудь. Об этом факте знал каждый, кто каким-то образом соприкасался с пенитенциарной структурой города.

— Успокойся, Кассир, дай слово молвить. Не выслушал, перебиваешь. В курсе, что недавно взяли одного мужика, который двух спортсменов уложил?

Кассир, все так же недоверчиво глядя на Павла, кивнул. Агент помолчал, давая Главвору уловить изменение в ходе беседы. Тот уловил гораздо быстрее, чем Павел рассчитывал. Успокоился, настороженно застыл — чего это начальник темнит?

— Как ты думаешь, что ему светит? — продолжая неспешно прощупывать почву, а у самого бешено колотилось сердце — быстрее, быстрее!

— Ну — пятерик. Превышение. А вы что, решили у меня проконсультироваться насчет уголовного законодательства?

— Не торопись, — мягко перебил Павел, — вообрази, что у этих спортсменов в органах куча приятелей. И вот задумали они в отместку за невинно убиенных прищипнуть того доходягу. А у него никакой поддержки здесь нет — нездешний он. Как думаешь, получится у них такое вот мероприятие?

— А чего же? — Кассир усмехнулся, — отчего бы и не пошутить над бедолагой, коли есть повод? Уж если ты власти на мазоль наступил да не имеешь волосатой лапы, хана тебе. Тем более — зэк. Уберут, — он опять резко прервал свою речь, с интересом наблюдая за начальником.

— А ты помнишь, Кассир, что за метка у твоего начальника? На груди, — Павел указал себе на грудь и немного ближе придвинулся к столу, чтобы лучше видеть лицо Главвора, отчасти скрытое за световым кругом настольной лампы.

— Памятка о кипеже, что ли? — Кассир осклабил-

ся,— да об этом весь город и ближайшие села знают. Слушайте, давайте напрямик! Чего вы тут бодягу разводите?

— Остановись, успеется. Ты в курсе, конечно, что мы с тобой похожи?

— Ну вот, опять с пятого на десятое,— недовольно поморщился Кассир,— знаю, конечно. Если вам усики приклеить, да покормить как следует, никто, кроме родной мамы, не отличит!

— Покормить... Приклеить,— проворчал Павел,— обрезать тебе усы да погонять как следует, вот тогда мы будем похожи!

— А вы мои усы, пожалуйста, не трогайте! — немного возвысил тон Кассир.— Оставьте, как есть!

— Да успокойся ты! — Павел устало потер лоб.— Вот морока с тобой! А может, я напрасно тут с тобой киселя развожу? Может, лучше сразу выложить тебе все как есть,— тут он очень внимательно посмотрел на сидевшего напротив.

— Чего как есть? — Кассир начал на себя сердиться, он до сих пор даже приблизительно не смог предположить, чего же хочет от него начальник, такое с ним случалось редко — недаром слыл большим умом и сам свято верил в это.

— Ладно, Кассир — я НЕ БАТЯ. Я тот самый мужик, который ухайдакал этих спортсменов. Получилось так, что мне срочно потребовалось искать убежище — вывели на следственный эксперимент, в село, и там попытались убрать — внаглую, открыто. Пришлось рвануть. Волей случая вышло так, что мы все трое похожи — ты, я и начальник «десятки». Может, не очень-то и похожи, если рядом поставить да при дневном свете, но если по одиночке да в тех условиях, в которых все привыкли видеть, вполне сносно получается! Вот ты со мной уже пятнадцать минут лицом к лицу сидишь, а ведь не обратил внимания на то, что какая-то разница есть. Это потому, что люди не особо-то в лица всматриваются — за исключением, конечно, психологов и тех, кто как-то с этим соприкасается. А так привыкают к одежде, к манерам поведения, к жестам, привычкам. Вот так-то. Вот залез я в воинскую часть, вскрыл кабинет одного майора, переоделся в его форму и проник сюда. Готово — «батя»! Да не пялься ты так, смотри сюда! — Не спеша, очень медленно шевеля пальцами, Павел расстегнул

пуговицы, на
резко распах
было НИ ЕД
Лицо Гла
на бумаге
отражало! Г
варить инф
ческой чер
человек нес
нечно, тру
пространст
забирается
Кассир
вымолвить
тозным со
через полт
ми, начал
щим пали
агента:
— Ты?
— Да,
врубайся,
именно з
захочешь.
Кассир
ми,— дар
— Ну
поторопи
станешь
переодене
зоны. С
возможно
будь на п
Кассира.
уляжется
ты не пр
На Ка
эмоций
холодном
ко раз п
Накоп
— Ну
САМ!!!

пуговицы, на секунду задержал руки на груди и вдруг резко распахнул рубашку, обнажая грудь, на которой не было НИ ЕДИНОЙ ЦАРАПИНЫ.

Лицо Главвора надо было видеть. Трудно изложить на бумаге всю полноту борьбы чувств, которую оно отражало! Павел не вмешивался, наблюдал, давая переварить информацию и вникнуть в суть полуфантастической чертовщины. Если этот тип — действительно человек неординарный, он переварит. А вообще-то, конечно, трудноовато. Трое близнецов на одном отрезке пространства — времени, один из которых добровольно забирается в зону.

Кассир потрясенно смотрел на Павла, не в силах вымолвить слова. Надо отдать ему должное, с коматозным состоянием он справился довольно быстро — через полторы минуты, покрывшись красными пятнами, начал двигать конечностями. Подняв руку, дрожащим пальцем потыкал пространство, целя в грудь агента:

— Ты?!

— Да, да, парень, так оно и есть. Давай побыстрее врубайся, времени в обрез. Ты можешь мне помочь, именно за этим я и пришел сюда. Если, конечно, захочешь. Ты — мне, я — тебе. Ну что — въехал немного?

Кассир, помотав головой, недоуменно пожал плечами, — дар речи еще не вполне вернулся к нему.

— Ну ладно, ты пока въезжай и слушай заодно, — поторопил события Павел. — Сейчас ты сбреешь усы и станешь похож на меня, точнее, на «батю». Затем переоденешься и спокойно, не паникуя, выйдешь из зоны. Спокойно выйдешь. У тебя есть прекрасная возможность укатить из этого милого города куда-нибудь на юг и зажить там припеваючи, а я останусь за Кассира. Тут меня не достанут. А там, когда шум уляжется, видно будет, чего предпринять. Я думаю, ты не против?

На Кассира опять стоило посмотреть. Целая гамма эмоций отражалась на его лице, обычно невозмутимо-холодном. Он тряс головой, щелкал пальцами, несколько раз потрогал грудь Павла.

Наконец к нему вернулся дар речи:

— Ну ты мужи-и-и-ик! Че утворил, а? В зону... САМ!!! Сам. С ума сойти! — Он восхищенно пожирал

Павла взглядом. Павел поморщился, вылез из-за стола, начал снимать форму.

— Базарить нет времени, Кассир. Переодевайся мигом. Да сбрей усы!

Кассир бестолково заметался по каптерке, не зная, за что взяться в первую очередь, причитая шепотом, — куда подевался рассудительно-холодный хозяин зоны?!

— Не мельтеши! — прикрикнул на него Павел. — Сбривай усы!

— Я... Да я по гроб... — Несколько пришел в себя, быстро скинул штаны, натянул форму, намылил усы и стал безжалостно сбривать их одноразовым лезвием.

— Как кличут тебя, паря?

— Пашкой.

— Слушай, Пашок. Если все выйдет, я у тебя по гроб жизни в долгу. Ты верь мне, я не базарю. Сам понимаешь, каково здесь торчать. Дай оклематься, оглядеться по сторонам, я тебя отсюда вытащу. По-царски жить будешь. Если ты такое утворил, значит, котел у тебя варит ого-го! Братом мне будешь! Я тебе палец о палец ударить не дам. Готово. — Он сбрил усы, sprysнул и встал рядом с Павлом, успевшим натянуть Кассирины штаны и майку, поправляя зеркало, висящее на стене так, чтобы они оба были видны в нем.

— Действительно, похожи! Ну, не как две капли — у меня будка пошире, да и цвет лица получше. Нос немного покрупнее, а так...

— Ладно, хорош, — прервал его Павел. — Теперь так. Я пришел сюда, чтобы по просьбе Мончева приструнить тебя за отвратительное поведение. Чего ты там его терроризируешь?

— Да я ничего, — смущенно заоправдывался Кассир. — Просто он до того, как меня присадили сюда, чувствовал себя здесь хозяином, вертел как хотел. А я его поставил.

— Не в этом дело, — продолжал Павел. — Сейчас устроим здесь шум, будто между нами произошла ссора, и «батя» прибил Кассира. — Он с сомнением осмотрел Кассира. — Ты хорошо дерешься?

— Вообще-то Бог здоровьем не обидел, — Кассир пожал плечами, — однако я никого пальцем не трогаю никогда. Для этого у меня целый штат существует. Я морально убью кого хочешь.

— Ладно, — продолжал Павел, — это не столь важно.

В общем, придется тебе пару раз заехать мне по репе — для правдоподобия. Потом выйдешь, скажешь дневальному, чтобы позвал кого-нибудь из санчасти для оказания помощи. Я сделаю вид, что побои сильные, и пролежу в санчасти с недельку. За это время как раз въеду в обстановку. Там видно будет. Да, как думаешь, авторитет Кассира сильно пострадает, если он в побитом положении окажется?

Кассир с сомнением пожал плечами. Теперь это был не его авторитет, — он даже улыбнулся, представив себе, как это так — быть побитым.

— Вообще-то это не по закону. Любой, кто поднял на «вора» руку, должен умереть. Но, я думаю, в этом случае можно допустить исключение. Во-первых, сейчас нет такого почитания «закона», как в былые времена — по существу, беспредел. Кроме того, «батя» здесь считается, как бы это сказать, чем-то типа чокнутого. Ну, знаешь, не от мира сего. Бабки не берет, ничего домой не тащит, на понятия не реагирует, со всеми одинаков — для него что зэк, что пачальник, по справедливости живет. Недаром его «батей» прозвали. Тем более он контуженный. Думаю, через «батю» можно и побитым быть. Кроме того, у меня здесь особое положение: если другие блатные коситься будут, чего, мол, законы не соблюдает, наплевать. У меня свои законы, лично мною заведенные, — тут Кассир горделиво приосанился, входя в роль эдакого прорицателя-наставника, — они это прекрасно знают. Если кто зубы покажет, мигнешь Занозе. Это мой личный секретарь здесь. Специально ради того, чтобы со мной рядом быть, статью себе сделал, потом отвалил кучу бабок, чтобы на эту зону сесть и в один со мной отряд попасть. Ну, я ценю, понимаю это. Этот Заноза, он все дела делает, я практически не вникаю. Твои телохранители и исполнители — Сейф и Жлоб. Неплохие ребята, один бывший абсолютный чемпион Туркменских ВО по рукопашному бою, майор ВДВ в отставке — это Жлоб. Сейф — сын бывшего военного атташе в Японии. Пятнадцать лет прожил в советской миссии в Токио. Оч-ч-чень неслабый пацан! Вот эти ребята удавят кого угодно, хоть делового прямо на сходке, хоть вице-короля Бразилии. Только мигни. Они вне закона, слушают только тебя. Ко всем — презрение. Не опускайся даже до дружеского кивка. Не разговаривай ни с кем, не задавай вопросы. Ты все знаешь. А тебя никто ни о

чем не спросит. Ты человек, остальные — дерьмо. Запомни это. Внимательно прислушайся к базару. В принципе сейчас почти все по-человечьи говорят, но могут втереть, если надо. Прислушайся. Постарайся побыстрее перестроиться. Главное, запомни, что тут никого нет выше тебя. Инцидент с «батей» не в счет. Никто ведь не обижается, если бешеная собака укусит? На то она и собака! Они это прекрасно поймут. Может, кто попытается после этого права покачать, Заноза это дело исправит.

Кассир оказался неплохим гидом по преступному миру. Буквально в течение пятнадцати минут он детально изложил Павлу инструкцию по манерам поведения и воровскому этикету. Заканчивая наставления, добавил:

— Как устроюсь, я тебе с воли весточку подгоню через одного парня. Он обскажет, как быть дальше. Да, насчет усов. Скажешь, что почта пришла — Занозе только, так, обронишь как бы между делом. Я тут недавно зарок давал — если сообщат, что одного суку убрали, усы сбрую. Насчет достоверности ты не беспокойся — как только устроюсь, я его сам и похороню. Ну, давай, что ли?

Через минуту, услышав в каптерке шум, невнятные крики и глухие удары, дневальный, торчавший возле окна, выбежал на крыльцо и сообщил о начале боевых действий ожидавшему в нетерпении Мончеву. Тот влетел в барак с резиновой палкой наперевес и бросился к каптерке.

Не успел. Дверь каптерки распахнулась, вышел раскрасневшийся «батя», одергивая рубашку.

— Ну-ка, вызови дежурного по сапчасти. Пусть помощь окажет. Неловкий Шубников какой-то. Оступился, ударился об угол стола.

Мончев заглянул в каптерку. В углу, за столом, на полу лежал Кассир, держась за голову, и тихо матерился, испуская протяжные слабые стоны. Стекло на столе разбито, забрызгано кровью. Табурет и кресло валяются на полу.

— Пойдем, проводишь меня, Мончев, — начальник «десятки» направился к выходу. Мончев поспешно вышел за ним, оглядываясь на каптерку. Миновали в молчании калитку, ведущую из жилой в локальную зону, подошли к шлюзу.

— Ну. и
— До св
уходящего в
лал «вора», и
потеев немн
была, между
Между т
вскочив, из
отпирающую
— Все в
срывающим
— Нарр
Утро сл
значительн
При до
ДПНК сооб
УВД, вчера
мента сбеж
Начальн
своеобрази
— Ну
противовес
— Все
жав неболь
— А ч
— Упа
ДПНК.
— Ну
ние начал
дыхни!
Ответа
ра и в до
дерзкого
ставлены
несут слу
Когда
спросил
— Пет
пришел
— В
ответил
— Бл
спросил

— Ну, прощай Мончев! — «Батя» протянул руку.

— До свидания, товарищ майор! — Мончев проводил уходящего восхищенным взглядом. Вот это «батя»! Уделал «вора», и ни в одном глазу! Только рука трясется и потеет немного. А когда в зону заходил, рука у него была, между прочим, сухой и твердой-твердой.

Между тем на КПП житель южной республики, вскочив, изобразил улыбку и тут же нажал на кнопку, отпирающую дверь из зоны.

— Все в порядке у вас? — Немного надтреснутым, срывающимся голосом...

— Нарррмальннныы!!!

Утро следующего дня ознаменовалось мелкими, незначительными деталями.

При докладе начальнику ИТК № 10 об обстановке ДПНК сообщил, между прочим, что, как передали из УВД, вчера вечером во время следственного эксперимента сбежал особо опасный преступник.

Начальник отреагировал на это сообщение весьма своеобразно:

— Ну убежал так убежал. Хрен им в сумку для противовеса — пусть ловят. У нас как?

— Все в порядке. Кассир в санчасти лежит! — Выдержав небольшую паузу, речетативом пропел ДПНК.

— А что с ним? — поинтересовался «батя».

— Упал, зашибся здорово! — игриво подмигнул ДПНК.

— Ну и хрен с ним, — сообщил свое устойчивое мнение начальник ИТК. — А ты чего такой веселый? А ну дыхни!

Ответственный по полку Спотык встретил командира и в докладе об обстановке также упомянул о побеге дерзкого преступника. И то, что розыскные посты выставлены где положено, согласно боевого расчета, и несут службу. Был ответственный в полевом х/б.

Когда командир части направился к штабу, Спотык спросил у дежурного по части:

— Петрович, ты не помнишь, я вчера на работу пришел в х/б или в повседневке?

— В повседневке, товарищ майор, в повседневке, — ответил дежурный и многозначительно усмехнулся.

— Блин... Куда же я ее подевал?! — недоумевающе спросил сам себя Спотык.

ЭНЕРГИЯ НЕНАВИСТИ

Наблюдая со своей площадки, Себастьян видел, как поднимается по размытой тропинке седой человек, прижимая к груди окровавленную голову, улыбаясь страшно оскаленным ртом, поднимается, скользя и спотыкаясь, и грозит пальцем куда-то в пространство...

Себастьян подумал, что, скорее всего, парень сошел с ума. Психика не выдержала нагрузки. Это было явно заметно по практически отсутствующей энергетической оболочке.

Понаблюдав некоторое время за удаляющейся фигурой, Себастьян взвалил свою ношу на плечи и отправился в путь. К концу второй половины дня он добрался до пещеры.

Ночь провел в размышлениях. Его не опечалило и не потрясло увиденное днем. Он и ранее неоднократно был свидетелем подобных сцен, происходящих в последнее время довольно часто, разве что менее грандиозных по масштабу и жестокости.

Его здорово занимал вопрос, почему люди, до недавнего времени столь близкие друг другу, могут испытывать друг к другу такую ненависть.

Не зная языка горцев, Себастьян, тем не менее, прекрасно улавливал их мысли — не мысли даже, а особую форму преобразованной энергии определенного типа. В последнее время наряду с обычными желаниями и чувствами жители гор выдавали частицы лишней энергии, которая подавляла большинство положительных проявлений. Даже не частицы, а целые блоки, глыбы черной консистенции, поступающие к ним откуда-то извне. Может быть, это изменение общего энергетического фронта, который объединяет пусть не всю нацию, но довольно большие группы людей? Может быть, эти изменения повинны в том, что происходит? В том, что люди заряжаются ненавистью и нет противоядия этой страшной болезни? Что это — временное состояние, которое само по себе урегулируется до нормального уровня, свойственного всем цивилизованным народам? Или, может быть, это необратимый процесс, из положения «очень плохо» ведущий к нулевой отметке?

Такого рода вопросы занимали Себастьяна в течение

всего темного времени суток. К тому же он испытывал чувство некоторой досады на самого себя.

Он чувствовал, что способен передавать на расстояние мысленную энергию. Подобно тому как воздействовал на животных, воздействовать и на людей. Причем энергию, по концентрации в несколько десятков раз превышающую обычную, человеческую. Если бы потребовалось, можно было бы без труда подавить волю любого человека, нескольких человек, может быть, нескольких десятков! Подавить... зачем? До недавнего времени в этом не возникало никакой необходимости. С людьми он не общался.

Сегодня утром он хотел было вмешаться в ход событий — были затронуты останки старых общечеловеческих установок на сострадание, чувство справедливости. Хотел, но... предпочел остаться сторонним наблюдателем. И вот сейчас давно не испытываемое чувство несовершенности, какой-то потери не давало ему покоя...

Небо на Востоке постепенно светлело. Себастьян изучающе посмотрел в зенит — сегодня над вершиной нет облаков. Ну и прекрасно. Через небольшой промежуток времени он примет солнечную ванну и избавится от этого неприятного осадка. Себастьян даже зажмурился, предвкушая удовольствие от пронизывающих тело миллионов микроскопических лазеров, на мгновение отделяющих субстанцию Духа от телесной оболочки...

Внезапно его универсальный слух уловил шорох и вскрик метрах в полуторостах ниже пещеры. Себастьян вышел наружу, осмотрелся, прислушиваясь. Посторонние звуки больше не повторялись. Тогда он спустился ниже, к уходящему отвесно склону, поросшему кустарником. Сосредоточив свою способность панорамного видения в темноте, бывший штурман через некоторое время обнаружил, что под ним, на склоне горы, запутавшись в кустарнике, висит ТОТ, КТО ОСТАЛСЯ ЖИТЬ.

Очевидно, пребывая в безупречно отсутствующем состоянии, он брел по тропинке всю ночь. А теперь, сорвавшись вниз, пролетел несколько метров и, зацепившись за кустарник, повис над пропастью.

Опять проснулось щемящее чувство досады, то самое, с утра. Может быть, есть шанс избавиться от этого чувства, оказав помощь последнему участнику событий? Почему бы и не попробовать?

Распластавшись, как паук, Себастьян спустился по почти отвесной скале к кустарнику. Взвалив разбитое тело на плечи, спасатель, аккуратно подтягиваясь, выбрался на козью тропу, столетиями пробиваемую тысячами маленьких копыт. Осторожно ступая по тропе, несколько обогнул склон и вышел к площадке перед пещерой.

Как не старался Себастьян действовать быстро, прошло достаточно много времени. Небо стало светлым настолько, что уже хорошо были видны окрестности — наступило состояние, которое можно было назвать пред-рассветными сумерками. Скоро брызнут искрящиеся первые лучи.

Себастьян с сомнением посмотрел на пострадавшего, взвешивая, оказать ему помощь или пойти принимать солнечную ванну? Если оказать помощь, уйдет масса энергии и времени — этот человек уже на Пороге. А он обязательно опоздает на солнечную ванну! А если бросить умирающего одного, через полчаса уже ничего нельзя будет сделать. Вот незадача! Надо уже подниматься к Чаще, иначе он не успеет. А что если взять этого с собой? Ну, конечно!

Он отнесет его в чащу! Чего тут размышлять. Солнца хватит обоим! Солнце исцелит его, вернет разум, отрешит от мирской суеты, наделит сверхчеловеческими способностями. Он станет совершенно другим. Он не захочет возвращаться к людям. Он станет другим и братом Себастьяна, таким же, как и он сам. Похоже, кончилось эра одиночества. Может, так будет лучше?

От этих рассуждений на душе сделалось легко и радостно, сомнения, приставшие утром, сразу же отступили.

Не раздумывая более, Себастьян взвалил тело на плечи и скорым шагом направился к вершине. Скоро взойдет солнце!

Через двадцать минут они были на месте. Расположив Сеида в самом центре чаши, Себастьян сорвал с него лишнюю одежду и сел рядом.

Солнце показалось минут через пять. Сначала из-за линии горизонта, ломко искаженной пиками гор, брызнули багрянцем снопы первых лучей, отражаясь от бездонно-чистого неба, махом окрасили окрестности малиновым желе вперемешку с уползающим в ущелье туманом. Немного погодя выплыл сам диск, шар, сфера —

нечто неясное
Все вокруг, м
ши, засияло.
ранцев, напо
костью...

Внезапно
взрыва отш
что бывший
он услышал
щий громко
подобрался
ась всеми о
ная радуга!

Энергия
сированная
каждой секу
собственно
его естеств
окрестных
перепонки.

Тело го
агонизиру
организма
По нему, и
молниями
небо, стали
плазмообр
силой...

Сопро
какое к ч
вряд ли
цейские
приближа
рели слу
Черт
понятны
которого
повернул
Что-то б

нечто невообразимое, золотоцветное, ослепительное. Все вокруг, многократно отражаясь от поверхности чаши, засияло, заискрилось, утонуло в сполохах протуберанцев, наполняя радостью, какой-то немислимой легкостью...

Внезапно Себастьяна резко, со страшной силой взрыва отшвырнуло от Сеида. Отшвырнуло так сильно, что бывший штурман вылетел из чаши! Одновременно он услышал какой-то низкий утробный звук, набирающий громкость по нарастающей. Себастьян поднялся, подобрался к краю чаши... Над телом горца, переливаясь всеми оттенками спектра, сияла ослепительно черная радуга!

Энергия ненависти, многократно отраженная, сфокусированная в центре чаши... Звук, который крепчал с каждой секундой, был криком Сеида. Может быть, и не собственно Сеида — этот нечеловеческий голос издавало его естество, стон-воплъ, который, отражаясь эхом от окрестных гор, приобрел силу тайфуна, обрушиваясь на перепонки.

Тело горца судорожно сжималось и корчилось, как агонизирующий орган, вырванный из единого целого организма и дымящимся, горячим брошенный на снег. По нему, искрясь, пробегали потоки энергии, черными молниями ударялись о стены чаши, летели брызгами в небо, сталкиваясь друг с другом, зависали на мгновение плазмообразными сгустками, взрывались со страшной силой...

ЧТО УСЛЫШАЛ А.И.

Сопротивления, естественно, Сергей не оказывал, какое к чертям сопротивление? Даже если бы и хотел, вряд ли смог бы. Как из тумана, выплыли две милицейские фуражки, неровно покачивающиеся и быстро приближающиеся. Из-под фуражек на него в упор смотрели служебно-сосредоточенные, злые глаза.

Черт побери! Сон, что ли?! Потянуло каким-то непонятным, странным запахом — сладковатым таким, от которого в желудке что-то ворохнулось нехорошо. Он повернул голову — и отпрянул. В углу лежало что-то. Что-то бесформенное, окровавленное...

— Стой!!! Стой на месте! — Старший наряда, просунув голову в проем входа, посмотрел в угол, несколько мгновений соображал. Затем глаза его округлились, отпрянув к противоположной стене, он, задыхаясь, стал рвать из кобуры пистолет.

— Сссука!!! Выродок!!! Т-ты!!!

Второй — по всей видимости, помощник — оказался менее эмоциональным. Мимолетно бросив взгляд в угол, где ЭТО лежало, он, юзом проскользив по грязи, бросился к Сергею, выбрасывая на ходу вперед руки и сильно и точно пнул ногой в пах.

Били долго, куда попало, страшно нанося удары, возможно, хотели убить. Заметив, наконец, что он без сознания, остановились, переводя дух.

Спустя два часа, начальник УВД облисполкома давал интервью местному радио.

— Вне всякого сомнения, задержанный — тот самый маньяк, которого мы так долго не могли поймать, даже используя помощь столичных правоохранительных органов.

При задержании обнаружена сумка с инструментами, которыми он препарировал свои жертвы.

Почерк преступления характерен — адекватные ситуации встречались во всех предыдущих случаях. Кроме всего прочего, обнаружены еще очень важные улики, определенным образом характеризующие личность преступника. При обыске на квартире убийцы найдены фотографии всех его жертв, на обороте которых стоят даты совершения преступлений! Такой вот своеобразный фотодневник. Жутковатый фотодневник.

Самое странное в этой наконец-то закончившейся истории — личность преступника. Оказывается, маньяк все это время скрывался под вполне благопристойной личиной! Более того, этот монстр работал в организации, очень близкой к правоохранительным органам, — частном сыскном агентстве Старикова!

Коллеги и вообще все, кто хорошо знал этого подонка, недоумевают, так хорошо зарекомендовал он себя в повседневной жизни! Ну, чего в жизни не бывает?

Что его ожидает? Это решит суд. Но в любом случае решение будет однозначным — это ясно.

Кстати, страна должна знать своих героев! Задерживая маньяка, наши сотрудники проявили оперативность и рисковали жизнью — он ожесточенно сопротивлялся,

с ножом в руках! Пришлось проявить незаурядную смекалку и профессиональные качества. Его задержали старшина Перейнос и младший сержант Горелов. Вот про кого можно с гордостью сказать: эти люди не сидят сложа руки, они работают как надо!

Все это с удовольствием слушал А.И., стоявший в очереди на регистрацию билетов и багажа на вечерний рейс «Н... — Москва». За А.И. пристроились пятеро молодых людей крепкого телосложения, которые синхронно обмахивались газетками, неподвижно-прямо смотрели вперед себя безучастными ко всему происходящему вокруг глазами.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

— Значит, так, Андреев. Батальон твой неделю как уехал. Да-да, все туда же. Пока отдыхай, завтра утром борт туда будет, с ним и улетишь. Отпуск нормально провел? Ну и ладушки! — И, не дожидаясь ответа, командир полка, которому Иван доложил о прибытии из отпуска, уткнулся в лежавшие на столе бумаги, жестом давая понять, что разговор окончен.

На следующий день, к полудню, проболтавшись два часа в чреве транспортного самолета, Иван разминал ноги на плывущем от жары асфальте аэродромного поля.

Все оборудование «порта» составляли несколько бетонных полос, пересекавших асфальтовое море, присевшая от зноя в кусты радиолокационная будка да четыре вертолета с безжизненно повисшими лопастями.

Солнце медленно подбиралось к зениту, злобно жаря все подряд. В бездонном небе ни облачка, тишина, давящая с непривычки на перепонки. Жарища! Осенью и не пахнет — какая тут осень.

Вдалеке, сквозь синее марево величественно и грозно высились горы. Отодрав чемодан от асфальта, Иван поплелся прочь с поля, глядя через левое плечо на горный ландшафт. Эх, зараза! Опять туда, будь они прокляты!

Прибыв в комендатуру особого района, Иван, к своему вящему изумлению, обнаружил там командира батальона. Обычно тот всегда находился с основной груп-

пой действующих подразделений и всячески избегал общения с различного ранга начальниками, волей случая временно исполняющими должности в комендатурах.

— Здорово, Вань! — с удовольствием помял Ивана, по-медвежьи облапив. — Чего вылупился — не ожидал?! Теперь так. Все распоряжения получаем лично в руки, по радио ничего не передают. Какой-то спецуникальный и у них там завелся — радиоперехват идет страшный. Вся информация на встер! Ну вот и решили — черт с ним, с бензином, режим секретности дороже! Вчера вон прилетал, чтобы получить новую раскладку-меню на месяц, сегодня еще зачсм-то. Дурдом! Ладно, посиди пока здесь, я на совещание. Потом тебя на вертушке доброшу, прямо к твоим.

Вернулся он минут через двадцать, озадаченно поглядывая на Ивана. Пока шли к машине, а затем ехали по направлению к аэродрому, получился вот такой разговор:

— Ты, это... В отпуске с комдивом не встречался?

— Нет, а что? — удивился Иван.

— А вообще разговор у тебя с ним когда-нибудь был?

— Один раз, когда на должность назначили, второй — когда за организацию беспорядков в ресторане уволить хотели. Но это давно было. А что, может, меня в штаб хотят? На майора? Так я прям щас!

— Молчи, несчастный! На пенсию с роты пойдешь! Черт его знает, чего там у вас. А может, с кем поболес комдива встречался? Или лично знаком?

— Да ну, тоже скажете! — протянул Иван, грустно усмехнувшись. — Если бы я имел таких знакомых, неужели бы шарился по горам? Надо же, а! А что такое?

— Да как тебе сказать, — комбат немного задумался, как бы огоршить поощутимес, любил сильные эффекты. — В общем так. Недавно в одном местечке по эту сторону границы супротивные боевики целое село расстреляли. А там не было ни застав, ни постов — высоко очень и вообще больно точка оторвана. Рядом довольно высокая гора, перевал. Туда только из предгорья добираться часа два, то ли три. Но не это главное. С той стороны границы — прекрасный обзор, подходы — хоть батальоном наступай по фронту! Попробуй кого напротив поставь — шарахнут разок сверху и привет! Если

попрут, это хана, пока помощь подоспееет внизу. И вертушки скрытно не подвести близко — от нас к ним ландшафт снизу вверх идет, собыют, как закурить дать!

Ну вот. Ты же знаешь требование командования — стопроцентный охват всех узловых пунктов, особенно перевалов. Так вот, до этого было доложено, что соприкосновения там нет. С начальником разведки и местными властями договорились. Дескать, неприступная стена, никак не подобраться, никаких постов не надо. А когда это село расстреляли, кинаж поднялся, дескать, где же вы были, внутренние войска? Комбата оперативного, в зону ответственности батальона которого входило это злополучное местечко, чуть под суд не отдали, пока стрелочника искали. Общественность возилась — опять начали нагнетать обстановку. Ой, что тут было! Да ты, наверное, по телевизору в отпуске видел — репортаж отгрохали на полчаса.

— Ну и что дальше? — безучастно поинтересовался Иван, так, чтобы поддержать разговор.

— Да что, что? Договорились мы с местными властями — дескать, давайте пусть там стоит отряд самообороны. Чтобы не было эксцессов между нами, как говорится. Они согласились. А вот сейчас комендант района, будь он не ладен, дает команду — ставь туда свою роту, да не любую, а которой командует Андреев. Это, говорит, личное распоряжение комдива!

— Ну и что? — опять вяло вставил Иван.

— Ну как — что?! Да больно место гиблое, Вань! — Комбат сокрушенно махнул рукой, вылезая из «уазика» — они подъехали к забору аэродромного поля. — Хуже некуда! Был я там. Село как на дне ямы, если по карте посмотреть, выступ получается от нас на их территории. Со всех сторон, кроме тыла, чужая земля! А у них прекрасно оборудованные позиции, правда, неизвестно, сколько чего там. Ну как бы там ни было — хана. Вплоть до того, что подкатят два миномета с той стороны и будут долбить из-за бугра, пока не забросают вчистую. Хуже места по всей границе нет, это я тебе точно говорю.

— Ну и что? — опять туповато ввернул Иван, зевая.

— Тьфу!!! Дубина! — комбат в сердцах непечатно выругался. — Тебя что, в отпуске по тылке долбанули?! Заладил: ну и что, ну и что! Пошли садиться.

Они подошли к вертолету, пригибаясь и щуря глаза — лопасти уже молотили вовсю.

Через десять минут внизу потянулся однообразный горный ландшафт, изредка приправленный, как разбрызганными пятнами зелени, редкими рощицами.

В вертолете комбат продолжил разговор:

— Я тебя выкину, полечу к батальону — в райцентр. Там еще пересменка не кончилась, ленинградцы имущество собирают. Твои сегодня ночью должны были первый рейд делать — отменяется. Два часа на сборы, на броню и — вперед. К вечеру должен быть там, — он передал Ивану карту с обозначенными на ней маршрутом движения и пунктом новой дислокации роты, — держи. Вообще-то там только одна дорога, не заблудишься! Да, вот еще что: если не успеешь собраться за два часа, — комбат многозначительно посмотрел на Ивана, — тогда сегодня ночью ночуешь внизу, нечего делать на ночь глядя. Правда, комендант дал команду — немедленно, но это его проблемы давать такие команды. Мы не роботы, ядри его, чтобы скакать туда-сюда! Ночь больше, ночь меньше — ничего страшного, я думаю. БТРы с оперативного я сказал Ивану, чтобы не гонял почем зря — водители ненадежные, ломаются на каждом километре. Специально, я думаю. Хотя в принципе можно пацанов понять — полгода уже здесь торчат. В оперативном все же поспокойнее, встал на точке и работай. А где спецы, там и неприятности. Это дураку ясно. Вот они и шустрят. Ну, ничего, соберешь водителей, разъяснишь ситуацию, чтобы были наготове, если что — задний ход во все лопатки. Мы спецназ, а не камикадзе. Тем более там охранять нечего, пустой поселок. И вообще, что это за блажь — спецназ ставить охранять перевал и пустое село? Когда такое было? Для этого, что ли, держат? Тьфу, скотобаза! — в сердцах комбат стукнул по полевой сумке пудовым кулачищем, — в общем, смотри, самое главное — людей сохранить.

— Да чего вы меня хороните, — перебил Иван, которому недосело выслушивать наставления, — все будет в норме! И никуда я удирать не собираюсь!

— Да молчи, придурок! — сердито прикрикнул комбат. — Когда на место приедешь, по-другому запоешь! Герой! В общем, завтра буду у тебя, на месте все протолкуем. Да, кстати, я завтра вплотную не подлечу, в километре где-нибудь ниже села сяду — сам знаешь.

Одну корабль
лета. Минут ча
грунта, непе
ся в предгор

Момент
нечные луч
ности релье
Тело гор
ло излучат
которое, пе
собралось
Ошелом
Почему та
тысячекрат
рассудке?

Прошло
воздухе, с
Было тако
образом по
Себастья
шил, что г
помощь. С
вил свою
на теле Се
щился.

Ощущен
вперед кли
сразу же о
Горец п
время смот
напротив
всплески е
— Что
зами вверх
сделал?

— Я по
не жил сей
— Пом

Одну коробку навстречу вышлешь с охраной для вертолета.

Минут через двадцать шасси коснулись каменистого грунта, неподалеку от большого поселка, раскинувшегося в предгорье.

ПУТЬ СЕИДА

Момент Полной Солнечной Энергии миновал. Солнечные лучи двинулись дальше, мягко ощупывая неровности рельефа.

Тело горца, распластанное посреди чаши, продолжало излучать черное свечение мощной концентрации, которое, переливаясь мерцающим блеском, постепенно собралось плотным коконом вокруг его головы.

Ошеломленный Себастьян смотрел не отрываясь. Почему так получилось? Неужели солнечная энергия тысячекратно увеличила ненависть в этом помутненном рассудке?

Прошло немного времени — кокон постепенно таял в воздухе, сворачиваясь на нет у левого виска Сеида. Было такое впечатление, что голова Сеида каким-то образом поглощает энергию.

Себастьян переждал некоторое время. Затем он решил, что горец, очевидно, не в состоянии оказать себе помощь. Сосредоточившись, бывший штурман направил свою энергию в место самого сильного перелома на теле Сеида. И тут же, отпрянув, болезненно поморщился.

Ощущение было такое, как будто по скользящему вперед клинку кто-то ударил кувалдой — так ударил, что сразу же онемела рука, держащая клинок!

Горец пришел в себя. Он открыл глаза, некоторое время смотрел вверх, затем перевел взгляд на сидящего напротив него. К Себастьяну потянулись неровные всплески его мысленной энергии:

— Что произошло? Я видел оттуда, — он показал глазами вверх, — как ты потащил меня сюда... Зачем ты это сделал?

— Я помог тебе. Если бы я оставил тебя, ты бы уже не жил сейчас.

— Помог? Как ты помог мне? Что ты сделал?

— Я — ничего. Ты был за Гранью. Это Солнце исцелило тебя.

— Исцелило?! Ах да, исцелило. Я чувствую в себе бездну клокочущей нечеловеческой злобы. Она распирает меня изнутри, я чувствую, что скоро наступит такой момент, когда эта злоба разорвет меня на части! Что мне делать?!

— Странно... Ты в состоянии помочь себе? Я пытался полечить твои травмы, но что-то не пускает.

— Помочь себе? — Сеид как-то нехорошо усмехнулся. — Помочь себе...

Он закрыл глаза и неподвижно застыл. Внезапно по его телу зазмеились потоки энергии, перебегая постепенно с одного поврежденного участка на другой. Так продолжалось недолго — всего несколько десятков секунд.

Затем движение энергетических вихрей прекратилось. Последние сгустки, подобно молнии, вспучились большим пузырем над головой и, мягко чпокнув, брызнули в небо. Горец открыл глаза и осторожно встал, медленно поводя конечностями.

— Я в состоянии помочь своему телу, в этом нет никаких трудностей. Но то, что внутри меня... Не знаю, возможно, ты совершил ошибку, возвратив меня к жизни. Это — УЖЕ НЕ Я!

— Почему же? — удивился Себастьян. — Ты — такой, как я. Возможно, мы с тобой только одни такие в этом мире — только ты и я.

— Нет. Я не такой, как ты. Энергия твоя чиста. Она как ровный поток, струящийся по равнине. В ней нет того воплощенного безумия. Ты сын Севера, верно?

— Может быть. Предки мои вышли из Норвегии. Какое это имеет значение сейчас, после перевоплощения?

— Между нами огромная разница. В отличие от тебя природа дала мне буйный темперамент. Я и в прошлой жизни имел из-за этого немало неприятностей. Но не это главное. Когда я переступил Черту, страшная ненависть переполняла все мое существо. Дух мой не успел очиститься от нее в момент возвращения. Теперь я — живой сгусток ненависти. Напрасно ты возвратил меня к жизни. Напрасно. Я чувствую, как меня переполняет энергия страшной силы, которую необходимо каким-то образом выплеснуть! Иначе меня разорвет на куски!

Что мне дела
помоги!

Солнце до
ризонта, ярк
ров вокруг
долины с зел
лей кустарни
ное пастбищ
до овец.

Себастьян
— Я не
ствовать на
часть энерги

он указал п
Сеид ме
лении. То,
Себастьяна.

Овцы, д
вдруг с ист
остервенеле
убивая. М
восстанови
топтан и и

Горец з

— Ты
приступа!
прошла бо
ся. — Интер
нет?

— Люд
во посмо
несколько

— Ну
внимател
есть дела
раскинув

— Та
взгляд го
думал, ч

— Мо
не жаль
я не смо
дим мат
которая

Что мне делать? Если ты в силах как-то помочь мне — помоги!

Солнце довольно высоко поднялось над линией горизонта, ярко освещая окрестности. На много километров вокруг открывалась живописная панорама горной долины с зелеными пятнами альпийских лужаек, зарослей кустарника. Невдалеке, внизу, раскинулось обширное пастбище, на котором медленно передвигалось стадо овец.

Себастьян нарушил молчание:

— Я не знаю, поможет ли это. Ты можешь воздействовать на живые существа. Вот тебе случай встретить часть энергии, которая тебя переполняет. Попробуй... — он указал пальцем на стадо.

Сеид медленно перевел взгляд в указанном направлении. То, что произошло вслед за этим, поразило Себастьяна.

Овцы, до этого момента мирно щипавшие траву, вдруг с истошным блеянием бросились друг на друга, остервенело кусая, колотя копытами себе подобных, убивая. Мальчишка-пастух, который было попытался восстановить порядок, был в считанные секунды растоптан и истерзан в клочья.

Горец закрыл глаза и облегченно вздохнул.

— Ты подал хорошую идею. Это как лекарство от приступа! Сейчас мне гораздо легче, напряжение спало, прошла боль в висках, — он как-то странно усмехнулся. — Интересно, на людей ЭТО так же действует или нет?

— Люди ведь тоже животные, — Себастьян задумчиво посмотрел на Сеида, покачивая головой, — только несколько иным образом организованные.

— Ну вот что. Я должен расстаться с тобой, — горец внимательно посмотрел на своего спасителя, — у меня есть дела в этих краях. — Он указал рукой на долину, раскинувшуюся у их ног.

— Так я и предполагал, — Себастьян отвернулся, взгляд горца как-то странно жег его лицо, — сначала я думал, что мы будем вместе. Ты будешь мстить?

— Мстить? — Сеид задумался. — Нет. Сейчас мне уже не жаль тех, кто погиб. Но жить среди своего народа я не смогу. Один — тоже, я чувствую, что мне необходим материал для поглощения всплесков этой энергии, которая внутри меня. Уже сейчас я чувствую, как волна

опять поднимается внутри. Я буду там,— он опять махнул рукой в сторону долины, где располагался поселок, откуда приехали утром в его село БТРы-убийцы.— Если иначе нельзя, пусть моя энергия обрушится на тех, кто в этом виновен. Пусть страх поселится в их сердцах.

КАССИРА УБИЛИ

За несколько дней, проведенных в санчасти на положении сильно побитого, Павел потихоньку вошел в курс всех дел и особенностей лагерной жизни.

Как и предостерегал Кассир, имели место мелкие нюансы, сопряженные с грубым нарушением «понятий», а именно — недовольство некоторой части публики фактом нанесения побоев «вору».

Сначала все притихли, ожидая разборок. Немного погодя, когда таковых не последовало, возник ажиотаж вокруг нездорового вопроса: а действительно ли Кассир имеет вес? Соответствует ли его положение в обществе наличествующим силам, средствам и идеологической платформе? Нет ли в данный момент альтернативы? Как всегда в таких случаях, когда центральная власть на некоторое время хиреет, активизировались пребывавшие ранее в подполье группировки разного толка, которые начали прощупывать почву на случай возможного правительственного переворота. А вслед за этим, а точнее, наряду с этим, как следствие возникшей ситуации, разразилась скоропостижная междоусобная войнушка, несмотря на скоропалительность, весьма тяжелая по форме. На зону обрушился беспредел, криминогенная обстановка резко обострилась. Естественно, резко прореагировало начальство, усилились административные репрессии, ужесточился контроль и оперативный режим. Большая (нормальная) часть населения ИТЮ № 10 взялась за голову.

Беспредел продолжался не более трех суток. За это время зам.Главвора Заноза, хотя и с некоторым опозданием, принял необходимые меры к стабилизации.

Была проведена разъяснительная работа с идеологически зарвавшимися сезонниками. К тем, кто не пожелал сохранить приверженность консервативному курсу,

пришлось
восстанови
Сейф и Жл
Меропри
шая часть
ликом и п
того, стар
ным и до
пировки не
Как все

тишь и р
ровке.

Восстан
ное отнош
тоявшийся

Лежа н
чал испол
должен бы

роприятия
он «не мо

выразить
помотать

за, тут же
делопрое
професси

но быстр
Ворово

несла сам
тейских,
когда не

так труд
иног во
просчета

что голо
Инфо

Штуд
из перед
взят с п

казалось
этого ко
перед от
Ржав
леного,
Соленый

пришлось применить более жесткие меры. Эту часть восстановительной программы исправно выполнили Сейф и Жлоб.

Мероприятия имели успех еще и потому, что большая часть населения, вкусившая чуток беспредела, целиком и полностью поддержала консерваторов. Кроме того, старый принцип правления был однозначно ясным и довольно четким, а внезапно объявившиеся группировки не имели точной ориентации.

Как всегда после репрессий, воцарилась полоса затишья и раболепного отношения к победившей группировке.

Восстановившийся мир принес с собой более лояльное отношение зоновской администрации и вернул устойчивый десятилетиями порядок сосуществования.

Лежа на больничной койке, Павел потихонечку начал исполнять обязанности вора. Будучи Кассиром, он должен был накладывать санкции на те или иные мероприятия правящей зоновской верхушки. Не беда, что он «не мог» двигаться, — достаточно было в двух словах выразить свое мнение, или кивнуть, или отрицательно помотать головой. При нем неотлучно находился Заноза, тут же вносящий необходимые коррективы, так что делопроизводство практически не пострадало от замены профессионала дилетантом, который к тому же довольно быстро осваивал науку.

Воровская элита, собираясь к его постели на совет, несла самую разнообразную информацию о делах житейских, как правило, не терпящих отлагательства. Никогда не думал Павел в той, докассировской, жизни, что так трудно быть «вором»! Иногда решение того или иного вопроса требовало такого такта и тщательного просчета ситуации на несколько десятков ходов вперед, что голова раскалывалась.

Информации было — пропасть.

Штуцер из второго отряда утащил у Рваного колбасу из передачи, втихаря ночью жрал в сортире, где и был взят с поличным. Что такого бы? Но тут небольшая, казалось бы, заковыка. Рваный — «нетух». И как раз от этого колечка колбасы, которая к нему попала чудом, перед отбоем откусил кусок.

Ржавый обкурился взелень и публично поносил Соленого, дискредитируя его высокое звание блатного. А Солёный постеснялся пойти в отказ, не разбил, как

положено, негодяю голову табуретом — уж больно здоров хулиган! С ним как поступить?

Один хмырь из третьего отряда, вообще без «погоняла» — новоприбывший, из рэкэтиров, совсем молодой, но здоровый ужасно, увел у троих уважаемых мокрушников «петуха» и единолично им пользуется, узурпатор! Его что — тоже делать?

Или вот такая информация: Скот из четвертого. Своеобразная реликвия зоны! Осужден за групповое скотоложество, систематическое и планомерное: будучи колхозным пастухом, зверски скотоложил группу молодых, неокрепших буренок, отчего значительно упал процент удоя, колхоз регулярно недовыполнял план по молоку. А племенной бык Фристайл помер от ревности. По совокупности проходил по ст.160: нарушение ветеринарных правил, влекущее распространение эпизоотии или иные тяжелые последствия; а также по ст.98 ч.1, УК РСФСР: умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества. Скот пал жертвой похоти своей — обещал зампорору (агентурные данные), что если его переведут работать по специальности, на свиарник, он согласен впоследствии стучать всех подряд. Этого как?

Выйдя из санчасти, Павел продолжал исправно выполнять обязанности Кассира.

Вскоре его вызвали на свидание.

Комната с перегородженными ячейками, в каждой стоит табурет. Контролер подвел к свободной. Решетка, толстый плекс, отгораживающие от внешнего мира.

С той стороны сидел среднего возраста крупный мужчина довольно нестандартной внешности. Увидев Павла, долго и внимательно разглядывал его, потом покачал головой, усмехнулся. Взяли трубки.

— Поклон тебе, уважаемый... Кассир. Как поживаешь?

— Исключительно! Что нового? — Павел сосредоточенно соображал, что за тип? Хорошо, если от Кассира. А вдруг наоборот к Кассиру? А он — ни сном ни духом...

Тот, за перегородкой, быстро разрешил его сомнения.

— Кассир, здесь как? — указал пальцем на трубку. Павел неопределенно пожал плечами. Собеседник махнул рукой.

— Короче, помнишь мужика, который рванул с экс-

перимента? Павел
прячется внутренне

— Так вот, Павел
ся на зам.начальника
баешься? В сауну

Он многозначительно

— И чего Павел сглоти

как. Значит, Павел

был... Шустры

ребята Кассир

Павел, подста

сохшим от во

прямо, не миг

— Ну что Павел

не слепой слу

вающий жест.

— Вот, вот

надо, — сказал

зя, кто его зна

— Надо бы

паузы продол

ром времени

— Как жи

ресовался Па

шему: даже

Кассира, кто

Собеседни

но осмотрел

никаких вне

жик.

— Как ж

нужен, Касс

радио слуша

Настроен

Ну какое мо

полгода мар

лютно увере

лучшему ни

перимента? Павел утвердительно кивнул головой, напрягся внутренне.

— Так вот, приказал долго жить мужик тот. Нарвался на зам.начальника УВД, тот его и прихлопнул. Врубашься? В сауне это было, «Бодрость» — знаешь?

Он многозначительно посмотрел на Павла.

— И чего он в эту сауну полез?

Павел сглотнул подступивший к горлу ком. Вот оно как. Значит, нет Кассира. А ведь это он, Павел, должен был... Шустрый парень этот Краузе, ой, шустрый! А ребята Кассира, чего доброго, посчитают, что это он, Павел, подставил его. Если уже не решили. Дела! Пересохшим от волнения голосом он произнес, стараясь прямо, не мигая, в глаза смотреть сидящему напротив:

— Ну что ж... Царствие небесное рабу Божьему. Тут не слепой случай.— Собеседник Павла сделал недоумевающий жест.

— Вот, вот,— продолжал агент.— Я в курсе, кому это надо,— сказал и замолчал — больше ничего такого нельзя, кто его знает, что там за тип на прослушивании?

— Надо бы подробнее поговорить,— после минутной паузы продолжил разговор посетитель,— может, в скором времени получится.

— Как жить-то будем? — будничным тоном поинтересовался Павел, а сам напрягся, готовясь к худшему: даже если с него снимается вина за смерть Кассира, кто он такой теперь для них?!

Собеседник поднял левую бровь, еще раз внимательно осмотрел Павла, как будто прикидывая чего. Больше никаких внешних проявлений — видать серьезный мужик.

— Как жили, так и будем. Береги себя, ты нам нужен, Кассир. Обмозгуем кое-что на досуге. А ты радио слушай, почту просматривай, все будет как надо.

КАК ЭТО БЫЛО

Настроение в этот день у Кассира была прекрасное. Ну какое может быть настроение у человека, которого полгода мариновали в узилище, при этом он был абсолютно уверен, что в ближайшие десять лет ситуация к лучшему никоим образом не изменится. И вдруг! Вдруг

появляется добрый волшебник, делает широкий жест и — воля!

На завтра уже был взят билет до Симферополя, еще один рывок и все!

Два дня он отсиживался у одной из своих многочисленных подруг. На квартире, между прочим, в свое время купленной на его деньги, обставленной мебелью, купленной на его деньги, напичканной электро- и радиоаппаратурой, приобретенной на его деньги. Подруга чуть не выпала в осадок, увидев Кассира. Не спрашивая ничего, залепил рот ей поцелуем — жадным, ненасытным, дрожащими руками разрывая ажурный шелковый халатик, потащил в спальню, сдавленно рыча от изнеможения. Почти все двое суток не выпускал ее из постели — стосковался по плоти.

К исходу вторых суток, удовлетворенный, благообразный, послал хозяйку квартиры собирать совет — самых надежных.

Прибывшие были настолько ошарашены, что дара речи лишились. Думали, Кассир весточку прислал — ан сам! Долго говорили, прикидывая тщательным образом, как более лучше решить возникшие проблемы. К Кассирову избавителю прониклись безграничным уважением — это же надо, такое повернуть! Горячо поддерживали желание Пахана — достать Павла с зоны. Такой всегда пригодится, а насчет розыска — Союз большой, потеряться человеку, раз плюнуть. Но на первых порах решили пока ничего не предпринимать, а Кассиру немедленно убираться в южную резиденцию, подальше от местной административной мафии, которая на данный момент времени оказалась сильнее своих оппонентов из обычной.

Перед отъездом Кассир решил встретиться и потолковать с нужным человеком. Опальный глава подпольного бизнеса рассорился не со всеми представителями власти, как считали многие. Заместитель начальника УВД, бывший много лет у него на содержании, дававший в прежние времена кое-какую информацию, не отвернулся от него. Слишком многое их связывало. Это он спас Кассира от расстрела, рискуя своим положением.

Это был личный канал Главвора, про него никто не знал, даже приближенные. С ним-то и хотел встретиться Кассир перед отъездом. Нужно было отблагодарить

за помощь
Павла в зоне,
По телефо
для личной в
щине удалось
с глазу на гла
заповедном
доровительно

Под гром
ный центр»
бассейном, с
врачевал ду
управленческ
покрупнее п
гально работ
цен) с 9.00
красе под в
самого утра

Преиму
ния было в
но было леч
последующ
обликом п
всего.

На следу
встречу с т
зано, что н
уточнения

Подъех
вереницу а
тирку с чь
пошел выз
минуты че

— Все

Маячи
рень, связ
вел Касси
оставляли
жебную «
крепкий
мужик! Н

Через
коридор с
той жести

за помощь и прозондировать вопрос о пребывании Павла в зоне, по крайней мере в ближайшем будущем.

По телефону звонить не рискнул, послал подругу для личной встречи. После некоторых ухищрений женщине удалось встретиться с милицейским чиновником с глазу на глаз. Рандеву назначили на завтра в 21.00 в заповедном местечке на окраине города, спортивно-оздоровительном центре «Бодрость».

Под громким названием «спортивно-оздоровительный центр» искусно маскировался публичный дом с бассейном, саунами, массажем, барами. Центр усердно врачевал душевные раны местных дельцов и среднего управленческого звена. Иногда, впрочем, залетали и покрупнее птицы — так, поразмяться, порезвиться. Легально работая (несколько вяловато из-за непомерных цен) с 9.00 до 17.00, центр разворачивался во всей красе под вечер, исцеляя душевнобольных иногда до самого утра.

Преимущество этого общественно-полезного заведения было в изобилии уютных уголков, в которых можно было лечиться, не опасаясь нежелательных встреч и последующих пересудов, что для чистых и светлых обликом партвожачков и исполкомовцев было важнее всего.

На следующий день, к вечеру, Кассир отправился на встречу с тремя сопровождающими, которым было сказано, что нужно повидаться со старым знакомым, без уточнения имен и фамилий.

Подъехали к центру, осторожно миновав изрядную вереницу авто с нулями и без. Втиснули «Волгу» впри-тирку с чьим-то мерседесом. Один из сопровождающих пошел вызвать указанного Кассиром человека. Вернулся минуты через три:

— Все в норме. Вон он, у калитки.

Маячивший у калитки хлыщеватый тип — свой парень, связник, — предупредительно улыбаясь, быстро повел Кассира за угол. Проходя мимо спецпятачка, где оставляли свои машины «персоны», Кассир увидел служебную «Волгу» зам. начальника УВД. За рулем скучал крепкий парень в форме старшины милиции. Силён мужик! Не постеснялся на служебной прикатить.

Через запасной вход вошли в помещение. Узкий коридор с многочисленными поворотами привел к обитой жестью двери с номерным замком. За дверью на-

ходилась отдельный кабинет со всеми аксессуарами дворянской столовой семнадцатого века, с длинным столом из мореного дуба, высокими креслами с гербами на спинках и огромным буфетом, в необъятном чреве которого покоились фарфоровые сервизы, разнообразные стаканы, бокалы — вперемешку, без какой-либо системы. Чуть дальше, за большой двустворчатой дверью находилась комната с небольшим бассейном в полу, края которого были отделаны на метр с небольшим цветной губчатой микропоркой — хоть поперек ложись. Дверь в сауну — слева, в парилку с вениками — справа. По стенам — грубо сколоченные дубовые стеллажи, в четыре яруса заставленные разнообразными цветами в горшках, кадках и прочей таре.

— Автандил Захарыч сейчас подойдут, с заведующим беседуют. Располагайтесь пока, — хлыщеватый, раболепно изогнувшись, как-то незаметно испарился.

Недолго думая, Кассир скинул одежду и прошел в сауну. Небольшое, шитое дубом пространство, нагретое до ста градусов, ненавязчиво вобрало в себя его большой криминальный разум, расслабляя, притупляя остроту ощущений. Лежал на полке, блаженно жмурясь, оттопыривая нижнюю губу, сдувая капельки пота, нахально лезшего в глаза. Все-таки жизнь — это подарок Божий. Не надо никуда спешить, прятаться, все свои, лежи, кайфуй, времени навалом. Спасибо Пашке!

Снаружи слабо хлопнула дверь. Встрепенулся, подскочил, выпадая из сладких объятий парного морока. Фу, черт! Усмехнулся, вспомнив, что все в норме, снял с вешалки полотенце, запахнувшись, вошел в комнату.

Навстречу, утопая лакированными туфлями в мягкой резине, по бортику бассейна, заранее улыбаясь и раскинув руки для объятий, шел Автандил. В форме, при оружии, видимо, сразу с работы.

Увидев Кассира, остановился. Как-то пристально, очень пристально всмотрелся в его лицо. Левая рука поднялась к лицу — потрогал себя под носом, там, где обычно растут усы. Улыбка сразу же пропала, глаза сделались как будто стеклянные. Что это с ним? Каким-то механическим движением Автандил достал пистолет из белой лакированной оперативки, из-под рубашки передернул затвор, наставил на Кассира.

— Эй, парень! Ты кончай так шутить! — нервически усмехнулся Кассир, наблюдая, как зрачок ствола подни-

мается на угрозу
напряженно сжат
средней фалангой
— Э-э! Ты что
и удар кувалдой

Вечерело. Зву
тельнее, длинне
скатываясь вниз
та в суматошн
стекала в ущель
того небогатой

Как обычно
перекинуться в
лась. Просадив
могание, покин
по лагерю, реш
делать было бо
вые несли служ
мали, что нака
будь другое на
с дальней точ
по-прежнему п
го не предпри
После карател
перевале, сосре
Три сотни чел
81-мм мином
седей.

Все говори
новения будет
А в этом случ
дело воевать
структурой пр
разделением.

Кроме того
лось, будет р
нального кон
войсками под
ческой точки

мается на уровень переносицы. Как начинает движение напряженно сжатый указательный палец правой руки, средней фалангой давящий на спусковой крючок.

— Э-э! Ты что, шутку...— БАХ!!! — Красная вспышка и удар кувалдой в голову.

МЕСТЬ

Вечерело. Звуки становились протяжнее, продолжительнее, длиннее становились тени. Солнце, медленно скатываясь вниз, окрасило искаженную линию горизонта в суматошный пурпур. Дневная жара постепенно стекала в ущелье, унося с собой последние краски и без того небогатой цветами серой горной долины.

Как обычно, под вечер собрались в компашку — перекинуться в секу. В этот вечер игра что-то не клеилась. Просадив сотни две, Артур, сославшись на недомогание, покинул картежников. Послonyaвшись без дела по лагерю, решил перед сном проверить посты — благо делать было больше нечего. Изменений не было, часовые несли службу бдительно, так как прекрасно понимали, что наказанием за сон на посту либо какое-нибудь другое нарушение службы будет смерть. Дозорные с дальней точки доложили, что село по ту сторону по-прежнему пусто. Странно, соседи до сих пор ничего не предприняли в ответ. Может, не оклемались пока? После карательной акции в селе противника здесь, на перевале, сосредоточили довольно внушительные силы. Три сотни человек, десять бронетранспортеров, десяток 81-мм минометов. Ожидали контрмер со стороны соседей.

Все говорило за то, что на данном пункте соприкосновения будет стоять какая-нибудь войсковая единица. А в этом случае положение здорово осложнится. Одно дело воевать с отрядом самообороны, неофициальной структурой противостояния, другое — с регулярным подразделением.

Кроме того, в первом случае все, что бы ни случилось, будет расцениваться как проявление межнационального конфликта, тогда как при столкновении с войсками поднимется ужасный шум и с чисто политической точки зрения, и вообще шум.

В прошлом году, например, в Казахском районе повели себя немного некорректно с войсками. Вот это был шум! Артур каждый раз с содроганием вспоминал события того злосчастного дня: заходящие на боевой разворот вертолеты, вспышки лежащих в шахматном порядке ракет, ужасные разрывы, а потом — выжженная на несколько сантиметров вглубь земля и в некоторых местах, как головешки, рассыпающиеся при прикосновении в прах, обугленные останки тех, кто только что шел рядом, пьяно крича и поливая от живота свинцом, чувствуя себя в безопасности за поднятыми вверх кузовами самосвалов с наваренными листами железа...

Ничего, все идет к тому, что вскоре войска выведут из зоны конфликта. Политическая обстановка, как не крути. Тогда держитесь, соседи!

Артур представил себе, чего бы он наворочал, если бы кто-нибудь по мановению волшебного жезла, одним махом вдруг убрал бы все войска, находящиеся в пограничной полосе. Пока соседи соберутся, пока создадут регулярные силы, способные противостоять... Одним батальоном — ну, немного минометов впридачу. Неплохо было бы, конечно, несколько автоматических гранатометов! Ну, лиха беда начало. Мечтать, конечно, не вредно.

Он не был по своей натуре жестоким и безжалостным. В минуты, когда он оставался наедине со своей душой, беспощадно обугленной войной, раскаяние — либо что-то очень похожее на это чувство — одолевало его. И за то, что его люди творили в других селах по ту сторону границы. И за то, что он сделал в селе Сеида, своего бывшего кровного брата.

Бывшего. Бывшего друга. Пожалуй, не было на этой земле человека, более близкого Артуру, чем Сеид. По духу, по сходству мышления. Зачастую бывает так, что родные близки нам лишь потому, что они одной с нами крови, потому, что существует такое понятие, как родственные узы, Сеид был для Артура более чем брат. Он был как бы часть его самого, лучшая часть. Сколько себя помнил Артур, так было. И вот эту часть у него отняли. Нет, не нарушилось равновесие поначалу — они прекрасно существовали вдали друг от друга, пребывая примерно в равных условиях. Как и раньше, когда два маленьких пацана все лето напролет носились друг за другом по маленькому селу, расположенному высоко в горах.

Но вот кто
разорвалось,
шийся край о
упал на грязн
ноги. В этом
его отца и же

Каждый ра
ный гнев ком
ной ярости на
нуты он стан

Эх отец, с
вышло! Люди
дела большой

Уже давно
щадах и аэр
панического
бумаги и выб
хорошего кач
мов, где непр
крепкие воло

Здесь все
раньше. До т
С опаской,
другу в гости
мелкие дела
древние люди
и деды так ж

Приезжал
бородатые па
ляли оружие
рались к гр
селу. То же
В тот ден
на день рож
му горцу. В
мать.

В это вре
охранял инт
Отец с К
чевать. А н
обычно, пос
О Боже,
земли?! Мо
гое место и

Но вот кто-то рубанул по полотну, и оно с треском разорвалось, оставив висеть неровный разлохматившийся край одного куска, в то время как другой кусок упал на грязную землю и сго тут же затоптали чьи-то ноги. В этом же селе меньше даже чем год назад убили его отца и жену — молодую хохотушку Карину.

Каждый раз, когда Артур вспоминал об этом, страшный гнев комком поднимался к горлу, слезы бессильной ярости наворачивались на его глаза — в такие минуты он становился невменяемым.

Эх отец, старый недалекий человек... Как глупо все вышло! Люди их сел, старые люди, не вмешивались в дела большой политики.

Уже давно бушевали страсти — там, внизу, на площадях и аэродромах, уже в тиши кабинетов волны панического страха сдували со стола плохо лежащие бумаги и выбрасывали их в окно на ровно положенный, хорошего качества асфальт возле номенклатурных домов, где непримиримо вцепились друг другу в глотку крепкие волосатые лапы дельцов от национализма.

Здесь все было иначе — практически так же, как и раньше. До того, как кто-то умный придумал границу. С опаской, оглядываясь, потихоньку ходили друг к другу в гости, помогали убирать траву, фрукты, делать мелкие дела по хозяйству. Что с них возьмешь, старые древние люди, они там жили десятилетиями, их отцы и деды так жили!

Приезжали иногда под вечер из предгорья молодые бородатые парни, подвыпившие, воинственные, расчехляли оружие, крадучись, с таинственным видом подбирались к границе, ночью стреляли по супротивному селу. То же самое следовало и с другой стороны.

В тот день отец отправился в село на той стороне, на день рождения к Фуаду — такому же, как и он, старому горцу. Взял с собой Карину, как ни отговаривала мать.

В это время Артур еще служил в Советской Армии, охранял интересы великого государства в Германии.

Отец с Кариной засиделись допоздна, остались ночевать. А ночью приехали парни из предгорья, как обычно, пострелять по супротивному селу.

О Боже, ну почему ты отвернулся от этого клочка земли?! Может быть, ты смотришь куда-нибудь в другое место и не замечаешь, что происходит?

Один из тех, кто насиловал его жену, был младшим братом Сеида. Утром тела отца и Карины нашли на границе.

Артур размышлял, сидя на плоском выступе скалы. Прямо перед ним, как на ладони, несколько ниже, словно на дне чаши лежало безжизненное село соседей.

Ни одного огонька. Мертвенный свет восходящей луны оттенял пятна вагончиков, мазанок, если при-смотреться получше, до рези в глазах, линии жилищ сливались в одно продолговатое пятно, похожее на труп, подоткнувший колени к груди. Или нет — на женщину, подогнувшую колени. Как это делала жена Сеида. Это сделал он, он, Артур. Там убили его отца и жену. Он убил старейшину рода Сеида, поскольку отца у него нет. Его люди изнасиловали жену Сеида, на глазах у всего села. Они не стали убивать ее — исход был предрешен заранее. Ни одна нормальная женщина, тем более мусульманка, не будет жить после ТАКОГО.

Таким образом, равновесие было восстановлено. Он и Сеид оказались в равных условиях.

В ущелье, тоскливо начиная с самой низкой ноты и постепенно забираясь вверх, раздался вой. Артур зябко поежился. Скоро осень. Волки перебираются поближе к пастбищам. Хотя нет, вроде бы рановато. Черт его знает, может быть, будет ранняя осень? Передернул плечами от какого-то неприятного чувства, внезапно нахлынувшего. Загадочны ночи в горах, полны необъяснимой жути, тревоги.

Вой, добравшись до визга, внезапно оборвался. Повисла гнетущая тишина, Артур нервно усмехнулся, снимая автомат с предохранителя.

Ерунда какая! Если бы кому из его боевиков рассказать, что их бесстрашный командир панически боится волков, они бы здорово посмеялись. А тем не менее это было именно так. Артур смертельно боялся волков. Точнее, даже не волков — это был мистический страх перед потусторонним, необъяснимым, во что трудно поверить, пока не столкнешься сам.

Когда он еще был малышом, отец взял его с собой на дальнее пастбище, расположенное высоко в горах. Стояла поздняя осень, все отары уже давно перекочевали на зимовки — многие пастухи боялись, что обрушатся внезапные снегопады, как это часто бывает высоко в горах, или затянувшееся ненастье отрежет путь к пред-

горьям. И
когда рас
нообразн
отец заво
сто-белая
следнего
мовье, он
ный глуб
неделе ра
шерсть и
многие о
что они
осенние р

В одну
стая. Сер
походя за

Стадо,
костра, к
ногам от
недопеска

Отец и
заряда, п
стил руки

Такое
человека,
спустя го
Артур нес
вотный ст
ные воспо
серые тен
огоньки г

Вой оп
раз ближе
сколько н
сидел Арт

Команд
ту, в ту с
стало жут
нул голову
шо различ
разные зв
ный говор

Да ну,
пост, четв

горьям. Ночи становились длиннее, иногда под утро, когда рассвет начинал раскрашивать все вокруг в разнообразные оттенки алого цвета, на кошме, в которую отец заворачивал Артура на ночь, проступала серебристо-белая изморозь. Отец Артура всегда до самого последнего момента оттягивал возвращение отары на зимовье, он всегда говорил, что каждый день, проведенный глубокой осенью на пастбище, будет потом равен неделе ранней весной, когда ввалятся овечьи бока и шерсть начнет отставать комками, до самой кожи, и многие овцы, из тех, кому не хватает тех витаминов, что они могли бы получить именно в эти последние осенние рискованные деньки, околеют.

В одну из таких поздних ночей на отару набросилась стая. Серые тени мчались кругами, отбивая по одной, походя задирая и унося овец во тьму.

Стадо, истошно блея, жалось к крохотному клочку костра, к человеку. Жалобно скулили, прижимаясь к ногам отца, две здоровенные кавказские овчарки, два недопеска, впервые в жизни почуявшие запах волков.

Отец истошно кричал, выпалил из двустволки оба заряда, потом видя тщетность усилий, бессильно опустил руки и заплакал.

Такое случалось очень редко, чтобы в присутствии человека, открыто волки напали на стадо. И потом, спустя годы, каждый раз вспоминая об этой ночи, Артур несколько содрогался; внезапно возникший животный страх сохранился в памяти на всю жизнь, смутные воспоминания чего-то запредельного — призрачные серые тени, оскаленные пасти и мерцающие во тьме огоньки глаз...

Вой опять возник в пропасти ночной мглы — на этот раз ближе. Было такое впечатление, что волк или несколько неотвратно приближается к тому месту, где сидел Артур.

Командир боевиков встал, оцепенело глядя в темноту, в ту сторону, откуда приближался звук. Ему вдруг стало жутко, зябко как-то. Страхнув оцепенение, повернул голову к огням своего лагеря, прислушался — хорошо различимые в ночной тиши, доносились разнообразные звуки нормальной мирной жизни, приглушенный говор, смех, позвякивание посуды.

Да ну, что за чертовщина! Слева, метрах в двустах — пост, четверо вооруженных до зубов парней. Примерно

на таком же расстоянии справа — еще один. Если что, достаточно не то что вскрикнуть — обычным голосом позвать.

Поста нет только со стороны ущелья, из которого доносится этот ужасный вой. Там охранять нечего, со дна ущелья может подняться только человек в альпинистском снаряжении, имеющий отменные навыки. Или горный козел при большом напряжении сил и сноровки. Хотя зачем козлу карабкаться по почти отвесной скале туда, где давно обитают люди?

Правда, в стене ущелья есть небольшая дыра — русло засыхающего к осени родника, но по нему с большим трудом пролезет только ребенок.

Артур вспомнил, как они с Сеидом, будучи мальчишками лет десяти, на спор спускались в ущелье по этому руслу, обдирая плечи, преодолевая панический страх — вот-вот стенки русла сомкнутся и навсегда задавят в своих каменных объятиях!

Да, там пролезть может только ребенок, или собака, или... волк. Вой раздался в третий раз, на этот раз совсем близко. Ужас ледяной рукой сдавил сердце Артура. Он хотел было бежать и не мог — ноги внезапно сделались ватными. Хотел вскрикнуть и не мог — голос отказывался повиноваться рассудку.

Луна, минуту назад скрытая мгlistым облаком, показалась вновь, осветив окрестности мерцающим безжизненным светом.

Внезапно какое-то чувство, как удар, заставило Артура бросить взгляд вправо.

На утесе, возвышающемся над ущельем, совсем близко, метрах в трехстах, стояла неподвижная черная фигура.

О Господи! Холодный могильный ужас исходил от этой фигуры, ощутимые волны ненависти захлестывали все существо Артура, концентрированным потоком изливаясь по направлению от утеса к тому месту, где находился Артур.

Бешено зашлось сердце, кровь бросилась в голову, вены на лбу начали вздуваться. Вдруг стало нестерпимо жарко, вместе с тем он чувствовал, что его трясет от озноба.

Страшным усилием воли Артур отвел от ЭТОГО взгляд и увидел... То, что командир боевиков увидел перед собой, уже не могло напугать его, только мутне-

ющее созна
стелясь по
серые тени.
Безжалос
щие всепогл
ронный фан
И после
щее созна
пасти.

А.И. не
непрерывн
сом ожида
ние на стр
Придя
анс связи
ем узнал,
обратно.

Назавт
нете, безб
товского

— Зна
ной части
кабинету,
желтого д
надобност
итог вот
Возможно
местечка,
чит, оказ
пор, меж
помрет в
главное —
ции — чes
приложу,
ном заве
Тепер
ятия. Мь
— Мь
столько

ющее сознание зафиксировало: навстречу, бесшумно стелясь по редкой траве, стремительно неслись три серые тени.

Безжалостные фосфоресцирующие глаза, испускающие всепоглощающую энергию ненависти, как потусторонний фантом из Бездны.

И последнее, что выхватило из Этой жизни угасающее сознание,— страшная улыбка клыкастой белозубой пасти.

ПОРА В ГОРЫ

А.И. недолго отирался у швейцарского посольства, непрерывно потея от волнения и с томительным ужасом ожидая, что кто-нибудь из граждан обратит внимание на странное поведение его подконтрольных.

Придя в очередной раз на переговорный пункт (сеанс связи проходил ежедневно в 18.00), он с ликованием узнал, что «пациент скончался» и можно лететь обратно.

Назавтра в полдень он уже сидел у патрона в кабинете, безбоязненно вовсю дымя привозной «Явой» дукатовского производства.

— Значит так, можно подвести итог предварительной части,— Краузе сиял ликованием, расхаживая по кабинету, блаженно жмурился и в целом походил на желтого довольного котенка, которому скормили за ненадобностью грамм триста радиоактивной сметаны.— А итог вот такой: племянничек ваш благополучно укатил. Возможно, он уже торчит неподалеку от нужного нам местечка,— я об этом позаботился. Далее. Сыщик, значит, оказался маньяком — ах, он нехороший! И до сих пор, между прочим, неважно себя чувствует. Может, помрет в одночасье. Ну, да это неважно, впрочем. Самое главное — нашего Бонда уколошил подполковник милиции — честь и хвала! Правда, я до сих пор ума не приложу, какого черта он там делал, в этом сомнительном заведении?!

Теперь можно заняться и главной частью мероприятия. Мы едем в горы, уважаемый коллега.

— МЫ!!! — А.И. был даже слегка ошарашен, настолько неожиданно прозвучало заявление Краузе, к

которому он давно не без душевного трепета готовился.— То есть вы хотите сказать — вы едете! Я-то там зачем?!

Краузе, благодушно усмехаясь, потеревил желтый подбородок:

— Мы — это мы! Вы и я. Вы будете нужны мне там.

— Но зачем?! — продолжал настойчиво отпираться А.И., — кому-то же нужно здесь присматривать, ну, за лабораторией хотя бы! Контролировать.

— Ничего контролировать не надо! — Краузе помаленьку начал сердиться. — Все прекрасно обойдется без вас. Потом, неужели вы не понимаете, что там решается наше будущее? Ну-ка представьте, через неделю у вас будет аппарат?

А.И. удрученно молчал. Ехать туда, где нужно рисковать, а тем более если там стреляют, он не желал ни в коем случае. Он очень ценил свою жизнь. Кроме того, он не болел великодержавной идеей, которой был одержим Краузе. Жизнь, которой он жил сейчас — в свое удовольствие, бездумно, имея всемогущего патрона, который исполнял любые прихоти своего коллеги, — его вполне устраивала. Он с самого начала их совместной деятельности боялся, что миг осуществления великой идеи когда-нибудь наступит. И вот он наступил.

— Далее, — продолжал Краузе, — подумайте о том, что нас всего двое. Моя могущественная организация — это я сам. Вы понимаете? Мне тяжело будет там одному управлять двумя десятками людей, находящихся под командой. Поэтому вы мне и необходимы. Я повторяю, моя организация — это вы и я. Остальные, как выражается ваш племянник, зомби или психи, над которыми мы экспериментируем.

— Вы сказали два десятка человек? — отреагировал А.И.. — Это что же, выходит, мы туда отправимся не одни?

В глазах Краузе загорелись игривые огоньки.

— А вы вообще как себе представляете это мероприятие?

— Ну как? — неуверенно пробормотал А.И., — приедем туда, дадим команду Ивану очистить проход. Ну... Потом поднимемся наверх и заберем ящик.

Его измышления прервал приступ смеха патрона.

Немного
сурово посмот
— Да вы
С кем я св
слегка порас
восхождения
снаряжение
добятся ли
вбивать кр
лучи под ко
мые действи
будут срыва
опасных уча
Кроме т
за границе
племянник
возразите,
стороной
боя? Можн
его нет. К
а в Баку
удивленно
не так ли
Кстати
ните, Кра
тый лист
зять всяч
буду про
словом н
территор
А.И.,
да-то из
горного
ческих ф
— Чт
Крау
— Эт
 разрабо
открыт
в их ед
— И
А.И.— Е
работой
Крау

Немного посмеявшись, Краузе сразу посерьезнел и сурово посмотрел на А.И.

— Да вы идеалист, друг мой, если не сказать хуже! С кем я связался! Ну посмотрите, неужели нельзя слегка пораскинуть мозгами? Начнем с того, что для восхождения понадобятся первоклассное альпинистское снаряжение и много часов напряженной работы. Понадобятся лишние люди, которые будут идти впереди, вбивать крюки, тянуть канаты, тащить снаряжение. Будучи под командой, они четко выполнят все необходимые действия, но, неумелые в преодолении высот, они будут срываться, падать, лететь в пропасть на особо опасных участках.

Кроме того, там, очевидно, будет бой — гора стоит за границей и просто так нас туда не пустят. Ваш племянник будет нас прикрывать. Вы, может быть, возразите, что можно договориться с противоположной стороной и спокойно заниматься делом безо всякого боя? Можно, но... Это займет много времени. А у нас его нет. Кроме того, у меня нет контакта с Ереваном, а в Баку у нас есть свои люди. Не смотрите так удивленно, вам не обязательно знать каждый мой шаг, не так ли?

Кстати, сегодня утром я получил факс. Вот, взгляните, Краузе взял со стола и протянул А. И. глянцеви-тый лист с красным заголовком.— Они обещают оказать всяческое содействие в исследованиях, которые я буду проводить в горах Нахичевани. Естественно, я ни словом не упомянул, что собираюсь штурмовать пик на территории Армении.

А.И., пробегая взглядом текст, выхватил кусок откуда-то из середины:«...изучения механизма воздействия горного комплекса на восстановление психофизиологических функций после тяжелых форм амнезии...»

— Что за ересь? — удивленно пробормотал он.

Краузе торжествующе забрал факс.

— Это реакция АН АЗССР на просьбу помочь мне в разработке диссертации, с условием, что все детали открытия, коль скоро таковое подтвердится, я передам в их единоличное пользование.

— И что же это за открытие? — недоуменно спросил А.И.— Вы что же, ко всему прочему еще и научной работой занимаетесь?

Краузе поморщился.

— Представьте себе. А открытие — это так... В общем, суть диссертации такова: больные психи идеально поправляются в высокогорных условиях. Просто и ненакладно, верно? Хотя какая разница? В горах, в лесу, в подвале — горбатого могила исправит!

Но факт остается фактом — клюнули! Обещают всяческое вспомоществование и альпинистское снаряжение. И полную свободу действий, а также содействие администрации на маршруте движения экспедиции.

А.И. взирал на патрона с изрядной долей восхищения, однако что-то все же несколько настораживало его.

— А вы уверены, что это не подвох? — Он показал глазами на факс.

— Абсолютно! Да и с какой стати?

А.И. неопределенно пожал плечами.

Неужели в АН Азербайджана не нашлось ни одного здравомыслящего, который мог бы усомниться?

— Ну, дорогой мой, вы многого хотите от них! — усмехаясь, перебил Краузе. — Это же советские ученые! И не просто ученые, а руководство Академии! Номенклату-ра! — с удовольствием протянул Краузе, так ему внезапно понравилось это сочетание, он даже глаза закатил. — А я все-таки ученый международного класса, хотя и непризнанный. Я в свое время окончил один из самых престижных европейских университетов, кроме того, имею практический опыт, да такой, какой никому из них и не снился! Знаете, если бы я написал диссертацию о пагубном воздействии гомосексуализма на чугуно-литейное производство, и то бы прокатило! А тут — воздействие гор. О! ИХ гор — вы понимаете?! Уникальных и единственных в своем роде. А вы говорите, кто-нибудь усомнится. Не дадут! — Краузе немного помолчал, довольный собой и тем, что настырный обычно партнер на этот раз не перечит.

— Вы можете идти. Вы в отпуске еще две недели?

— Немного меньше, — А.И. встал и направился к двери. — Если понадобится, я могу продлить.

— Нет необходимости. Я думаю, мы управимся за это время. А там, глядишь, вам незачем будет возвращаться на работу, — Краузе игриво подмигнул, сморщив физиономию в отвратной гримасе. — Устраивайте свои дела, вылетаем завтра полуденным рейсом.

Вопрос, с
Совета, треб
Давно о
вживания в
агента с ос
Между т
редал сведе
подтвержде
среду, ниче
корреспонд
тилась без
ностями. М
ший до то
там может
После
что в быв
пертов.

Были
ленные, в
золота. З
стков раб
тщательн
документ
настоящи
опасного

Обыч
вились
постоян
ет бдите
случае
щую п
центр, м
было о

В к
десято

Все
нервоз
качест
нейши
необх
лом р
И

ЗАБРОС ГРУППЫ ИНТЕРПОЛА

Вопрос, стоящий на повестке дня Координационного Совета, требовал немедленного разрешения.

Давно окончились все сроки, установленные для вживания в обстановку и для первичного донесения агента с особыми полномочиями.

Между тем корреспондент из Москвы, который передал сведения о местонахождении Краузе, а позднее — подтверждение о нормальном ходе внедрения агента в среду, ничего нового не сообщил. А чуть позже тот же корреспондент дал понять, что связь с агентом прекратилась без каких-либо причин! Это уже пахло неприятностями. Может быть, забарахлил канал связи, работавший до того бесперебойно. А может, черт его знает, что там может быть, — бывший Союз...

После непродолжительных дебатов сошлись на том, что в бывший Союз необходимо отправить группу экспертов.

Были нужны специалисты разносторонне подготовленные, высокой квалификации, которые всюду на вес золота. Значит, надо снимать людей с важнейших участков работы, оголять фронт, делать перегруппировку тщательно налаженного хозяйства, готовить липовые документы, которые ничем не должны отличаться от настоящих, подбирать легенды, изыскивать пути безопасного просачивания в Союз.

Обычно такие операции, особенно групповые, готовились очень долго и тщательно даже в Европе, где постоянная миграция иностранцев несколько притупляет бдительность местных служб безопасности. В данном случае совершенно не было времени на соответствующую подготовку. А ведь район действий — областной центр, где каждый третий знаком с четвертым. Ньюансов было очень, очень много.

В конце концов группа была готова. На все ушло с десяток дней.

Все делалось в страшной спешке и довольно-таки нервной обстановке, которая никак не способствовала качеству работы. Кроме всего прочего, оголение важнейших участков вызвало серьезные проблемы, которые необходимо было тут же, параллельно с основным делом решать.

И вот — все готово.

Задача группы — проникнуть в город Н..., выяснить судьбу спецарента и действовать далее по одному из двух вариантов.

В первом случае, если агент каким-то образом не поладил с законом и в данный момент его свобода ограничена, достать его любыми способами и действовать под его руководством. Без него группе там делать нечего. Каждый из группы — прекрасный тактик, но в вопросах стратегии уступал по всем параметрам супер-агенту.

Во втором случае, если агент «выбыл», группе предписывалось просто собрать как можно больше материалов о Краузе и убыть обратно. Затем планировалось поднять шумиху в прессе вокруг факта пребывания Краузе в Союзе. Этого не делали раньше, надеясь, как говорится, взять тепленьким.

Естественно, в этом случае он затаится и ляжет на дно. Но активную деятельность на время прекратит, что и требовалось, чтобы тщательно проработать еще один вариант, похожий на первый.

Третьего случая не предусматривалось — его просто не могло быть ни при каких обстоятельствах.

МЕСТЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Новость всполошила весь лагерь. Командир отряда был найден мертвым на рассвете в промежутке между первым и вторым постом. Но в каком виде!

Тело его было изодрано в клочья, а голова — отгрызана! Именно отгрызана, а не отрезана или отделена каким-нибудь иным способом.

В том, что это сделали волки, ни у кого не возникало сомнений. Слишком характерен способ совершения. Кроме того, часовые показали, что несколько раз слышали вой со стороны ущелья. Причем, в последний раз настолько близко, что, как они признались, на некоторое время всем стало жутковато.

Это было вполне понятно. Но как осмелились волки напасть на человека, тем более возле села? Почему такой храбрый мужчина, полный сил и сноровки, дал застать себя врасплох? Почему он не кричал, не стрелял, в конце концов не звал на помощь? Часовые

утверждали, что слышно никаких втихую перекусали? Как повлияли? Весь день присыпали и так нений никто да мистикой.

Как говорит погибшего Арта Чистили оружие приемы руко уже с утра из с просьбой об ной жизнью.

Наступил безлунный мр го-то ожидали часы, переру прошла спок

А утром и мчался на « данный мом органами са пятого на де рились кошм

В полно овец, голов разнесся в трех собак на своем пу

Но это н перепутанн выбегали ср ны обезуме лась стоя в переглянули дей, нанося

Самое суматохе м юся на хо человека.

Его в т

утверждали, что на протяжении всей ночи не было слышно никакого шума! Это что же выходит, волки втихаря перекусили командиром прямо возле постов, взявшись неизвестно откуда, а потом спокойно куда-то слиняли? Как под землю провалились!

Весь день прошел в разговорах о случившемся. Обсасывали и так и эдак. Каких-нибудь толковых объяснений никто дать не мог. Сильно это дело пахло мистикой.

Как говорится, свято место пусто не бывает. Вместо погибшего Артура командиром стал его заместитель. Чистили оружие, несли службу на постах, отрабатывали приемы рукопашного боя, кто-то шатался по лагерю, уже с утра изрядно загрузившись и приставая ко всем с просьбой объяснить случившееся. Лагерь жил обычной жизнью.

Наступил вечер, который принес сумерки, а затем и безлунный мрак — небо к вечеру затянуло тучами. Чего-то ожидали, томительно-нервно поглядывали на часы, переругивались из-за пустяков. Ночь, однако, прошла спокойно.

А утром из поселка, расположенного в долине, примчался на «уазике» бывший председатель колхоза — в данный момент колхоз был ликвидирован местными органами самоуправления. Запинаясь, перескакивая с пятого на десятое, он рассказал, что ночью у них творились кошмарные вещи...

В полночь, одержимая неведомой силой, отара овец, голов этак в триста, внезапно взбесилась и, разнеся в щепки загон, затоптала двух пастухов и трех собак и затем понеслась в поселок, сметая все на своем пути.

Но это не все! Когда бойня была в самом разгаре, — перепуганные люди, разбуженные страшным шумом, выбегали среди ночи на улицу и многие были затоптаны обезумевшим стадом, — откуда ни возмись появилась стая волков. В этом месте рассказа боевики хмуро переглянулись. Волки понеслись по улицам, кусая людей, нанося им страшные раны, загрызая насмерть.

Самое странное, что при творившейся на улице суматохе многие обратили внимание на возвышавшуюся на холме несколько поодаль от поселка фигуру человека.

Его в такой момент вряд ли кто бы заметил. Если

бы... если бы это был просто ЧЕЛОВЕК. Те, кто ЕГО видел, утверждают, что в нем было нечто ТАКОЕ... В общем, непонятно что.

В поселке есть убитые и очень много раненых. Люди просят бойцов для оказания помощи и охраны поселка. Они ужасно перепуганы.

Вразумительного объяснения никто не находил. Они были образованные люди и свято верили, что человек все делает своими руками — судьбу, политику, историю. Не беда, что руки эти подчас бывают не особенно чистыми. В разум стихии никто не верил.

Решено было выделить для охраны поселка тридцать боевиков, больше дать было нельзя. Погрузив боевиков на ЗИЛ, бывший председатель укатил обратно в долину, пообещав информировать об изменениях ситуации.

Лагерь был охвачен глубоким раздумьем, которое с приближением вечера сменилось какой-то вялой нервозностью, раздражительностью. Разговоры сами по себе прекратились, впечатление было такое, что грядет нечто.

Когда солнце коснулось горизонта, общеподавленное состояние усугубилось. Закат, нехотя выплеснувший багрово-красные отблески, окровавившие ландшафт, казался зловещим, мрачно предрекающим какую-то пакость на грани запредельного.

Принимались кое-какие меры, казалось бы, незначительные, однако свидетельствующие о деловых качествах нового командира. Было решено усилить имеющиеся посты вдвое и поставить два дополнительных — со стороны ущелья, на небольшом удалении друг от друга. Кроме того, на единственной пригодной для передвижения дороге были выставлены два БТРа.

СОЛНЦЕ УТОНУЛО. Сумерки еще некоторое время цеплялись за неровности гористой местности, обдирая в кровь последние пучки света. Немного погодя и их утащило в ущелье, и в горах воцарился мрак, изредка прерываемый выплесками мертвенно-бледного сияния луны.

В лагере никто не спал. Сосредоточенно курили, нехотя перекидываясь ничего не значащими фразами. Томительно летело время. Пространство над лагерем было, как огромный конденсатор, накапливавший потенциал нервозности.

Около полу
ленный крик:
— ЭТО ОН
Взоры час
чимая в лун
фигура. На с
вать. Затем,
рядочный ог
Луна впр
погрузилось
торое время
не было.
Со всех с
ли, пригиба
несколько ра
лениями, хв
Стрельба
придали уве
— Может
— Вряд
— Да бл
— А я ка
— Надо
— Да ну
вольствие!
— А мь
отвечаю!
Некотор
что кто-то
рассудка!
Понемн
успокоилс
Ночь
ключья лун
спеша про
рассвету.
Команд
толкнул в
нуться на
лось. Стра
приказ, за
де с оруж
спросонья
сдавать на

Около полуночи на первом посту послышался сдавленный крик:

— ЭТО ОН!!! Там, над ущельем!

Взоры часовых обратились к утесу. Хорошо различимая в лунном свете, там стояла неподвижная черная фигура. На секунду все потеряли способность действовать. Затем, не сговариваясь, оба поста открыли беспорядочный огонь.

Луна впрыгнула в набежавшее облако, все опять погрузилось в непроглядный мрак. Когда спустя некоторое время она появилась вновь, фигуры на утесе уже не было.

Со всех сторон к постам бежали боевики — как учили, пригибаясь, перебежками. Выяснили, в чем дело, несколько расслабились. Спрашивали, делились впечатлениями, хвалились. Кто-то нервно смеялся.

Стрельба и исчезновение фигуры подбодрили всех, придали уверенность.

— Может, срезали?

— Вряд ли! В темноте?

— Да близко же! Наверное, замочили!

— А я как раз целился. Точно попал! Сто процентов!

— Надо будет утром съездить посмотреть.

— Да ну, тащиться туда! Полдня потерять, вот удовольствие!

— А мы как лупанули, смотрю, упал. Точно упал, отвечаю!

Некоторые вообще очень сильно сомневались в том, что кто-то там был. Фантазия нагруженного ожиданием рассудка!

Понемногу возбуждение улеглось. Лагерь постепенно успокоился.

Ночь тихо струилась мутной рекой, утаскивая ключья лунного мрака в преисподнюю, убаюкивая... Не спеша протекли несколько часов. Время близилось к рассвету.

Командир отряда внезапно проснулся, как будто кто толкнул в бок. Огляделся по сторонам, хотел перевернуться на другой бок и продолжать дальше, не получилось. Странное чувство, похожее на исходящий извне приказ, заставило встать с топчана, подойти к пирамиде с оружием. Стал протирать глаза, трясая головой спросонья. Немного сдавило сердце, сжало грудь. Мотор сдавать начинает? Вроде бы рановато!

На секунду отпустившее чувство опять, толчком в висок, заставило взять автомат и выйти на улицу.

Медленно, спотыкаясь, пошел между построек, стараясь дышать осторожнее, чтобы не сильно распирало диафрагму. Добрался до окраины лагеря.

И тут что-то страшно стало распирать изнутри, бешено застучало в висках, кровь мгновенно прилила к голове. Вены на лбу вздулись.

Из-за крайней мазанки молча шагнул... **ЧЕРНЫЙ, ВЫСОКИЙ. ОН!** Да, это был именно ОН, вне всякого сомнения — командир просто почувствовал это, когда сознание его, раскалываясь на грани дремучего бреда, заставило поднять автомат.

Командир чувствовал, что его буквально разрывает на две части — одна часть заставила снять автомат с предохранителя и направила ствол на черную, безмолвно стоящую фигуру. Та часть, что предписывает воину убить врага, кто бы он ни был.

Зато вторая, предательски давя на сердце ледяной безжалостной рукой, тащила ствол в сторону, отворачивая от **ЭТОГО**.

В сознании внезапно плеснуло раскаленным свинцом, вспенилась черная ненависть к тем, кто находился сейчас в этих вагончиках, мазанках. К своим подчиненным, соратникам, соучастникам...

Закричал страшно, развернулся и стал водить стволом по лагерю, намертво сжав палец на спусковом крючке.

Пули, прошивая обшивку вагончиков, глиняные стены мазанок, быстро находили свои жертвы. Раздались крики, стоны. Сменил магазин. **НАТЕ!** Еще!

С воплями выскакивали из домов, клацали затворами, спросонья озираясь обалдело. Из соседнего вагончика выпрыгнул один взъерошенный. Увидел, кто стреляет, удивился лишь на миг. Тут же правильно среагировал — ответил, матерясь сквозь зубы. Промазал. Попал в кого-то, кто, так же выскочив из мазанки, оказался на пути траектории. Тот, падая, завалил ствол, срезал еще двоих, заверещавших страшно...

Через минуту весь лагерь плевался огнем куда попало, неизвестно в кого. Разъяренные крики и ужасные стоны сплелись в страшный клубок, пронизываемый строчками трасс, как раскаленными спицами, подплывающий кровью...

СБ
В Баку на
поистине фан
Краузе творил
чили все нео
пировки — п
менты.

Погрузив
уже слушали
ющего по ма

Приподня
тил начальни
договору мя
развалюху,
рогатого ско

А так как
поезда и в У
уже давно з
решительно

Промучи
в пункт наз

Еще ден
сов, выбива
получение
ника цел
неразрешим

Для раз
крупную су
Оказалось,
сгущенного
да, на цель
ства!

Когда К
бы за собл
заведующе
возмущени
не встрети

Предло
холодильн
посетовал
мена и зл
ми и ста
высказалс

СБОР НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В Баку надолго не задержались. Пунктуальность и поистине фантастические организаторские способности Краузе творили чудеса. Уже к вечеру того же дня получили все необходимые для экспедиции предметы экипировки — палатки, альпинистское снаряжение, медикаменты.

Погрузив все добро в отдельный вагон, в сумерках уже слушали мерное постукивание колес поезда, следующего по маршруту Баку — Нахичевань.

Приподнятое настроение, правда, несколько подпортил начальник вагонного парка. Вместо положенного по договору мягкого вагона к поезду подцепили теплушку-развалюху, предназначенную для перевозки крупного рогатого скота.

А так как это произошло за полтора часа до отхода поезда и в уважающих себя учреждениях рабочий день уже давно закончился, взывать к кому бы то ни было решительно не имело смысла.

Промучившись сутки в теплушке, прибыли наконец в пункт назначения.

Еще день ушел на утряску организационных вопросов, выбивание автотранспорта, поиски проводника и получение продовольствия. Вот в последнем пункте возникла целая проблема; на первый взгляд совершенно неразрешимая.

Для разрешения ее пришлось отвалить довольно крупную сумму на подмаз компетентного начальства. Оказалось, что вместо положенных мясных консервов и сгущенного молока им всучили кильку в томате, правда, на целых девять банок больше положенного количества!

Когда Краузе, вконец умученный перипетиями борьбы за соблюдение всех пунктов договора, помчался к заведующему продовольственной базой и, задыхаясь от возмущения, указал на вопиющее беззаконие, его пыл не встретил должного одобрения сего почтенного мужа.

Предложив Начальнику экспедиции «Бадамлы» из холодильника, хозяин всей местной жратвы сначала посетовал на тяжелые в продовольственном плане времена и злобных боевиков, ежедневно угоняющих отарам и стадами скот через границу, а затем туманно высказался о доказанной наукой пользе рыбных про-

дуктов и их явном преимуществе перед мясными и молочными. Лучшее подтверждение тому, упирал он особенно настойчиво, — Япония. Процветающая Япония, страна мозгов, население которой в силу ее островного положения питается исключительно рыбой.

Да уж! К научно-исследовательской деятельности в стране гор относились довольно прохладно, по-видимому, не желали лечить в СВОИХ горах чужих психов.

Краузе чуть не лопнул от злости. Он в очередной раз пришел к выводу, что в этом большем и крайне бардачном государстве даже лучшие умы должны неминуемо пасть под ударами житейских проблем.

Немедленно же был созван семейный совет, состоящий из Краузе, А.И. и прикрепленного к экспедиции Академией приват-доцента Мукуева, которого с большим трудом удалось вытащить из-за праздничного стола в одной из многочисленных родственных семей. Ничтоже сумняшеся, приват с ходу посоветовал дать завбазой на лапу.

Денежная инъекция произвела поразительный по силе воздействия терапевтический эффект.

Из мрачных недр махровой завбазовской души на свет Божий тут же внезапно исторглось трепетное участие в делах науки как таковой в целом и в области психотерапии в частности. Короче, консервы мгновенно поменяли.

Когда все, казалось, уже было урегулировано и они сели в машины, стремясь поскорее тронуться в путь, прибежал запыхавшийся работник исполкома, который и сообщил, что забыли соблюсти одну ма-а-аленькую формальность.

Оказывается, за суетой забыли испросить санкцию коменданта особого района на беспрепятственное передвижение экспедиции! А без оной в горах, как выяснилось, сейчас делать нечего, просто-напросто не пропустят разбросанные в изобилии по всей области войсковые посты и заставы. Не пропустят и задержат, и посадят на фильтр-пункт, где их будут охранять злые солдаты.

С получением необходимой бумаженции, правда, особых проблем не возникло, как ни странно. Однако они появились совершенно неожиданно при ознакомлении с пунктами инструкции, которую тут же, в комен-

датуре, для ра-
минут.
В инструк-
педияция обяза-
Передвига-
Каждые ч-
дений.

Разбивать
постов и зас-
Не пересе-
Не прини-
и уличных
Последн-
Он долго мо-
и так и эта-
проводиться
услугах пси-
войсках.

На прер-

А поске-
ночлег, за-
Вдобавок
который о-
из много-
местный
разговорн-
родичу, ж-
к утру об-

Часов-
запылен-
Из каби-
рядом с-
Пози-
физион-
ми и с-
которы-
— 3-
щий к-

датуре, для ради них сфабриковали буквально за десять минут.

В инструкции оговаривалось, в частности, что экспедиция обязана:

Передвигаться только в светлое время суток.

Каждые четыре часа сообщать о своем местонахождении.

Разбивать лагерь и ночевать только под охраной постов и застав.

Не пересекать границу.

Не принимать участия в митингах, манифестациях и уличных шествиях.

Последний пункт поверг Краузе в состояние шока. Он долго морщил брови и шевелил губами, прикидывая и так и этак, где в горах подобные мероприятия могут проводиться и какой процент остро нуждающихся в услугах психиатра военных наблюдается во внутренних войсках.

На пререкания с властью сил уже не было.

А поскольку смеркалось, пришлось устраиваться на ночлег, загнав вглубь тоскливую злобу против режима. Вдобавок ко всему прочему бесследно исчез Мукуев, который обещал организовать пышное застолье в одной из многочисленных родственных семей. Как объяснил местный милиционер, с трудом владеющий русским разговорным, отправился приват в гости к какому-то родичу, живущему в селе, расположенном неподалеку, и к утру обещал быть всенепременно.

ТРОЕ НЕЗНАКОМЦЕВ

Часов в одиннадцать к воротам клиники подъехал запыленный «КАМАЗ» с фургоном «СОВТРАНСАВТО». Из кабины вылезли трое, подошли к входной двери рядом с массивными железными воротами.

Позвонили. Немного погодя в окошечко выглянула физиономия охранника, увенчанная выдающимися усами и свежим, едва зажившим шрамом через весь лоб, который придавал ей весьма разбойное выражение.

— Здравствуйте, уважаемый. Нам нужен заведующий клиникой,— густым сочным баритоном произнес

один — коренастый широкоплечий мужчина, в упор, умно глядя.

— Нет начальника. Уехал в экспедицию, — скороговоркой пробормотал охранник и хотел захлопнуть оконце. Коренастый не дал. Безо всяких видимых усилий отжал ладонью заслонку обратно.

— Не спеши, почтенный. Если нет начальника, есть лицо, его замещающее. У нас срочное дело. Скажи — груз из Москвы.

Через пять минут беседовали в кабинете заместителя заведующего.

Оказалось, что из Москвы привезли медицинское оборудование. Собственно, оборудование предназначалось для другой клиники, но фирма-поставщик настоятельно просила завезти именно это оборудование именно в эту клинику для показа, чтобы в дальнейшем, буде продукция понравится, клиника могла заказать себе что-нибудь через госструктуру, разумеется, по безналичному расчету.

Заместитель заведующего рассыпался в извинениях.

Конечно, это хорошее дело, но, видите ли, не в его компетенции. Шеф в научной командировке, как долго будет отсутствовать, неизвестно.

Приезжие поинтересовались, где шеф и каковы цели командировки. Получив исчерпывающую информацию, извинились за беспокойство и откланялись.

Немного времени спустя тот же «КАМАЗ» остановился у окраины Перищево, недалеко от дома тетки Павла.

Приковылявшая из магазина тетя Соня, узнав, что приезжие — друзья Павла, немедленно же расплакалась и запричитала, поведав, какая печальная участь постигла ее племянника. Подробно рассказала, как застрелил Павлушу милиционер, как получила у властей тело...

И еще кое-что. Оказывается, у Павла в городе обнаружили близкие друзья. Приехали, помогли с похоронами. Да как помогли! Роскошный гроб, новый костюм для покойного, море цветов, оркестр и целая процессия! Чудо, да и только — как много красивых машин и хорошо одетых людей прибыли провожать ее бедного племянника. Друзья на своих руках гроб несли до самого кладбища, сами же и опустили в могилку. Одним словом, не дали бабке и пальцем пошевелинуть. А она

и не догадывалась, что у племянника в городе такие друзья.

И еще кое-что... Друзья оставили бабке адрес — мол, если будет нужда, забегай, не стесняйся. Для достоверности тетя Соня тут же предъявила бумажку. Коренастый цепко глянул — сфотографировал глазами адрес.

Совместно выразили бабке соболезнование. Оставили сто рублей, цветы на могилку купить, и укатили.

В обед все те же трое подошли к небольшому особняку в конце улицы Коммунистической.

Забор выше человеческого роста, крашенный в зеленый цвет, добротная калитка с небольшой дырочкой, из которой веревочка выглядывает — тянуть надо, чтобы открылась. На столбце табличка «Осторожно, злая собака», тут же чуть выше — «Усадьба образцового порядка».

Потянули за веревочку — шиш. Постучали. Немного погодя дверь отворил молодой длинный парень с вислым носом и квадратным подбородком, выдававшимися даже несколько больше вперед, чем нос. Несколько секунд рассматривал посетителей сонными ленивыми глазами. Потом поинтересовался, какова цель визита. Узнав, что от тетки Павла, буркнул «щас» и захлопнул калитку, чуть не отдавив ногу коренастому, который уже было вознамерился войти во двор.

Подождали с минуту. Калитка снова распахнулась — снова длинный.

— Проходите, — впустив гостей, высунулся на улицу, огляделся по сторонам. Захлопнув калитку, прошел следом, указывая дорогу.

Зашли на веранду, обильно увитую плющом, который нахально лез внутрь даже через небольшие щели между разноцветными стеклами и рамой. Было довольно прохладно — в углу тихо гудел несоветский кондиционер. Посреди веранды за круглым столом в плетеном кресле сидел немолодой мужчина с серьезными глазами. Пригласил садиться. Представились. Высказали желание узнать подробности о гибели Павла и вообще, как до жизни такой докатились.

Хозяин дома немного колебался и, назвавшись близким другом погибшего, вкратце поведал о состоянии дел на настоящий момент. Ничего, однако, что могло бы пролить свет на таинственные обстоятельства гибели Павла, как, впрочем, и обстоятельства убийства им двух спортсменов, хозяин дома не знал. Или делал

вид, что не знал. При беседе изучающе рассматривал гостей.

Поинтересовался ненавязчиво, где оставили машину. Услышав, что она стоит в начале улицы — эта часть была непроезжая, кивнул массивной головой и выразительно посмотрел на длинного, который расположился за спинами гостей, у входа, поковыривая мизинцем в прыщике на подбородке. Помедлив немного, парень неслышно вышел.

Посмотрев на часы, хозяин дома пригласил отобедать. Отказываться, разумеется, не стали, ну кто отказывается в наше время от обеда? Немного поплескались во дворе под колонкой, чуток расслабились, посвежев лицом, расселись здесь же на веранде, за круглым столом. Обед подавала женщина лет тридцати, потрясистой наружности, в полупрозрачном облегающем платье. Ей помогала девочка-подросток, угловатая и молчаливая.

Обедали, как выразился хозяин, «чем Бог послал». Бог, по всей видимости, был довольно благосклонен к хозяину, потому что послал отличный шашлык из свежей поросятины, фаршированного гуся, приготовленного каким-то неведомым здешним жителям способом, несколько отлично сервированных больших салатов черт знает из чего, но очень вкусных.

Обедали со вкусом. Немного выпили водки из запотевшего пузатого графинчика — помянули Павла. Минут через пятнадцать неслышно появился длинный. Прошел в дом, оставив дверь на веранду открытой. Немного переждав, хозяин извинился и удалился вслед за парнем.

Гости остались одни. Переглянулись. Худощавый с кошачьими движениями вытащил из кармана обшарпанный портсигар из алюминия, раскрыв его, вытащил что-то похожее на пластмассовую пломбу для опечатывания дверей складов и прочей дребедени, вставил это в ухо и направил портсигар в сторону открытой двери.

— ... тоже в норме. Номер московский, не похоже, чтобы поддельный. Накладные в бардачке, тоже в порядке. Техпаспорт на этот «КАМАЗ». Все чисто.

— Не торопись, Удав. Там могут какие угодно ксивы отштамповать.

— Да
Кассира
— Тс
Худо
тился в
Удав вт
ределен
роны. О
Нем
сти, ве
что у д
того —
зяину,
Вышли
Когд
тишина
стали
подняв
Удав н
це, пер
ин нах
Кор
Улыбн
за стол
стулу х
второй
отодви
нимати
Кор
Тот уд
рону.
плечо
—
няли?
ровал
пытал
рукой
Не
махну
в лоб,
руки,
лет. I
подоб
упавш

— Да какой понт?! Видно же, обычные лохи! Про Кассира ни одна живая душа...

— Тс-с, сученок! Не базарь! Я покумекаю.

Худощавый быстро убрал аппарат. Хозяин возвратился вместе с длинным, сел на свое место. Длинный-Удав втиснулся между худощавым и блондином неопределенной внешности, деланно улыбнувшись в обе стороны. Обед продолжался.

Немного погодя появилась дама потрясной внешности, ведя за руку девочку. Сейчас гости рассмотрели, что у дамы грустные заплаканные глаза и вообще вид того — не очень. Дама тихо объявила, обращаясь к хозяину, что они с Иринкой идут в город на фильм. Вышли.

Когда во дворе хлопнула калитка, в доме воцарилась тишина. Так получилось, что в одну секунду все перестали орудовать столовыми приборами и замолчали, подняв друг на друга глаза. Повисла гнетущая пауза. Удав начал нервно барабанить пальцами по столешнице, перебегая взглядом с хозяина на коренастого. Хозяин нахмурился.

Коренастый, видимо, решил разрядить обстановку. Улыбнувшись, медленно выпростал свое могучее тело из-за стола, хрустнув пальцами, размял кисти и подошел к стулу хозяина дома. Длинный-Удав напрягся. Щуплый и второй — неопределенной внешности блондин, слегка отодвинули свои стулья из-за стола. Удав начал приподниматься, положил руки на стол и выгнув локти.

Коренастый присел на подлокотник кресла хозяина. Тот удивленно приподнял бровь, слегка подался в сторону. Коренастый, улыбаясь приятно, положив на его плечо ладонь.

— Мил-человек, что-то мы не совсем друг друга поняли? — И стиснул плечо мертвой хваткой. Удав отреагировал моментально. Подскочил, опрокидывая стул, попытался отпрыгнуть назад, судорожно скользнув правой рукой за пазуху...

Не дали. Худощавый, не вставая, как-то резиново махнул ногой назад — в сторону, крепко засветив Удаву в лоб, отчего тот, удивленно охнув и птицей распахнув руки, полетел на спину. Со стуком упал на пол пистолет. Блондин неопределенной внешности быстренько подобрал его и без лишних церемоний коротко саданул упавшего в темечко. Удав затих.

В это время коренастый, сжав тисками руку хозяина и заволакивающе глядя ему в глаза, спокойно извлек из оперативной кобуры, надетой у того под домашним халатом, короткий тупорылый пистолет с барабаном. Взвел курок. Развернул обезоруженного вместе с креслом к стене, больно ткнув, упер ствол в затылок. У хозяина дома начали тихонько трястись плечи и слабо задергалась голова.

— Ну вот, я и говорю, — спокойно, как ни в чем ни бывало, продолжал коренастый, — что-то ты, уважаемый, умалчиваешь. Мы ведь не просто так базарим. Понимаешь ли, вы тут лишку даванули, не ведая, кто да что. Сейчас мы вас обоих пришьем — это само собой. Потом пойдем дальше искать, кто же участие принимал еще. Не было у Пашки друзей в этом вонючем городишке, понял ты меня? Не бы-ло! Откуда бы им здесь взяться? А Пашка нам дорог очень! Волки! На кого руку подняли! — Коренастый начал очень натурально изображать истерику, все глубже и сильнее вдавливая ствол в мясистый затылок хозяина дома, отчего тот дрожал всем телом и обильно потел.

Хозяин совсем не был готов к столь хорошо организованному представлению с доставкой на дом.

— Ну все, все! Как на духу! — прохрипел деморализованный начальник не очнувшегося еще Удава. Коренастый немного ослабил хватку и на секунду перестал завывать, разрывая на груди рубаху. Воспользовавшись паузой, хозяин быстренько выложил замысловатую историю с подменой, убийством Кассира и пребыванием Павла в новом качестве «вора».

ПОХИЩЕНИЕ

К вечеру, когда зэков привели из производственной в жилую зону, к Павлу подошел один из его приближенных.

— Кассир, с воли весточку переслали. Просили, чтобы сегодня вечером сеанс смотрел.

— Кто передал? — насторожился Павел.

— Митрофаныч, — успокоил приближенный.

— Понял, — Павел жестом отпустил информатора. Несколько минут размышлял. Митрофаныч — вольно-

наемный мастер, работающий в зоне. Иногда за небольшую плату, чаще выраженную в продукции ширпотреба, он соглашался выступать в качестве посредника между волей и теми, кто находился в зоне. Это новостью не было. Не могло быть и провокацией — за много лет работы старый мастер никогда ни разу не подвел.

Настораживал лишь характер просьбы. Посмотреть сеанс. Павел был уверен, что весточка пришла от людей Кассира — другой вариант, на который он все же в глубине души не переставал надеяться, был настолько эфемерен, что им можно было смело пренебречь.

Очевидно, люди Кассира что-то хотят передать. Но каким образом? Во время сеанса будет присутствовать большое количество зэков. Среди них далеко не все надежны. Кроме того, за сеансом украдкой, чтобы не обвинили в пособничестве, наблюдает обычно почти вся дежурная служба колонии. Некоторые даже бинокли таскают специально, чтобы не упустить подробности. Вот так. Столько лишних глаз. Как же?

К указанному сроку Павел занял удобное для наблюдения место в углу жилой зоны. Вся элита лагеря находилась на заранее забитых местах. Увидев Кассира, зэки удивленно переглянулись — до этого пахан никогда не баловался подобными вещами.

Неподалеку от зоны стоял пятиэтажный дом, торцом к забору. С определенной точки территории зоны был виден балкон пятого этажа с единственным окном.

Как утверждают специалисты в области коммерции, обстоятельства порождают новые формы предпринимательства, доселе невиданные в данной, скажем так, экономической зоне. Так вот, хозяйка квартиры, старушенция послепенсионного периода, сообразила.

Стала сдавать балкон не менее предприимчивым молодым дамам, в просторечии — «мастям», которые за хорошие бабки демонстрировали страдающим в неволе нечто среднее между стриптизом и пип-шоу.

Механизм взаимодействия между актрисами и ограниченными слоями широкой публики был предельно прост. За десять минут до представления зэки собирали деньги, сворачивали их в кулак, в который предвзвешенно был положен камень, и швыряли через запертку наружу. Масти подбирали выручку, давали бабке причитающуюся мзду и всю отработывали балконное шоу.

Иногда, правда «бабки» подбирали опера, успевшие быстро отреагировать и прибежать к месту падения средств раньше мастей. Иногда масти дрались на балконе с бабкой, которая уже в процессе представления при подсчете суммы обнаруживала ущемление своих интересов. Но зачастую все было в порядке и никто не мешал столь важному мероприятию.

Представление обычно длилось десять — пятнадцать минут. Этого было достаточно, чтобы десятки сильных рук, остервенело удушающих и терзающих свое мужское начало во время сеанса, наконец-то убивали на какое-то время демона сладострастия.

Сеанс начался. В напряженной тишине, повисшей над зоной, было слышно, как скрипнула балконная дверь. Она скрипнула и растворилась, пропустив на всеобщее обозрение женщину в полумаске, которая начала медленно раздеваться, производя при этом массу движений, не лишенных некоторого изящества. По рядам и отдельным кучкам зрителей пробежал сдержанный ропот, десятки пар глаз были прикованы к исполнительнице.

Павел досадливо крикнул и отвел взгляд, стараясь не смотреть на выламывающееся в истоме разоблаченное тело — ну разве может нормальный мужик на такое спокойно смотреть? Усилиям воли отвлекся от происходящего на балконе, рассеянно шаря взглядом по колючке, обильно покрывающий забор основного ограждения, соображая, что же имели в виду те, кто попросил его присутствовать на зрелище...

Его взгляд поневоле опять вернулся к балкону — Павел опять было тяжело вздохнул и вдруг замер на самой начальной фазе выдоха. Чуть выше балкона — под самой крышей, недалеко от окна, пульсировало световое пятно. ЗАЙЧИК! Кто-то, очевидно, стоя где-нибудь сбоку от дома, пускал зайчик при помощи зеркала.

Сначала Павел не воспринял суть сигнала — просто мелькало пятнышко, появится-исчезнет. Затем сердце ухнуло куда-то вниз, жгучей волной радости заполнило грудь. Это была азбука Морзе — нехитрая премудрость, которой овладевают многие школьники на кружках телеграфистов!

Однако сама по себе передача шифрограммы не могла бы так взволновать закаленную душу агента. Нет,

разумеет
ку Морзе
Нет,
ло, пульс
его знал
«Ахи
двух ож
Если пр
Ахилл...
Паве
по улыб
Сеанс
ков доно
дей, оде
Спох
и, сильн
через за
Заме
реглянул
поводу
В пе
ульного
лись не
возле ка
Из
мощник
Води
моторе,
— П
Води
сторону
носом,
ную сп
брысую
— Д
Свеча,
Надо же
Серж
шар:
— С
этой ко
Немного
Стар
вать сол

разумеется. Ведь любой из уголовников мог знать азбуку Морзе.

Нет, это были не уголовники. Световое пятно кричало, пульсировало, печатало кличку Павла, под которой его знали коллеги по Интерполу.

«Ахилл... Ахилл... Ахилл... Сегодня ночью с часу до двух ожидай за баракom у выхода в локальную зону... Если принял, брось два камня через забор... Ахилл... Ахилл... Ахилл... Сегодня ночью...» И так далее.

Павел как зачарованный смотрел на пятнышко, глупо улыбаясь. Добрались.

Сеанс подходил к концу. Кое-где из укромных уголков доносились уже сдавленные рычания сильных людей, одержавших победу над своим зверем.

Спохватившись, Павел поднял с земли два голыша и, сильно размахнувшись, бросил их один за другим через забор в сторону балкона.

Заметившие выходку Кассира зэки недоуменно переглянулись, но выразить свое удивление по этому поводу не рискнули.

В первом часу ночи на шоссе, неподалеку от караульного помещения, остановился молоковоз. Послышались непечатные выражения, сопровождавшие возню возле капота.

Из караульного дворика осторожно выглянул помощник начальника караула.

Водитель молоковоза, подняв капот, ковырялся в моторе, извергая поток непечатных выражений.

— Помощь не требуется?

Водитель выпрямился на бампере и посмотрел в сторону сержанта. Смачно сплюнув на дорогу, шмыгнул носом, утерся рукавом. Свет фонаря падал на засаленную спецовку довоенного образца и нечесанную белобрысую голову.

— Да какая тут помощь, так-перетак его в качель! Свеча, так ее перетак! Щас зазоротрегулирую, поеду. Надо же — угораздило!

Сержант, заискивающе улыбаясь, пустил пробный шар:

— Слышь, зёма, молочка не продашь? А то парашей этой кормят, скоты, животы постоянно на капремонте. Немного, а?

Старый затасканный прием! Ну кто же будет продавать солдату, у которого ни гроша за душой? Всяк

махом же расчувствуется и проявит участие, если сердце не камень.

— Ишь — продашь! У тебя че, бабки завелись? Давай тащи, чего у тебя там, так налью, народ не обеднеет!

И вот — мгновенно свистнут «дух», притащивший ведро, наспех ополоснутое. И не столь важно, что из этого ведра не так давно вытрусили половую тряпку — суть результат!

Блондин спрыгнул с бампера, подошел к кабине, извлек из-под сиденья тряпку, вытирая руки, незаметно достал из кармана спецовки маленький пакетик.

— Давай! — взял ведро, подошел к заднему торцу цистерны.

Открывая кран, аккуратно вытряхнул содержимое пакетика в ведро. Пенящаяся струя мгновенно разбросала белый порошок по стенкам не совсем чистой емкости.

— Спасибо, браток! — сержант сиюминутно излучил обаятельную улыбку, — век не забудем! Если сядешь к нам на зону, обязательно молочком как-нибудь угостим!

— Ишь ты, трах-тарарах, утешил! — осклабился блондин, — спасибочки на добром слове!

Сержант, недолго поулыбавшись, ретировался в караульный дворик. Минут через пять блондин захлопнул капот. Залез в кабину, внимательно посмотрел в сторону караульного помещения. Молоковоз заурчал и вскоре скрылся из вида. Ночь. Тишина. Зона спит. Изредка раздается недовольный голос, усиленный динамиками:

— Четвертый, четве-е-ортый, че не докладываешь?

Оператору лень вызывать пост по телефону — вякает по громкой. Последний вяк где-то в начале второго. И — молчок.

Спустя десять минут по шоссе мимо зоны медленно проехал «КАМАЗ», метрах в ста, в тени, заглушил мотор.

Трое подошли к караульному помещению. Коренастый застыл у двери КПП. Блондин и худощавый остановились перед дверью караульного дворика. Немного помедлив, худощавый нажал на кнопку звонка. В ночной тишине отчетливо слышимая в недрах караулки раздалась прерывистая трель. Никто не вышел. Чуть

переждав, худощавый опять надавил на кнопку. Снова — никакой реакции.

Блондин отошел шагов на десять и бросил камень в будку часового-оператора, стоящую на крыше караульного помещения. Камень звонко отскочил от фанерного щита и шлепнулся на залитую битумом крышу. Тишина. И — никакой реакции. Очевидно, оператора тоже угостили молочком. Безобразие! Наплевательское отношение к Уставу Боевой Службы!

Затем блондин подошел к стене. Худощавый легко запрыгнул ему на плечи и, достав из кармана плоскогубцы, махом перекусил несколько нитей колючки поверх забора.

Изнутри караулки зажужжал зуммер сигнала. Несколько секунд ожидания — никакой реакции!

Худощавый кошкой перемахнул через забор. Распластавшись тенью у стены, прокрался к выходу, быстро отворил дверь, впуская блондина.

Бесшумно просочились в помещение. Караул СПАЛ!

Начальник караула на своем месте, уткнув голову в стол, на котором стояла пустая кружка из-под молока. Вся «бодрствующая» смена в общей комнате — кто как, вповалку. Возглавляло этот местный апофеоз пустое ведро из-под молока, торжественно возвышающееся на столе.

Оглядевшись, отключили в комнате начальника караула издающий полузадушенный писк пульт датчиков блокировки. Дверь в комнату часового КПП оказалась открыта.

Быстро разобравшись с кнопками, отворили дверь шлюза, впуская коренастого в зону. Тот в несколько прыжков доскочил до калитки, ведущей из локальной в жилую зону. Калитка заперта! Незадача! Хотя это следовало ожидать. Время идет! Опрометью бросился обратно. Забежал в шлюз, закрыл за собой дверь, что-то сказал через оконце худощавому...

Тот молнией вылетел во дворик, взобрался по лестнице на крышу. Толкнул дверь в помещение операторской — заперто. Отошел на шаг, сильно ударил ногой — дверь ввалилась внутрь.

Часовой спал, уткнувшись носом в пульт. Сразу несколько лампочек, высвечивающих номера постов, светились, разноголосо пищали сигналы — посты горели желанием доложить обстановку.

Худощавый начал нажимать правой рукой на все кнопки подряд, пальцем левой руки постукивая по панели — искал микрофон. Наконец, снаружи послышался частый стук. Есть! Передохнул несколько секунд, успокаиваясь.

— Начальник войскового наряда, подойдите к КПП, начкар просит. — Повторил. Выскочил из операторской, слетел вниз, заскочил в помещение.

Недовольный Мончев медленно, вразвалку подошел к КПП. Опять начкар что-нибудь кланчить будет! Вот народ — прорва.

Нажал кнопку звонка. Загудел электромеханический замок. Толкнул дверь. Успел увидеть мельком какого-то коренастого в шлюзе, тот смотрел за спину Мончева, в зону, как будто проверял, не идет ли кто за ним.

Хотел удивиться, кто такой? Не успел. Коренастый, дружелюбно улыбаясь, с маху саданул Мончева в поддых! Прапорщик хекнул, сложился пополам. Коренастый для верности рубанул сложенного кулаком по затылку.

Нашарив в карманах бездыханного ключи, опять в резком темпе доскочил до калитки. Поковырявшись чуть, открыл ее:

— Ахилл! Ахилл! — Из-за барака навстречу выскочил Павел. Пристально посмотрел на коренастого — узнал!

— Здорово, Демон! — Бросился обнимать, на ходу спрашивая: — Как калитку-то открыли? Она же ведь с пульта ДПНК открывается! Вы что, уложили там всех, что ли?

Из рупора, установленного на крыше здания ДПНК, тут же немедленно последовал ответ: нет, мол, не уложили, чей-то визгливый голос спросонья крикливо вопрошал:

— Это кто там открыл калитку? Мончев, чего ты там нараскаряку застыл? Давай закрывай!

Павел выпустил коренастого.

— Давай, двинули, сейчас кипеж поднимут.

Проскочили шлюз, захлопнув за собой двери. Вытащили Мончева на улицу, уложив в тени забора, — не сразу найдут. Из двери караульного дворика выскочили худощавый с блондином. Через пару минут мчались на «КАМАЗе» в темноту, внимательно вглядываясь во встречные огоньки на пустынном шоссе.

Солнце
окрестных
забранную
ные эффек
Иван в
ультрафио
нял голов
Днем пекл
Позици
езно отра
задом! Ск
Жители
вых — те,
день рас
предгорье
И вот
охраняла
жений. Т
ков враж
Один и
смотреть
миномет
Если с
гая хотя
их остано
Однак
благопол
через гра
его дядеч
И во
посадить
Скуко
Из-за
стеной п
ченный
— То
к вечеру
работать
кать, в л
гаются,
— У
Ты его

ИВАН ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

Солнце палило нещадно. Преломляясь о вершины окрестных гор, лучи причудливо искажали панораму, забранную синей дымкой, давая временами поразительные эффекты.

Иван возлежал на крыше вагончика, поглощая дозу ультрафиолета, недополученную в отпуске. Лениво поднял голову, оглядываясь. Красота. Проклятая дыра... Днем пекло, а ночью можно запросто дубаря дать.

Позиции, как в яме. Если сверху кто пожелает серьезно отработать — добро пожаловать, мы с открытым задом! Скотобаза.

Жители в село не возвращались. Оставшиеся в живых — те, кто по каким-либо причинам отсутствовал в день расстрела, похоронив погибших, спустились в предгорье.

И вот теперь его рота в гордом одиночестве охраняла перевал, находясь в явно невыгодном положении. Те, по ту сторону границы, никаких признаков враждебности не проявляли. Вот они — их НП. Один и второй. Изредка что-то поблескивает, если смотреть в бинокль. А что там, за гребнем? Если есть минометы — труба.

Если они когда-нибудь захотят спуститься, располагая хотя бы ротой на БТР и минометным взводом, хрен их остановишь.

Однако будем смотреть. Может быть, все кончится благополучно. Сам-то он ни за какие блага не полезет через границу, это явно суицидная затея! Как сказал бы его дядечка. Интересно, чего он там подделывает?

И вообще, Президента бы сюда, да на ночь, да посадить на первый пост! Пусть делал бы выводы.

Скукота. Голова болит что-то...

Из-за мазанки, которая своей полуразвалившейся стеной прикрывала командирский БТР, вылез всклокоченный со сна радист.

— Товарищ старший лейтенант! Донец передал, что к вечеру прибудет какая-то экспедиция. Научная! Будут работать у нас на местности. Велел к границе не пускать, в лагерь тоже. Пусть, говорит, ниже нас располагаются, и никаких контактов.

— Угу, — хмуро ответил Иван, почесывая спину. — Ты его в задницу послал?

— Никак нет! — Веснушчатая харя расплзлась в довольной улыбке. — Это не радист был — комбат сам лично говорил. Он вас вызывал, чтобы подошли. Я минуту переждал, потом вашим голосом обстановку доложил. Ничего?

— Допрыгаешься когда-нибудь... Ладно.

Из вагона немедленно же выскочил замполит, лейтенант Серега Лохов.

— Командир! Это же класс! Там, возможно, телки будут! Точно будут, какая же экспедиция без баб? — Лохов испустил плотоядное рычание, закатив глаза. — Давай их в нашем вагончике разместим, а, Вань?

— Придурок, — вяло махнул Иван рукой: чего баловать народ идиомами, когда сплошь и рядом имеешь дело с такими? — Ты, Серый, иногда как скажешь... — И перевалился на другой бок.

Лохов, однако, не унимался:

— Почему, Вань? Бабы же! Ты че, Вань?!

Иван тяжело вздохнул и, сняв солнцезащитные очки, в буквальном смысле испепелил Лохова на месте:

— Ты, Серый, иногда уподобляешься устройству, удерживающему автомобиль на наклонной плоскости крутизной не более 15 градусов. Что такое? Правильно — ручной тормоз. Ты же — зам-полит! Бабы в лагере? Да на расстояние видимости не подпущу! Иди, готовься к воспитательной работе. В 16.30 проведешь лекцию «О вреде беспорядочных половых связей в условиях высокогорья». В свете решений последней партийной конференции — какая там по счету?

— Да ты че, Вань? — Замполит удивленно уставился на командира, — мы же в боевых условиях! Какая лекция?

— Молчать, лейтенант! Выполняйте распоряжение! — Внезапно безо всяких видимых причин раздражился Иван. Лохов, обиженно засопев, исчез в вагончике. Иван, еще более удрученный своим внезапно испортившимся настроением, свернул матрац и сполз вниз.

Экспедиция прибыла под вечер. Солнце уже коснулось горизонта, окрасив все вокруг в цвета пожарного щита, когда вдалеке, внизу, показались три грузовые машины. Натужно урча, они еще долго карабкались по серпантину вверх и подобрались к лагерю, когда серо-багровые сумерки, студенисто загустевая, начали наполнять лощины.

Иван встреча
от лагеря. Он ре
стит, мало ли ч
верил в своих п
с ним связке, н
рый система в
был прост и не
жопа.

Поравнявши
Распахнув двер
спрыгнул невы
тыхаясь стал с
— Начальн
чальник заста
Иван, пожа
было:

— Мне со
дупредить, чт
машины вы
улыбаясь, в у

— Здоров
командует! В
Иван взв

— Алекса
что — тоже?
вая на колон

— Ну, ну
Исследовани
работа. Госу
ности. Улав
жимся, пот
сто?

— Э-э...
и вдруг вн
А.И. и
лись.

— А вы
ша? — ика
втерпеж?
вас захват
икающем

— Да
заоправд
— По

Иван встречал гостей, спустившись шагов на двести от лагеря. Он решил, что ближе экспедицию не подпустил, мало ли чего у них там — бабы, водка... Хотя он и верил в своих парней, идущих по тропе войны в одной с ним связке, но твердо придерживался принципа, который система вдолбила с курсантских времен. Принцип был прост и незыблем: куда солдата не целуй, везде — жопа.

Поравнявшись с Иваном, колонна остановилась. Распахнув дверь, из кабины головной машины на грунт спрыгнул невысокий худощавый мужик лет сорока, чертыхаясь стал стряхивать пыль. Протянул Ивану руку:

— Начальник экспедиции доцент Волобуев. Вы начальник заставы?

Иван, пожав протянутую руку, представился и начал было:

— Мне сообщили о вашем прибытии. Должен предупредить, что размещаться... — И осекся. Из второй машины вылез еще один мужик и подошел к ним, улыбаясь, в упор глядя на Ивана.

— Здорово, племяш! Вот кто, оказывается, нами командует! Вот уж не думал, не гадал!

Иван взволнованно засуетился:

— Александр Иванович? Вы!? Вы-то как здесь? Вы что — тоже? — Он сделал неопределенный жест, указывая на колонну.

— Ну, ну, расслабься. Я замначальника экспедиции. Исследования многопрофильные, очень перспективная работа. Государственной, а может быть, и мировой важности. Улавливаешь? Ну ладно, давай сначала расположимся, потом поболтаем. Так где, говоришь, наше место?

— Э-э... — Иван напрягся, покраснел даже от натуги и вдруг внезапно выдал: — А женщины у вас есть?

А.И. и Волобуев, переглянувшись, дружно расхохотались.

— А вы вроде не так давно с большой земли, юноша? — икая от смеха спросил доцент. — Неужто уже не втерпеж? Так надо было бы предупредить, мы бы для вас захватили парочку! — Он опять зашелся в странном икающем смехе.

— Да нет! Нет же! Ну что вы! Я... Я наоборот вовсе! — заоправдывался было Иван.

— Понимаю, понимаю, — дядька покровительствен-

но похлопал Ивана по спине.— Шеф, вы неправильно поняли! Иван просто заботится о нравственных устоях своих подчиненных. Успокойся, племян, ни женщин, ни тем более водки у нас нет. И вообще в экспедиции железная дисциплина.

Минут через сорок доцент и дядька Ивана, свежewe-мытые родниковой водой, жадно уплетали подогретые мясные консервы, рассказывая хозяину о целях экспедиции.

Остальные члены разместились в двух разбитых неподалеку палатках. Ивана очень удивило то обстоятельство, что дисциплина в экспедиции действительно была на редкость жесткой.

Два десятка людей, беспрекословно подчиняясь четким указаниям доцента, молниеносно, не ленись и не переругиваясь, сгрузили вещи, разбили палатки, умылись, поели холодных консервов и улеглись спать.

Особенно странным показалось Ивану, что все команды в буквальном смысле диктовали каждое движение людей Волобуева — например, дав команду ужинать, доцент указал, что нужно достать консервные ножи, открыть банки, съесть содержимое и банки собрать в кучу. Только после того как всех уложили, доцент и А.И. занялись собой.

Не в силах сдержать любопытство, Иван в ходе ужина поинтересовался, что значит все эти странности и каким образом тов. Волобуев добивается таких вот чудесных результатов.

— Видите ли, юноша,— желтоватое лицо доцента, в тусклом свете коптилки похожее на маску из пергамента, растянулось в тревожной улыбке,— цель нашей экспедиции, как я уже говорил, это изучение воздействия горного комплекса на излечение различных форм психических заболеваний. Все эти люди — пациенты.

Уловив недоумевающий взгляд Ивана, он поспешил добавить:

— Нет, нет! Они не буйные. Они не дебоширят, не проявляют дурных наклонностей. Это просто несчастные люди, которых я надеюсь вылечить. В данный момент все они — участники смелого эксперимента, который, как мы надеемся,— он кивнул на А.И.,— здесь в горах должен успешно завершиться. Девственная природа, специфические особенности климата, воздействие магнитных полей. Понимаете?

— Ну да, же... Вы собираетесь здесь?

— В принципе, конечно, хот видел один

— Ну, это доцента,— та редвижение попытка вто через грани Последнее в завелся,— И по ту сторо ночь палат

— Что э его уже кло

— Рэмбо Иван подро дей, слухи ностями, д

Время б роны сосед ты. Почти ерверком с реди.

— Это А.И., погл

— Да и щился,— я тильники не сунуто уже с не нул,— ну лита сме

Гости, изготави

Иван вагончик

настиг в Ну, вдру

своей ро Иван

— П

— Ну да, понимаю,— Иван почесал затылок,— и что же... Вы собираетесь проводить свой эксперимент именно здесь?

— В принципе район нам подходит. А вообще-то, конечно, хотелось бы забраться повыше. Я там, вдали видел один прекрасный заснеженный пик.

— Ну, это не получится,— Иван решительно прервал доцента,— там, дальше — территория соседей. Любое передвижение с нашей стороны будет рассматриваться как попытка вторжения. Поэтому при всем моем уважении через границу — ни шагу. Они сейчас там на взводе. Последнее время у них там какой-то Рэмбо-полстергейт завелся,— Иван усмехнулся,— терроризирует население по ту сторону. Поэтому они злые, как черти. Каждую ночь палят во все стороны почему зря. Боятся.

— Что это за Рэмбо? — поинтересовался А.И. зевая, его уже клонило ко сну.

— Рэмбо? Да в общем-то чертовщина какая-то.— И Иван подробно рассказал о последних событиях у соседей, слухи о которых, обрастая невероятными подробностями, докатывались до всех окрестных сел.

Время близилось к полуночи, когда сверху, со стороны соседей, в небо взвились три осветительные ракеты. Почти сразу же вслед за импровизированным фейерверком с той стороны слышались автоматные очереди.

— Это что, обстрел? — почему-то шепотом спросил А.И., поглубже влезая в спальник.

— Да ну, какой обстрел! — Иван досадливо поморщился,— я же говорил — боятся. Всю ночь будут светильники вешать, палить во все стороны. Сюда они не сунутся, у них сейчас одна забота — Рэмбо. Вот уже с неделю так, каждую ночь сэйши,— Иван зевнул,— ну да ладно. Вы укладывайтесь, я пойду замполита сменю.

Гости, как ни удивительна была обстановка, резво изготовились ко сну — усталость брала свое.

Иван взял автомат, распрощался и распахнул дверь вагончика, выходя. Он уже переступил порог, когда его настиг вопрос А.И.:—Иван! А если бы понадобилось? Ну, вдруг возникла бы такая ситуация... Смог бы ты со своей ротой прорваться к той большой горе?

Иван усмехнулся, немного поразмыслил:
— Прорваться... Слишком громко сказано! Можно

было бы просто проехать! Внезапно, единой колонной, по дороге. Они практически ничем бы не смогли помешать, потому как не готовы. Зато потом! Ну, да я еще не совсем спятил, чтобы соваться! Ладно, спокойной ночи!

МЫТАРСТВА СЕРГЕЯ

— Значит, вы продолжасте отрицать свою причастность к этому убийству?

Голос следователя звучал раздраженно-резко, в нем явно проскальзывали нотки ожесточения, которое он и не пытался скрывать.

— Да как вы не можете понять? — Сергей, сидящий на койке, постарался вложить в произносимую фразу всю убедительность своего некогда обаятельного, хорошо поставленного баритона. Не вышло. Отбитые легкие выпустили через опухшую гортань сиплый шепот.

— Ни к этому, ни к другим преступлениям я не имею никакого отношения! Я повторяю, это какое-то чудовищное недоразумение!

— Ой, Боже мой! — Следователь взялся за голову, — опять по кругу! В таком случае объясните, как же воспринимать тот факт, что вас нашли возле обезображенного трупа девушки? То, что при вас нашли эти мерзкие приспособления? Наконец, фотографии, найденные при обыске у вас дома, в серванте? Вы постоянно упираете, что все это — недоразумение, отказываетесь признать в содеянном. Вы что, не понимаете, что вашего признания и не нужно? Ведь факты говорят сами за себя! Вы — самая низкая тварь, какую я встречал за время своей следственной практики! Вы — чудовище!! После всего содеянного, несмотря на очевидные улики, вы еще пытаетесь запереться, стараетесь вызвать к себе жалость... Монстр!

Сергей ошеломленно смотрел на следователя. Внезапно выплеснувшаяся ненависть этого человека, до сей поры сдержанно-суховатого, поразила его. Нет, он не питал никаких иллюзий относительно добросердечности закона к преступнику, отнюдь. Специфика его работы давала возможность реально взглянуть на подобного рода явления.

Однако, ствовало п всего — чел нехороший обходимо, яться, вын для чего тивная, пу гнившая, тенциарна

Оказав. понял, что отношении ступление окружала

Никто ли, ни ЧЕЛОВЕК выродок,

Даже тельствах может им обрekli

Когда подстави менты, н нал, что контроли мера слу ного зме ровать н что он и обследов

Да, с может р преслед ких нем выкли н такой с

Но допуст на ЭТО Сер исслед

9 Заказ М

Однако, как бы то ни было, в любом случае существовало правило, гласившее, что преступник прежде всего — человек. Оступившийся, согрешивший, пусть нехороший, пусть заблудший, но — человек. И ему необходимо, насколько это возможно, дать шанс раскаяться, выкарабкаться, спастись. В противном случае, для чего же тогда существует громоздкая, консервативная, пусть не очень правильная, пусть даже протенициарная система?

Оказавшись по ту сторону закона, Сергей внезапно понял, что был не прав, рассчитывая на непредвзятое отношение к себе, как к Человеку, совершившему преступление. Глухая стена сле сдерживаемой ненависти окружала его с момента задержания.

Никто из тех, кто общался с ним, — ни надзиратели, ни медперсонал, — не видели в нем человека! ЧЕЛОВЕКА. МОНСТР! Для них он был монстр, выродок, чудовище.

Даже не разобравшись в противоречивых обстоятельствах дела, не удосужившись предположить, что тут может иметь место какая-то ошибка, его единогласно обрekli на поражение.

Когда он высказывал предположение, что его могли подставить, подбросить фотографии, подложить инструменты, над ним откровенно смеялись. Когда он упоминал, что вследствие полученной травмы не всегда может контролировать свои поступки, приводя в качестве примера случай, когда его обнаружили на шоссе, укушенного змеями, это воспринималось как попытка симулировать невменяемость. Медкомиссия дала заключение, что он психически полноценен, даже не удосужившись обследовать его.

Да, он понимал, что тот, кто совершил все ЭТО, не может рассчитывать на снисхождение, что таких нужно преследовать любыми возможными способами, что таких немного и это тем более страшно — люди не привыкли к проявлениям подобного рода, и потому каждый такой случай выглядит так ужасно.

Но ведь он НЕВИНОВЕН! Он и мысли не может допустить, что способен совершить что-нибудь похожее на ЭТО, пусть даже в состоянии невменяемости.

Сергей вспомнил, что один из маститых ученых, исследовавший изрядно нашумевший в свое время слу-

чай с Иссэем Сагавой, который слопал свою подругу, сказал: каждое отклонение от нормы в этой области заслуживает самого тщательного исследования причин, его породивших. Сагаву признали невменяемым в момент совершения преступления и отправили на лечение в психиатрическую клинику, где он... написал об этом книгу! Книгу, которая стала бестселлером.

Для определения степени психической полноценности этого японца проводились тщательные медицинские эксперименты, причем неоднократные.

Каждый подобный случай на Западе становится предметом изучения многочисленных групп ученых.

Почему никто не хочет тщательно разобраться в его деле? Почему никто не обращает внимания на массу неувязок, а порой и вопиющих противоречий в ходе расследования? Почему? ГОСПОДИ! Ну почему он такой несчастный, почему именно его кто-то избрал козлом отпущения, именно его так жестоко подставили?

На следующий день Сергея перевели из больничного корпуса в общий. Он практически не оправился от побоев, ужасно болела голова, все тело ломило, к горлу то и дело подступала противная волна тошноты.

Какой-то тюремный чин, в кабинет которого Сергея привели после выдворения из палаты, сделав запись в объемном черном журнале, вяло бросил сержанту внутренней службы:

— В одиночку его, на второй этаж.

Что ж — все правильно. Таких, как он, не держат вместе с остальными, чтобы оградить от репрессий. Хоть в этом придерживаются принципов гуманности. На втором этаже его подвели к одной из многочисленных дверей из листового железа с глазком посередине. Отныне вся жизнь его будет подсматриваться через этот глазок. Много ли ее осталось?

Сергей не заметил, как сопровождавший его сержант перемигнулся с отпирающим дверь старшиной, дежурившим по этажу.

Как ни странно, в камере были люди. Трое мужиков — здоровенные мрачные типы с равнодушными глазами убийц. Из камеры в коридор хлынула волна смрадного зловония. Сергей на секунду зажмурился, застыл в дверном проеме.

— Меня
чок в спину
Дверь за
мого засова
рассматрив
обступили.

— Муж
ставил сло
разогнуться

— Пом
упор, нем
зирателя.

Били н
практичес

Его под
шкону. Од
ву к воню

Другой
ничего уж

Отыска
бенного т
лись, под

четырьмя
го, добав
и академи

и его сор
Горазд
шей судь

В реги
входе, Па

ли, что т
ной, дост

мере не м
Около

кабинетам
ных лиц
По вс
нии обра
Раздо

— Меня в одиночку. Вы ошиблись! — Сильный толчок в спину швырнул его на середину камеры.

Дверь захлопнулась, послышался скрежет запираемого засова. Некоторое время трое пристально, молча рассматривали Сергея, затем дружно встали со шконок, обступили.

— Мужики, это ошибка. — Страшный удар в пах заставил сложиться пополам. На четвереньках, не в силах разогнуться, Сергей бросился к двери, закричал:

— Помогите! — И осекся. Из глазка на него в упор, немигающе смотрел с любопытством глаз надзирателя.

Били недолго. Слабый после предыдущих побоев, он практически сразу перестал сопротивляться.

Его подняли с пола, бросили животом на нижнюю шкону. Один из истязателей сел сверху, придавив голову к вонючему матрацу.

Другой, расстегнув свою ширинку, рывком содрал с ничего уже не соображавшего Сергея штаны...

ГРУППА ВЖИВАЕТСЯ В УСЛОВИЯ

Отыскать Академию наук АзССР не составило особенного труда. Первый же бакинец, к которому обратились, подробно объяснил, как добраться до оной аж четырьмя способами. К пояснению он, помимо прочего, добавил свое пространное суждение о науке вообще и академии в частности, что весьма позабавило Павла и его соратников.

Гораздо сложнее пришлось при выяснении дальнейшей судьбы экспедиции Краузе.

В регистрационном отделе, куда их направили при входе, Павлу и его товарищам долго и нудно объясняли, что такие сведения являются государственной тайной, достоянием республики и, разумеется, ни в коей мере не могут быть преданы огласке.

Около двух часов ушло на бесплодное хождение по кабинетам, уговоры, увещевания различных должностных лиц — все тщетно.

По всей видимости, с гостайнами в этом учреждении обращаться умели.

Раздосадованные агенты вышли в пустынный вести-

бюль и присели на продырявленный окурками кожаный диванчик, чтобы обсудить положение. Некоторое время они прикидывали различные варианты получения информации, но, к стыду своему, так ничего толкового и не придумали.

Когда поток идей иссяк, все уныло примолкли.

Внезапно Павел, рассеянно оглядывавший вестибюль, впился взглядом в одну точку. Некоторое время он беззвучно шевелил губами, затем неожиданно, как-то ухарски, захохотал.

Остальные с недоумением смотрели на него, коренастый настойчиво интересовался, что случилось, а неопределенной внешности блондин даже пощупал пульс хохотуна.

Павел, скорчившись от смеха, отмахнулся от них и, продолжая заливаться, указал пальцем на противоположную стену.

Так смеяться ему не приходилось лет восемь. Последний раз это было в Колумбии, во время операции по ликвидации перевалочной базы наркомафии.

Тогда их группа, высаженная десантом с самолета, около трех часов продиралась по джунглям. Потом они еще с час резали проволоку, ползли по территории базы, добросовестно глушили часовых, удивляясь, что те расхаживают в форме общего образца. Затем они ворвались в трехэтажный корпус, страшные, вымазанные камуфляжной краской, готовые ко всему. Там их встретил полупьяный офицер в форме летчика, совершенно безоружный. При виде свалившихся с неба дьяволов бедолагу хватил элементарный обморок, в каком он и остался пребывать в течение длительного периода.

Как выяснилось, летчики перепутали квадрат высадки, группа десантировалась на сто пятьдесят километров южнее базы и взяла с боем... склады НЗ колумбийских ВВС!

Товарищи Павла, в свою очередь, некоторое время изучали стену, куда был направлен перст указующий, затем совместно разразились смехом.

Прямо перед ними, на стене висела огромная карта СССР, надпись на которой гласила: «Научно-исследовательская экспедиция АН АзССР в 1991 году».

1991 год, по всей видимости, был чрезвычайно тяжел для Академии, так как на карте была обозначена флажками всего одна экспедиция.

Внизу,
маршрута
научные ц
В Нахи
все вокруг
недалеких
го памяти
изображал
мечом в
отлит в м
отправили
Проша
дальнейш
зе, группа
зальный
шей коро
трудности
нужную и
осуществл
ных жите
никто не
Вдобав
города т
района. А
пребыван
ной проп
Подоб
не было
Пообе
вокзальн
ванным
их ожид
капитана
зимних
го чина
желюбнь
— По
ложив р
уже полд
покажите
Выясн
особом р
навестит

Внизу, под картой, находилось подробное описание маршрута экспедиции доцента Волобуева, а также ее научные цели и план работы.

В Нахичевань поезд прибыл ранним утром, когда все вокруг благоухало южными ароматами и панорама недалеких гор составляла прекрасный фон для чугунного памятника на привокзальной площади. Памятник изображал мужественного горца на коне и с турецким мечом в поднятой руке. Поспорив по поводу того, кто отлит в монументе — Кёр-Оглы или Бабек, соратники отправились шляться по городку.

Прошатавшись до обеда в поисках транспорта для дальнейшего движения по маршруту Волобуева — Краузе, группа Павла в полном составе явилась в привокзальный ресторан с мухами и запахом недавно умершей коровы. Судьба явно не баловала их отсутствием трудностей. Автобусы и другой транспорт в сторону, нужную им, не ходили. Все сообщение с этим поселком осуществлялось посредством личного транспорта местных жителей, а в данный момент, как назло, ехать туда никто не собирался — незачем было.

Вдобавок ко всему, на любой выход транспорта из города требовалось разрешение коменданта особого района. Аналогичное же разрешение требовалось для пребывания в районе ЧП всех лиц, не имевших местной прописки.

Подобных документов у них не было, так же как и не было времени на их добычу.

Пообедав, соратники вышли из ресторанчика в привокзальный парк с чахлыми акациями и концентрированным запахом древней мочи. Возле выхода из парка их ожидала новая неприятность в лице здорового капитана в камуфляже израильского производства для зимних районов. Выражение физиономии должностного чина не давало повода заподозрить военного в дружеских намерениях.

— Помощник коменданта капитан Костомов, — приложив руку к кепке, представился он. — Я вас сегодня уже полдня наблюдаю в самых разных местах. А ну, покажите документы!

Выяснив, что документов на право пребывания в особом районе у них не имеется, а приехали они, чтобы навестить дорогого друга Павла, с которым тот служил

срочную службу на Дальнем Востоке, капитан расплылся в плотоядной улыбке:

— А ну, давайте вон в ту машину!

Перед парком стоял грузовик с брезентовым тентом. Рядом лениво прохаживались трое солдат с автоматами. Тяжко вздохнув, агенты забрались в кузов.

После недолгой езды машина остановилась у обшарпанного здания комендатуры. В недалеком прошлом здесь размещалась администрация районной скотобазы, о чем красноречиво свидетельствовала вывеска при входе во двор, изображавшая какое-то странное животное — помесь динозавра с давно вымершим буйволом с могучим загривком.

Задержанных подвели к кабинету, на двери которого на большом листе ватмана было написано: «Комендант особого района п/п-к. Стерцов Х.А.».

Комендант — упитанный, багроволицый, с бойкими глазами — кричал по телефону. Дождавшись, когда он закончит кричать, капитан с недружелюбным лицом доложил:

— Вот привел. Прибыли утром на поезде, полдня шарятся по городу, вынюхивают. Документов на право пребывания в особом районе нет.

Бегло просмотрев паспорта задержанных, комендант поинтересовался, какова цель прибытия. Выслушав объяснения насчет друга Павла, который живет в дальнем селе, он сосредоточенно нахмурился. Затем выдал:

— Я вас задерживаю до установления наличия этого вашего Мамада Гусейнова.

Такой поворот дела обескуражил путешественников. Они наперебой начали увещевать своего заточителя, призывая к гуманности, упирая на отсутствие времени.

В конце концов власть имущий крикун рявкнул:

— Я думаю, торг здесь неуместен! Тут процессом команду я, понятно вам?!

Пленников постыдно выдворили из кабинета. Когда их проводили под раскрытым окном главкрикуна, они имели удовольствие слышать кусок беседы сурового задержателя с кем-то по телефону:

— Да, да, за месяц первое задержание! Да, да, сразу трое! Очень, очень, опасные! Ну вот, а вы говорили, плохо работаем!

Фильтр-пункт, или, проще говоря, помещение для задержанных, представлял собой наполовину завалив-

шийся сара
бинета Стер
туры.

Весь ост
ли возмож
комендант
телефону,
альных тер
ше полови
нечем.

К концу
в районе

С утра
вывели ум
сти. Затем
емая бурд

Отпроб
листы меж
яние легк
выводу, чт
действите
те, кто в
неизменно
ставителя
что-то по

Армей

Не ус

уже ожид

мощник

туре оста

Он в

одну лоп

сти генер

Когда

зить сво

прав чел

случае э

ку они и

задержан

полной

коменда

вплоть

вания.

Перс

шийся сарай, который располагался напротив окон кабинета Стерцова, метрах в десяти от здания комендатуры.

Весь остаток этого дня приунывшие пленники имели возможность, благодаря выдающейся силе легких коменданта, прослушивать его служебные разговоры по телефону, из которых, ввиду обилия каких-то специальных терминов и сугубо армейских афоризмов, больше половины они не поняли. Больше развлечься было нечем.

К концу дня агенты были в курсе всех творившихся в районе ЧП.

С утра изрядно помятых и невыспавшихся агентов вывели умываться и справлять естественные надобности. Затем покормили. Это была какая-то трудноусвояемая бурда, именуемая коинвоем «армейской пищей».

Отпробовав жуткого варева, многоопытные специалисты международного сыска были ввергнуты в состояние легкого шока. Они, не сговариваясь, пришли к выводу, что армия, солдат которой кормят ЭТИМ, будет действительно непобедима во веки веков. Потому что те, кто вынужден употреблять в пищу ЭТО, должны неизменно испытывать нечеловеческую ненависть к представителям чуждой капсистемы, то есть к тем, кто ест что-то получше.

Армейская пища — вот секрет военной мощи!

Не успели агенты опомниться от завтрака, как их уже ожидал второй удар. С утра комендант и его помощник укатили по своим делам. Старшим в комендатуре остался начальник караула — сержант.

Он вывел пленников во двор, всучил им веники, одну лопату с трухлявым черенком и заставил произвести генеральную уборку двора.

Когда возмущенные агенты попытались было выразить свое несогласие со столь вопиющим нарушением прав человека, им терпеливо объяснили, что в данном случае эти права на них не распространяются, поскольку они из разряда людей временно выбыли, так как задержаны за нарушение режима ЧП и находятся в полной власти караула. А если они будут возмущаться, комендант очень даже просто может добавить больше — вплоть до тридцати суток, благо имеются все основания.

Перспектива в течение месяца подвергаться обработ-

ке «армейской пищей» махом сломила гордый дух сопротивления.

Уныло разобрав матбазу, незадачливые фронтеры начали овладевать искусством дворников.

Работы было очень много, по всей видимости, двор ни разу не убирался с момента заложения фундамента самого здания, а может быть, и раньше. Сержант сказал: «С утра и до ворот!», что несло в себе недвусмысленную информацию о нескольких днях каторжной работы.

Все началось в три часа пополудни. Сначала приехали комендант с помощником, и оба, сыто икая, прошли в кабинет. Некоторое время они лениво переговаривались. Судя по обрывкам фраз, долетавшим из окна, речь шла о рыбалке и каких-то женщинах.

Минут через пятнадцать пронзительно затрещонил телефон. Павел, пристроившись подметать под окнами кабинета, сначала не придавал этому особого значения. Ну, звонит себе. Однако, прислушиваясь к ответам Стерцова, перестал мести и подошел поближе.

— Да что вы говорите? Не может быть! От кого? Правительства?! Да я... Нет, нет! Ни сном, ни духом! Да я... Есть! Так точно! При чем здесь мои погоны?! Есть! Да при чем здесь трибунал?! Есть! Понял! — Он положил трубку. — Командир дивизии звонит. Сегодня в восемь часов утра рота спецов, которой командует Андреев, перешла границу и двинулась в глубь территории соседей. Соседи заявили протест по всей форме! Ты представляешь?! Мне звонят из Баку и заявляют, что у меня под носом... Вот скоты! Под трибунал, говорит. Меня под трибунал! Сволоты. И никто ни гу-гу. Комбат спецов молчит. Этот скот — Андреев — ни полслова! Спецназ, ети его!

По мере того как Стерцов набирал обороты, речь его с каждой секундой обрастала каскадом непечатных выражений.

Разрядившись, комендант несколько пришел в себя и занялся делом.

— И знаешь, что самое странное? Комдив говорит, что в ноте протеста указано, что вместе с солдатами там еще какие-то гражданские! Какие там еще гражданские? Волобуев этот, что ли, с экспедицией?! Ну, подожди, Волобуев, доберусь я! Давай поднимай резерв в ружье и быстренько, быстренько в это село. На БТРы и давай!

К вечеру добер
на вертушку
Капитан, и
и исчез за во
телефону с к
подготовки к
Чтобы о
лось буквально
дил. Сейчас
план. А они
ударь отсю
виться туда
времени на
сражение.

А что е
часовых соб
обсуждали
да стала яс
ких Стерцо

Среди
непечатным
и здравые
чей на пер
потрохами
следовала
положенно

Предос
арной жиз
зился к о
сняв повс
вая втору
лежали ка
в которой
нипуляци
дергая на
петли — к

Павел
близился
стый не
очередь,
мимо бл
тому кор
центром

К вечеру доберетесь, может быть. А я сейчас в аэропорт, на вертушку и тоже туда.

Капитан, выскочив из здания, пробежал через двор и исчез за воротами. Стерцов в это время ругался по телефону с командиром экипажа, требуя немедленной подготовки к вылету.

Чтобы осмыслить информацию, Павлу понадобилось буквально несколько секунд. Значит, Краузе опередил. Сейчас он, используя Ивана, осуществляет свой план. А они торчат здесь, двор метут. Даже если сейчас удрать отсюда, угнать какую-нибудь машину и отправиться туда, они доберутся только к вечеру. К тому времени на подступах к горе развернется настоящее сражение.

А что если... Павел оглянулся по сторонам. Трое часовых собрались возле колонки с водой и сумбурно обсуждали случившееся, суть которого без особого труда стала ясна благодаря уже вышеуказанной силе легких Стерцова.

Среди прочих высказываний, щедро пересыпаемых непечатными выражениями, мелькали довольно свежие и здравые мысли: «отправить этих зажавшихся сволочей на передовую, в горы, особенно Стерцова», «сдать с потрохами комдиву, чем они здесь занимаются», далее следовала информация о какой-то зажатой тушонке, положенной спедам.

Предоставив часовым обсасывать подробности кулуарной жизни комендатуры, Павел на цыпочках приблизился к окну и осторожно заглянул в кабинет. Стерцов, сняв повседневную форму, прыгал на одной ноге, вдевая вторую в штанину камуфляжа. Рядом на диване лежали камуфлированная куртка и портупея с кобурой, в которой явно топорщился пистолет. Прodelывая манипуляции со штанами, он тихо и страшно ругался, дергая на ширинке пуговицы, не желавшие влезать в петли — камуфляж был новый, ненадеванный.

Павел, как бы невзначай, размахивая веником, приблизился к коренастому и что-то сказал ему. Коренастый не спеша направился к худощавому и, в свою очередь, что-то шепнул ему. Затем они вместе прошли мимо блондина неопределенной внешности и бросили тому короткую фразу. По ходу образовали треугольник, центром которого оказалась группа часовых — при этом

все трое продолжали исправно выполнять обязанности дворников.

Во время этих замысловатых маневров на местности Павел незаметно проскользнул в здание.

Приоткрыв дверь кабинета, агент осторожно заглянул внутрь. Стерцов стоял, согнувшись спиной к нему, и зашнуровывал ботинки.

Когда через несколько секунд в затылок коменданта уперся ствол пистолета и вкрадчивый голос произнес «Тихо!», он застыл.

Наверное, он ни разу не испытывал чего-либо подобного, потому что секунду спустя, резко разогнувшись, не обращая внимания на то, что его еще не раз крепко ткнули стволом в затылок, бросился к дивану и схватил портупею. Пистолета в кобуре не было.

— Ты? А...— Он не в силах произнести фразу потыкал пальцем в сторону пистолета, который Павел держал в руке.

— Да, как видишь,— невозмутимо произнес агент,— у меня как раз не было пистолета и пришлось воспользоваться твоим. Ты ведь не будешь сильно расстраиваться, правда? Наверное, в тебя ни разу не стреляли, иначе бы ты так себя не вел.

Немного опомнившись Стерцов вдруг отреагировал несколько своеобразно:

— Ты! Отдай пистолет! Он с патронами! Он за мной закреплен! У каждого должен быть свой пистолет! — Тут он было возвысил голос несколько более, чем положено человеку, у которого отобрали оружие.

Павел немедленно шагнул вперед и сурово пнул крикуна в печень, отчего тот скрючился и сел на пол, испуганно глядя на пинателя.

— Я вижу, ты неплохо понимаешь, когда с тобой обращаются по-человечески,— агент вдавил ствол пистолета в горло пнутого,— слушай внимательно и постарайся быстрее соображать. Мы уполномочены действовать по своему усмотрению и имеем право устранять возникающие препятствия любыми способами. Поэтому, если ты будешь мне мешать, я пристрелю тебя как собаку! — Стреноженный внезапно свалившимися штанами, Стерцов быстро закивал головой.

— Так вот,— продолжал Павел,— моя группа работает здесь как раз по тому делу, насчет которого ты только что говорил по телефону с комдивом. И поста-

райся понять
стоит — дело

— Вы из
ствол от горла
что у него по

значительно
— Я позн
быть докуме
вас,— коменд
Павел тут ж
вого крикун
сторону.

— Ты на
на установл
Тем более,
в курсе так
порт и вме
я тебя введ
стрелю.

Они вы
«уазик». Во
сиденье, л

Подойд
но махнул
группы ч
сиденья, н
теля и пер

— К м
Водите
агрессора
ко, спрос

— Че
жал плеч
В это
ров, даже
обоих авт
дат, отче
проделал

Водит
томилис

— О
вкратце
Групп
день С

райся понять, что жизнь твоя и гроша ломаного не стоит — дело государственной важности.

— Вы из Комитета? — Стерцов осторожно отвел ствол от горла и попытался закрепить штаны на бедрах, что у него получилось из рук вон плохо. Павел многозначительно усмехнулся.

— Я позвоню... Как же документы? У вас должны быть документы! Я позвоню в дивизию, узнаю насчет вас, — комендант было двинулся в сторону телефона. Павел тут же пресек эту попытку, оттолкнув недоверчивого крикуна назад, и опять направил пистолет в его сторону.

— Ты начинаешь мне надоедать! У нас нет времени на установление личностей и выяснение подробностей. Тем более, неужели ты думаешь, что в дивизии кто-то в курсе такого важного дела? Сейчас мы едем в аэропорт и вместе летим на место происшествия. По дороге я тебя введу в курс дела. Если вякнешь еще раз, пристрелю.

Они вышли во двор, где уже поджидал заведенный «уазик». Водитель-солдат, положив автомат на соседнее сиденье, листал какой-то журнал.

Подойдя к машине с правой стороны, Павел небрежно махнул рукой в сторону сосредоточившихся возле группы часовых агентов и, резко схватив автомат с сиденья, направил его на водителя, сняв с предохранителя и передернув затворную раму.

— К машине! Руки за голову!

Водитель, удивленно уставившийся на неожиданного агрессора, медленно выполз из кабины, не забыв, однако, спросить у коменданта:

— Чего это, а? — На что Стерцов неопределенно пожал плечами.

В это время агенты быстренько разоружили конвоиров, даже не нанося им побоев. Коренастый сдернул с обоих автоматы и легонько оттолкнул оторопевших солдат, отчего те сели на задницы. То же самое худощавый проделал с третьим.

Водителя и караул заперли в сарай, где до этого томились сами.

— Оружие нам понадобится во время операции, — вкратце пояснил коменданту Павел, — потом отдадим.

Группа уселась в машину, стиснув на заднем сиденье Стерцова крепкими плечами.

НАРУШЕНИЕ ГРАНИЦЫ

Обычно Иван планировал свой распорядок следующим образом: в 22.00 он забирался на первый пост, расположенный несколько выше остальных, и находился там до шести утра, периодически спускаясь для проверки других постов.

Поутру, оставив на двух точках наблюдателей, он вместе с ночной сменой сползал вниз в лагерь. Там докладывал на базу, что ночь прошла без происшествий, завтракал и ложился спать, предоставив заниматься дневными делами замполиту.

На этот раз устоявшийся порядок был нарушен. Спустившись в лагерь, Иван с удивлением обнаружил, что команда доцента Волобуева находится в полной экипировке и готова к выдвигению.

Члены-пациенты стояли ровным строем в альпинистском снаряжении, навьюченные поклажей. Волобуев и А.И. в таком же снаряжении, но без поклажи, ходили вдоль строя и проверяли укладку.

— Привет деятелям науки! Я думал, вы после дороги до обеда будете дрыхнуть! Да, дисциплинка у вас что надо! — выразил свое восхищение Иван.

Волобуев в ответ приветственно осклабился, растянув рот в узкую щель, сейчас, при дневном свете, его лицо казалось неподвижной желтой маской.

— Кто рано встает, тому Бог подает! — выдал дядя Ивана, — а сегодня мы надеемся получить от товарища Бога очень многое.

Поболтав немного с доцентом и дядькой, Иван уселся завтракать. Проглотив ложку слегка подгоревшей каши, он вдруг усиленно задвигал ноздрями, принюхиваясь к чему-то.

— Дуськин! Это чего?! Как будто кофе пахнет?!

Сияющий Дуськин — дежурный по кухне (вечный — потому как «дух») — с торжественной улыбкой водрузил на стол огромный чайник, от которого исходил забытый аромат цивилизации, и продекламировал: — Натуральный растворимый! Подарок от гостей. Три банки пожертвовали на военные расходы! Да еще с забугорным витамином.

— Тю, ядри его! — Иван с наслаждением отхлебнул большой глоток ароматного напитка. — А что за витамин?

— А вот, —
небольшой же
— Доцент
таминов.

В коробке
нул еще глота
ся ему слегка
— А не м

— Доцент
что не повре

— Ну, ра
допил кофе,
и покачивая

потягивал ч
подготовкой
как мелочь —
уже настрое

Минут ч
какое-то стр
вожить мел

накануне.
синяке, кот
кина, абсо

Исчезли в
Немного
думает, — в

ким-то ир
Внезап
все сторон

— Что
мневаться
пойдем.

Иван,
ощущая,
бы незав

Зашел
Через
затем, не

— Ро
Через
жение. Б
гоняли
замедле
Ник

— А вот,— Дуськин сбегал в кладовку, вернулся с небольшой жестянкой.

— Доцент дал. Содержит комплекс минералов и витаминов.

В коробке находился желтый порошок. Иван отхлебнул еще глоток, помуссировал во рту. Напиток показался ему слегка кисловатым.

— А не много сыпанул? Что-то больно кисло.

— Доцент сам сыпал,— пояснил Дуськин,— сказал, что не повредит.

— Ну, раз доцент сказал,— Иван с удовольствием допил кофе, налил еще полкружки. Рассеянно улыбаясь и покачивая головой, не спеша, продлевая удовольствие, потягивал черную жидкость, вполглаза наблюдая за подготовкой экспедиции. Много ли человеку надо? Такая мелочь — кофе. А уже скачок за рамки обыденности, уже настроение поднялось, приятно.

Минут через десять Иван почувствовал, что впал в какое-то странное состояние. Его вдруг перестали тревожить мелкие проблемы службы, не дававшие покоя накануне. Уплыла куда-то беспокойная мыслишка о синяке, который живописно оттенял правый глаз Дуськина, абсолютно пропали думы о немирных соседях. Исчезли внешние раздражители — шум, цвет, движение.

Немного напрягшись, он заметил, что ни о чем не думает,— все, что было перед глазами, выглядело каким-то ирреальным, как во сне.

Внезапно откуда-то появилось расплывающееся во все стороны лицо Волобуева.

— Что, подействовал витаминчик? Можете не сомневаться, остальные чувствуют то же самое. А ну-ка, пойдем.

Иван, туманно улыбаясь, с готовностью поднялся, ощущая, что все части тела работают сами по себе, как бы независимо от него.

Зашел вместе с Волобуевым в вагончик.

Через несколько минут вышел на порог, постоял, затем, неестественно напрягая лицо, крикнул:

— Рота-а-а! В ружье! Полная боевая!

Через несколько секунд все в лагере пришло в движение. Бойцы привычно, не суетясь, вооружались, подгоняли экипировку, двигаясь как-то плавно, несколько замедленно.

Никто не спрашивал причину «ружья», никто не

волновался, не было обычных в таких случаях переругиваний и суматохи.

Через пять минут рота стояла в линию взводных колонн. Чуть левее урчали расположенные в ряд десять БТРов.

— Внимание! Мы будем выполнять правительственное задание! Все участвующие в операции будут награждены правительственными наградами! На время проведения операции наш начальник — генерал-майор КГБ Волобуев! Беспрекословно исполнять все его команды! Выдвигаемся единой колонной к подножию вот этой горы. По прибытии на место будем прикрывать восхождение экспедиции. Вопросы?

Вопросов не было. Иван мог бы и не говорить всего того, что ввел ему Краузе-Волобуев. Рота пребывала в таком состоянии, что вряд ли кто-нибудь стал бы задавать вопросы, сообщи он, что сейчас придется первому взводу расстрелять второй.

— Согласно расчету — по местам! — Несколько заторможенно двигаясь, бойцы побежали к машинам. Тут оказалось, что для членов экспедиции не хватило места. Генерал-майор Краузе-Волобуев немедленно распорядился, чтобы Иван высадил два отделения. Солдат спешили и во главе с сержантом оставили для охраны лагеря, хотя охранять было нечего.

Никто не прекословил. БТРы с членами-пациентами поставили в середину колонны. Доцент и А.И. разместились вместе с Иваном — на командирской машине.

Через двадцать минут миновали предполагаемую демаркационную линию. Надсадно гудя моторами, бронетранспортеры ползли по серпантину вверх. На постах наблюдения сопредельников возникла паника. Дав несколько беспорядочных очередей по колонне, на которые те никак не прореагировали, наблюдатели убежали в свой лагерь.

Колонна продолжала двигаться вперед.

Сообразив что-то, Краузе снял с Ивана шлемофон и начал кричать в ухо. Натянув шлемофон, Иван передал по колонне:

— Внимание всем Драконам. На запросы базы не отвечать, всем переключиться на частоту...

Минут через двадцать движения по чуждой территории на дороге показался пост.

Старой конструкции бронетранспортер с открытым верхом стоял на обочине, с другой стороны дороги примостился «КАМАЗ» с поднятым кузовом. Возле хилого шлагбаума лениво слонялись несколько боевиков в полувоенной форме, вооруженные автоматами. Завидев колонну, они суетливо заметались и, попрятавшись за техникой, изготавились к открытию огня.

Краузе, побледнев лицом, опять сорвал шлемофон с сидевшего истуканом Ивана и начал накрикивать ему на ухо.

Через несколько секунд по колонне прозвучала команда:

— Внимание, Дракон-4, по транспорту противника двумя гранатами, Дракон-2, Дракон-3 по живой силе противника из башенных пулеметов!

На некоторое время наступила пауза, во время которой командирский БТР, вильнув задом, сместился за обочину.

— ОГОНЬ!!!

Огненный шквал обрушился на прятавшихся за техникой. Чуть погодя с небольшим промежутком два раза рывкнул гранатомет.

Пост был УНИЧТОЖЕН.

Когда проезжали мимо чадающего баками «КАМАЗа», Краузе уловил отчаянный вопль смертельно раненного боевика, который скрюченными пальцами цеплялся за каменистый грунт, силясь в последнем порыве достать валявшийся прямо перед ним искореженный автомат.

Дальше на всем протяжении пути им больше никто не попадался, если не считать нескольких одиноких машин, которые торопливо сворачивали в сторону при их приближении.

Через два с половиной часа колонна забралась к самому подножию горы. Ползти выше не представлялось возможным — не позволяла крутизна.

Краузе дал команду занимать оборону. Минут двадцать Иван располагал БТРы и личный состав. В это же время Краузе и А.И. проверяли подготовку группы к восхождению.

Когда все было готово, Иван получил последнюю программу:

— Позиции не покидать. В переговоры не вступать. К горе не подпускать никого. Ни чужих, ни своих. Всякий, кто попытается пройти, — враг. Сам берегись,

выбери место побезопаснее и командуй оттуда. Да, чуть не забыл: раздать лично каждому солдату через час,— Краузе передал Ивану пакет с конусообразными пилюлями розового цвета.

— Ну, вроде все. В общем, стоять насмерть! — Закончил он и потрепал каменного Ивана по плечу, — всего доброго, Зомби.

Иван отправился выполнять что-то по программе, заложенной в его механизированное сознание.

Краузе, оглядывая заснеженную вершину, казавшуюся совсем близкой, лихорадочно заблестел глазами и произнес:

— Вот она... Неужели все получится? Неужели я его найду? — Тут он заметил, что его помощник чувствует себя нехорошо. От переживаний и волнений А.И. вдруг сделалось дурно. Судя по всему, он не испытывал никакого желания куда-то вообще лезть.

— Ну, ну, друг мой! Что это с вами? Взбодритесь! Нам с вами предстоит преодолеть самый трудный участок пути. Вы же мужчина, черт побери! Сейчас же возьмите себя в руки!

Краузе недовольно поморщился. Вот еще не хватало возиться с этим!

— Может быть, мне стоит остаться здесь? — голос А.И. звучал жалко, он просительно смотрел на шефа глазами побитой собаки, — я бы руководил Иваном. Здесь тоже ответственный участок!

— Что вы несете, — Краузе разозлился не на шутку, — распрощайтесь со своим Иваном! Он и его люди обречены на уничтожение! Через некоторое время сюда придут значительные силы вышибать агрессора со своей территории. Пока хватит боеприпасов, Иван продержится. А потом... В общем, пока он жив, сдаваться они не будут. Вы понимаете?! А ну-ка, давайте я сделаю вам укольчик.

Через десять минут они уже карабкались вверх. Краузе и А.И. шли в одной связке, соединенные крепким капроновым канатом, несколько сзади от основной группы. Правда, к поясу Краузе канат был присоединен карабином, в то время как другой конец каната был привязан к поясу А.И. мертвым узлом. На эту деталь, впрочем, А.И. не обращал никакого внимания.

Взбираясь по склону, они обогнули гору и вскоре потеряли из вида расположившихся внизу бойцов Ивана.

— Ну вот и лапуля не заденет, себя значительно

Через час вошло пришлось вбивать ходимые участки

Во время отдачи вскинулся как уж

— Шеф! А каковы отвесная скаловатость!

— Успокойте приятной ухмылки? А еще учите

этих двух, последние их поклажа

Вся их поклажа диоралевые трубы

Каждый из них то я увлекался

гими другими соревнованиях

страна меня не спикирован

довольно далеко останется только составит особые

все, отдохнули

В вертолете объяснил Ст

— Эти гра очень опаснее всего, они

их не остан расхлебашь

под трибуна Успокоен

хотел под т сии оставал

Вот дос

— Ну вот и ладушки,— пробормотал А.И.,— шальная пуля не заденет, если что.— После укола он чувствовал себя значительно лучше.

Через час восхождения идущему спереди цепочки пришлось вбивать первый крюк — начались труднопроходимые участки. Краузе скомандовал привал.

Во время отдыха А.И. внезапно посетила мысль. Он вскинулся как ужаленный и завопил:

— Шеф! А как же мы спустимся?! Ведь с той стороны отвесная скала! А с этой — боевики! Ведь мы в ловушке!

— Успокойтесь, друг мой! — Краузе ощерился в неприятной ухмылке, — вы только сейчас об этом подумали? А еще ученый! Посмотрите внимательно вот на этих двух, последних в цепи, тех, что идут перед нами. Вся их поклажа — несколько квадратных метров шелка, дюралевые трубки и штыри. Они несут два дельтаплана. Каждый из них можно собрать за десять минут. Когда-то я увлекался этим видом спорта, как, впрочем, многими другими. Даже как-то четвертое место занял на соревнованиях страны... Моей страны. Сейчас это моя страна меня не любит, как, впрочем, и другие.

Спикировав с вершины горы, мы сможем пролететь довольно далеко, если попадем в поток. А потом нам останется только добраться до Турции. Я думаю, это не составит особого труда при нынешней неразберихе. Ну, все, отдохнули. Вперед!

ПОГОНЯ

В вертолете Павел в самых доступных выражениях объяснил Стерцову суть дела.

— Эти гражданские, про которых упомянул комдив, — очень опасные шпионы. Мы давно за ними следим. Скорее всего, они чем-то споили вашу роту. Теперь, если мы их не остановим, наворотят дел. За десять лет потом не расхлебаешь! А с тебя погоны снимут — это железно! И под трибунал пойдешь как пить дать!

Успокоенный Стерцов откровенно загрустил. Он не хотел под трибунал. Без погон тоже не хотел — до пенсии оставалось совсем чуть.

Вот досада! Прослужить все время на паркете, при

Управлении, а под конец — нате вам! Ничего себе, подышал горным воздухом! Попил коньячку! Тут никакой тесть не поможет.

Павел, заметив, что клиент дошел до кондиции, прояснил ситуацию:

— Ну ты не больно-то расстраивайся. Если поможешь нам и операция пройдет успешно, может быть, и орден получишь! Все, что от тебя требуется, — это выполнять мои распоряжения. Усек?

Вертолет медленно, как казалось, продвигался к точке, указанной на карте, которую Павел предусмотрительно отобрал у Стерцова.

Комендант немного приободрился и даже начал задавать вопросы по существу дела. В частности, его интересовало, какую цель преследуют опасные шпионы и что требуется конкретно от него для успешного выполнения операции.

Получив в ответ информацию о том, что на горе находится тщательно законспирированная сверхмощная спутниковая радиостанция и шпионская группа хочет залезть туда, чтобы передать в свой центр совершенно секретные сведения, Стерцов удовлетворенно закивал головой. Когда же ему сообщили, что всю операцию проделает группа Павла, а от него потребуются только переправить их после завершения в Нахичевань, а оттуда в Ростов, комендант и вовсе воспрял духом.

В довершение всего Павел пообещал, что, как только они изловят главного супершпиона, он выпытает сведения, какой препарат тот использовал для одурманивания роты Андреева.

После этого Стерцов настолько обрел душевное равновесие, что, отчаянно фальшивя, засвистел «Прощание славянки».

Через два часа вертолет вплотную приблизился к месту событий. Еще издали можно было заметить, что у подножия горы идет бой.

Красные ниточки многочисленных трасс пропизывали все пространство внизу — у южных скатов.

С обеих сторон то и дело вставали долго не оседающие фонтаны пыли от разрывов гранат и мин.

Судя по всему, значительный перевес в огневой мощи был на стороне осаждающих — разрывов на позициях защитников горы было гораздо больше.

— Что тво
ял Стерцов, п
еще не видел
ния, комендан
по курсу движе
точек-трасс.

— Это что
вай! — В нем
щая решител
кабину закры
цов отчаянно

Павел, ле
товал откры
облетели гор
сами сориен
несколько м
жив вираж,

Поднима
увидели пря
гурки возле
того котлов

— Вот о
цов, пытаю
автомат,— м
крикуна в ж

— Молч
ся! — сообщ
садят маш
Обернулся
нам нужен

Через
передней
повис на
Его на
живая ви
жаться, м
пропасть.

— Ну
зе, потир

— Что творится! Как в кино! — остоленело пробле-
ял Стерцов, прильнувший к иллюминатору. Такого он
еще не видел. Зачарованно созерцая панораму сраже-
ния, комендант вдруг заметил, что невдалеке, спереди
по курсу движения вертолета, пролетели несколько лен-
точек-трасс.

— Это что они... По НАМ?! Твою мать... Заворачи-
вай! — В нем вдруг проснулся командный рык. Не обра-
щая решительно никакого внимания на то, что дверь в
кабину закрыта и экипаж не может его слышать, Стер-
цов отчаянно командовал поворачивать назад.

Павел, легонько саданув крикуна в под дых, посове-
товал открыть дверь и дать команду экипажу, чтобы
облетели гору с другой стороны. В это время пилоты
сами сориентировались и круто повернули назад. Через
несколько минут интенсивной ругачки вертолет, зало-
жив вираж, двинулся вокруг горы.

Поднимаясь над северным склоном к вершине, они
увидели прямо перед собой копошащиеся в снегу фи-
гурки возле большого, по всей видимости свежевыры-
того котлована.

— Вот они — шпионы! — взволнованно заорал Стер-
цов, пытаясь выхватить у сидящего рядом коренастого
автомат, — мочите их, чего же вы! — Коренастый саданул
крикуна в живот.

— Молчать! На этом твоя деятельность пока прервет-
ся! — сообщил Павел. — Дай команду пилотам, пусть по-
садят машину метрах в двухстах выше этих парней. —
Обернулся к агентам: — Ну, ребята, помните: Желтый
нам нужен живым.

ТАЙНА АППАРАТА

Через два с половиной часа восхождения идущий в
передней связке, неловко оступившись, сорвался вниз и
повис на стропе, качаясь над пропастью.

Его напарник изо всех сил вцепился в скалу, удер-
живая висящего. Было ясно, что долго ему не продер-
жаться, максимум через пару минут оба свалятся в
пропасть.

— Ну вот, началось, — досадливо поморщился Крау-
зе, потирая переносицу, — как бы мы это с вами вдвоем

поднимались? — Он обернулся к побледневшему А.И., с ужасом наблюдавшему за маятникообразными покачиваниями сорвавшегося.

Краузе отдал приказ:

— Внимание! Передать по цепи — второму номеру обрезать стропу первого!

Команда молниеносно проследовала наверх. Через несколько секунд второй номер перерезал стропу. Номер первый полетел в пропасть камнем, без крика, с глухим чавканьем ударяясь о скальные выступы.

Наконец, через пять с половиной часов с начала подъема вершина была покорена. За все время восхождения в пропасть сорвалось шесть человек, как и первый, безропотно, без криков, камнем падая вниз.

Вершина представляла собой огромную покатую площадку размером в несколько футбольных полей, покрытую слежавшимся, твердым, как дерево, снегом. В некоторых местах виднелись вогнутые воронки, как бы проталины, на дне которых был лед, прозрачный как стекло.

Прозвучала команда отдыхать. Несмотря на страшную усталость, А.И., вооружившись ледорубом, отправился осматривать местность. Побродив с полчаса, он вернулся к отдыхающему Краузе, который, счастливо жмуря глаза, уже прихлебывал дымящийся кофе, заваренный на пламени от сухого горючего.

— Ну, и где ваш самолет? Ни малейшего следа! — Нейрохирург выглядел страшно разочарованным. — Наверняка он разбился не здесь. А если и здесь, то его сдуло в пропасть первым же мало-мальски приличным порывом ветра — вон как дует, хотя небо ясное. — Вы представляете, что здесь творится в непогоду?

Краузе открыл глаза, прищурился на партнера:

— И как это у вас, ученых, делают? Ведь элементарнейшие вещи не желаете понимать! Ну-ка, зажгите спичку! И бросьте на снег.

А.И., недоумевая, достал из кармана коробок с охотничьими спичками. Поджег одну и бросил в снег. Спичка, искрясь и шипя, сгорела, погрузившись почти на четыре своих первоначальных диаметра.

— Ну и что? — поинтересовался А.И.

— Непонятно? — удивился Краузе.

— Чего тут понимать? — сердито огрызнулся А.И.

— Спичка утонула? — раздраженно спросил Краузе, — утонула. То же самое произошло с самолетом! В

момент столкнове
реться. Все, что
снегу. Поэтому
бы ветер ни дул
более четырех д
находиться под
— Это что ж
ну? — воскликн
с десятков эска
— Ну вот! С
ся Краузе. — Вы
гами на отвле
ковырялись в
гаемое направ
достаточной то
ния с горой. Т
поиска три че
секторе мы пр
часов уйдет на
— Что зна
в глазах кото
пался интере
обходе верши
— Провер
буйтесь! — Кр
через плечо,
Открыв одну
с кнопками
цилиндр с про
— Сейчас
искал, у нас
Немного
один А.И.
— Вот во
наушники,
услышите з
трогайте во
прибор не
вать горазд
так как зд
верхности.
Некотор
ятный рай
прощупыв

момент столкновения он должен был обязательно загореться. Все, что от него осталось, глубоко утонуло в снегу. Поэтому в пропасть ничего не свалилось, какой бы ветер ни дул. Улавливайте? А сейчас, когда прошло более четырех десятков лет, останки самолета должны находиться под толстым снежным покровом.

— Это что же, нам придется перекопать всю вершину? — воскликнул А.И. — Но ведь для этого потребуется с десятков экскаваторов и как минимум неделя!

— Ну вот! Опять вы за свое! — досадливо отмахнулся Краузе. — Вы можете самостоятельно поработать мозгами на отвлеченные темы? Ведь вы же всю жизнь ковырялись в мозгах у себя подобных? Зная предполагаемое направление движения самолета, мы можем с достаточной точностью определить точку его столкновения с горой. Таким образом мы исключаем из района поиска три четверти площади вершины. В оставшемся секторе мы прозвоним всю зону за полчаса. Еще пара часов уйдет на раскопки искомого.

— Что значит, прозвоним? — поинтересовался А.И., в глазах которого по мере объяснений Краузе просыпался интерес, утраченный было при первоначальном обходе вершины.

— Проверим металлообнаружителями! Да вот полюбуйтесь! — Краузе извлек из сумки, висящей у него через плечо, две небольшие пластмассовые коробки. Открыв одну из них, А.И. обнаружил маленький ящик с кнопками и регуляторами, наушники и тонкий цилиндр с проволочной дугой на одном конце.

— Сейчас я настрою приборы, и приступим к поискам, у нас не так уж много времени.

Немного повозившись с приборами, Краузе вручил один А.И.

— Вот возьмите. Прибор повесьте на грудь, наденьте наушники, щуп возьмите в руки. Если в наушниках услышите зуммер, сообщите мне. Ни в коем случае не трогайте вот этот регулятор! Если ручка собьется влево, прибор не будет работать. Если вправо, будет улавливать гораздо больший объем металла, чем необходимо, так как здесь могут быть выступы руды близко к поверхности.

Некоторое время Краузе высчитывал наиболее вероятный район поисков. Затем они с А.И. принялись прощупывать предполагаемый район металлообнаружи-

телями. Минут через двадцать в наушниках у А.И. раздался довольно четкий сигнал. От неожиданности доморощенный санер даже подпрыгнул. И тут же буйно возликовал:

— Шеф! Вот! Это я!

Краузе, однако, не проявил чувств. Он воткнул вещь, очертил контур поступления сигнала и велел продолжать поиски.

В других местах зуммера не было.

Позвали остальных членов экспедиции, безучастно сидевших на мешках, и приступили к отрывке котлована. Сначала пробивали узкие глубокие шурфы, затем Краузе запихивал в них динамитные патроны, которые удалось по дешевке приобрести у одного из сверстников 26 бакинских комиссаров, на Кубинке. Несмотря на то что патроны хранились с дореволюционных времен, они исправно рвались, не было ни одной осечки, что еще раз подтверждало конкурентоспособность бакинского теневого рынка. Затем снежное крошево выбрасывали лопатами.

Через два часа адского напряжения сил появился довольно неплохо сохранившийся остов самолета.

Невозмутимый Краузе на этот раз не смог сдержать нахлынувших чувств. Он бросился на А.И., стиснул его в объятиях и, истошно завопив, заплясал, с трудом выдергивая ноги из снеговой трухи.

Еще через полтора часа остов был тщательно очищен от снега. Внутри осмотрели каждый болтик, каждую щель, обмели все, что было можно. И тут их ожидал страшный удар.

Напрасно они еще и еще раз осматривали каждую деталь, затем расчищали котлован вокруг самолета на несколько метров, потратив массу времени и усилий.

ЯЩИКА НЕ БЫЛО

Краузе сидел на снегу, бессмысленно глядя перед собой и беззвучно шевеля губами. Он не мог поверить, что судьба на этот раз отвернулась от него.

До сих пор ему здорово везло. Правда, это везение всегда подкреплялось трезвым расчетом и незаурядными свойствами серого вещества. Но все же везло.

И вот он в
на все расчет
гие жертвы я
Значит, е
вымыслы? В
видцев, знав
А если
Вольфгаузен
чертежи. По
это явная
менее, это
чившемуся.
Краузе с
занятый сво
просто так,
из мешков
А.И. про
снегу, не об
нут через п
Бросив лоп
Шеф си
грудь. Рядо
план.
— Шеф
Краузе
да куда-то
— Все,
часто води
удачу зад
лось уход
остро чув
мой.
Сейчас
путь.
С этим
второй м
снег, не з
Он прив
доверять
Сейчас,
благопол
силы со
— Ва

И вот он впервые проиграл. Проиграл все. Несмотря на все расчеты, несмотря на титанический труд и многие жертвы ящика не было.

Значит, его не было вообще и все это — досужие вымыслы? Вымыслы многих ученых?! Фантазия очевидцев, знавших Вольфгаузена лично?

А если кто-то утащил ящик?! Кто-то из свиты Вольфгаузена остался в живых и упер документы и чертежи. После такой страшной катастрофы. Но ведь это явная дичь! Не может быть такого! А тем не менее, это единственное вероятное объяснение случившемуся.

Краузе с трудом выбрался из котлована и, всецело занятый своими мыслями, плохо соображая, что делает, просто так, машинально вытряхнул содержимое одного из мешков и начал собирать дельтаплан.

А.И. продолжал вместе с остальными ковыряться в снегу, не обращая внимания на отсутствие шефа. Минут через пятнадцать он заметил, что Краузе рядом нет. Бросив лопату, он выкарабкался из ямы.

Шеф сидел на снегу, безвольно уронив голову на грудь. Рядом лежал готовый к использованию дельтаплан.

— Шеф! Мы что — уже? А как же ящик?!

Краузе стряхнул оцепенение. Он поднял голову, глядя куда-то мимо А.И.

— Все, друг мой. Я проиграл. Да, проиграл. Я так часто водил судьбу за нос, что привык чувствовать неудачу задолго до ее приближения. И мне всегда удавалось уходить от нее. Теперь я тоже чувствую ее, очень остро чувствую, но... уйти не могу. Вот так-то, друг мой.

Сейчас я соберу дельтаплан, и мы отправимся в путь.

С этими словами Краузе стал рассеянно развязывать второй мешок. Смертельно уставший А.И. молча сел на снег, не задавая против обыкновения никаких вопросов. Он привык безоговорочно полагаться на шефа, слепо доверяться его необъятному, извращенному интеллекту. Сейчас, когда впереди перестала маячить надежда на благополучный исход, когда его кумир опустил руки, силы совершенно оставили его.

— Вам помочь?

— Нет, нет, я сам,— Краузе вывалил содержимое мешка на снег.

— Да, судьба оставила меня. После всего этого мне очень трудно будет начинать новое дело. Единственное, что осталось у меня, чтобы как-то скрасить горечь поражения,— деньги. Возвращаться на старое место, в Н... нет смысла — там засвечено, как у вас выражаются. В Европе мне делать нечего. Интерпол очень уж пристально интересуется моей скромной персоной. Обложили. Я не удивлюсь, если сейчас из-за бугра,— тут он кисло улыбнулся и махнул рукой в сторону верхушки горы,— да, да, вон из-за того бугра выскочат агенты Интерпола и закричат: «Стой, Желтый!» Знаете, они меня так называют, потому что...

И тут, словно бы в подтверждение его слов, снизу, слева, сразу, рывком выскочил вертолет.

Его появление было настолько неожиданным, что партнеры застыли, пораженные столбняком.

Вертолет на несколько секунд завис над котлованом, поднимая пургу, затем медленно опустился в двухстах метрах выше прямо на вершину, в самый центр.

Не успели шасси коснуться поверхности вершины, из салона один за другим выскочили четыре человека с автоматами и бросились к А.И. и Краузе.

Краузе первым опомнился от неожиданности. Сильно оттолкнув А.И., который вцепился в рукав его куртки, он ухватил дельтаплан и понесся скачками вниз по склону.

Четверо в один голос закричали:

— СТОЙ! Краузе, стой! — При этом двое из них выстрелили из автомата в воздух.

Не обращая внимания на выстрелы, Краузе стремительно несся вниз. Через несколько секунд он уже скользил по воздуху над самой поверхностью склона, неудобно сидя на раме и пытаясь зацепить за пояс свисавшую с середины верхней планки стропу с карабином.

Внезапно он кувыркнулся вперед, на секунду завис на раме, держась одной рукой за перекладину. Затем пальцы его разжались. Страшно крича, он полетел вниз, в пропасть.

У всех наблюдавших эту сцену вырвался дружный крик изумления.

Информацион
Вчера в район
Нахичеванью и
дент.

Подразделени
СССР в боевом
жив КПП по пр
подножью горы
восхождения на
К исходу дня
ны превосходя
самообороны. С
потери.

Командир п
Командован
за режимом ч
не, категоричес
акции.

Как выясни
вания, группой
ледовательская
лобуева, выпо
ний в данном

Для осущес
применили с
рат, подсыпав
подразделени
невменяемом
распоряжении
ляясь родств
ции, состоял

Проводит
тельств инци

17 августа

Поздно в
рической кл
чения и, за
В дверь
практикант

Э П И Л О Г

Информационное сообщение.

Вчера в районе противостояния, на границе между Нахичеванью и Арменией, произошел крупный инцидент.

Подразделение специального назначения ВВ МВД СССР в боевом порядке пересекло границу и, уничтожив КПП по пропуску транспорта, совершило марш к подножию горы, где заняло позиции для прикрытия восхождения на вершину группы гражданских лиц.

К исходу дня позиции подразделения были захвачены превосходящим по численности отрядом местной самообороны. С обеих сторон имеются многочисленные потери.

Командир подразделения пропал без вести.

Командование ВВ МВД, осуществляющее контроль за режимом чрезвычайного положения в особом районе, категорически отрицает свою причастность к данной акции.

Как выяснилось в ходе предварительного расследования, группой гражданских лиц оказалась научно-исследовательская экспедиция профессора медицины Волобуева, выполняющая программу научных исследований в данном районе.

Для осуществления своих планов члены экспедиции применили сильнодействующий психотропный препарат, подсыпав его в пищу, которую употребляли бойцы подразделения, после чего личный состав, находясь в невменяемом состоянии, выполнял самые абсурдные распоряжения командира подразделения, который, являясь родственником заместителя начальника экспедиции, состоял с ним в сговоре.

Проводится дальнейшее расследование обстоятельств инцидента.

17 августа

Красная Звезда.

Поздно вечером дежурный врач Ростовской психиатрической клиники дописал последнюю страницу заключения и, захлопнув папку, устало прикрыл глаза.

В дверь просунулось нахально-жизнерадостное лицо практиканта.

— Может, кофе, Виктор Семенович?

Врач помассажировал лицо.

— Давай.

— Что, замотали сегодня? Эти двое, последние. Буйные которые. Чего у них там?

— Да ничего особенного! Типичный маниакальный психоз. Шпиономания. Один все порывается показания дать по каким-то супершпионам. Военный. Дослужился до ручки. Где-то там в горах сидел — ну и не мудрено. Прилетел вчера на вертолете и бегом в местный отдел ГБ. Те его прямиком к нам. По особому распоряжению.

А второй — тот похлеще! Такая устойчивая форма психоза, в жизни не встречал. Ну прямо как нормальный! Этого сегодня утром на самолете из Баку доставили. Медик, известный нейрохирург, между прочим. Они там с начальником экспедиции где-то в горах были, чего-то кому-то подсыпали — в общем, отмочили.

Взяли его на следствие, а у бедолаги, видимо, от перенапряжения планка западать стала. Набросился на секретаршу, душить стал, аж корежит всего, глаза кровью налились. Ввели нейролептик, так он такую ахинею понес! Про какое-то новое психическое оружие, про какие-то операции. Да как складно излагает, сволочь! Обычно, батенька, такие не излечиваются, это полная безнадега.

* * *

В воскресенье, в полдень, жители Н..., отдыхающие в городском ЦПКиО им. Дзержинского, обратили внимание на объявление в очередной сводке новостей местного радио:

— Сегодня ночью, в промежутке между тремя и четырьмя часами покончил жизнь самоубийством гражданин Плеханов, задержанный по обвинению в многочисленных убийствах, до недавнего времени будораживших наш город. По недосмотру служащих СИЗО у Плеханова оказался брючный ремень, при помощи которого он повесился. Проводится расследование обстоятельств самоубийства.

Конец первой книги

Анарей Костин СМЕРТЕЛЬНАЯ КОМБИНАЦИЯ

Вагоны совсем
коридору мимо
прощание прово
в Кудринск.

Не удивляй
Просто я мно
хочется, чтобы
вали, стукнули
прочтут. От ли

Поезд ото
ведь обещали
распечатал па

Пошел ме
равно против

В общем,
меня не окли

— Из Мо
ветровке.— И

Он был с
ший, с ямо
вялое и быс

— Меня
шел чуть в
тить, ведь
грамму по
кончился,
я заместит

— Позд

— Эксп

Глава первая

Вагоны совсем замедлили ход, пока я пробирался по коридору мимо темных душных купе. Подмигнул на прощание проводнице и спрыгнул на перрон. Я приехал в Кудринск.

Не удивляйтесь, что такого города на карте нет. Просто я многие названия и имена менять буду — не хочется, чтобы люди, которые в этой истории участвовали, стукнули меня в подъезде по затылку, когда все прочтут. От любого ждать можно.

Поезд отошел, на платформе не было ни души. А ведь обещали встретить... Я поставил сумку на землю, распечатал пачку сигарет.

Пошел мелкий дождь, пусть летний, теплый, но все равно противный.

В общем, я мок под дождем минут пятнадцать, пока меня не окликнули:

— Из Москвы, да? — протянул руку парень в синей ветровке. — Извините, что опоздали.

Он был старше меня лет на пять, слегка располневший, с ямочкой на подбородке, а рукопожатие у него вялое и быстрое.

— Меня Алик зовут, — он поднял мою сумку и пошел чуть впереди. — Вас директор лично решил встретить, ведь вы приехали бумагу закупать, да? Мы телеграмму получили. Только у шофера рабочий день закончился, вот мне и пришлось сесть за руль. Вообще-то я заместитель директора. По туризму.

— Поздновато сегодня для экскурсии.

— Экскурсии? — он рассмеялся. — Нет, это по снаб-

жению, значит. Путешествую по стране за чужой счет,— парень снова хохотнул.

Дождь не утихал.

— А где он сейчас? — спросил я.

— В машине ждет...— Алик недоуменно смотрел на меня.— Сыро на улице, а у него радикулит, в общем, сам понимаешь...

— Ну и сидел бы дома,— я пожал плечами.

Мы обошли вокзальное здание, и кусты сирени словно тянули к тропинке из темноты мокрые ветки. На площади, в стороне от фонарей, стояла черная «Волга».

— Садись на заднее сиденье,— Алик открыл багажник и поставил туда мою сумку.

— Добрый вечер...— я протиснулся в салон.

— Как доехали? — на месте рядом с водителем сидел, как я понял, директор. Он совсем утонул в кресле, видна была только голова, точнее, затылок.

— Нормально.

— Мы вас в профилакторий определим, там хорошо,— директор протянул руку к пачке сигарет на приборном щитке и достал одну. Меня поразила его рука — сам коротышка, еле из-за кресла видно, а лапа здоровая, широкая, с тупыми сильными пальцами, поросшими черными волосами. На тыльной стороне ладони — татуировка. Оскаленная кошачья морда.

Директор щелкнул золотой зажигалкой и закурил.

— Вы не против, если я вас вовлеку в одну авантюру? — вдруг спросил он.

— Мне сейчас как-то ближе горячий душ и чистая постель,— ответил я и достал сигареты.

— Я собираюсь поздравить одну знакомую,— он, казалось, не обратил внимания на мои слова,— у нее сегодня день рождения. Но я не хочу, чтобы остальные гости знали, от кого цветы. Корзина стоит у меня в квартире. Все, что от вас требуется, это взять ее, подняться этажом выше, позвонить в дверь и передать. Простая услуга, верно?

Он разговаривал, не поворачивая головы.

— Почему именно я?

— В городе вас никто не знает, вы только сегодня приехали и через несколько дней снова исчезнете. Вряд ли за это время встретитесь с кем-либо из гостей этой вечеринки. Повторяю, не хочу, чтобы посторонние подумали, что эти цветы от меня.

— Ладно...— Я
рядом с собой, на
— Ну и прекр
я, в свою очередь
ка была приятно
Он ко мне т
дорогу мы ехал
На смену м
зять утрюмые д
ми, как бойниц
вом подворотен
ли кошки. В св
— Теперь к
— Во двор
нулся ко мне.
пока проверю
лестнице. Есл
третье окно н
— Да,— бр
Алик загл
Машину окру
электричеств
невысокий и
— О душ
окно и сплк
в дочки ем
мотор и зах
подворотню
По ветр
включил д
— Ладн
не хотело
лучшем ре
— Нич
Я рас
хлопнула
буду идти
ся навер
Обош
Двор бы
дом горе
Направи
тратил н
окно на

— Ладно...— Я закурил и машинально бросил пачку рядом с собой, на сиденье.

— Ну и прекрасно. Много времени это не займет. А я, в свою очередь, постараюсь, чтобы ваша командировка была приятной и полезной.

Он ко мне так и не повернулся, и всю остальную дорогу мы ехали молча.

На смену многоэтажкам из темноты стали наползать угрюмые дома довоенной постройки, с маленькими, как бойницы, окнами, серыми стенами и множеством подворотен, из которых наперерез машине выбегали кошки. В свете фар кошачьи глаза пылали яростью.

— Теперь куда? — спросил Алик.

— Во двор не заезжай, — приказал директор и обернулся ко мне. — Подождите пару минут, потом идите. Я пока проверю, не курит ли кто-нибудь из гостей на лестнице. Если все спокойно, зажгу у себя свет. Это третье окно над подъездом.

— Да, — бросил я и пожалел, что ввязался в историю.

Алик заглушил двигатель, потом выключил фары. Машину окружила ночь. В городе экономили, наверное, электричество. Директор вылез из машины, он был невысокий и весь укутан в легкий черный плащ.

— О душе пора бы уже думать, — Алик приоткрыл окно и сплюнул. — Ведь не поверишь, с молодой бабой, в дочки ему годится, а он — цветы... — снова заурчал мотор и зажглись фары, но директор успел свернуть в подворотню.

По ветровому стеклу ползли капли дождя, и Алик включил дворники.

— Ладно, пойду, — сказал я, хотя под дождь вылезать не хотелось. — Твоему шефу это будет стоить обеда в лучшем ресторане.

— Ничего, не обеднеет, — Алик усмехнулся.

Я распахнул машину и в это время услышал, как хлопнула дверь подъезда. Про себя отметил, что, пока я буду идти через двор, директор должен успеть подняться наверх.

Обошел вокруг помойных ящиков, распугивая кошек. Двор был узкий и сквозной, над единственным подъездом горела лампочка, а рядом стояли три легковушки. Направился прямо туда. Я не торопился и, наверное, потратил не меньше времени, чем мой предшественник. Но окно на третьем этаже так и не зажглось.

Я встал под козырек парадного и достал сигарету. Три раза выходил под дождь посмотреть, не включили ли свет? Когда мне окончательно все надоело и я решил вернуться к машине, то увидел, что через двор ко мне идет Алик.

— Ну,— поинтересовался он,— темно?

— Темно.

— Что делать,— Алик пожал плечами,— раз тебе выпала роль мальчугана с розовой попкой, луком и стрелами. И корзиной цветов впридачу.

— Знаешь что,— я серьезно посмотрел на Алика,— не послать ли вас обоих...

Мы выкурили еще по сигарете.

— Пожалуй, схожу наверх,— Алик начал волноваться,— тут что-то не так...

— Первое разумное предложение за истекшие полчаса,— я решительно толкнул входную дверь.

На третьем этаже лестница утыкалась в мрак. Еще несколько ступенек, и ничего не разглядеть. Сверху пробивался тусклый и призрачный свет, от него не было никакого толку. Под ботинками захрустело стекло от разбитой лампочки.

Я чиркнул спичкой и на мгновение ослеп от желтого язычка пламени.

И тут охнул Алик. Негромко, но так дико, что я выронил от неожиданности коробок. Спичка погасла, и мы снова погрузились в темноту.

— Не двигайся,— прошептал он.

— Что случилось?

— Там, на полу...— голос его прервался,— не знаю, мне показалось... Посвети...

— Я коробок уронил.

Было слышно, как тяжело дышит мой спутник. И еще — словно кто-то маленький и верткий бегаёт и царапает по полу когтями.

— Что ты увидел? — спросил я.

Он продолжал молчать. Тогда я наклонился и стал шарить по полу. Коробок был где-то тут...

Но сначала я наткнулся на скользкую ткань, вроде как плащевую. Мне показалось, что ткань шевелится у меня в руках.

— Что за чертовщина,— пробормотал я.

За спиной Алик возился с зажигалкой, щелкал и щелкал, пытаясь выбить искру. Наконец, вспыхнул огонек.

Первое, что
Синяя, оп
Я держал
лись ко мне.
и рука упала,
Я закусил
ли зубы. Мин
скребется по
— Мертве
Кто-то ви

Снова с
стенам, я ви
зубами в м
увидел чело
Он лежи
танный в ч
кожаный ре

— Это о
Алик пер
Только
Алик шевел
разобрать с
— Эти
нагнали. О
Как же это

— Надо
кто не вы
— Там
спросонья

— Не
твой дире
требовала
К этому
Алик

Первое, что я увидел, была рука.
Синяя, опухшая рука.

Я держал ее за рукав, и скрюченные пальцы тянулись ко мне. Отшатнулся, с трудом подавил крик ужаса, и рука упала, глухо ударившись о кафель.

Я закусил губу, чтобы не было слышно, как застучали зубы. Мне показалось в темноте, что эта жуткая рука скребется по полу, тянется к моим ногам.

— Мертвецы не хватают живых за ноги, — подумал я.
Кто-то вцепился мне в штанину.

* * *

Снова свет, и в его бликах, которые ползут по стенам, я вижу у самых ног крысу, которая вцепилась зубами в мои джинсы. Отшвырнул ее ногой, а потом увидел человека.

Он лежит на полу, раскинув руки, маленький, закутанный в черный плащ. Вокруг шеи у него обмотан кожаный ремень с самодельной пряжкой в виде черепа.

— Это он, — бормочет Алик, пятясь. — Зачем его так?..

Алик первым бежит вниз по лестнице, я — следом.

Только во дворе мы останавливаемся, тяжело дыша. Алик шевелит белыми губами, и я мучительно пытаюсь разобрать слова.

— Эти крысы, — говорит он, — эти крысы совсем обнаглели. Он еще не остыл, а они на него набросились. Как же это, а?

* * *

— Надо вернуться, — решаю. — Ведь из подъезда никто не вышел, убийца там.

— Там только шеф, — голос у Алика вялый, словно спросонья.

— Не думаю. Две минуты должен был потратить твой директор, поднимаясь на свой этаж. Минута потребовалась бы преступнику, чтобы выбраться на улицу. К этому моменту я уже стоял возле подъезда.

Алик молчит, потом сообщает:

— Надо выключить фары. Аккумулятор садится. Пойдем?

— Иди один, — качаю головой. — Я буду следить за подъездом.

Он стоит в нерешительности, потом все же уходит. Наверное, он прав. Надо прежде выключить фары.

Алик снова вынырнул из темноты, лицо у него озабоченное.

— Ну что? — спросил я.

— Все-таки сел.

— А-а... Меня другое беспокоит. Из подъезда так никто и не вышел. Ты бывал в этом доме раньше?

— Конечно.

— Здесь есть черный ход?

— Нет.

— Значит, убийца спрятался в одной из квартир.

— Думай, что говоришь. На первых двух этажах квартиры не заселены. Но они стоят на охране, и проникнуть туда никто не может.

— Как это — не заселены?

— Ну, резервный фонд. Возьмут, к примеру, нового главного инженера на предприятие, вот ему на первое время с мебелью, со всем...

— Понятно. А выше?

— На третьем этаже — квартира директора. А вторая — его зама. Но тот с семьей в отпуске и вернется не раньше чем через неделю. Обе квартиры тоже на охране, без хозяев туда никто проникнуть не может.

— А выше? — я достал сигарету и начал ее разминать.

— Ямщиковы. Ну, та женщина, к которой он... — Алик замолчал и потер лоб. — Какой маразм — цветы среди ночи.. Наверное, грабитель хотел открыть дверь, а тут он...

— Ты же сказал, квартира на охране? Кстати, кто-нибудь знал код?

— Я знал, мне приходилось иногда завозить в его отсутствие кое-какие... в общем, по делу. Он давал ключи. Он мне доверял. Уж не думаешь ли ты?..

— Нет, не думаю. В это время ты находился в машине, это уж я точно знаю. Расскажи мне теперь про женщину.

— С какой стати ты меня допрашиваешь?

— Видишь ли, когда приедет милиция, нам не мешает хотя бы смутно представлять, что произошло на

самом деле.
пока еще сви

— Ты пол

— Почему

кандидатуры

— Это ты

Я посмот

ту. Впрочем,

— Я дово

ловека, кото

Из-за корзи

женщину.

— Она...

начались ра

попросту пр

чались ее сл

ти, и личн

лись...

— Какон

цветами?

— Не з

— Что

оттуда и по

Некотор

идет за мн

где на пол

Дверь н

преодолева

тельно. На

с роскошн

меня изум

— Ну,

ждем. А г

Мы его ж

— Разн

ваю я.

— Нет

— Это

— Ну,

потому ч

даже слы

поднимал

шивалась.

— Над

самом деле. Мы ведь с тобой пока единственные... и пока еще свидетели.

— Ты полагаешь, могут подумать, что это мы...

— Почему бы нет, если не найдется более достойной кандидатуры?

— Это ты, ты это сделал... Ты пошел следом за ним...

Я посмотрел на него, засмеялся и прикурил сигарету. Впрочем, мне было не так уж весело.

— Я довольно шустрый малый, верно? Задушил человека, которого увидел в первый раз. Но почему? Из-за корзины роз? Не валяй дурака. Расскажи про женщину.

— Она... работала у него секретаршей. Ну, а потом начались разговоры, и он перевел ее в какой-то отдел, попросту придумал должность. Не знаю, в чем заключались ее служебные обязанности на новом месте. Кстати, и личные отношения в последнее время разладились...

— Какого же черта надо было устраивать канитель с цветами?

— Не знаю.

— Что ж, пойдем к этой деловой женщине. Кстати, оттуда и позвоним в милицию.

Некоторое время он стоит на месте, а потом нехотя идет за мной. Нам предстоит путь мимо темного этажа, где на полу лежит удушенник.

Дверь на четвертом этаже приоткрыта, и пока я еще преодолеваю последние ступени, распахивается окончательно. На пороге стоит женщина, невысокая, стройная, с роскошной черной гривой волос. Она смотрит на меня изумленно, пока не видит за моей спиной Алика.

— Ну, наконец-то,— говорит она,— мы больше часа ждем. А где Николай Петрович? Разве он не с вами? Мы его ждем, я все время прислушиваюсь...

— Разве мимо вас никто не проходил? — спрашиваю я.

— Нет...— взмах ресниц в мою сторону.

— Это точно?

— Ну, конечно. Дверь на лестницу была открыта, потому что мужчины все время выходили курить. Я даже слышала, что этажом ниже кто-то спускался и поднимался. Думала, это он, и после особенно прислушивалась... А вам, собственно, что надо?

— Надо позвонить по телефону,— отрезал я.

— Вы в своем уме?— ноздри тонкого носа возмущенно расширились.

— В своем,— я кивнул и посмотрел на нее с интересом.

Странные глаза... Большие и зеленые, они то словно светятся изнутри, то вдруг темнеют. Пожалуй, ведьма,— подумал я.— Нам надо позвонить в милицию.

— В милицию? — растерянно переспросила женщина.

Я подумал, что еще никогда не встречал женщины, которая бы мне так сразу понравилась. Она была как-то по-звериному красива, а с такими женщинами опасно расслабляться.

— Да. Этажом ниже лежит труп.

Она сначала недоуменно переводила взгляд с меня на Алика, потом сказала:

— Проходите в квартиру. Расскажите толком.

И, закрывая дверь, выглянула на лестницу. Будто покойник крался за нами по пятам...

* * *

— У вас гости? Может, лучше поговорим в другой комнате? — я сделал попытку опомниться и остановился в коридоре.

— Идите,— сказала она с некоторой резкостью, взяла меня за руку и буквально потащила за собой.

Мне бы не понравилось, если кто-то другой так распоряжался. Но сейчас ее пальцы, тонкие, холодные и нервные, удерживали лучше любого капкана, я думал уже не о трупе в подъезде, а о женщине, которая вела меня за руку...

В комнате горел только торшер, но когда мы вошли, она выпустила мою ладонь и включила верхний свет.

Я молчу и разглядываю присутствующих. У окна стоит громила лет сорока, он словно висит над всеми. Слегка улыбаясь, громила смотрит на нас, потом говорит:

— Вот этого,— показывает на Алика,— знаю. А вот этого — палец в мою сторону — вижу в первый раз. Рита, кого ты привела?

— Он говорит,— женщина посмотрела на меня,— внизу кого-то убили.

Немая сцена.

Рита прос
ставляю гов
новном смот

Но это н
комнате нах
и всклооче
шись спино
стый челове

— Та-ак,
жет, это оче
приятеля. О
думает, что

— Нет,
— Тогда
но, что это
ственное ут

есть алиби.
миле.— У н

Тот тол
— Мы
снова пове
рить на ле

— Зде
юсь и ви
человек до
идеально

— Я в
водку,— пр

— Чел

— Неу

— Эта

В при
лазая же
чтобы по

— Та-
смотрит

— Вер
Возвр

— Зв
сказала,

— И
тоже ска

— Пр
— Та

Рита просит меня рассказать подробнее, но я предоставляю говорить Алику, а сам слушаю. Вернее, в основном смотрю на женщину, а слушаю вполуха.

Но это не значит, что я не разглядел остальных. В комнате находится еще одна девушка, рыжая, угловатая и всклокоченная, как подросток. Она стоит, прислонившись спиной к стене. И, наконец, невообразимо толстый человек, ну прямо гора жира.

— Та-ак,— сопит толстяк.— Скверная история. А может, это очередной дурацкий розыгрыш нашего общего приятеля. Он ведь считает себя фигурой оригинальной и думает, что его выходки всем доставляют удовольствие.

— Нет, не похоже,— говорит зеленоглазая женщина.

— Тогда скверная история,— кивает толстяк.— Скверно, что это случилось, когда мы все тут собрались. Единственное утешение,— он шмыгнул носом,— что у всех нас есть алиби. Я правильно говорю? — он обращается к громиле.— У нашей милиции это так называется?

Тот только усмехается.

— Мы все находились в этой комнате,— толстяк снова повернулся ко мне.— Правда, кто-то выходил курить на лестницу... А где Копылов?

— Здесь...— я слышу голос из-за спины, оглядываюсь и вижу аккуратного молодого человека. Молодой человек достает из кармана расческу и проводит ею по идеально уложенным волосам.

— Я выходил на кухню принести из холодильника водку,— произносит он,— а что произошло?

— Человека убили,— говорит Алик.

— Неужели? — Копылов поднимает брови.— А где?

— Этажом ниже.

В прихожей в это время звонит телефон, и зеленоглазая женщина уходит. Я жду, пока она поговорит, чтобы потом позвонить в милицию.

— Та-ак,— толстяк складывает руки на животе и смотрит на меня,— вы, значит, приезжий? Из столицы?

— Верно, сегодня приехал.

Возвращается Рита.

— Звонил муж,— она словно отмахивается рукой,— я сказала, в какую историю мы попали.

— И про ремень с пряжкой, которым задушили, тоже сказала? — вдруг спрашивает громиле.

— При чем здесь ремень?

— Так, к слову. Кажется, я видел такой...

— Не говорите ерунду,— женщина презрительно кривит рот.

— Это не ерунда,— взрывается Копылов.— Нам ведь скоро придется отвечать на разные вопросы...

— А ведь он прав,— качает головой толстяк.— Эти засранцы ворвались и сообщили, что кого-то там убили, а всех нас поставили в щекотливое положение...

— Ну-ка, полегче,— не выдержал я.

— Не надо,— тихо просит женщина.

Минуту смотрю на толстяка, и он постепенно тускнеет, опускает голову. Я разжимаю кулаки.

— Очень дикий молодой человек,— громила вдруг небрежно усмехается и добавляет.— Очень. Док, вы родились в рубашке, он наверняка бы вышиб вам вставную челюсть, не вмешайся наша девочка. У нее реакция, как у кошки. Как у большой черной кошки,— он беззвучно хохочет, словно сказал что-то остроумное.

Я уже успокоился, но женщина не отпускает мою руку и как-то странно смотрит на меня. Потом говорит:

— Пойдемте на кухню. Я должна вам объяснить...

Мы идем вдвоем на кухню, она достает из пачки сигарету, зажимает ее губами и прикуривает. Губы у нее нервные, пухлые и кажутся влажными от блестящей помады. Делает несколько затяжек и ломает сигарету в пепельнице. Там уже полно таких ломаных.

— Здесь собрались уважаемые люди, с положением, они бы не хотели быть втянутыми в такую историю,— наконец говорит она.

— Это, конечно, интересно,— я киваю,— только мне какое дело?

— Я вас прошу позвонить в милицию минут через пятнадцать, когда гости уйдут.

— А если я позвоню прямо сейчас?

— Вы надолго приехали? — спросила она.

— Как получится.

— И никого знакомых?

— Я здесь в первый раз.

— Вот и хорошо. Хотите, я вас буду опекать в эти дни?

Я не выдержал и коротко рассмеялся.

Она откинула голову и холодно посмотрела на меня. Но вдруг в уголках ее глаз собрались веселые морщинки.

— Вовсе не собираюсь вас соблазнять,— она мягко

улыбнулась.— Просто так предложила, разве только еще и потому, что мне понравилось, какой вы безрассудный и бросаетесь с кулаками на каждого. Ведь вы поссорились с главврачом психиатрички, и он может сделать вас своим пациентом.

— Думаю, он бы не скоро вернулся к практике.

— Разве что...— она задумчиво посмотрела на меня.— Ну что, договорились? Все уйдут, и тогда вы позвоните?

Я кивнул, потом смял опустевшую пачку, выбрал из пепельницы одну из сломанных сигарет и закурил.

Ладно, подумал я, пусть.

Сигарета была с привкусом помады.

Мы вернулись в комнату. Я заметил, что Алик поставил на стол пустую рюмку. Не стоило ему пить...

— Мы договорились,— женщина оглядела присутствующих,— всем вам надо уйти, а потом позвоним в милицию.

— Только не забывайте,— усмехнулся громила,— что любой следователь вызовет вас как свидетелей и тогда придется отвечать на вопросы. На много разных вопросов.

— Прекратите,— резко сказала женщина, и он заткнулся.— Лучше придумайте, как нас не впутывать в это дело попусту.

— Верно,— главврач психиатрички подошел к громиле,— это в ваших силах. Вы поможете мне, я помогу вам... Долго вам еще в капитанах ходить?

Громила впервые перестал улыбаться, по краям губ его пролегли глубокие складки, взгляд стал таким жестким, что, казалось, сейчас зазвенит в воздухе. Потом края его губ медленно поползли вверх, и он улыбнулся.

— Хорошо,— наконец сказал он.

— Вас, кстати, это тоже касается,— гладко причесанный Копылов посмотрел на меня,— ведь щекотливое положение: вы последний видели директора живым и первый — мертвым. Все, что тут слышали,— вполне разумное соглашение между образованными людьми, чтобы самим себе не доставлять неприятностей. Присоединяйтесь.

Мне понравилось, как он складно излагает свои мысли. Вроде, мол, может, и вы пришили того типа в подъезде, но если вы не будете впутывать нас в это

дело, представим все так, словно бедняга запутался в собственных подтяжках.

— Расходимся? — толстяк утер ладонью пот со лба. — Я хочу уйти первым.

— Ладно, — кивнул громила и отвернулся к окну.

Толстяк, глядя под ноги, вышел из комнаты, и через мгновение хлопнула входная дверь.

Зеленоглазая женщина попросила сигарету, прикурила, потом вынула сигарету изо рта и уставилась на ее горящий кончик. Все молчали. Только рыжеволосая девица с шумом села на диван, подтянула колени к груди и уткнулась в них подбородком.

— Вышел на улицу, — сказал громила, всматриваясь в ночной двор за окном, — открыл машину... нет, не сел, что-то взял... Странно, возвращается.

Резкий звонок в дверь. Женщина идет открывать, и почти тут же в комнату врывается толстяк, он весь покраснелся и размахивает зажатым в кулаке карманным фонарем.

— Это обман, это провокация, — сквозь одышку выкрикивает он, — нет там никого на этаже...

— Как нет? — спрашиваю я и поеживаюсь, словно от холода.

...Потом мы идем на лестницу, следом за толстяком, и луч фонарика прыгает по серым ступеням. Вот первый поворот, второй, здесь перила погнуты, луч фонарика прыгает дальше, пока, наконец, не скользит по кафельным плиткам. Ничего. Только мой коробок там, где раньше лежала синяя опухшая рука...

Свет фонарика бьет мне в лицо.

— А ну, уберите, — говорю я толстяку.

— Молодой человек, — советует он вкрадчиво, — вам надо показаться специалисту.

Я стою, как оплеванный.

— Это что, был розыгрыш? — голос зеленоглазой женщины резкий от сдерживаемого раздражения.

— Не думаю, — возражает громила, — не думаю, чтобы человек, впервые приехавший в город, решился бы на такое.

Толкаясь в дверях, все выходят на улицу. Я выхожу последним.

Мне кажется, что черный подъезд смотрит в спину. Сначала уезжает толстяк, сердито хлопнув дверцей.

Тут Алик вспоминает, что аккумуляторы сели, а ехать нам за город, в профилакторий. Он не хочет рисковать.

— Я довезу москвича,— вдруг предлагает Копылов,— мне ведь все равно в ту сторону.

— Попробую завести,— говорит Алик,— и дотянуть до гаража.

— Помочь? — предлагает громила.

— Не надо, справлюсь как-нибудь.

Зеленоглазая женщина не стала ждать, пока мы разберемся, и ушла. Я сажусь в «Жигуленок», и тут мне приходит в голову, что моя сумка осталась в багажнике комбинатовской машины. Хорош бы я был.

Алик держится неестественно прямо, и я догадываюсь, что выпил он не одну рюмку. Что ж, каждый борется со стрессом по-своему... Мы идем через двор, мимо пустых помойных ящиков, к подворотне.

— Эх,— он проводит ладонью по крылу «Волги»,— оставить бы ее здесь и домой,— достает из кармана ключи и протягивает мне.— Если не заведу, так и сделаю.

Я копаюсь с замком багажника, наконец, открываю.

— Смотри,— говорит вдруг мой спутник,— вон, фургон стоит.

— Разве? — поднимаю голову: на другой стороне улицы припаркован фургон с погашенными огнями, вроде тех, что перевозят мусор... А сам в это время вслепую ищу в багажнике сумку.— Пусть себе стоит, нам-то что?

— Может, он на буксир возьмет? До гаража? А то разденут машину, а спросят с меня.

— Ну он же пустой стоит.— Я, наконец, нащупал бок сумки,— кто тебя подцеплять будет?

— Нет, там водила. Я видел огонек от сигареты,— упорствует Алик.

— Тогда пойд и попроси,— я захопываю багажник и открываю салон взять сигареты.

— Вот и пойду...— он переходит через улицу и нагло стучит по капоту фургона.

Я стою, держась рукой за открытую дверцу, и наблюдаю за ним. Кажется, там и вправду за стеклом мелькает красный уголек.

Он стучит снова.

— Т-тебе чего? — дверь кабины открывается, и высывается парень.— Ох-хренел?

— Подцепи до гаража,— Алик оборачивается и показывает пальцем на нашу «Волгу».— Аккумуляторы сели.

— П-пошел ты,— заикаясь, предлагает парень,— вместе с-со своими ак-кумуляторами.

Захлопывает дверцу, заводит мотор и трогается с места. Алик еле успел отскочить, а то бы он проехал по нему, как по бездомной кошке.

— Вот сволочь,— констатирует Алик,— я бы ему заплатил.

Чтобы он не увидел, как я улыбаюсь, наклоняю голову, а потом через открытую переднюю дверцу лезу в салон, где на заднем сиденье лежат мои сигареты. В это время под коленкой чувствую что-то твердое. Оказывается, зажигалка — массивная и самодельная. Но сделана классно, приятно в руках держать. Кажется, директор прикуривал от этой зажигалки.

— Что это у тебя? — спрашивает Алик, пока я в темноте разглядываю находку.

— Вот,— показываю я,— надо будет отдать в милицию, вроде, она золотая.

— Давай сюда,— Алик протягивает руку,— я сам отдам.

Но по глазам вижу — врет. Тем более если она золотая.

— Вот уж нет,— говорю я,— ты пьяный, потеряешь еще.

По-моему, он обиделся.

* * *

...Профилакторий открылся сквозь густую зелень лип. Двухэтажное здание, вроде бывший барский дом. Колонны у входа, полукруглые балконы, эркеры на втором этаже, сводчатые окна...

— Мы здесь только почетных гостей принимаем,— сообщил Копылов по дороге.— Повезло вам. Все удобства, а машина, когда надо, отвозит в город. Тут сейчас кроме вас западногерманский немец с переводчиком живут, вместе с ними утром до комбината доберетесь.

Насчет везения я начал сомневаться, пока мы ждали у дверей минут десять, прежде чем их открыли. Наверное, здешняя дежурная поспать была не дурочка. Внут-

ри оказалось неплохо. Мебель мягкая и пушистая, по ней так и хочется провести ладонью.

— Вот мой телефон,— сказал Копылов на прощанье.— Звоните, если что. Я — сотрудник аппарата городской администрации.

Я взял листок и сунул в карман. Всю жизнь мечтал познакомиться с «сотрудником аппарата».

* * *

Комнату мне отвели на первом этаже, в конце коридора. Администраторша, которая дала мне ключи, почему-то выглядела взволнованной. Это было заметно, несмотря даже на выражение усталости на ее лице. Ничего так не удручает, как усталая женщина. Это естественно.

Свет скоро всюду погасили, и дом затих. Наверное, только мое окно светилось в ночи. Я еще немного почитал перед сном. Я люблю почитать перед сном.

За окном шелестела листва, ветер волнами пробегал по листьям, вкрадчивый, словно шепот...

Был третий час ночи.

В парке закричала ночная птица. Пронзительно и безумно.

Я погасил свет и некоторое время лежал в темноте с открытыми глазами. Парк продолжал перешептываться — это деревья качали ветками. И шуршала трава, словно кто-то подкрадывался к дому. Стало не по себе, я поднялся, прикрыл окно и задернул штору.

Птица закричала снова где-то совсем рядом. Она кричала почти человеческим голосом.

Я невольно вглядывался в темноту, и вот уже, кажется, зашевелилась одежда на стуле, скрипнула половица в углу, дрогнула штора... За окном было светлее, чем в комнате, и полоска между шторами становилась то уже, то шире — сквозняк играл занавесками через неплотно закрытое окно.

И тут я делаю одно неприятное открытие.

За окном двигались тени.

Снова встать, закрыть окно на шпингалет? Но уже стукнула рама, окно распахнулось, ночной воздух ворвался в комнату, а вместе с ним тихо вполз кошмар...

Я увидел руку.

Широкую, короткопалую руку, точь-в-точь такую, что тянулась к пачке сигарет на приборном щитке, когда мы ехали от вокзала. Темное пятно татуировки там, где на руке директора скалилась кошачья морда.

Рука вцепилась в подоконник, и кто-то там, внизу, пытается подтянуться, скребя и царапая стену дома.

Я осторожно встаю и отступаю в глубь комнаты. Выскочить в коридор? Но вот уже вторая рука на подоконнике, и я понимаю, что поздно...

Рядом — шкаф. Большой стенной шкаф. Я открываю дверь и протискиваюсь в него как раз в тот момент, когда вот-вот из темноты над подоконником должна всплыть голова мертвяка.

Крючки для одежды впиваются в спину, в шкафу тесно и душно, долго не просидишь. Чужой передвигается по комнате почти бесшумно, но сквозь тонкую дверцу я слышу его дыхание и понимаю, что это не призрак... Зашуршала моя одежда на стуле, что-то тяжелое упало на пол... Шаги человека по комнате вкрадчивые, скрипнула дверь в ванную, он возвращается, проводит рукой по дверце шкафа — ищет ручку. Нас отделяют несколько миллиметров фанеры — не слишком надежное укрытие.

Я сжимаю кулаки... наверное, самое разумное резко рвануться вперед, сбивая все на пути, как пушечное ядро.

Вот, сейчас...

Резкий стук в дверь... Торопливые шаги по комнате, звон разбитого стекла, снова стук и тишина. Я выглядываю из своего убежища, ветер полощет шторами, и в окно теперь заглядывает только лысая луна. На улице разгулялось, небо очистилось.

Но на луну мне плевать. В дверь больше не стучат.

Быстро одеваюсь. В парке снова шепот листвы и ветра. Окно разбито — ночной гость высадил его во время поспешного отступления.

Страх уже прошел, вернее, я пытаюсь заглушить его любопытством. Перелез через подоконник, спрыгнул вниз и сразу же нырнул в заросли парка. Никто на меня не набросился.

От дерева к дереву пробираюсь вперед. Липы раскинули кроны, а земля под ними сухая и твердая, словно

и не было
пятам крад
Наконец
выломанну
Вдоль
метрах тр
Но у м
Я только
лось.
Медле
юсь внутр
хивает св
Вещи
матерясь,
немного,
пропало.
которую
Выход
света? Н
Вы ве

Утро
ны разб
перенес
Очен
это уда
...В д
невысп
— П
Он тут
перегор
— Б
— П
ли, а в
— П
— Л
И п
завтра
— П
когда

и не было дождя. Я иду осторожно и надеюсь, что по пятам крадется только моя тень.

Наконец наталкиваюсь на высокий забор. Нахожу выломанную доску, протискиваюсь в щель.

Вдоль ограды асфальтированная дорога, а на ней, в метрах тридцати, силуэт убегающего мужчины.

Но у меня нет и малейшего желания его догонять. Я только хотел убедиться, что это все мне не привидилось.

Медленно возвращаюсь к дому. Через окно забираюсь внутрь. На ощупь ищу выключатель, наконец вспыхивает свет.

Вещи из сумки вывалены на пол и разбросаны. Тихо матерясь, начинаю наводить порядок. Вещей у меня немного, и нетрудно определить, что моего ничего не пропало. Почему моего? Просто исчезла зажигалка, которую я нашел в машине.

Выходит, именно за ней вернулся директор с того света? Но с того ли?

Вы верите в привидения?

* * *

Утром я сказал дежурной про стекло — мол, хулиганы разбили. Она и бровью не повела, только попросила перенести вещи в другой номер, на втором этаже.

Очень уравновешенная дежурная. Интересно, как ей это удастся?

...В девять часов приехал Алик на служебной «Волге», невыспавшийся.

— Пора, — сказал он. — Надо только немца захватить. Он тут вместе с переводчиком живет. У них на сегодня переговоры с директором назначены.

— Вряд ли они состоятся, — предположил я.

— Понимаешь, три года назад оборудование закупили, а вот запасные части...

— Не продолжай, у меня своих проблем хватает.

— Ладно, садись пока в машину.

И пошел звать своих иностранцев. Они в это время завтракали в своем номере.

— Все уже знают, что случилось? — спросил я тихо, когда Алик вернулся.

— А ничего не случилось,— так же тихо ответил он.— Не было труп.

— Но мы же видели. Ты и я...

— Да,— он кивнул.— Ты и я. Но у тебя своих проблем хватает, впрочем, как и у меня.

Глупо было не согласиться.

— Наверное, выспаться сегодня не удалось? — посочувствовал я, когда мы выехали на дорогу.

— Верно, дочка болеет.

— Что с ней?

— Здесь вообще дети нездоровые рождаются.

— Может, лекарства какие нужны? Я могу в Москве достать.

— Спасибо. Я спрошу у жены, пусть название напишет.

— Обязательно пусть напишет,— я вообще переживаю, когда маленькие дети болеют.— Постарайся сегодня же узнать. А то не знаю, сколько здесь пробуду,— оглянулся на сидевших сзади пассажиров.— Если директор,— я выдержал паузу,— решит вопрос с бумагой, сразу же уеду.

— Вряд ли тебе удастся,— как ни в чем не бывало ответил он, тоже чуть обернувшись назад.— Директор в командировке.

— Как так? — спросил из-за спины переводчик,— Мы ведь договорились... Завтра нам надо быть в Москве.

Алик молча пожал плечами.

Минут через двадцать мы были на комбинате. Я подождал, когда наши спутники выйдут из машины, достал сигарету и закурил. Алик беспокойно посмотрел на меня.

— Что теперь будем делать?

— В каком смысле? — он пожал плечами.

— Вчерашняя история — это что, дурацкий розыгрыш?

— Не думаю,— ответил он.— Какому бы дураку пришло в голову так разыгрывать?

— Тогда зачем ты придумал эту историю про командировку?

— Ну а что еще я мог сказать?

— Тело нашли?

— Нет, конечно. Но утром я, как всегда, заехал за ним... Никого не было.

— Еще бы,— я усмехнулся.— Мог и не проверять.

Покойни
надо с у
И тут
ночного
том, что
забрался
— Н
лось,— в
— Н
ми... Хо
рятся. М
маги. Н
рию с у
Алик
— Т
узнаю,
Он
— У
сидень
— И
— Т
— М
ченая
— И
оттуда
— И
— С
поним
— И
— Т
на сос
рукой,
черт з
на лоп
Весь т
ставил
склад
поряд
зараж
вмест
уже ч
Чего
тает,

Покойники не встают из могил только потому, что им надо с утра на работу...

И тут вспомнил татуировку на руке у директора и у ночного «гостя». Слишком уж невероятное совпадение в том, что это были разные люди. И если ко мне в номер забрался не директор, то кто?

— Надо вести себя так, словно ничего не случилось,— вдруг тихо произнес Алик.

— Но ведь случилось! Я не страдаю галлюцинациями... Хотя, в принципе, наплевать, какие дела тут творятся. Мне нужно-то всего восемь тонн мелованой бумаги. Не так много, чтобы ради этого влезать в историю с убийством.

Алик вздрогнул, когда я произнес последнее слово.

— Ты посиди пока в машине,— предложил он,— а я узнаю, какая обстановка, как нам с тобой вести себя.

Он вернулся не раньше, чем я выкурил уйму сигарет.

— Жаркий день,— сказал он, плюхаясь рядом на сиденье.— Бумага есть. Такая, как тебе надо.

— Ну и отлично.

— Только она на третьем складе. Ну, на старом.

— Мне-то какая разница? Или что, она подпорченная?

— Нет, качество отличное. Вот только получить ее оттуда без директора невозможно.

— Но если его нет, кто-то ведь замещает?

— С этого склада может только он разрешить... Ведь, понимаешь, склада-то вроде как не существует...

— Не морочь мне голову, говори толком.

— Зона, где находится склад, закрыта. С тех пор как на соседнем предприятии,— он неопределенно махнул рукой,— авария произошла. Ну, военный завод, они там черт знает что производят. Пожар был, какая-то цистерна лопнула, ну и все это вылилось на нашу территорию. Весь тот участок забором огородили, даже сторожа поставили, чтоб, значит, никого не пускать. Но ведь склад-то целехонький стоит, и бумага в нем в полном порядке. Я сам проверял, знаю. Но распоряжение было зараженную землю вывезти, здание разобрать и все это вместе с бумагой закопать в могильнике. Землю, вроде, уже частично вывезли... Что же до всего остального... Чего добру пропадать? И складов, сам знаешь, не хватает, но никто официально отпустить тебе оттуда бума-

гу не может... Потому что по документам ее просто не существует...

— Все понял, вас черный нал интересует. Думаю, я смог бы уговорить своего покупателя. Но не на всю сумму, конечно... Только сначала я хочу посмотреть на товар своими глазами. Какая-то подозрительная история с аварией. Упаковка может быть подпорчена, да и... А потом с ценой обсудим.

— Пока она на старом складе, посмотреть не удастся. Мы сами погрузим. А вывезем за ворота — смотри, сколько влезет.

— О цене можно будет говорить только после того, как проверю качество.

— Это твои условия. Не знаю, согласятся ли на них... Ответ будет завтра утром.

— Чего ж столько времени терять?

— Я же тебе объяснил, — Алик поморщился. — Тут все директор решает. Надо точно убедиться, что его больше нет.

— Но мы же вчера видели его труп?

— Да, я видел. Но ведь не я принимаю решения.

— А кто?

— Директор.

— Заладил... Нет же его в живых...

— Ну, если в живых нет, то свято место пусто не бывает.

— Понятно.

— Жди с утра в профилактории. Я заеду, скажу ответ.

Машина уехала, а я стоял на месте некоторое время, обдумывая разговор. Нет, не стоит расслабляться. И если уж надо ждать еще почти сутки, стоит разыскать этот старый склад. Ведь всякую таинственность подпускают, именно когда собираются надуть.

Я обошел административное здание, потом спустился по крутой дорожке вниз. Сквозь просветы между деревьями внизу виднелась река. Возле свалки почерневших от гнили мотков бумаги дорога свернула влево. Прохожу между сколоченных на скорую руку сараев. Там тоже бумажные роли, только еще не испорченные. Но, судя по ненадежным навесам, их постигнет та же участь. Что ж, тут Алик прав, складов не хватает.

Еще через несколько метров — низенькое здание из красного кирпича. Жестяная табличка над дверью сооб-

щает, что этот памятник архитектуры не более чем «Строение № 8».

Ну и где же мне искать третий склад?

Вперед — асфальтированная площадка, на площадке выписывает виражи кар. Я помахал рукой женщине, которая им управляла. Она подъехала ближе и остановилась.

— Послали вот к третьему складу, — сказал я, улыбаясь. — Не подскажите, как пройти?

Она с изумлением посмотрела на меня, не говоря ни слова, и кар вдруг резко рванул с места.

Может, я что-то не то спросил?

— Зачем тебе старый склад? — услышал я голос за спиной.

Обернулся.

Рядом стоял долговязый прыщавый парень в синем халате.

— Ну, а если без вопросов, покажешь? — спросил я.

— Пол-литра. — Он усмехнулся.

— За пол-литра я и сам найду.

— Не местный?

— Из Москвы.

— У меня сестра в Москве.

— Значит, земляки, — я кивнул.

— Ладно, покажу. Плевать я на всех хотел.

Я так и не понял, при чем тут все.

... Мы шли мимо зданий административного корпуса, старых закопченных строений, потом по потрескавшейся бетонной дорожке, вдоль которой росла крапива и среди ее зелени, как проплешины, лежали бетонные блоки с торчащей погнутой арматурой. Мы уже порядочно прошли. Стало еще тише и как-то тревожнее.

Территория, скажу я вам...

Я удивленно огляделся. Бетонная дорожка упиралась в высокий глухой забор, покрашенный суриком.

— Пролезешь тут, — он поднял с земли доску: между грунтом и нижним срезом забора была щель, сантиметров в тридцать. — Часы есть? Долго не ходи. Дальше пруда вообще не надо. И так достаточно увидишь.

Я посмотрел ему в глаза — уж не разыгрывает ли? Но глаза у него были серьезные.

— Буду ждать поблизости, — он сделал неопределенный жест в сторону крапивы. — Тебе ничего не будет, а я и так на плохом счету.

Я не спускал с него глаз. Если разыгрывает, вернусь и дам ему по прыщавой морде.

— Сторожа не бойся,— сказал парень,— он старый, ему наплевать.

Я пожал плечами и полез в щель.

За забором опять шла крапива, сквозь нее — узенькая тропинка, может, один-два раза по ней прошли. Я натянул рукавицы и стал пробираться.

Через несколько шагов остановился несколько озадаченный.

Крапива становилась все выше и выше, поднимаясь над головой, как молодые деревца. А листья, наверное, не меньше моего носового платка. Мне это не понравилось.

Через несколько метров я услышал журчание... Между корней крапивы пробивался родник и тонкой лентой петлял по рыжей земле.

Крапива стала редеть и вдруг кончилась, дальше — сухая, словно спекшаяся, земля, а по ней бежит ручеек, но уже не прозрачный, как вначале, а бурый, пузырчатый, словно обожженный.

Впереди пруд, а за ним — красное кирпичное здание, приземистое, с пустыми глазницами заколоченных окон.

И пруд. Нормальный с виду пруд, только запах неприятный, а вода очень черная. И какой-то мешок плавает...

Я присмотрелся и расстроился — это была собака. Мешок разорвался, из него лапы торчат, голова страшная — шерсть повывцела, редкая, а под ней кожа просвечивает голубая. Глаз нет, и клыки оскалены...

Обратно бреду в каком-то отуплении. Даже не заметил, как лист крапивы мазнул по полоске кожи между рукавом и рукавицей.

Вот забор. На брюхе проползаю в щель. Осоловело стою, пока меня не окликает парень в синем халате.

— Видел? — спрашивает он.

— Ты про собаку?

— Я про все.

— Но собака...

Он помолчал, потом говорит — два года назад кто-то собаку в пруд бросил. Пес, конечно, издох, но не гниет, и неизвестно теперь, сколько времени там плавать будет на зиму пруд не замерзает, а охотников лезть и доставать нет.

— Она с
— С ума
— Может
творчество
— А что
— Там,
нат с закры
была, давн
торию огор
— Поче
— Долго
как, все об
— Да,
— Это
Обойдется.
никому, чт
— Не в
В возду
ушах звен

Я верн
года стоял
облако.

У двер
Утром в
я никак н

— Поз
— Да,
ждешь?

— Ма
— На
— По

— Чт
— Сп

смотрел
— Я
— Ог

сдать. Ч
По д
выползл

- Она еще воет по ночам,— закончил парень.
— С ума сошел?
— Может, конечно, кто-то другой воет. Сказка это, творчество народа.
— А что не сказка? — я полез за сигаретами.
— Там,— он махнул в сторону забора,— наш комбинат с закрытым предприятием граничит. У них авария была, давно. Не знаю, что за авария, только вот территорию огородили.
— Почему ты сказал, чтобы я там не задерживался?
— Долго, вроде, опасно. Раньше говорили. У тебя как, все обошлось?
— Да,— я потер вспухшее запястье.
— Это что, крапива? — он посмотрел на мою руку.— Обойдется. Кожа слезет, и обойдется. Только не говори никому, что это я тебя сюда водил.
— Не волнуйся.
В воздухе стоял комариный писк. А может, просто в ушах звенело.

* * *

Я вернулся в профилакторий весь запыленный. Погода стояла сухая, и пыль висела в воздухе, как колющее облако.

У дверей профилактория я встретил переводчика. Утром в машине мы, кажется, познакомились, но теперь я никак не мог вспомнить его имя.

- Поздно ты сегодня,— сказал переводчик.
— Да,— я кивнул, потом спросил.— Кого-нибудь ждешь?
— Машину. Мы должны ехать.
— На ночь глядя?
— Пора. Поезд в одиннадцать.
— Что ж, тогда счастливого пути.
— Спасибо. Ты не знаешь, где дежурная? — он посмотрел на часы.
— Я только что приехал.
— Опять пропала куда-то. Надо ключ от номера сдать. Что мне, искать ее теперь?

По деревьям заплясали лучи фар, и серая машина выползла из сумрака липовой аллеи. Она развернулась

и остановилась метрах в десяти от ступенек парадного входа.

— Вот, за нами приехали,— обрадовался переводчик,— пойду звать... Слушай, может я тебе ключи оставлю? Когда дежурная появится передашь. А то ведь больше никому — в доме ни души.

— Хорошо,— согласился я.

— Кстати, там пиво осталось, бери в холодильнике, если хочешь.

Когда они уехали, я открыл бутылку и стал пить прямо из горлышка. Выкурил сигарету. В доме было тихо-тихо, только об люстру бились ночные бабочки так, что хрусталь звенел тонко и жалобно.

Дежурной все не было.

Наконец мне это надоело, я выбросил окурок в медную урну возле лестницы и стал подниматься к себе наверх.

Лестница крутая, она словно ввинчивается в темноту второго этажа. Эти придурки погасили там свет... Наощупь сделал шаг, другой, пока нога не наткнулась на что-то мягкое. Веселенькое дело! Это мягкое потерлось о штанину.

— Тебя мне только не хватает,— сказал я кошке и стал искать замочную скважину.

Ключ никак не поворачивался, и я уже думал, что ошибся дверью. Хотя нет, моя вторая от лестницы. Снова стал возиться с ключом, наконец случайно толкнул ручку... и дверь отворилась сама собой.

Я вытащил ключ из замка, задумчиво погремел им в темноте. Сейчас трудно вспомнить, но, кажется, я запер дверь перед уходом.

Впрочем... Положил ключ в карман, и в этот момент почувствовал, что в комнате есть еще кто-то.

Я стоял у открытой двери и не мог решиться.

Потом быстро вошел в номер, протянул руку к выключателю и... замер.

Я увидел силуэт на фоне окна. В комнате был еще один человек, кроме меня.

Медленно провожу рукой по стене, пока под ладонью не оказывается пластмассовая крышка.

Человек сидит неподвижно.

Свет!

— Не ожидал? — уже знакомая рыжая девица забралась в кресло с ногами.

— Скучи
гу прихожу
— Копы
мнишь? — о
раньше, пу
пройти неза
С какой
только том
просто так.
— Я не
— Нет,
Она уль
комнате.
— А гд
— Дом
рук сигаре
часто так
— Мне
— Деж
номере ты
все друг д
— Вот
— Пов
сигарету.
— Дог
— Я т
вую истор
— Вря
лем парц
— Ты
чать лак
собою ку
— А я
— Ты
и кейс, в
— Ну
— Зн
— Не
сейчас у
денег не
— То
ги прин
долг. А
— Ко

— Скучно, наверное, сидеть в темноте? — я понемногу прихожу в себя. — Как ты сюда попала?

— Копылов прислал, он тебя вчера подвозил, помнишь? — она посмотрела на меня. — Я бывала здесь раньше, пусть это тебя не удивляет, и я знаю, как пройти незамеченной. А зовут меня Юлей.

С какой стати я должен удивляться, подумал я. Разве только тому, что с поздними визитами не приходят просто так.

— Я не нарушила твои планы?

— Нет, наоборот.

Она улыбнулась, пружинисто встала и прошла по комнате.

— А где дежурная? — я достал сигарету и закурил.

— Домой решила съездить, — она взяла у меня из рук сигарету и затянулась. — У нее ребенок больной. Она часто так смывается с работы. Ты уж ее не закладывай.

— Мне казалось, когда я уходил, то закрывал дверь.

— Дежурная же меня знает, она показала, в каком номере ты обитаешь, она же и открыла дверь. Мы здесь все друг друга знаем.

— Вот оно что.

— Поверь, просто так я бы не пришла, — она вернула сигарету.

— Догадываюсь.

— Я тебя должна предупредить. Ты попал в паршивую историю. С этим директором.

— Вряд ли. Вернее будет, я был случайным свидетелем паршивой истории.

— Ты всего не знаешь, — она задумчиво стала изучать лак на ногтях. — У директора в тот вечер была с собою куча баксов. Они пропали, — она подняла глаза.

— А я тут при чем?

— Ты же нашел труп? Кое-кто думает, что ты нашел и кейс, в котором лежали деньги.

— Ну и пусть думает.

— Значит, ты их все-таки нашел?

— Нет. Я не видел никакого кейса, никаких денег и сейчас уже сомневаюсь, что видел труп. Но кейса и денег не было с самого начала, это уж точно.

— Тогда я должна тебе кое-что объяснить. Эти деньги принадлежат одному человеку: директор брал их в долг. А вчера должен был вернуть.

— Кому вернуть? Копылову?

— Нет, человеку, который организовал все дело... Он не работает на комбинате, но у него связи. Он-то и хозяин фирмы, которая заработала эти бабки. Директор был исполнитель. Через него товар шел, возвращался деньгами. Я для того рассказываю, чтобы ты понял — все так серьезно, как ты только можешь себе представить.

— С какой стати я должен что-то представлять?

— Тебя разорвут на кусочки, если не вернешь деньги.

— Ну, если они такие крутые, — я улыбнулся, — чего же они тебя прислали?

— Они меня не прислали. Копылов просил зайти. Он уверен, что видел у тебя этот кейс, когда отвозил в ту ночь.

— У меня? Он просто спятил.

— Да нет, — она покачала головой. — Только пока никому про это не сказал. Если ты передашь деньги мне, он, может, никому и не скажет.

— Вот благодетель.

— Он не хочет связываться с кровью.

— Я очень испугался. Весь дрожу.

— Перестань валять дурака, — Юля поморщилась.

— Ты тоже, — я посмотрел на дверь.

— Хочешь меня выпроводить?

— Так ведь вроде все обсудили.

— И охота тебе торопиться, — она плюхнулась в кресло, сбросила туфли и поставила ноги на сиденье, обхватив колени руками.

Крылья юбки закачались навесу.

У рыжих кожа всегда бледная. Поэтому мне всегда больше нравились брюнетки. Впрочем, тут дело вкуса, не поймите меня превратно.

— Мне вообще больше нравятся брюнетки, — сказал я вслух.

— Как Ритка, что ли?

— Я имею в виду абстрактный образ.

— Знаю я этот абстрактный образ, — она ухмыльнулась. — Этот образ трахается со всеми, кому не лень. Кроме собственного мужика.

— Что же так?

— Так ведь Витька теперь по ночам работает. Смена у него такая на мусорке.

— Он в милиции работает, что ли? Мусор, легавый, мент?

— Когда я говорю с мусорки, значит с мусорки, а не с ментовки, понял?

— С трудом,— я поморщился.

— А ты попробуй,— она провела кончиком языка по верхней губе,— это не так трудно... Женщина ведь не сложнее мужчины, это я тебе как врач говорю. Вернее, как медсестра. Подойди поближе...— Юля поманила меня пальцем.

— Слушай, ты у меня сейчас находишься с деловым поручением?

— Вроде того.

— А я не люблю смешивать личное с общественным.

— Похоже, ты собираешься меня отшить,— она встряхнула головой.— Ну и зануда. Знал бы, от чего отказываешься.

— Догадываюсь. Хочешь пива? На дорожку.

— Принеси.— Юля кивнула, улыбаясь.

Я встал, но возле двери она меня окликнула, и я обернулся, держась рукой за косяк.

— Хочу, чтобы ты знал. Мне поручили только предупредить насчет денег. Остальное...— она махнула рукой.

— Я оценил.

Когда я вернулся с двумя бутылками пива, в комнате уже никого не было.

* * *

Утром разбудил стук в дверь. Я проснулся и попытался вспомнить оборванный сон. Судя по смутным образам рыжая девица занимала там не последнее место. Но и не первое.

В дверь снова постучали.

Я натянул джинсы и пошел открывать.

Алик. Не скажу, что я с большим удовольствием увидел его постную физиономию.

— Ты еще не готов? — спросил он с порога.

— А куда такая спешка? Что, директор объявился?

— Нет,— Алик покачал головой.

— Одевайся, съездим, покатаемся... Подумаем вместе, как тебе помочь. Ведь пока не найдут директора, никто не станет за него решать... Ну, ты понял?

Дорога была такая же пыльная, как и вчера. Каждый раз, когда машину подбрасывало, Алик морщился.

— Ну, какие будут предложения? — спросил я, — говори.

— Вместе с директором пропали деньги...

— А, слышал.

— Откуда? — встрепнулся он.

— Рыжая девица вчера навестила.

— Какая девица? — не понял он.

— Юля.

— А, понятно. Копылов хочет оказаться умнее всех, — Алик покачал головой. — Но только нам с тобой от этого не легче. Кейс с деньгами на самом деле пропал. Я-то знаю, что ты не брал. Но если мы с тобой отыщем типа, который замочил директора, там же, думаю, мы найдем и бабки. Тогда я тебе гарантирую — получишь свою бумагу и по такой цене, что дешевле только даром.

— Насмотрелся ты рекламы, — я улыбнулся.

— Нет, серьезно. Деньги надо отыскать. А иначе начнут нас трясти. Ситуация горячая.

— Но ведь у директора ничего в руках не было, когда он выходил из машины, вспомни.

— Ничего я не помню.

— Может, Копылов и взял? — предположил я.

— Он из квартиры не выходил.

— Или этот толстый, главврач.

— Нет. Не могу тебе всего объяснить, но это точно не толстяк.

— Ну а Рита? Кстати, у нее муж, что, в милиции работает?

Алик засмеялся.

— С чего ты взял? — он посмотрел на меня.

— Рыжая сказала.

— Так и сказала? — Алик продолжал веселиться.

— Ну, мусором назвала, вроде как легавым. Она дама грубая.

— Вовсе нет. Не обижай девушку.

— То есть?

— Когда она сказала «мусор», именно это и имела в виду. Я лично его не знаю, но слышал работает мусорщиком. Шофером мусоровоза.

— Вот это да... — я вздумал рассмеяться, но вдруг до меня дошло такое, от чего пот прошиб.

Я вспомнил
мусоровоз, и
— А не е
машину? — с
От неожидан
не врезались
— Ты по
Ты понимае
только он м
он, но вероят
Целую веч
— Поним
ходится сейч
Потрясен

Алик вста
сказал ему:

— До вст

Я тогда е
то попрощал
все обдумати

Мусорщи
не потому, ч
нятно, зачем

«Я сказа
попали», — с
телефону.

И труп и
в милицию.

Что за э
а только с
чтобы вытас

в осиное гн

Я увиде
бросился к

— Друг,
кривая двер

Я вспомнил и пустые ящики, и фургон, похожий на мусоровоз, и заикающегося шофера...

— А не его ли ты попросил взять тогда на буксир машину? — спросил я у Алика.

От неожиданности Алик вывернул руль, и мы чуть не врезались во встречный грузовик.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил я. — Ты понимаешь, что тот, кто убил, спрятал и тело. И только он мог взять деньги. Хотя, конечно, не только он, но вероятнее всего.

Целую вечность он молчал, потом тихо сказал:

— Понимаю. Это значит... Это значит, что труп находится сейчас на городской свалке.

Потрясенные, дальше мы ехали молча.

* * *

Алик встал в очередь на заправку, а я не стал ждать, сказал ему:

— До встречи. — И ушел.

Я тогда еще не знал, где состоится наша встреча. А то попрощался бы по-иному. Но сейчас мне надо было все обдумать и чтобы никто при этом не мешал.

Мусорщик никак не вписывался в мои планы. Вовсе не потому, что мне нравилась его жена, а просто непонятно, зачем он это мог сделать?

«Я сказала мужу, в какую неприятную историю мы попали», — сообщила Рита после разговора с ним по телефону.

И труп исчез, пока она меня упрашивала не звонить в милицию.

Что за этим стоит? Даже если мусорщик не убивал, а только спрятал труп — уже достаточно. Достаточно, чтобы вытащить за хвост истину. Это как сунуть палку в осиное гнездо, чтобы посмотреть, кто сидит внутри.

* * *

Я увидел, как из-за угла выезжает мусоровоз, и бросился к нему, замахав руками.

— Друг, ты спятил? — поинтересовался водитель, открывая дверцу.

— Подбрось до свалки,— попросил я, подтверждая его диагноз.

— Садись,— согласился он, решив, видимо, не усугублять мое состояние. Но за дорогу не проронил ни слова, насвистывая какой-то мотив. Так фальшиво, что хотелось повеситься.

— Все,— он затормозил перед облупившимся забором,— вылезай. Посторонним на территорию нельзя.

Я достал бумажник и протянул деньги.

— Теперь пригнись пониже, а лучше сядь на пол, чтобы тебя не заметили,— посоветовал шофер.

Рассказать, как мы проникали на столь закрытый объект, не смогу. Так как ничего не видел, кроме собственных коленок.

— Все, приехали,— сказал, наконец, водитель.— Можешь сесть нормально.

Свалка чадила. Тут и там из залежей всякого хлама поднимался то ли дым, то ли пар, а запах был прогорклый и удушливый. Наверное, что-то подобное творится в аду. По рассказам очевидцев, во всяком случае.

— Как отсюда потом выбраться? — спросил я.— Может, подождешь?

— Вообще-то в заборе дырки есть,— ответил водитель весело.— Видишь бульдозер? Сейчас...— водитель постучал по клаксону, тот пропищал так же фальшиво, как до этого насвистывал его хозяин. Определенно они были достойной парой.

— Заметил бульдозерист,— удовлетворенно сказал водитель,— иди к нему, он поможет. Только не провались где-нибудь...

Бульдозерист заглушил мотор и поджидал меня, а я прыгал среди всякого мусора и старался не упасть.

— Что надо, дядя? — сказал он, когда я приблизился. Мы были примерно одного возраста.

— А что предложишь, племянник? — спросил я.

— Есть медь листовая, резина, доски...

— Нет, не подходит.

— А я думал, ты материалами интересуешься. Тут чего только нет.

— Золотое дно?

— Вроде того. Так тебе чего?

— Понимаешь,— я достал сигареты и предложил ему,— с женой поссорился, загулял, а она мои вещи

сложила в сумку и на помойку. Я спохватился, а мусор уже увезли. Вот подумал, может, тут...

— А как ты собираешься искать?

— Мне сказали, в позавчерашнюю ночь мусор из нашего двора вывозил водитель, он заикается... У вас много заик?

— Да нет, обошлось, — он усмехнулся. — Только Виктор один. Но я его что-то не видел. Ни сегодня, ни вчера.

— Что же делать?

— Вон, смотри, трубы лежат. Там сейчас бичи собрались. Если с ними договоришься, они всю свалку перевернут. Найдут — мне тоже причитается, — он подмигнул, — за совет.

— Договорились, — я помахал рукой и снова запрыгал в указанном направлении.

Возле труб мужичонка неопределенного возраста в телогрейке и когда-то твидовых штанах кипятил на костре чай. Рядом сидели двое помоложе — один черный, с длинными спутанными волосами и редкой бородой, другой — одутловатый и серый. Я так понял, гардероб свой они пополняют тут же.

— Не желаете? — предложил мужичок в телогрейке и кивнул на чайник.

— Чай — не водка, много не выпьешь, — поделился я.

— Так мы сбегаете? — мужичок вопросительно посмотрел на меня.

Я достал деньги, которые взяли одутловатый и серый.

— Бери портвейн, — напутствовал его мужичонка, потом, обернувшись ко мне, — вы ведь одеколон не будете?

— Не буду, — я покачал головой.

— У вас дело какое? — спросил мужичонка. — Материал дефицитный требуется?

— Нет... — и я пересказал историю про сумку.

— Витек? — уточнил мужичонка. — Как же, знаем, где он выгружается. Мы что угодно найти можем... — и снова вопросительно посмотрел на меня.

Даже лохматый очнулся от спячки и смотрел заинтересованно.

— За сумку ящик портвейна не пожалею, — сказал я.

Глаза собеседников вожделенно засветились.

— Там барахла-а... — продолжал я их распалять, — что ящик, два поставлю.

— Так мы найдем,— с готовностью подытожил мужичонка.

— Хорошо, я завтра днем зайду, в это же время,— сказал я и подумал — часов у них все равно нет.

Скоро вернулся гонец с портвейном, а вместе с ним еще двое. Я на бис повторил свое предложение. Думаю, скоро вся свалка узнала про бесценную сумку...

* * *

Через забор я не полез, а направился прямо к домику у въезда на свалку.

— Кто тут старший? — спросил я надменно у женщины, которая стояла на обочине и считала машины. Женщина была коренастая, голова выросла в плечи.

— Я,— ответила она робко.

— Там у вас бомжи в одном месте собрались, что-то ищут. Может, ценное что ищут? — предположил я и оглянулся на свалку. В самом деле, чуть правее труб собралась горстка людей и два бульдозера. Наверное, весть о ценной сумке успела облететь свалку. Ведь именно там, как мне показали, разгружался в эти дни заикающийся водитель.

— Я проверю,— сказала женщина,— что там случилось.

Теперь можно не сомневаться, что труп, если он там есть, к вечеру найдут. Великое дело — материальная заинтересованность.

* * *

Вокзал. Вовсе не потому, что мне некуда больше податься. Наверное, линии жизни человеческой пересекаются на вокзалах. Кстати, и телефон под рукой. В кабине жарко, душно так, что рубашка сразу прилипла к телу. Набрал номер и услышал мягкий женский голос. У Риты очень мягкий голос, словно у мурлыкающей пантеры. Правда, не знаю, могут ли пантеры мурлыкать. У этой, во всяком случае, получалось неплохо.

— Ну что,— насмешливо спросила она,— решил все-таки позвонить?

Говорил
я интересно
— Сначала
— Ладно
нашел этот
в тот вечер.
— Труп
ближайшие
свалке.

— Почему
после паузы
естественно

— Сдаст
ся в твоей
даже видел
водителя т
если во дв
ром, а бо
оживших
на подокон

Пот, ст
ся в ледя

— В о
сразу. Кст
муж, я эт

— Вик
не мог.

— А о
неприятн

— Кон

— Пре

жал,— а п
начнет от

дый наде

мною пог

— Ви

встречает

— Зна

время.
— Хо
вдруг его
— То
решил —
— Я

Говорила она так, словно поставила на мне крест и я интересую ее не больше, чем прошлогодняя трава.

— Сначала ответь мне на несколько вопросов.

— Ладно, минут пятнадцать у меня есть. Кстати, нашел этот таинственный труп? Ну и напугал ты меня в тот вечер.

— Труп? — переспросил я. — Думаю, его обнаружат в ближайшие часы. И знаешь, где? На свалке, городской свалке.

— Почему там? При чем тут свалка? — спросила она после паузы, чуть более продолжительной, чтобы быть естественной.

— Сдается мне, притом. В то время, пока я находился в твоей квартире, во двор заезжал мусоровоз. Мы даже видели его потом, на улице. И заикающегося водителя тоже видели. Угадай, как можно убрать тело, если во двор заезжал фургон с вместительным бункером, а больше — никого. Унести на плечах? Насчет оживших покойников, — я вдруг осекся и вспомнил руку на подоконнике.

Пот, струившийся по спине, из горячего превратился в ледяной. Но я пересилил себя.

— В оживших покойников я не верю, договоримся сразу. Кстати, я ведь не спрашиваю, где работает твой муж, я это и без тебя знаю.

— Виктор... Нет, зачем бы он это сделал? Убить он не мог.

— А спрятать труп? Чтобы избавить кое-кого от неприятной истории.

— Кого? — она фыркнула.

— Прежде чем труп найдет милиция, — я продолжал, — а потом найдет и твоего мужа, прежде чем он начнет отвечать на вопросы в казенном доме, где каждый надеется что-то утаить и выкрутиться, пусть он со мной поговорит.

— Виктор сегодня будет поздно, он в ресторане встречается...

— Значит, и мы увидим его там. Нельзя упустить время.

— Хорошо. Но он не замешан, ему незачем было. А вдруг его там нет?

— Тогда просто посидим там вдвоем. Думаю, он разрешит — ведь мы с тобой подельщики, — я улыбнулся.

— Я у него не спрашиваю, — отрезала Рита.

Вот так-то. Приятно иметь дело с самостоятельными женщинами. Во всех отношениях приятно. Только я собирался найти убийцу и привести его к воротам тюрьмы, толкая перед собой, а вовсе не затащить ее в постель.

* * *

Она появилась из такси, стройная, в облегающем черном платье с глубоким вырезом. Увидела мое состояние, и глаза ее вспыхнули торжествующим звериным огнем.

Это меня доконало окончательно.

— Смотри, уже очередь,— сказал я,— мы стоим в самом конце. Как тебе это нравится?

Она пожала плечами, потом решительно подошла к стеклянной двери и поманила швейцара. Тот сидел возле пустующего гардероба и читал газету. Мельком взглянул на нас и сразу кивнул в сторону таблички — «Мест нет».

— Я в этой забегаловке редко бываю, меня тут не знают,— Рита посмотрела на меня.— Что делать? Правда, у Виктора здесь работает приятель, официант. Но как его позвать?

Я нащупал в кармане деньги, незаметно достал, и, расправив, прижал ладонью к стеклянной двери. Так, что купюру можно было увидеть только изнутри. Очередь пока спокойно наблюдала за нашей попыткой прорваться. Видимо, не воспринимала всерьез.

Швейцар отложил газету, встал, подошел, отодвинул засов и открыл дверь на ширину ладони.

— Только не отдави мне пальцы,— я протянул ему деньги,— а то будет уже совсем свинство.

— Позовите Юру,— сказала моя спутница,— он такой, с черными усами, официант.

— Сейчас,— хрипло ответил швейцар, снова запер дверь и шаркающей походкой пробарражировал за занавески, скрывающие вход в зал.

Ждать пришлось долго. Очередь завибрировала и начала нас подозревать. Наконец он вернулся и прохрипел:

— Одно место, только женщину пущу.

Я внимательно
— А мне как
— Сказано, т
— Вы объяс
та.— Нас двое, г
— Сказал,—
сторону занавес
женщину.
— Это како
меня,— что дел
— Идите,—
шему знаком
Гермеса,— я к
— Почему
— Послан
же сообразите
— Ладно.
Она прош
разорвать. Я
нее. Особенн
Занавеска
не видел ли
ворот приот
меня. Очере
Только хвос
— Обойд
во дворе сл
Врата за
а люди в о
них чувство
Когда я
зеленой дв
черными о
Увидев
кой. Улыбн
ткие склад
— Ты с
— Точн
— С н
похлопал
Вперед
ми и всяк
— Дал
— Пря

Я внимательно посмотрел на него и поинтересовался:

— А мне как, на улицу в миске пожрать вынесешь?

— Сказано, только женщине.

— Вы объясните, что нас двое,— заволновалась Рита.— Нас двое, понимаете? Скажите это Юре.

— Сказал,— швейцар неопределенно махнул рукой в сторону занавески.— А он сказал: могу посадить только женщину.

— Это какое-то недоразумение,— она посмотрела на меня,— что делать?

— Идите,— посоветовал я,— сами все объясните вашему знакомому. Все-таки надежнее, чем через этого Гермеса,— я кивнул на швейцара.

— Почему Гермеса? — не поняла она.

— Посланник богов. Быстрый, как молния. И столь же сообразительный.

— Ладно.

Она прошла, а я остался. Очередь готова была меня разорвать. Я пока упирался, но коллектив всегда сильнее. Особенно обиженный коллектив.

Занавеска затрепетала, и кто-то позвал швейцара. Я не видел лица окликавшего. Но через минуту страж ворот приоткрыл дверь на ширину ладони, поманил меня. Очередь замерла, как удав в зарослях бамбука. Только хвост подрагивал от любопытства.

— Обойди вокруг здания,— тихо сказал швейцар,— во дворе служебная дверь, зеленая такая.

Врата закрылись, швейцар вернулся к своей газете, а люди в очереди ликовали — не прошел! Каждый из них чувствовал себя пограничником.

Когда я зашел во двор, то сразу увидел — возле зеленой двери стоит и нервно курит высокий парень с черными обвислыми усами.

Увидев меня, он широко улыбнулся и помахал рукой. Улыбка была деланая — под усами прятались жесткие складки. А вот махал он приветливо.

— Ты с Ритой пришел, да? — спросил он.

— Точно.

— С ней не пропадешь, она баба знаменитая,— он похлопал меня по плечу.

Впереди — тусклый закуток, заставленный коробками и всяким хламом.

— Дальше куда? — я обернулся в недоумении.

— Прямо,— сказал официант,— там тебя ждут.

Повернулся и исчез. А я последовал его совету.

Помещение за дверью было без окон и заставленное перевернутыми столами и цинковыми ведрами. Только одно место было расчищено — у стены напротив. Там в потрепанном кресле сидел мужчина. Он закинул ноги на поломанный столик перед собой, откинулся назад и внимательно рассматривал меня. Ясно, что он пытается показаться вялым и безмятежным, вот только глаза не безмятежные, этого не скроешь.

Надо ли говорить, что я сразу узнал его. Хотя видел всего один раз, да и то в темноте.

— Виктор? — спросил я. — Ваша жена...

— Пока что моя, — перебил он, — или ты с этим не совсем согласен, а, приятель?

— Я пришел не за тем...

— А мне наплевать, зачем ты пришел, — снова насмешливо перебил он. — И запомни, не ты пришел, а я разрешил тебе прийти. Если передумаю, то тебя выкинут отсюда пинком под твой тощий зад.

Я почувствовал перед глазами розовую пелену, словно тюлевые занавески... у меня всегда так, когда невогугу и надо дать кому-нибудь по морде.

— Я не ссориться пришел, — усилием воли я раздвигал розовый туман перед глазами, — и мне вовсе нет дела до твоей жены.

— А чего тебе надо?

— Уже ищут, — сказал я. — На свалке труп...

Он ударом ноги отбросил столик и вскочил так молниеносно, что я только успел заметить, как в кулаке зажат маленький черный кастет. От кастета я увернулся, но, перехватывая руку, получил, левой в скулу. Вокруг все запрыгало, он попытался несколько раз врезать мне ногой, но мы переплелись слишком тесно для хорошего удара. Все же в какой-то момент я ослабил хватку, а он только этого и ждал, ударом локтя свалил меня с ног. Мы покатались по полу, он выронил кастет и вцепился мне в шею. Я пытался оторвать его пальцы от горла, навалился сверху, а другой рукой шарил по полу в поисках кастета. Наконец, сжал оружие...

В ушах звенело и я чувствовал — сознание уходит. Тогда занес руку и, наверное, пробил бы ему висок... Но парень увидел занесенный кулак, хватка его ослабла, и он в ужасе закрыл глаза... Вот тогда я и ударил его — вскользь.

Я встал, де
меня вырвало
Обернулся. Л
рожно потрог
— Надо ж
реждали — де
— Кого т
ты спрятал т
Он молча
— Ты зна
Он отриц
— Тогда
— Ты не
тысячу кил
шею этому
— Вот э
Он вздр
пился. И
Потому что
боль раскол

Когда п
волосами з
кровоточил
начале... Л
Короче,
могло обер
лом и под
Отряхн
холодной
через под
не обрати
...Рита
только де
— Не
смотрела
у тебя и
Я усме
— Буд
анта.

Я встал, держась рукой за стенку, дошел до двери и меня вырвало. Постепенно дыхание восстановилось. Обернулся. Лежавший пошевелился, потом сел, осторожно потрогал голову.

— Надо же так влипнуть, — сказал он, — ведь предупреждали — держись настороже.

— Кого ты хотел спасти? — спросил я. — Из-за кого ты спрятал труп?

Он молчал.

— Ты знаешь, кто убил?

Он отрицательно покачал головой.

— Тогда зачем? Зачем ты в это ввязался?

— Ты не поймешь, — он говорил, словно пробежал тысячу километров, — кому-то понадобилось обмотать шею этому придурку моим ремнем...

— Вот это да...

Он вздрогнул и замолчал. А я пожалел, что поторопился. И еще пожалел, что стоял спиной к двери. Потому что не услышал, как подкрались сзади. Только боль расколола затылок надвое...

* * *

Когда пришел в себя, в камерке никого не было. Под волосами за ухом вздулась огромная шишка и немного кровоточила. И скула горела — она пострадала в самом начале... Ладно, заживет.

Короче, я вышел из этой истории как огурчик. Все могло обернуться плачевнее. Я пренебрег золотым правилом и подошел вплотную к осиному гнезду.

Отряхнулся, в коридоре нашел умывальник, отмыл холодной водой кровь, расчесал мокрые волосы. Потом через подсобку и кухню прошел в зал. На меня никто не обратил внимания.

...Рита сидела за столиком и читала меню. Может, только делала вид.

— Не знала, что вы там так долго... — тут она посмотрела на меня, и глаза ее расширились, — Боже, ну у тебя и лицо...

Я усмехнулся.

— Будем заказывать? — и жестом подозвал официанта.

Другого официанта. «Наш», с черными усами, в зале показался намного позже и близко не подходил. Думаю, шишка за ухом — его рук дело.

Моя спутница изредка смотрела то на меня, то на него, но ни о чем не расспрашивала.

Только когда мы пошли танцевать, она прошептала:

— Это ужасно...

— Что такое, — тихо спросил я, — неужели я наступил тебе на ногу?

— Нет, но...

— Поверь, все остальное не имеет значения, — я прошептал ей на ухо. Черные локоны щекотали мне лицо, я не выдержал, наклонился еще ниже и прикоснулся губами к ямочке над ключицей. Она вздрогнула, отстранилась, и я видел — чуть закусил губу.

Но ничего не сказала. Музыка еще играла, пары танцевали в полумраке светильников, а вокруг белели опустевшие столики, и официанты лениво убрали посуду. Мы двигались под томный вой саксофона, и сквозь ткань одежды я чувствовал тепло ее тела, а пушистые локоны снова щекотали мне губы. Она отстранялась каждый раз, когда я целовал ее в шею, ямочку над ключицей, розовую мочку уха, но руки ее лежали у меня на плечах, и вдруг я почувствовал, что она дрожит... провела ладонью по моей щеке, я повернул голову, так, что мы теперь были глаза в глаза, и губы приоткрылись, влажные и горячие, а пары танцевали, занятые собой, музыка плыла, и ресницы ее дрожали сиреневыми тенями...

* * *

На улице было совсем темно, когда мы ушли. За это время прошел дождь и воздух очистился. Он казался влажным и солоноватым на вкус.

Мы шли по утонувшим в ваксе улицам от фонаря к фонарю. Рита сама взяла меня под руку.

— Зачем ты в это ввязался? — тихо спросила она.

— Можно, конечно, сказать, мол, нельзя безнаказанно убивать людей, — я пожал плечами. — Но мне просто надо купить восемь тонн мелованой бумаги... И получается, что для этого мне необходимо сначала найти

убийц директо
пость, верно?
— Не дума
лась к моему
рискуешь? Эт
— Я тоже
тят десять г
— Поверь
живать меня
нутся тебе т
— У мен
головой.— Я
— Неуже
— Почем
не просто та
— Я про
— Пойде
жил я.
— Но се
Рита, глядя
— Почем
— Ну,
тюрьму.
— Так с
— Я бы
знаю про и
был его пе
ли бы у д
больше ме
— Ну т
жену?
— Дава
— Поч
— Я не
жизнь.
— Нет
— Что
— Нап
персоналк
че, не сли
— Вид
лась.
— И е
целый ск
11*

убийц директора. И какой-то чемодан с деньгами. Глупость, верно?

— Не думаю, что глупость,— она еще теснее прижалась к моему плечу.— Неужели ты не понимаешь, как рискуешь? Эти люди способны на все.

— Я тоже на кое-что способен. Особенно, когда светят десять процентов от сделки. Я имею в виду бумагу.

— Поверь мне,— она остановилась, продолжая удерживать меня за локоть.— Эти десять процентов достанутся тебе тяжело. Если вообще достанутся.

— У меня просто нет другого выхода,— я покачал головой.— Я и так по уши в долгах.

— Неужели ты не можешь жить как все люди?

— Почему? Я как раз и живу как все. Ты ведь тоже не просто так связалась с директором.

— Я просто шестерка.

— Пойдем, чего стоять посреди улицы,— предложил я.

— Но сейчас бы я с радостью все бросила,— сказала Рита, глядя куда-то мимо меня.

— Почему?

— Ну, во-первых, вовсе не хочется загреметь в тюрьму.

— Так серьезно влипла?

— Я была секретаршей директора и очень многое знаю про их дела. Практически все. Да еще и мой муж был его персональным водителем. Представляешь? Если бы у директора была жена, вряд ли она знала бы больше меня.

— Ну так ты, наверное, и заменяла ему эту самую жену?

— Давай не будем об этом.

— Почему?

— Я не собираюсь обсуждать с тобой свою прошлую жизнь.

— Нет, просто интересно.

— Что тебе интересно?

— Например, почему твой муж больше не водитель персоналки? Хотя, думаю, груз, который он возит нынче, не слишком отличается.

— Видишь, значит, он не прогадал,— она улыбнулась.

— И еще меня интересует, как это получилось, что целый склад бумаги оказался бесхозным?

- Не думаю, что мне следует тебе все рассказывать.
- По-моему, у нас уже установились доверительные отношения,— я улыбнулся.
- Ты слышал про аварию?
- Да.
- Там вся территория заражена. Какое-то боевое отравляющее вещество. Все должны были вывезти и уничтожить... Так и сделали. По документам.
- А на самом деле?
- Сам догадайся.
- Уже догадался. И были случаи отравления?
- Поначалу много. Только их не регистрировали. У людей что-то с психикой происходило. Помнишь толстого доктора у меня в гостях? Вот к нему в больницу их и отправляли. А он ставил диагноз. Конечно, никакого отношения к отравленной территории этот диагноз не имел.
- Но ведь эта бумага тоже ядовитая.
- Наверное.
- То есть, люди купят книгу — и...
- Может быть, после этого они окажутся в больнице,— Рита пожала плечами.— Но только кому придет в голову связать все это с нашим третьим складом?
- Мне придет. Теперь придет. Я ведь тоже иногда покупаю издания на мелованой бумаге.
- И будешь молчать, как все,— она грустно посмотрела на меня.— Ты ведь собираешься заработать на этой сделке?
- Мне теперь кажется, что я смогу прожить и без нее.
- Значит, бумагу купит кто-то другой. Не такой щепетильный.
- А тебе не нравятся щепетильные?
- Я просто таких не встречала.
- У меня еще масса других достоинств.
- Начинается самореклама? — глаза у нее посветлели.
- Должны же мы узнать друг друга получше.
- Зачем? — Рита скривила губы.— Я, например, вовсе не хочу, чтобы ты узнал меня получше.
- Тебе есть что скрывать?
- Скорее, я многое не хочу вспоминать.
- Ладно, начнем с чистого листа.
- А надо ли?
- Об этом надо было раньше подумать — скажем, пару часов назад.

— Ну и
— Я у
тельные о
— А, п
Она за
Курил
ее до кон
— Под
Я и са
Она в
прошли
ключ и од
ладоней.
в темнот
иногда вд
шептала,
потом он
прижима
Шепот
тяжелое
словно во
ков паль
всей тяже
Мы та
рожно по
свободил
Рита
платье, п
ключ, по
Глаза у
темными
— М
даже двер
я на ведь
Она б
если пол
...В к
шумела в
на прошл
все равно
нется му
И тут
И чуть не

— Ну и что же случилось за эти два часа?

— Я уже сказал, между нами установились доверительные отношения.

— А, понятно...

Она засмеялась и попросила сигарету.

Курила молча, и я впервые увидел, как она докурила ее до конца.

— Поднимешься? — спросила Рита возле подъезда.

Я и сам этого хотел.

Она взяла меня за руку, и вот так, рука в руке мы прошли по всей лестнице, и, даже когда она искала ключ и одной рукой возилась с замком, мы не разжали ладоней. Не зажигая света, захлопнули дверь, и я нашел в темноте ее губы. Мы целовались целую вечность, иногда вдруг она прятала лицо у меня на груди и что-то шептала, и тогда я прикасался губами к ее волосам, а потом она снова запрокидывала голову и еще теснее прижималась ко мне.

Шепот становился все бессвязнее и переходил в тяжелое обжигающее дыхание, и тогда ее била дрожь, словно волны расходились кругами от бедер до кончиков пальцев. Неожиданно она затихла, как онемела, всей тяжестью повиснув у меня на руках.

Мы так и стояли посреди темной прихожей. Я осторожно погладил ее по обнаженным плечам, потом высвободился из ее рук и зажег свет.

Рита улыбнулась мне, как спросонья, поправила платье, провела рукой, в которой все еще был зажат ключ, по влажной дорожке над припухшими губами. Глаза у нее были бесовские и счастливые, а по щекам темными разводами застыла тушь.

— Мы с тобой сумасшедшие, — весело сказала она, — даже дверь толком не закрыли. Мне надо умыться, а то я на ведьму похожа.

Она была похожа на чертовски красивую ведьму, если пользоваться ее терминологией.

...В комнате я сел на краешек дивана. За стеной шумела вода, и я думал, что мне, собственно, наплевать на прошлое. Наплевать на ее прошлое, наплевать, что я все равно вынужден буду уйти отсюда, как только вернется муж.

И тут я подумал, что можно сейчас встать и уйти. И чуть не расхохотался — надо же, встать и уйти.

Встать и уйти. Все равно что пролезть сквозь бетонную стену.

Воду в ванной выключили, и почти одновременно с этим в прихожей раздался звонок.

Там слышался какой-то шум, я поднялся и замер. На пороге стояли два милиционера.

— Только не выкинь номера, — сказал тот, что повыше, — мы пришли за тобой.

— Но это невозможно... Почему, почему за ним? — Рита нервно накручивала на пальцы поясик махрового халата.

— Мы должны его доставить... — как по команде они двинулись на меня и через мгновение закрутили руки за спину. Я застонал от боли.

— У него синяк на щеке, — сказал один и повернулся к Рите: — Вы подтвердите, что это у него уже было.

— За что вы его... — тихо спросила Рита.

— Убил человека. Он и еще другой, с комбината. Его засекли сегодня на свалке, там, где было спрятано тело. Таких всегда притягивает место преступления.

— Я не убивал! — крикнул я. — Есть свидетели...

— У нас разберутся, кто убивал, а кто нет.

— Как вы нашли его у меня? — женщина переводила взгляд с одного милиционера на другого.

— Мы его еще днем вычислили, кто он и откуда, — сказал высокий. — А потом нам просто повезло — кто-то позвонил и сказал, что видел, как он заходил в эту квартиру.

— Я не убивал, — повторил я.

Один из державших быстро провел свободной рукой по моей одежде и пробормотал:

— Эй, у него что-то в кармане...

И через секунду он достал кастет.

— Это невозможно, — повторила Рита так же тихо, что почти не слышать.

— Я не убийца, — сказал я, пытаюсь поймать ее взгляд. Сейчас мне было очень важно, чтобы она поверила. Важнее всего остального.

— Ишь ты, тихоня, — сказал высокий, — неизвестно, что бы он с вами сделал, если бы мы не приехали. Гастролер.

— Уводите, — она отвернулась. — Уводите его, чего же вы ждете?

— Я не уб
ницу.
Пока мы с
шел сзади, и с
голову носко
кровь с подбо
— Ходи
Я его поня
сердцем нена
Потом бы
ва отскакивал
— Откуда
— На мен
— Врешь.
этим самым
— Неправ
— Откуда
— Я не з
— С како
— В кома
— Знаком
— Да, он
— Один?
— Нет, с
— Но в
машине?
— Да...—
пасти.
Как мне
словом не
сказать, бу
чтобы все
— Объяс
Я попы
слова. Про
— Когда
— Днем
— Зачем
— Это с
жающей с
— Не в
езжал на с
— Я не
— Неуж

— Я не убийца! — но меня уже выволокли на лестницу.

Пока мы спускались вниз, мне разбили губу. Один шел сзади, и он сделал подсечку, а другой встретил мою голову носком ботинка. Когда я поднялся, вытирая кровь с подбородка, тот, что повыше, усмехнулся:

— Ходи поосторожнее. Ты меня понял?

Я сго понял. Может, они были неплохие ребята и всем сердцем ненавидели убийцу. Впрочем, как и я.

Потом была ярко освещенная комната, гулкая — слова отскакивали от стен и били по нервам.

— Откуда у тебя кастет?

— На меня напали, я отобрал у нападавшего.

— Врешь. Твой соучастник показал, что ты ударил этим самым кастетом.

— Неправда.

— Откуда тогда знаешь, как убили?

— Я не знаю.

— С какой целью приехали? — новый голос.

— В командировку.

— Знакомы с директором комбината?

— Да, он встречал меня на вокзале.

— Один?

— Нет, с заместителем. Тот вел машину.

— Но в профилакторий вы приехали на частной машине?

— Да... — я кивнул и почувствовал себя на краю пропасти.

Как мне рассказать, что было на самом деле? И ни словом не обмолвиться о Рите? Ведь все, что я смогу сказать, будет против нее. А мне очень не хотелось, чтобы все обернулось против нее...

— Объясните.

Я попытался. Только ни слова про квартиру, ни слова. Просто — пока искали телефон, труп исчез.

— Когда вы заезжали на свалку?

— Днем. Сегодня днем.

— Зачем?

— Это связано с командировкой... Загрязнение окружающей среды...

— Не валяй дурака, — прежний голос. — Когда ты заезжал на свалку, чтобы спрятать труп?

— Я не прятал.

— Неужели? А кто тебе помогал?

— Никто.

— Значит, все сам сделал. Прав твой приятель, он уже дал показания. Он все валит на тебя.

— Нет...

— Если будешь упрямитесь, пойдешь как исполнитель.

— Нет...

Я сидел в перекрестье настольных ламп, свет бил в глаза и взрывался под черепом острой болью. Я пытался удержаться на краю пропасти, думать над каждым словом. Но они все спрашивали и спрашивали, они выстраивали вопросы так, что я повторял снова и снова, как было, но они не верили, они расставляли ловушки, грозили, несколько раз выбивали из-под меня стул и, когда я поднимался, начинали снова и снова, по второму, третьему кругу. Я не видел спрашивающих, лампы слепили глаза, может, они менялись, но я уже едва мог шевелить языком, острая боль сначала пульсировала во всем теле, потом сосредоточилась в затылке, и я уже готов был подтвердить все, что они требуют, лишь бы оставили в покое.

— Прекратить!

Голос откуда-то из-за спины, свет неожиданно гаснет, и я шарю ослепшими глазами, силясь рассмотреть вошедшего.

— Принесите воды,— тот же голос.

Я сжимаю стакан ладонями, но руки не слушаются, кусаю зубами стекло, а вода льется по подбородку на пропотевшую рубашку.

Тишина. Темнота.

Я качаюсь на волнах призрачного счастья. Я соглашусь признаться в любом преступлении.

Лишь бы это не кончалось.

Тишина. Темнота.

Я чувствую, что лицо у меня все мокрое. То ли от пролитой воды, то ли от слез.

Тишина. Покой.

Постепенно из слепоты начинают проступать очертания комнаты, маленькое зарешетчатое окно, стол, на котором сквозняк шевелит листы исписанной бумаги и катает шариковую ручку, лицо мужчины, угловатое, с рябыми щеками, хорошо выбритый подбородок.

— Ну, а теперь расскажите,— говорит громила-капи-

тан, с кот
первую но
Я нахо
дать. Кто
— Не
вы искал
Маргарит
Просто да
А у ме
— Нет
я стоял д
— Хор
Руки д
— Бла
на берет
пись.— Н
— Нет
сколько б
— Вы
но все, к
ны. В уб
нулся.
Как в
спешат
сидит Ал
ли ко лб
кровь.
Я опу
риваю.
— От
— Да
— Я
мусоров
чиваютс
— Во
— Ес
этого м
снова пр
— Ве
невольн
сразу ра
— С
подпиш
— Я

тан, с которым я познакомился в квартире Риты в первую ночь,— как это было на самом деле?

Я нахожу в себе силы не рассмеяться. Или не зарыдать. Кто знает?

— Не заметили, во двор не заезжал мусоровоз, пока вы искали телефон в квартире гражданки Ямщиковой? Маргариты Николаевны? — говорит он насмешливо. Просто давится от смеха.

А у меня все плывет перед глазами.

— Нет, не слышал,— я с трудом узнаю свой голос,— я стоял далеко от окна.

— Хорошо. Подпишите. Вот здесь.

Руки дрожат.

— Благодарю за свидетельские показания,— мужчина берет листок и невидяще рассматривает мою подпись.— Надеюсь, у вас нет жалоб?

— Нет. Спасибо, что прекратили допрос. Не знаю, сколько бы я выдержал, прежде чем свихнуться.

— Вы его сами прекратили. Не знаю, как удалось, но все, кто допрашивал, убеждены, что вы невиновны. В убийстве, во всяком случае,— он широко улыбнулся.

Как во сне я выхожу на улицу, уже рассвело, и мимо спешат первые прохожие. Я выхожу, а на ступеньках, сидит Алик, глаза у него воспаленные, волосы прилипли ко лбу, словно приклеенные. В уголке рта запеклась кровь.

Я опускаюсь рядом, достаю из пачки сигарету, закуриваю.

— Отпустили?

— Да,— он кивнул.

— Я все рассказал, как было,— говорит Алик,— и про мусоровоз тоже. И про гостей. Пусть те жлобы выкручиваются. Их, правда, бить не будут.

— Вот оно что,— я покачал головой.

— Если они в ближайшие дни не найдут убийцу, этого мусорщика,— говорит Алик тусклым голосом,— снова примутся за нас.

— Верно,— соглашаюсь,— только я сваял дурака и невольно предупредил его. Думаю, мусорщика теперь не сразу разыщешь.

— Следующий раз не выдержу,— говорит Алик,— подпишу все, что попросят.

— Я, наверное, тоже,— отвечаю.

Мы молчим, сидим на ступеньках, и прохожие удивленно смотрят на нас.

— Надо сделать так, чтобы его нашли,— говорит Алик.

— У нас просто нет другого выхода,— я улыбаюсь разбитыми губами.

Глава вторая

Утро было прозрачное, несмотря на туман. Туман ведь у самой земли, а небо — глубокое и светлое, лучи восходящего солнца пронзают его снизу вверх, и оттого мир кажется перевернутым. У меня возникло ощущение, что с каждым шагом я все дальше отрываюсь от земли, еще немного и буду спотыкаться о верхушки деревьев.

Я не знаю, сколько шел от остановки автобуса. Наверное, вечность.

Потом мне пришлось прижаться к самой земле, почти что лечь на нее ничком, чтобы пролезть в дверь профилактория. Я представлял себя огромным, как гора. Надо мной неплохо поработали этой ночью. Я только боялся уронить голову — она и так вся распухла.

На диване в холле спала Рита. Она спала сидя, подобрав под себя ноги и облокотившись на спинку. Рита была в белом платье и вся утонула в мягких подушках.

Я прошел мимо, тихо-тихо, чтобы не разбудить. Не очень-то прилично будить спящего человека. Я уже взялся рукой за перила и поставил свое тело на нижнюю ступеньку, когда почувствовал на затылке ее взгляд.

Тогда я подумал немного и втащил себя на следующую ступеньку. Их, должно быть, до черта, больше десяти, и мне предстоит основательно потрудиться, прежде чем я доберусь до самого верха.

— Я помогу...— она легкими шагами догнала, поддерживала за локоть и втащила мое студенистое тело на следующую ступеньку. Мне бы так быстро бегать, я давно бы уже закрылся на ключ в своем номере.

— Не надо,— я попытался высвободиться,— это аморально — помогать убийце взбираться на эшафот,— ска-

зал и сам п
голову. Оче
вниз по сту
Рита тол
двинулись
нуться, не
— А кто
ных людей,
— Огром
отобрать л
только не
убийцы...
— Да
Пожалуйст
— Ты
— Я пр
— Чего
До кон
час мне о
Так полага
Мы во
ла. Я сел
было бы
силами. Я
трясло, я
навзничь
кровать с
сила туф
голову и
и, конеч
коленями
я цеплял
Потом
шивался
Меня ещ
прижима
Вдруг я
воздухе
она держ
Я ус
истории
сказыва
А Ри

зал и сам поверил, что наверху лестницы мне отрубят голову. Очень образно представил, даже как она прыгает вниз по ступеням.

Рита только крепче стиснула мой локоть, и мы двинулись дальше. Так проворно, что я захотел оглянуться, не остались ли позади прилипшие ноги?

— А кто, по-твоему, поднял среди ночи определенных людей, чтобы тебя вытащили оттуда?

— Огромное тебе спасибо,— я снова попытался отобрать локоть, но она вцепилась в него намертво,— только не надо было их тревожить ради какого-то убийцы...

— Да прекрати ты,— она попросила.— Я виновата. Пожалуйста, прости меня.

— Ты поверила, что я убийца,— тупо сказал я.

— Я просто испугалась. Забудь про это, ладно?

— Чего уж там.

До конца лестницы оставалось совсем немного. Сейчас мне отрубят голову. Перед этим надо всех прощать. Так полагается.

Мы вошли в номер, и только тут она меня отпустила. Я сел на край кровати и снял один ботинок. Надо было бы и второй, только я никак не мог собраться с силами. И тут меня начало трясти. Просто ужас как трясло, я ничего не мог с собой поделать. Откинулся навзничь, а у меня все ходуном ходило. Рита обошла кровать с другой стороны, стала на нее коленями, сбросила туфли, а потом легла рядом, обняла руками мою голову и прижала ее к груди. Она была очень маленькая и, конечно, не могла меня согреть. Только упиралась коленями в бок, и когда меня особенно сильно трясло, я цеплялся за них ребрами.

Потом я услышал, как стучит ее сердце. Я прислушивался к каждому удару и постепенно успокаивался. Меня еще несколько раз начинало трясти, и тогда Рита прижималась ко мне, как теплая пушистая кошка. Вдруг я почувствовал, что исчезаю, растворяются в воздухе руки и ноги, только остается голова, которую она держит в ладонях.

Я уснул, и мне приснилось, что я читаю веселые истории про человека на необитаемом острове и пересказываю их вслух.

А Рита слушает и смеется.

Я открыл глаза и приподнялся на локте. Рядом со мной было пусто и только по примятым складкам можно догадаться, что раньше я был не один.

Встал, прошел в ванную, ополоснул лицо над раковиной и стал разглядывать себя в зеркало. Губа уже затянулась, а больше на лице никаких потерь. Под волосами — да, там все опухло, страшно было дотронуться. Потом я вернулся в комнату, достал из шкафа сумку и вытряхнул все вещи на кровать. Пригодились запасные джинсы и еще спортивная трикотажная рубашка. Принял душ и переделся во все чистое. В стенном шкафу нашел щетку для обуви и надраил до блеска ботинки.

Взял перочинный нож, раскрыл его, подержал на ладони, потом снова спрятал в сумку. Нет, это не годится. Кажется, я уже видел более подходящее. Бачок унитаза располагался под самым потолком, и надо было дергать за фарфоровую гирьку на длинной цепочке. Я отцепил все это, смотал цепочку и сунул в карман.

Предстояло нанести кое-какие визиты, и в душе у меня все спеклось от ярости. Посмотрел на часы — стекло треснуло, но они шли. Я проспал весь день, и сейчас безымянный ресторан снова принимает гостей. Вы догадались, куда я собрался?

Вы догадались, кто мог позвонить услужливым парням из милиции и сообщить, где я нахожусь?

И уж, конечно, знаете, кто ударил меня сзади, когда мусорщик практически был в руках, а вместе с ним и вся крысиная стайка. Я, кажется, тоже знаю, но все же решил подкрепить возникшее подозрение. Мы вместе с цепочкой от унитаза собирались поработать крысоловкой.

Всю дорогу я невольно улыбался, а пассажиры хмурились и почему-то старались не встречаться со мной глазами.

Наверное, я им не нравился.

Возле ресторана опять была очередь. Я протиснулся сквозь нее, вошел во двор и встал так, чтобы не попадаться на глаза. План уже созрел, я его придумал сразу, только вспомнил, как жадно курил официант во время нашей первой встречи...

Сначала
в запачкан
блондин, я
конец, дож
тягиваясь,
потом рез
курят тол
не вытерп
В этом
Я мед
здесь оказ
двери. На
что лестн
творив д
Присл
стал под
той само
чуть над
В по
прикрыт
бы кажд
размота
стье, а
Ладони
Оста
как кро
Шаг
цианта
уже усп
Он
от рас
щель, с
лаю ш
Офи
над его
ная пер
пытает
удары
назад
жаются
вырыв
порог
руки
мимо

Сначала возле зеленой двери болтались две шалавы в запачканных белых передниках, потом невысокий блондин, я вспомнил, он обслуживал мой столик... Наконец, дождался. Официант курил быстро, глубоко затягиваясь, и черные усы у него хищно топорщились. А потом резким щелчком выбросил сигарету и ушел. Так курят только заядлые курильщики, а значит, он долго не вытерпит и скоро снова сюда придет.

В этом заключался мой план.

Я медленно прошелся по двору, вроде случайно здесь оказался, с каждым шагом приближаясь к зеленой двери. На мгновение остановился, приоткрыл, убедился, что лестница пуста, и проскользнул внутрь, тихо притворив дверь за собой.

Прислушался. Шум далекий, со стороны кухни, и я стал подниматься наверх. Задержался у двери подсобки, той самой, куда привел меня вчера вечером официант, чуть надавил на нее плечом...

В подсобке было темно и тихо. Из-за неплотно прикрытой двери я видел коридор и лестницу, я увидел бы каждого, кто прошел мимо. Стараясь не шуметь, размотал цепочку, один конец накрутил на левое запястье, а в правом кулаке зажал фарфоровую гирьку. Ладони вспотели, и гирька казалась очень скользкой.

Оставалось ждать. Я постараюсь быть терпеливым, как крокодил у водопоя.

Шаги по коридору. Пауза между сигаретами у официанта оказалась короче, чем я ожидал. Но ничего, я уже успел собраться.

Он прошел мимо двери, и она немного закачалась от рассекаемого им воздуха. Просовываю локоть в щель, отодвигаю дверь — только бы не заскрипела, делаю шаг... еще второй, третий...

Официант засек меня, только когда я поднял руки над его головой, резко отклонился в сторону, но стальная петля уже обвилась вокруг его горла. Он брыкается, пытается вывернуться, но я широко расставил ноги, и удары попадают в пустоту. Сжимая удавку, отступаю назад и тащу его следом, чувствуя спиной, как приближается открытая дверь кладовки. Теперь он уже не вырывается и даже подталкивает меня. Я переступаю порог и тут понимаю, что не смогу закрыть дверь — обе руки заняты... Веселенькое дело, если кто-то пройдет мимо и меня застукает.

— Закрой дверь,— тихо говорю я и чуть затягиваю петлю. Удивительное дело, но он подчиняется. Только хрипит.

— Не дави так... больно.

— Где Виктор?

— Пусти, ты, гондон,— он еще ругался.

— Где Виктор? — я затянул петлю, а потом ослабил, чтобы ему хватило воздуха для ответа.

— Вчера сразу ушел.

— А где он может быть?

— Не знаю, наверное, к Авангарду пошел.

— Не понял, к кому?

— Копылов фамилия.

— С какой стати он к Копылову пойдет?

— Повязаны они... Да не тяни так,— он опять хрипит, и я ослабляю ошейник.

— Как повязаны?

— У Витьки пассажир отдуплился прямо в машине. Говорят, к этому Авангард лапу приложил. Только Витька все на себя взял, его и уволили.

— Отдуплился? Каким образом?

— Инфаркт. Отпусти, я же сдохну сейчас...

Я сжал крепче фарфоровую гирьку. Трудно решиться, когда не в драке, а вот так, поговорил с человеком и нет больше в тебе злобы. Страшно трудно... И ударил его по затылку.

Официант сразу обмяк, и пришлось подхватить его под мышки, а то бы он грохнулся плашмя.

Нашел в темноте его руку, пощупал пульс. Ничего, обойдется. Будем считать, что я расплатился.

Надо уходить, пока он не пришел в себя, а я еще стоял и тупо сматывал цепочку. Мне пришло в голову, что директора могли задушить точно так же, только преступнику некуда было деться, кроме как спрятаться в подъезде. А точнее — в квартире наверху.

Лежавший у ног человек пошевелился. Я перешагнул через него, потом по ступенькам вниз, во двор и на улицу. Здесь я смешался с толпой у ресторана, вынырнул из нее и зашагал прочь. Я шел спокойно и равнодушно глядел перед собой. Мне стоило больших усилий не оглянуться. Я шел и чувствовал, как смерть смотрит мне в затылок. Она смотрела глазами прохожих.

Рабочий день
мэрии стояли че
кружок, о чем-то
Кто-то ответил,

— Мужики,—
нил, как во в
Риты,— Виктор

— А зачем
двинутой на сам

— Приятели
нает, что я в К
только адрес я
что какого-то
знаете, где его

— Не работ
тельно оглядел
приятели с ни

— Как не р
реннее.— Вить
вас по-челове
разыгрываете.

— Вот чуд
рень и покру
со мной позд
Выперли его.

— Ну да, н
ня,— он же кл

— Классн
нул под ноги
по блату пол
девки.

— Ну да?

— Не бы
посмотрел в
болка.

— Сам
ее лично зн
ва, Юлькой

Пожило
Нет, он ни
ему не нр

Рабочий день давно закончился, но возле здания мэрии стояли черные машины. Шоферы, собравшись в кружок, о чем-то трепались. Я подошел и поздоровался. Кто-то ответил, остальные — промолчали.

— Мужики,— начал,— я тут Виктора ищу,— и вспомнил, как во время допроса мне называли фамилию Риты,— Виктора Ямщикова. Где он?

— А зачем тебе Виктор? — спросил пожилой в на-
двинутой на самые брови кепке. Это в летний-то вечер...

— Приятели мы с ним. Обидится, думаю, если узнает, что я в Кудринске был, а к нему не зашел. Вот только адрес я его потерял, но помню, он рассказывал, что какого-то туза возит. Вот я и подумал — вы-то знаете, где его найти.

— Не работает он здесь больше,— пожилой внимательно оглядел меня с ног до головы.— А ты говоришь, приятели с ним, так?

— Как не работает? — я постарался удивиться поискреннее.— Витька мне врать не стал бы. Мужики, я ведь вас по-человечески спрашиваю, как найти, а вы меня разыгрываете. Обидно, честное слово.

— Вот чудак человек,— рассмеялся голубоглазый парень и покрутил пальцем у виска. Он был из тех, кто со мной поздоровался.— Говорят же тебе — не работает. Выперли его.

— Ну да, выперли,— я недоверчиво посмотрел на парня,— он же классный водитель, такими не бросаются.

— Классный водитель...— парень презрительно сплюнул под ноги,— дерьмо он, а не классный водитель, права по блату получил. Только выперли его не за это, а из-за девки.

— Ну да? Какой девки?

— Не было никакой девки,— пожилой выразительно посмотрел в мою сторону.— Чего языком трепать. Балаболка.

— Сам ты балаболка,— голубоглазый обиделся.— Я ее лично знаю, медсестрой работает, рыжая такая стерва, Юлькой зовут.

Пожилой насупился и злобно посмотрел на меня. Нет, он ничего не имел против, только чувствовалось, ему не нравится, когда при посторонних распускают

язык. Пожилой был «персональным» шофером старой закалки.

— А что с девушкой? — спросил я. — Сбил он ее, что ли?

— Понимаешь, из Москвы один мужик приехал, из высоких, — голубоглазого распирало от желания потрепаться, — ну, естественно, ему между делом культурную программу организовали. А приятель твой прикреплен был возить. А когда они утром из охотничьего домика возвращались, мужик возьми да и отдай концы прямо в машине. Когда разборки пошли, выяснилось, что в машине, кроме водилы и мужика, еще девка была. Мужик-то чисто помер — мотор не выдержал, хоть в мавзолей клади. А девка все портила — какой тут к черту моральный облик, с какой стати она вместе с ними в машине оказалась? Вот на твоего дружка все и свалили — мол, на служебной машине постороннюю гражданку вез. А какая она посторонняя, если с ними всю ночь была?

— Да-а, информированный ты человек, — хмыкнул пожилой и пошел к своей машине.

Другие стали расходиться, отводя глаза и улыбаясь, наконец сам парень захлопал ресницами и повернулся ко мне спиной. Все вели себя так, словно он сделал что-то неприличное и запретное, короче, сваял дурака.

* * *

Я вернулся в профилакторий и приспособил цепочку на место. Даже предварительно помыл ее под краном. Чтобы никаких следов. Потом достал из сумки бутылку коньяка, налил стакан. Но пить не стал, только открыл окно и закурил. Я хотел сначала выкурить сигарету и все обдумать, а после уже выпить и лечь спать, чтобы не ворочаться с боку на бок.

В дверь постучали.

Чтобы не расплескать, осторожно поставил стакан на подоконник. Открыл дверь. Пришла дежурная, позвала меня к телефону.

В холле никого не было, дежурная осталась наверху, она подметала ковровую дорожку в коридоре. Я взял со столика трубку и прижал к уху:

— Алло...
В трубке —
Что ж, я
похоже на де
— Уезжай
пока не поз
На меня
не испугалс
биться — он
дня назад,
Трубку у
Мне еще
Телефон
почувствова
— Эй, у
торую звал
— Счит
— Ну в
дает. У не
волосы, —
— По
— О, з
снова над
— Нац
— Жел
один, — он

Эта ул
ридом с
цвета, в
положен
ных или
циализм
курятни
Я не
стой де
точный.
Я пр
туда и
дверь п

— Алло...

В трубке — тишина.

Что ж, я тоже буду молчать. Кто кого перемолчит — похоже на детскую игру.

— Уезжай, — вдруг сказал мужской голос. — Уезжай, пока не поздно...

На меня словно могильным холодом повеяло. Я не испугался слов. Я испугался... голоса. Тут не ошибиться — он принадлежал директору комбината... Три дня назад, как принадлежал.

Трубку уже повесили.

Мне еще никогда не звонили с того света.

Телефон тут же зазвонил снова. Я поднял трубку и почувствовал, что ладонь стала влажной.

— Эй, узнал? — услышал я голос рыжей девицы, которую звали Юля. — Не заскучал?

— Считаю, что заскучал.

— Ну вот, а я думала, моя подружка тебе спать не дает. У нее такие красивые зеленые глаза и черные волосы, — на другом конце провода засмеялись.

— По ночам я встречаюсь пока только с рыжими.

— О, значит, ты не совсем пропащий. Впрочем, мне снова надо с тобой поговорить. О деле. Не по телефону.

— Наши желания совпадают. Говори адрес.

— Железнодорожная, двенадцать, квартира двадцать один, — она повесила трубку.

* * *

Эта улица хотя и находилась в неудобном месте — рядом с вокзалом, но дом 12 был из кирпича песочного цвета, в таких домах у нас живут, как правило, люди с положением. В таких домах — будь то серые на набережных или что посовременнее — строить и развивать социализм было намного приятнее, чем в совмещенных курятниках. Сразу видны результаты.

Я не понимал, что может быть общего между вихрастой девицей и жителями этого дома. Но адрес был точный.

Я прошелся по противоположной стороне улицы, туда и обратно, потом перешел и решительно открыл дверь подъезда...

— Ну, это уже слишком,— сказал я.

В дверном проеме стояла Рита.

— Не ходи туда,— она уткнулась ладонью мне в живот.— Не ходи,— повторила.

Я посмотрел на нее и улыбнулся. Она была очень маленькая, едва доставала мне до груди, а решительности в ней была уйма.

— Тут чисто деловое свидание,— начал я и вдруг разозлился.— С какой стати ты мне приказываешь?

— Не ходи,— она убрала ладонь, но продолжала загораживать вход,— там тебя убьют.

— Ну, это посмотрим, все-таки я довольно жилист.

— Нет,— Рита покачала головой,— ты не понимаешь, как все серьезно.

— Я во всем разберусь сам. Кстати, как ты меня выследила?

— Звонила в профилакторий и дежурная мне сказала... Я успела приехать раньше тебя.

— Она что, подслушивала? Интересно, зачем ей это надо?

— Дело не в этом,— она снова покачала головой,— я только хочу тебя предупредить.

— Ладно, спасибо. Только ты не одна единственная меня предупреждаешь.

— Кто же еще?

— Не знаешь случайно, где находится директор комбината?

— Знаю,— она опустила голову,— я знаю, где нашли его тело. Только поверь, не имею к этому никакого отношения...

— Я спрашиваю, не где его нашли,— перебил ее,— а где он сейчас?

— Как — где? — Рита изумленно посмотрела на меня.— В морге лежит его труп...

— Вот уж не знаю, провели ли туда телефон, только два часа назад он мне позвонил... Я хорошо различаю голоса, тут ошибиться нельзя было.

Теперь уже она смотрела на меня с ужасом.

— И вот теперь,— я обнял ее за плечи и заставил посторониться,— меня ждет рыжая девица, и я знаю, как через нее добраться до тех, кто позволяет себе подобные шутки. Если, конечно, можно так выразиться.

Она стояла совершенно обалдевшая, даже когда я

наклонился и по
как мрамор, и
Я поднялся
что рассчитыва
Дверь откры
— Заходи.
Юля стояла
куртке, вытерт
выглядела сор
Но ведь я в
кнул чуть в ст
квартиру. Одн
мало — только
большая, с яр
ковер вдоль с
рил, даже под
— Ты чего
стоя за спино
— Не чего
— А, поня
Я встал и
— Отличн
— Так...
бы, потом се
Я сходил
дверь, потом
— Ты до
она стояла п
— Навер
— Не то
и о нем тож
тора комби
— Ну и
— А то,
открыла су
что это не
пенсионера
ближайшие
может пот
нов. Там с
тый, котор
ла из сум
— Ты
спичку и,

наклонился и поцеловал ее в щеку. Щека была ледяная, как мрамор, и пахла мимозой.

Я поднялся наверх, нажал кнопку звонка и подумал, что рассчитывать мне придется только на себя.

Дверь открыли мгновенно.

— Заходи.

Юля стояла на пороге в светло-синей джинсовой куртке, вытертых узких брюках, ненакрашенная — она выглядела сорванцом, порочным и безалаберным.

Но ведь я в ее способностях и не сомневался. Оттолкнул чуть в сторону, прошел внутрь и стал осматривать квартиру. Одна комната, кухня, туалет, мебели совсем мало — только кровать бросалась в глаза, роскошная, большая, с ярким розовым покрывалом. И свернутый ковер вдоль стены, метра три длиной. Я всюду проверил, даже под кровать заглянул.

— Ты чего это под станком ищешь? — спросила она, стоя за спиной.

— Не чего, а кого, — поправил я.

— А, понятно. Теперь удовлетворен?

Я встал и отряхнул колени.

— Отличная квартира. Чья?

— Так... снимаю, — она неопределенно скривила губы, потом села на кровать, поверх розового покрывала.

Я сходил в прихожую, проверил, хорошо ли закрыта дверь, потом принес с кухни стул и сел спиной к окну.

— Ты догадываешься, о чем мы будем говорить? — она стояла передо мной и смотрела сверху вниз.

— Наверное, о Викторе, муже твоей подружки?

— Не только о нем, — Юля поморщилась, — впрочем, и о нем тоже... Уже весь город знает, что убили директора комбината. Его здесь очень уважали.

— Ну и что? — я недоверчиво посмотрел на нее.

— А то, — она с ногами забралась на покрывало и открыла сумочку, которую все время держала в руках, — что это не какой-нибудь алкаш. Весь город — от мэра до пенсионера-ветерана — жаждет мести. И если легавые в ближайшие дни не найдут убийцу, их шеф запросто может потерять работу. Ну и остальным раздадут слов. Там сейчас землю носом роют, им нужен виноватый, которого можно всенародно распнуть, — она достала из сумочки сигарету.

— Ты неплохо знаешь обстановку в городе, — я зажег спичку и, привстав, поднес огонек к сигарете.

— Есть кое-какие источники,— девушка глубоко затянулась и выпустила дым через ноздри.

— А чего ты хочешь?

— Того же. Чтобы нашли виноватого.

— Вот как? А ты знаешь, кто он?

— Мне плевать,— она состроила презрительную гримаску,— кто на самом деле пришиб этого козла. Но ведь выбор у легавых невелик. Во-первых, те, кто его последним видел. То есть ты и твой лопух, как его, Алик. Во-вторых, тот, кто спрятал жмурика. Виктор.

— Но если тебе наплевать...

— Не перебивай,— она стряхнула пепел прямо на покрывало,— я еще не договорила. Виктор знает, что его ищут. Он на дно лег, причем там, где его не найдут. Ему здорово помогли найти тихое место, куда легавые не сунутся. А вот ты — чужак. Первый раз тебя оттуда вытащили, но пройдут еще сутки, и оперы станут перед выбором — положить свою голову под топор или твою. Если они не найдут Виктора, а они его не найдут, убийцу сделают из тебя.

— Ты меня совсем запугала,— я криво улыбнулся,— чего же ты хочешь?

— Чтобы ты навел их на Виктора. Это твой последний шанс.

— Пожалуй. Но где его искать, подскажи?

— Я знаю, кто его спрятал.

— Неужели?

— Копылов.

— Все выходит довольно просто. Я сейчас позвоню в милицию и скажу, что Копылов укрывает преступника. И тогда он, конечно, все им расскажет, как на духу... А если не расскажет? — я усмехнулся.— Если он вывернется?

— А он наверняка вывернется,— Юля смотрела на меня серьезно.

— Тогда к статье за убийство у меня добавится статья за клевету. На общем фоне это будет выглядеть сущим пустяком.

— Но я кое-что тебе расскажу,— Юля смотрела в глаза,— и тогда он не вывернется. Он сдаст Виктора, потому что будет спасать свою шкуру. Но в это дело нельзя вмешивать легавых, ты должен действовать в одиночку. Это мое условие.

— Согласен. Давай дальше.

— Ты не с
Который умер
— Кое-что
— Тогда с
лишки на ко
домике,— про
мик для особ
Витка и отве
не было. Муж
что угодно
положили на
рядом с ниг
Мужик не с
мы занимае
есть кувырк
ровали. К у
Отобрали са
я трахалась
— Шуст
Юля зак
— Нет,
Копылов с
понимаешь
прописал.
фотографи
так сказати
испугался,
гом... Мне
умер от и
Виктор — у
— Да-а
только вр
Следов не
— Заб
ну подроб
дал мне с
вернула;
кроме од
— Лю
ла на по
— В
зеркало.
общем о
фией т

— Ты не слышал историю о человеке из Центра? Который умер у Виктора в машине?

— Кое-что.

— Тогда слушай. Этот тип раскопал кое-какие делишки на комбинате. Он остановился в охотничьем домике,— продолжала Юля после паузы,— есть такой домик для особо знаменитых. Среди ночи за мной заехал Витька и отвез туда. Копылов уже ждал. Больше никого не было. Мужик, знаешь, казался словно кукла. С ним что угодно можно было делать. Они его раздели и положили на кровать, мне тоже сказали раздеться, лечь рядом с ним и изображать, что мы очень веселимся. Мужик не сопротивлялся, он просто не понимал, чем мы занимаемся. А пока мы вот так кувыркались, то есть кувыркалась одна я, Виктор и Копылов фотографировали. К утру отпечатали целую пачку фотографий. Отобрали самые удачные — по ним не определишь, что я трахалась с полутрупом.

— Шустрые ребята,— я поморщился.— Его напоили? Юля закурила новую сигарету.

— Нет, инъекция. У него поднялось давление, и Копылов сказал, что укол мигом поставит на ноги. Сам понимаешь, я ему вколола вовсе не то, что доктор прописал. По дороге в город Виктор показал мужику фотографии. Я тоже была в машине — для наглядности, так сказать. Вот сердце у него и не выдержало. Виктор испугался, остановил машину, закричал... Люди кругом... Мне смыться не удалось, только все было чисто, умер от инфаркта. Дело замяли, хуже всех отделался Виктор — уволили.

— Да-а,— сказал я, уставившись в одну точку,— только вряд ли эту историю можно как-то обыграть. Следов нет, да и кто захочет ворошить прошлое?

— Забыла тебе сказать,— девушка усмехнулась,— одну подробность. Когда началась заваруха, Виктор передал мне фотографии. Я их, конечно, спрятала, а потом вернула; на следующий день. Как было не вернуть... Все, кроме одной...

— Любопытно,— я перестал разглядывать горку пепла на покрывале и оживился.

— В комнате, где мы все тогда устроили, большое зеркало. Так вот, в этом зеркале отражается Копылов. В общем они дали маху с этим снимком. С этой фотографией ты пойдешь к нему. Дальше все будет от тебя

зависеть. Если сломаешь, он расскажет, где корешка спрятал.

— Красиво, ничего не скажешь. Шантаж, да?

— Ясное дело,— она кивнула и состроила невинные глаза. Словно мы собирались тайком съесть банку варенья.— Ладно, скажу, чтобы ты понял — я веду с тобой честную игру. Деньги, которые пропали,— вот что мне надо. Их ведь мог взять только тот, кто убил. Ты, Алик или Риткин муж. Ну, ты и Алик — слишком мало знакомы, чтобы сговориться. А по одиночке вы слишком друг другу мешали, чтобы замочить этого придурка. Остается мусорщик.

— Логично. Но если его возьмет милиция, плакали тогда твои денежки,— я погрозил ей пальцем.— Их конфискуют.

— Он же не дурак, он их спрятал. И так просто не расколется. А вот Ягару скажет, чтобы тот его вытащил.

— Кто такой Ягар? — спросил я.

— Неважно. Ну, тип, который в деле вместе с директором.

— И этот Ягар ему поможет?

— Будь спокоен. Но как только Витек небо в крупную клетку увидит, Ягару до него трудно станет добраться. Капитан не даст. В то же время я смогу через тюремную лепилу связаться с Виктором и передать от имени Ягара, что он его вытащит оттуда. Пусть только скажет, где спрятал бабки. А я буду посредником. Догадался теперь?

— Ну и дрянь же ты. Ведь если он тебе скажет, где деньги, вряд ли эта информация дойдет до Ягара?

— Тебя это волнует?

— Не очень.

— Ну и чудненько,— она кивнула.— Раз мы договорились, это стоит отметить. Тут завалялась бутылка вина, сейчас принесу.

Пока я открывал бутылку, она принесла хрустальные стаканы и два яблока. Яблоки были зеленые и даже с виду кислые.

— Вымой их,— попросила,— а я пока немного приберусь...

— Чья эта квартира?

— Неважно. Встречаюсь тут с одним, но сейчас он уехал. Кстати, Копылов живст в соседнем подъезде, в сорок четвертой квартире. Не знал?

...Когда я вернулся с вымытыми яблоками, вино уже

было разлито по
почти черное, то
стала, мерцал ба
Мы выпили,

бочку.

— Только не
предупредил я,

— Ну-ну, ко
То ли вино
я разлился.

— Полегче,
что я упущу т
свяжу тебя и
арестуют Викто

— Кого ты
— Вот как?
не ожидал, что
слишком само
таться.

— Рассчит

— Неужел

ту, полез в ка
на полпути. Л
рета выпала

— И это,—
сторону,— на
проследить,
рассчитала.

— Что за

В глазах
сировка. Я з
трудно.

Она испу
ние стоял,
покачнулся.

я видел тол
Сделал шаг
в ее колен

попытался
на локти, п
все время

ясь припо
спину и по
ло, бессты

было разлито по стаканам. Оно было темно-красное, почти черное, только свет, преломляясь в гранях хрустала, мерцал багровыми бликами.

Мы выпили, и я с шумом поставил стакан на тумбочку.

— Только не надейся, что все выйдет по-твоему,— предупредил я.

— Ну-ну, конечно,— она подмигнула.

То ли вино ударило в голову, то ли нервы сдали, но я разозлился.

— Полегче, птишка,— я поморщился.— Не думай, что я упущу тебя из виду. Не сердись, но я попросту свяжу тебя и оставлю пока в этой квартире. А когда арестуют Виктора, разберусь и с тобой.

— Кого ты решил перехитрить? — Юля усмехнулась.

— Вот как? — язык у меня стал немного заплетаться, не ожидал, что вино так сразу ударит в голову.— Нет, слишком самонадеянно с моей стороны дать тебе спрятаться.

— Рассчитывай только на себя,— отрезала она.

— Неужели? — я глупо рассмеялся и достал сигарету, полез в карман за спичками, но рука так и замерла на полпути. Нижняя челюсть безвольно отвисла, сигарета выпала и покатилась по полу...

— И это,— девушка презрительно посмотрела в мою сторону,— на случай, если тебе вдруг придет в голову проследить, куда я направляюсь. Как видишь, я все рассчитала.

— Что за черт...

В глазах какая-то муть, словно расстроилась фокусировка. Я заставил себя встать. А это было непомерно трудно.

Она испуганно посмотрела на меня, я еще мгновение стоял, как ни в чем не бывало, потом сильно покачнулся. Потряс головой. Пелена застилала глаза, и я видел только размытое побледневшее лицо девушки. Сделал шаг, покачнулся еще и, падая, уткнулся головой в ее колени. Упираясь кулаками в кровать, я снова попытался встать, но покрывало соскользнуло, я упал на локти, потом завалился на бок. Стены, кровать, пол все время уплывали вверх. Я извивался на полу, пытаюсь приподняться, но только смог перевернуться на спину и последнее, что запомнил, это розовое покрывало, бесстыдное и огромное...

Я пришел в себя, когда в комнате стало совсем темно. Я лежал на полу, только под голову было что-то подложено. Голова болела невыносимо, а рот словно набит паленой шерстью.

— Дрянь,— сказал я в темноту,— маленькая порочная дрянь.

С трудом поднялся, достал спички и, обжигая пальцы, отыскал у двери выключатель. Вспыхнувший свет ударил по глазам, я зажмурился.

Ослепший, прошел в ванную и долго полоскал рот, надеясь избавиться от неприятного привкуса. Сознание постепенно прояснилось, я понял, что надо уходить отсюда, пока никому не пришло в голову проверить, почему среди ночи горит свет, если хозяин в отъезде.

Я вернулся в комнату и, когда глаза привыкли к яркому свету, обнаружил, что под голову у меня было подложено розовое покрывало. А рядом лежала фотография. Я не стал ее рассматривать, только мельком взглянул и понял, что та самая.

Надо уходить. Но ноги были словно ватные, я сидел на краю кровати и никак не мог встать. Наконец, добрался до кухни, заглянул во все ящики и нашел полбанки молотого кофе.

Надо уходить. Но я понимал, что и шагу не сделаю, пока не выпью целую кастрюльку кофе. Иначе я просто свалюсь на лестнице.

Посмотрел на часы. Два часа ночи. Только какого дня, года, века?.. Мне стало страшно. Сколько я пролежал здесь — нет ответа.

Выглянул в окно. Улица была темная и пустынная. Я затерялся в пространстве и во времени. Меня нет, это только моя тень бродит по пустой квартире, где живут транзитом, и она будет бродить по ней вечно, пугая случайных постояльцев. Меня нет, а тело мое рассыпалось в прах, сквозняк носит его по комнате и будет носить вечно, пока кто-нибудь не догадается пропылесосить.

Я подошел к телефону и набрал номер.

Рита сняла трубку, как будто ждала звонка.

— Вот видишь...— я немного помолчал,— никто меня не убил.

— Ну как? — го
Чем все закончилось
— Эта дешевка
она у нее не после
— А-а...— она з
— У тебя веде
сказал я,— потому
— Могут,— го
— Хочешь, я
Рита снова по
залось, будто она
— Поступай, н
— А ты?
— Не знаю. Я
решил,— повторил
— Я не хочу,
сказал я.
— Не думай о
— У меня хор
Рита не стала
— Если смож
зала она.— Удачи

Я все гадал
Головоломка из
когда заранее н
упаси Господи,
имею против эт
«Сотрудник
пять, увидел ме
вверх.
— Ты? — он
его с постели,
— Принима
толкнув его в
— Володя, н
комнаты.
— Скажи, п
— Я сейчас
Копылов.

— Ну как? — голос у нее был совершенно чужой. — Чем все закончилось с этой дешевкой?

— Эта дешевка дала мне козырную карту. Думаю, она у нее не последняя.

— А-а... — она замолчала. — Да, догадываюсь.

— У тебя ведь тоже могут быть неприятности, — сказал я, — потому и звоню.

— Могут, — голос у нее слишком спокойный.

— Хочешь, я не воспользуюсь тем, что узнал?

Рита снова помолчала, но не так долго, чтобы показалось, будто она обдумывает ответ. Потом сказала:

— Поступай, как решил.

— А ты?

— Не знаю. Как-нибудь выкручусь. Поступай, как решил, — повторила она.

— Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности, — сказал я.

— Не думай об этом. Ты уверен, что у тебя получится?

— У меня хороший козырь.

Рита не стала спрашивать, какой.

— Если сможешь, позвони еще, я буду ждать, — сказала она. — Удачи тебе, — и повесила трубку.

* * *

Я все гадал, как мне управиться с Копыловым. Головоломка из серии — волк, коза и капуста. Ведь никогда заранее не знаешь, какая роль тебе уготована — упаси Господи, если капусты. Хотя я лично ничего не имею против этого витаминного продукта.

«Сотрудник аппарата» открыл на звонок минут через пять, увидел меня, и брови у него удивленно поползли вверх.

— Ты? — он был в пижаме и шлепанцах. Я поднял его с постели, и это мне придавало бодрости.

— Принимай гостей, — нахально посоветовал я и, толкнув его в грудь, прошел в квартиру.

— Володя, кто там? — послышался женский голос из комнаты.

— Скажи, по делу приехали, — подсказал я.

— Я сейчас милицию вызову, — слабо запротестовал Копылов.

Он еще окончательно не проснулся и потому не был агрессивным.

— Давай, милицию, жену, всех созови. Вместе обсудим, как ты развлекался в охотничьем домике. Вот повеселимся.

Взгляд его стал пристальнее.

— Ко мне по работе приехали,— крикнул он.— Спи, мы на кухне...

Мы сели на табуретки, друг напротив друга, через стол.

Я рассказал про фотографию. В общих чертах рассказал, но он все понял.

— Сколько ты хочешь за нее? — спросил Копылов.

— У тебя есть приятель. Виктор.

Он задумчиво потер пальцами клеенку, потом утвердительно кивнул.

— Ты знаешь, что этот Виктор совершил убийство?

— Подозревается в убийстве,— поправил Копылов.— Но не он один подозревается,— и ехидно посмотрел на меня.

— Пусть так. Пока он где-то прячется, я чувствую себя... неудобно. Вот поэтому Виктор мне и нужен. В обмен на фотографию.

— А откуда мне знать, что фотография у тебя? — спросил Копылов задумчиво.— Может, ты просто слышал о ней?

— Верно,— я вежливо кивнул,— и поэтому, прежде чем ты сообщишь мне адрес, я ее покажу. Но сначала надо договориться в принципе.

— Договориться в принципе... да, договориться в принципе...— он вроде как прислушивался, что происходит за стенкой, в комнате,— подожди, я сейчас...

Не думаю, чтобы он что-то услышал. Я достал сигарету и стал разминать. Очень хотелось курить, но я решил прежде спросить разрешения у хозяина. А он все не появлялся, и я уже подумал, не захотел ли он подремать под боком у своей жены.

В коридоре слышались шаги, я медленно повернул голову... В дверном проеме стоял Копылов и целился в меня из охотничьего ружья.

— Осторожнее,— сказал я,— эта штука может выстрелить.

— Руки за голову,— приказал он тихо,— и не делай

резких движений
ворвался ко мне

— Может.

так нехорошо
дет в руки т

инфарктика.

— Так у т

разочарованн

— Увы. С

ритель?

— Кури. Т

а ружье поло

— Сходим

меру хранения

и пойдешь д

номер шифра

даться. Это н

На вокзале р

и постучал

договоримся

твоей приятел

меня всякую

Копылов

ваться. Он п

буется.

На ули

хотелось ум

вокзала и

бодрой пох

дание. А я

запрокинул

особенно н

Потом

отделения

когда ответ

— Если

комбината

дачном по

отшибе ст

резких движений. Я тебя пристрелю и объясню, что ты ворвался ко мне с угрозами.

— Может, и поверят,— я пожал плечами,— обо мне и так нехорошо думают. Только тогда фотография попадет в руки тех, кто не забыл историю про одного инфарктника.

— Так у тебя ее с собой нет? — спросил инструктор разочарованно и опустил стволы.

— Увы. С собой нет,— я засмеялся.— Можно заку-
рить?

— Кури. Только форточку открой,— он сел напротив, а ружье положил на колени.— Где она?

— Сходим на вокзал, я открою автоматическую камеру хранения, покажу фотографию, ты назовешь адрес и пойдешь домой. А завтра я позвоню тебе и назову номер шифра камеры, где эта фотография будет дожидаться. Это на случай, если ты вдруг перепутаешь адрес. На вокзале ружье не поймут,— я перегнулся через стол и постучал пальцем по прикладу,— так что там мы договоримся мирно. Сам понимаешь, мне нужен только твой приятель, и, когда его арестуют, фото потеряет для меня всякую ценность.

Копылов прислонил ружье к батарее и пошел одеваться. Он понимал, что оружие ему больше не требуется.

* * *

На улице светало, воздух был такой свежий, что хотелось умереть от восторга. Я стоял на ступеньках вокзала и наблюдал, как удаляется Копылов. Он шел бодрой походкой джентельмена, опаздывающего на свидание. А я вдыхал просветленное пространство и даже запрокинул голову, чтобы увидеть небо. Торопиться особенно некуда.

Потом зашел в телефонную будку, набрал номер отделения милиции, где меня вчера допрашивали, и, когда ответили, нарочито хриплым голосом сказал:

— Если кто ищет парня, который угробил директора комбината и труп спрятал на свалке, пусть пошарит в дачном поселке «Лесной». Дом номер девять, он на отшибе стоит.

— Кто говорит? — заволновались на другом конце провода.

— Сосед. Запомни — дачный поселок, сорок седьмой километр.

И повесил трубку.

Снова набрал номер — теперь уже Алика.

— Быстро приезжай на вокзал. Можешь даже в подштанниках.

Потом мы гнали по сумеречному шоссе. Солнце еще не взошло, на небо напоззли тучи и было темнее, чем час назад. Сырой воздух врывался в открытое окно и выдувал сноп искр из сигареты.

— Если нас застукают? — размышлял Алик. — Стоит ли нам соваться в этот поселок? И так узнаем, если его возьмут.

— Ты можешь не соваться, посиди в машине. А я должен видеть все собственными глазами.

Он пожал плечами и больше не спорил.

Съехал на обочину шоссе, заглушил двигатель. Обернулся ко мне:

— Иди. Тут недалеко, напрямик, по просеке. Я подожду здесь. Не хочу попадать в заваруху...

* * *

...Стал накрапывать дождик, и еловые лапы стряхивали на меня холодные капли. Пока я пробирался, промок до рубашки. Но вот лес поредел, и из-за мокрого орешника открылась поляна...

Избушка, избушка, повернись...

Дачный домик, бревенчатый, островерхий, крытый дранкой, почти черный от дождя, только светится окно. Я присел за кустами в неглубокой канаве, которая заросла мятой и земляникой. Было сумрачно, промозгло, и по стеблям травы скатывались круглые капли.

Я следил за домом. Шумел дождь.

Я прождал минут двадцать, когда увидел, как зашевелились ветки орешника. А потом заметил ноги в резиновых сапогах. Отверни человек чуть в сторону или наклонись, и он увидит меня. Послышался металлический щелчок, и меня как током прошило от неожидан-

ности. Левая
на месте. Чел
только его н
Что-то не
мом, зашев
пок...

Я вздрогн
и погас свет

Снова ти
пил с ноги

В окне —
меня брызг

Зарыв лицо
только бы

ну... Сейчас
уже вперед

собой при
торожно по
я видел з
тывал.

Послы
дома уткн
как из пр

Его волок
понял, чт
спину.

Я бы
через по

думал, п
Виктор б

гах, кото
словно

раскачи
широкая

Пото
рассмот

к нему
него бы

И т
он кри
— Я
де-е...

ности. Левая нога сделала шаг вперед, а правая осталась на месте. Человек замер в трех шагах от меня. Я видел только его ноги — остальное скрывали ветки орешника.

Что-то неуловимое произошло на поляне перед домом, зашевелились тени у стены, раздался сухой хлопок...

Я вздрогнул и увидел, как ощерилась выбитая дверь и погас свет в окне.

Снова тихо, только рядом со мной человек переступил с ноги на ногу.

В окне — свет, а надо мной вздрогнули ветки, окатив меня брызгами, сапоги зачавкали по мокрой траве... Зарыв лицо в заросли мяты, я думал только об одном — только бы не пошевелиться. Шорох брючины о брючину... Сейчас он вскрикнет от неожиданности... Нет, шаги уже впереди, я открываю глаза и вижу прямо перед собой примятую траву. Облизал пересохшие губы. Осторожно поднял голову и посмотрел на поляну. Теперь я видел знакомую широкую спину. Капитан насвистывал.

Послышался шум подъехавшей машины, в стену дома уткнулись желтые круги фар. И тогда я увидел, как из проема выбитой двери выволокли будто мешок. Его волокли двое, и, когда они попали в свет фар, я понял, что волокут они Виктора, заломив ему руки за спину.

Я бы не узнал его, но тут он вырвался и бросился через поляну к лесу. Он бежал прямо на меня, и я думал, почему они не стреляют? А потом понял. Виктор бежал прямо на человека в резиновых сапогах, который стоял между нами. Он бежал на ощупь, словно и не видел никого, размахивая руками и раскачиваясь на ходу, пока его не заслонила от меня широкая спина...

Потом парень уже корчился в траве, и я не мог рассмотреть, какая черная тряпка у него на лице... Когда к нему подошли и подняли на ноги, я понял — лицо у него было в крови.

И тут его снова потащили, как мешок, к машине, и он крикнул:

— Я не-е уби-ивал! Он уже ле-ежал там, в подъезде-е...

Когда поляна перед домом опустела и даже поднялась примятая трава — словно ничего не было, словно все привиделось мне в дождливом хмуром мареве, — я решил, что пора возвращаться.

Посмотрел на часы — Алик, наверное, уже затосковал. А я еще немного сбился с пути и поблуждал по отсыревшему лесу, прежде чем вышел на шоссе...

Но на шоссе машины не было.

Я прошел в ту и другую сторону, метров по двести — может, он съехал с обочины к лесу, чтобы не мозолить глаза? Но все впустую.

Утро было холодное, как напоминание, что лето быстротечно и нам не стоит особенно на него рассчитывать.

Меня подобрал «газик», когда я совсем отчаялся. Водитель с изумлением посмотрел на мою потемневшую от сырости одежду, измазанные в глине джинсы, но ничего не спросил...

Я устало гляжу на серую ленту асфальта и думаю, стоит ли мне сразу возвращаться в профилакторий? После того как на моих глазах взяли предполагаемого соучастника в убийстве, мне, вроде, опасаться нечего. Но все же я хочу заехать сначала к Рите... Нет, вовсе не для того, чтобы сообщить ей про мужа, об этом и без меня сообщат, просто мною движет чувство самого махрового эгоизма, я хочу увидеть все своими глазами — очень ли она будет по этому поводу убиваться? Непохоже, чтобы у них были хорошие отношения, по-моему, она его на дух не переносила.

И к тому же я не забыл, как спросила меня девушка в пустой квартире с розовым покрывалом:

— Ты увезешь ее с собой?

Впрочем, ничего такого я делать не собирался, но... Но очень трудно признаться самому себе, что смирился с обстоятельствами этой жизни. Кому другому — пожалуйста, в этом есть даже какой-то шик, но в глубине души ты ни за что не махнешь на себя рукой и будешь верить в волшебную страну, где сбываются все наши желания. Потому что если не верить, долго не протянешь.

Вот почему я хочу увидеть ее...

Но прежде перед глазами возникает другое. Поперек

шоссе стоит п
ще с кающ
проезжающим
вайтесь. Одна
которое заго
«Волги». Мы
к запотевшем
кювете, задр
шина. Я еш
попросил во
— Остан
Он взял

стекло...

— Проез
рят с явным

— Это м
нить, — мне

— Ладно
мокрый, ск

справился

— А он

— Увез

— Когд

— При

без вас...

вижу, что

Я его

долг, когд

плевать н

Только

в город

вытащил

голову на

Капи
отделени

— Н

поровня

— К

шоссе стоит патрульная машина, а милиционер в плаще с капюшоном, как серый монах, делает отмашку проезжающим автомобилям, мол, быстрее, не задерживайтесь. Однако все ползут еле-еле и глазсут на нечто, которое загораживает от меня корпус желто-синей «Волги». Мы тоже сбрасываем скорость, и я, прильнув к запотевшему, в ряби дождинок стеклу, смотрю, как в кювете, задрав к небу колеса, лежит изуродованная машина. Я еще не рассмотрел ее как следует, но уже попросил водителя:

— Останови.

Он взял вправо, и под колесами зашуршало битое стекло...

— Проезжайте,— глаза под серым капюшоном смотрят с явным раздражением,— нечего тут смотреть.

— Это машина моего знакомого,— пытаюсь объяснить,— мне надо узнать, что случилось.

— Ладно,— «серый монах» смягчается.— Асфальт был мокрый, скорость — большая, видимо, ваш знакомый не справился с управлением.

— А он сам?

— Увезла «скорая помощь».

— Когда это случилось?

— Примерно час назад. А теперь поезжайте, тут и без вас...— по лицу парня стекают капли дождя, и я вижу, что он вот-вот сорвется.

Я его понимаю. Не очень-то легко выполнять свой долг, когда самоубийцы ездят в дождь, словно им наплевать на законы физики.

Только почему сразу, как мы расстались, заспешил в город водитель этой машины? Не для того же я вытащил Алика из теплой постели, чтобы он разбил голову на скользком шоссе...

* * *

Капитана милиции я увидел у дверей приемного отделения горбольницы.

— Не ходите, к нему не пустят,— сказал он, когда я поровнялся с ним.

— К кому? — я изобразил удивление.

— Вы разве не к Алику? — он посмотрел мне в глаза. — Разве не знаете, что он попал сегодня в аварию?

— Знаю, — я кивнул. — А вы что тут делаете? Хотели его снова допросить? Наверное, в больнице это не так удобно, как у вас в кутузке.

— Нет, я здесь не по службе, — капитан вдруг смутился. — Дело в том, что он женат на моей сестре...

— Вот оно что... И не пустили?

— Он в реанимации. Юля, помните ее? Обещала позвонить, как только он придет в сознание... Если придет.

— Юля здесь работает? — спросил я.

— Медсестрой, — он кивнул. — Вас подвезти?

— Вам в какую сторону?

— Я собирался заехать к сестре...

— Тогда я с вами.

— Не знаю, стоит ли вам сейчас... — начал он.

— Я обещал Алику достать лекарство для дочки... Он не успел сказать, как оно называется, а я, наверное, сегодня уеду в Москву... Я хочу спросить у вашей сестры...

— Садитесь, — он открыл дверцу.

Потом мы приехали во двор, где между деревьев были натянуты веревки и на них вздувались паруса простыней.

Было ветрено.

* * *

Дверь нам открыла женщина. Я ее узнал — она работает администратором в профилактории. Алик, кажется, мне об этом рассказывал.

Она как-то сразу уткнулась лицом в грудь капитана. Тот потрепал ее по спине и стал утешать:

— Ну, перестань. Все обойдется. Ну, перестань. Не повезло ему, конечно.

— Спасибо, что пришел, — она отстранилась и вопросительно посмотрела в мою сторону.

— Этот человек хотел поговорить с тобой, — капитан взял меня за локоть, — насчет какого-то рецепта.

— Я его знаю, — женщина пристально посмотрела в глаза, — он живет в профилактории, в восьмом номере.

Это вы звонили поехали?

Она была Сейчас женщиной, членом, чем

— Да, — о

— Тогда

— Мы ра

— А... Пр

Сама она

крыла сумоч

люблю смо

подъездов в

жили маши

словно дос

Женщин

крашенная,

косметики.

— Ты н

тят по бю

совсем нет

Капитан

— Рань

за нас, — н

теперь дир

— Я? —

меня мог

— Но

когда его

— Пер

— Я т

ру, — жен

ехала на

сколько

работать

— Пе

встречал

и это чи

«Фиг

звонил...

читься?

что сей

какая-то

В эт

Это вы звонили рано утром? Вы ведь вместе куда-то поехали?

Она была худая, вокруг карих глаз — сеть морщинок. Сейчас женщина выглядела еще более усталой и измученной, чем на работе.

— Да, — ответил я.

— Тогда почему вы целы?

— Мы расстались с вашим мужем до аварии.

— А... Проходите в комнату, я сейчас.

Сама она задержалась у зеркала в прихожей и открыла сумочку. Пока мы ее ждали, я смотрел в окно. Я люблю смотреть в окна. Было еще очень рано, из подъездов выходили заспанные дети. Они понуро окружили машину капитана, сбились в стайку и замерли, словно досматривали прерванные сны.

Женщина вошла в комнату, неумело и наскоро накрашенная, и усталость на ее лице не исчезла под слоем косметики.

— Ты не знаешь, — вдруг спросила она, — нам заплатят по бюллетеню? Или, может, какую ссуду? Денег совсем нет.

Капитан пожал плечами.

— Раньше ты, конечно, у директора мог попросить за нас, — неожиданно зло сказала женщина, — только нет теперь директора.

— Я? — капитан удивленно вскинул брови. — Какая у меня могла быть дружба с директором?

— Но ты же заходил к нему в дом, даже в тот день, когда его убили, заходил.

— Перестань, — капитан чуть заметно нахмурился.

— Я три раза в неделю днем убирала там квартиру, — женщина обернулась ко мне, — а к восьми часам ехала на дежурство в профилакторий. И так уже несколько лет. Что поделаешь, если нет возможности работать в полную силу...

— Перестань, — капитан устало махнул рукой, — я встречался с директором совершенно по другому делу, и это чистое совпадение, что его убили в тот же день...

«Фиг тебе, убили, — подумал я, — он мне по телефону звонил...» Но ведь, если серьезно, как такое могло получиться? Я, правда, старался об этом не думать, потому что сейчас все равно ничего не придумаю. Мистика какая-то, если, конечно, вы верите в подобную чушь.

В это время от стайки ребят во дворе отделился

один посмелее и стал недвусмысленно рассматривать полированную поверхность дверцы. Потом сунул руку в карман... Видимо, фантазию в нем не совсем убили, а сейчас у малыша был вид живописца, который готовится нанести первый мазок на чистом холсте. Муки творчества...

— Послушайте,— сказал я, оборачиваясь к капитану,— по-моему, дети рисуют на вашей машине нехорошее слово.

Он подскочил и пулей вылетел из комнаты. Женщина проводила его взглядом, и я увидел ее глаза. Глаза у нее были опустошенно-сумасшедшие.

— Вам странно, да? — спросила она.— Муж в больнице, а я все про деньги... Поверьте, мне и за лекарство платить сейчас нечем.

— Я достану, а потом сочтемся. Скажите, какое?

— Пойдемте,— она вдруг взяла меня за запястье,— пойдемте...

В комнате была еще одна дверь, оклеенная обоями. Она открыла ее и зажгла тусклую лампочку. Архитекторы задумывали эту комнатку как кладовку. Однако все получилось по-другому. Комнатка была почти пустая, только возле стены стояла кровать, и на ней спала девочка. Воздух проникал в комнату через занавешенное рыжей марлей слуховое оконце.

Женщина склонилась над ней, поцеловала, девочка застонала во сне. Мать выпрямилась и посмотрела на меня.

— Но почему она спит здесь? — недоуменно спросил я.— Почему здесь, а не в комнате?

— Она боится света, шума боится... Она всего боится. Она меня не узнает, пугается, плачет... Она почти не разговаривает. Смотрите...

Женщина откинула одеяло, и я увидел худое тельце, словно покрытое рыбьей чешуей. Я отвел глаза в сторону.

— Неужели нет лекарств?

— Она родилась такой. Несколько лет назад на заводе, у которого общий забор с комбинатом, случилась авария... Не знаю, какую там трубу прорвало, только часть этого на нашу территорию попала. Я ведь после в профилакторий перешла, а тогда на комбинате работала, мы ведрами грязь собирали, ее куда-то вывозили и закапывали. С утра работали, а в обед нас самих

«скоро» увезла...
ли... Но я уже в
пришлось, ведь
дил, что на ребен
было... Я вам дл
ли,— я не подачу
так получилось,
просто не проко
жила руку девоч
Мы погасили
— Давайте я
женщина.

— Спасибо,
подсчитывал в
ровочными. До
долг... Я хотел
если теперь ва
— Что вы,
нет никакой ра
— Не было
сто выручил. Я
Я вытянул
— Хорошо
сила их на ла
вы пожалели,
— Я не жа
Попрощал
ничего.

Машины
то мужик в н
Я двинул
тил — мужик
невольню вс
голову, слов
На следу
продуктового
сервы, а я
таким вожд
видел, как
мне в спину
ру подъехал
уехал.

Наверно
но при каж

«скорая» увезла... Потом солдат прислали, они работали... Но я уже в больнице лежала, мне хуже остальных пришлось, ведь я беременная была. Доктор предупредил, что на ребенке может сказаться, но аборт поздно было... Я вам для того рассказываю, чтобы вы понимали,— я не подачку у комбината прошу, это их вина, что так получилось, и теперь, когда муж в больнице, я просто не прокормлю нас обоих... Ее ведь,— она положила руку девочке на лоб,— надолго не оставишь.

Мы погасили свет и тихо вышли из комнаты.

— Давайте я вас завтраком накормлю,— предложила женщина.

— Спасибо, я уже,— ответил, а сам в это время подсчитывал в уме, сколько у меня вместе с командировочными. Достал бумажник.— Ваш муж давал мне в долг... Я хотел ему лично отдать, но, наверное, лучше если теперь вам...

— Что вы,— она спрятала руки за спину,— у меня нет никакой расписки, я не знаю...

— Не было никакой расписки. Как-то он меня просто выручил. И пусть все останется между нами.

Я вытянул руку так, что чуть не уткнулся ей в грудь.

— Хорошо,— женщина взяла деньги и словно взвесила их на ладони.— Спасибо. Только я не хочу, чтобы вы пожалели, что вот так просто... вернули эти деньги.

— Я не жалею,— покачал головой.

Попрощался и вышел. Больше мне здесь делать нечего.

Машины капитана во дворе не было. Уехал. Какой-то мужик в кожаном пиджаке попросил прикурить.

Я двинулся вперед по улице и на углу вдруг заметил — мужик в «коже» идет следом. В этот момент мы невольно встретились глазами, и он быстро опустил голову, словно испугался, что я его узнаю.

На следующем перекрестке я остановился у витрины продуктового магазина. За стеклом лежали рыбные консервы, а я вовсе не любитель этого блюда, чтобы с таким вождением его изучать. Просто в отражении я видел, как кожаный пиджак замедлил шаги, посмотрел мне в спину, а потом кому-то помахал рукой. К бордюру подъехала машина, он сел в нее, хлопнул дверцей и уехал.

Наверное, становлюсь подозрительным. Но все равно при каждом удобном случае я оглядывался, старался

запомнить лица людей, идущих следом. Я ожидал увидеть одну и ту же физиономию. А так как нормальный человек не будет упорно бродить вокруг одного и того же квартала, по кругу, я бы понял, что меня ведут. Однако люди были разные, и тогда я направился кратчайшим путем в знакомый двор, к Рите. Я решил, что оставлю в случае чего записку с московским телефоном. Может, ей пригодится...

Я резко оглянулся — под аркой, через которую я прошел, уже стояли двое, один из них — тот самый, в кожаном пиджаке.

Они меня выследили, и теперь ловушка захлопнулась.

Затрудняюсь описать поведение желез внутренней секреции, но содержание адреналина в крови резко повысилось. Наверное, так происходит с любым животным, когда оно загнано в угол и охотник примеривается, в какую часть тела всадить кусок металла. А я сейчас немногим отличался от животного, и все подчинялось не разуму, а инстинктам, древним, как сама жизнь, которую они защищали. Мы и понятия не имеем, сколько в нас от зверя, пока не загонят под флажки.

Я подбежал к подъезду, рванул дверь на себя, проваливаясь, как в прорубь, в темноту лестницы. Зрение включилось через мгновение, вместе с ним — обостренное ощущение времени. Я слышу шаги подбегающего человека, слышу, как он берется за ручку двери, врывается внутрь, еще не видит меня, но правая рука его исчезает в кармане и появляется снова, щелчком выбросив из кулака лезвие...

В порыве отчаяния я бросаюсь вперед, пытаюсь поймать его запястье, но обманным движением он высвобождает руку, и я слышу треск от раздираемой лезвием одежды. Тогда я всем своим весом толкаю его назад, на дверь и, схватив за волосы, бью головой о створки. Еще раз. Еще...

Противник снова взмахивает рукой, и снова я чувствую лезвие его ножа. Как осиный укус... Но тут он начинает сползать вниз, к моим ногам, и там остается неподвижный, как мешок с цементом.

Я не сразу понимаю, что все кончено. Из двери выступает кем-то сто лет назад вбитый гвоздь, он-то и стал последним аргументом, когда затылок человека вступил с ним в соприкосновение.

Я еще пытаюсь
а ноги сами
стояли в под
их приятель
выйдет из по
его дружки
Последний
за перила, и
лась почему-
куда втыкало
Перед гла

круги.

Последний
толок, щерб
странстве ле

Все. Я слы
ные голоса
по лестнице
единственный
ри, и я позн

Можно,
здесь никто
мне, значит
смогу оказ
довольно ж
осталось не

Одна из
за ней, а ср
дверь, ост
потом обер

Передо
спрятала р
приложил

Довольн
На лест
мне с труд

— Не
раздражен
Шмеля, в
Ягар боит

— Яга
лю надо
титься не
Подгони

Я еще пытаюсь оценить ситуацию, в которую попал, а ноги сами несут меня вверх по лестнице. Те, что стояли в подворотне, изверное, подождут немного, пока их приятель справится с делом. А так как он не скоро выйдет из подъезда, если, кстати, вообще поднимется, его дружки придут следом.

Последний этаж... Я останавливаюсь, цепляясь рукой за перила, и ловлю ртом воздух. Боль сконцентрировалась почему-то в солнечном сплетении, а вовсе не там, куда втыкался нож.

Перед глазами плавают зеленые фосфоресцирующие круги.

Последний этаж — вокруг грязные стены, белый потолок, щербатый кафель... Я зажат в замкнутом пространстве лестницы.

Все. Я слышу, как хлопнула дверь, слышу удивленные голоса внизу, брань, а потом шаги поднимающихся по лестнице мужчин. Пожалуй, у меня остается один-единственный шанс... На лестничной площадке три двери, и я позвонил во все три.

Можно, конечно, спуститься на этаж ниже, если здесь никто не откроет, но тогда время, отпущенное мне, значительно сократится. А я понимаю, что вряд ли смогу оказать достойное сопротивление. Знаете, это довольно жутко осознавать, что между тобой и смертью осталось несколько лестничных пролетов.

Одна из дверей открылась. Я даже не посмотрел, кто за ней, а сразу протиснулся в квартиру, закрыл за собой дверь, осторожно, чтобы те не услышали, и только потом обернулся.

Передо мной стояла девочка лет четырнадцати. Она спрятала руки за спиной и молча меня разглядывала. Я приложил палец к губам, и она понимающе кивнула.

Довольно сообразительный и безрассудный ребенок. На лестничной площадке голоса, но приглушенные, мне с трудом удастся разобрать:

— Не взламывать же каждую нору, — говорит один раздраженно, — и потом, если этот тип смог вырубить Шмеля, вдвоем его не взять. Это ведь сам черт, его даже Ягар боится.

— Ягар никого не боится, — другой голос. — Но Шмеля надо смывать — еле на копытах стоит. Ему светиться нельзя, пусть он у Ягара в избушке заляжет. Подгони машину прямо к подъезду, перетащим пока.

Девочка тоже слушала голоса, не спуская с меня серых глаз. И только когда они ушли, все стихло, повернулась ко мне спиной и ушла в комнату. А я стоял, привалившись к стене, и пытался взять себя в руки. Голова кружилась, и я понимал, что сейчас и шагу не смогу сделать самостоятельно.

Свитер был весь мокрый от крови.

Через несколько минут девочка вернулась.

— Вам нужно подождать,— вдруг сказала она,— вас во дворе караулят. Одного, правда, в машину засунули. Тот сам идти не мог, его поддерживали...

Я только сказал:

— Спасибо...

И ничком повалился на пол.

* * *

Когда я пришел в себя, то уже лежал на боку, а девочка сидела надо мной на корточках и сосредоточенно перебинтовывала плечо.

— Пустяки,— сказала она, заметив, что я открыл глаза,— даже кость не задета. А на ребрах вообще можно пластырем заклеить. Мы в школе проходили, как первую помощь оказывать.

— Страшная ты особа,— опираясь на здоровую руку, я приподнялся и сел.— Если бы ко мне вдруг ввалился мужик, весь в крови... Ну и нервы у тебя.

— А я все видела,— она продолжала сидеть на корточках, любуясь моим перебинтованным плечом.— Я ведь по лестнице поднималась, вы меня просто не заметили. Вдруг раз — этот врывается. А вы его раз головой об стенку. И привет.

— Не об стенку, а об дверь,— поправил я.

— Не важно,— она поморщилась,— все равно здорово. Мне понравилось. Потому я вам дверь и открыла. Люблю, когда их бьют... Я ведь перед самым вашим носом наверх поднималась, и только дверь закрыла — тут звонок. Вы ничего перед собой не видели, топали, как бегемот.

Она засмеялась, встала и скрылась в конце коридора. Я не слышал, что она там делает, и через несколько

минут с тр
пошел след
Девочка
— Подо
место. Мож
Из окн
Сначала я
грудой стр
курят дво
поглядыва
— Все,
— Ты
— А, т
бой быков
жениться
показала
под себя
весь, опят
Я при
меня пят
— Раз
ку и задум
будете на
— Что
— До
еще не р
девочка
— А
— Ля
лагаю —
Она сам
ночную
Лялечка
интересн
— И
— А
была, а
барского
внутри..
— Н
— А
феноме
сами п

минут с трудом поднялся, держась рукой за стену, пошел следом, в комнату.

Девочка лежала на диване и читала книгу.

— Подождите,— сказала она,— тут самое интересное место. Можете пока в окно посмотреть.

Из окна в самом деле весь двор как на ладони. Сначала я никого не увидел, но потом заметил, как за грудой строительного мусора в дальнем конце стоят и курят двое. По одежде я узнал — те самые. Курят и поглядывают на часы. Курят молча.

— Все,— девочка с шумом захлопнула книгу.

— Ты что читала? — спросил я.

— А, тут про то, как они рыбу ловят, вино пьют, про бой быков и про любовь, конечно. Жалко, что он на ней жениться не мог. Его на войне вон туда ранило,— она показала на низ живота.— Да вы садитесь,— подобрала под себя загорелые исцарапанные ноги,— а то зеленый весь, опять навернетесь.

Я присел на диван, и она снова вытянулась, лягнув меня пятками в бок. Я поморщился от боли.

— Раз я вас спасла,— девочка подперла кулаком щеку и задумчиво посмотрела в мою сторону,— вы должны будете на мне жениться. Когда вырасту.

— Что-то ты рано об этом заговорила,— я улыбнулся.

— Должен же быть мужчина в доме. Отец, когда я еще не родилась, погиб. Он полярный летчик был...— девочка вдруг покраснела.— Мне так Лялечка сказала.

— А кто это?

— Лялечка? Мама моя. Я на ней жениться не предлагаю — у нее есть один, только он с нами не живет. Она сама к нему ходит, как сегодня, а потом ей в ночную смену. Вам здорово повезло, что ее сегодня нет, Лялечка не пустила бы. Всего боится. А если вам интересно, то я вас уже однажды видела.

— Интересно. Где?

— А три дня назад, поздно очень, Лялечка в смену была, а я в окно смотрела. Вы и еще один у подъезда барского дома топтались, кого-то ждали, потом зашли внутрь... Дальше я не стала смотреть. Надоело.

— Неужели ты меня в темноте разглядела?

— А я ночью почти как днем вижу. Я эта, как его, феномен. Только не смейтесь. Вот стемнеет, можете сами проверить. Вы ведь не уйдете пока? А то скучно

одной. Я на кухне постелю. Лялечка всегда там дяде Паше стелила.

— Ты больше ничего не видела? — я заинтересовался. — Ну, кто перед нами в подъезд заходил или выходил оттуда?

— Мужик через двор прошел, в другую подворотню. Маленький такой, в черном плаще.

— И в подъезд не заходил?

— Какой подъезд?

— Ну, четырехэтажного дома.

— А, барского... Нет, я бы видела, он же напротив окон. Нет, этот мужик прошел через двор, очень быстро, почти бегом. Я еще подумала — от кого это он удирает? А в подъезд никто не заходил.

Тело словно свинцовое, и я понимал, что сейчас главное, это восстановить силы.

— Ты никому не открывай, пока я буду спать, ладно? — попросил я.

— Ладно, — она встала, — не бойтесь, никому не открою.

* * *

Я проснулся оттого, что кто-то положил холодную и влажную ладонь мне на лоб. Открыл глаза и не сразу понял, где я.

За окном начало темнеть. Девочка стояла на коленях перед диваном, и я уже не мог разглядеть ее лицо.

— Они ушли, — сказала девочка, — часа два, как ушли. Видимо, поняли, что вы им не по зубам. Теперь тоже уйдете?

— Да, извини.

— Насчет того, что потом на мне женитесь, это я пошутила, больно надо. Скатертью дорожка, — и убрала руку.

— Ты знаешь, я ведь в Москве живу, — осторожно погладил ее по плечу, — я тебе оставлю телефон, и когда ты ко мне приедешь, мы пойдем есть мороженое, в кино, театр, в общем, куда захочешь...

— И в зоопарк?

— И в зоопарк.

— Ладно, давайте телефон, приеду к вам как-нибудь. Вы непьющий?

— В общем-то нет.

— Это хорошо. Тут кругом одни пьющие. А в Москву я обязательно приеду, когда школу закончу. Я вам сейчас рубашку дам — от дяди Пашни осталась. А свитер ваш — только выкинуть.

Я оделся, нацарапал в темноте телефон. Девочка взяла листок и прочитала номер вслух. Она и в самом деле здорово видела в темноте. Похоже, она могла рассмотреть все, что происходило во дворе в ту ночь.

Потом, не дожидаясь, пока я уйду, закрылась в ванной комнате и включила воду. По-моему, она на меня сердилась.

Я ушел, так и не попрощавшись, так и не поблагодарив за то, что эта девочка спасла мне жизнь.

Очень загадочная девочка. Такая обязательно приедет в Москву, когда кончит школу.

Я спустился во двор и направился к подъезду, где живет Рита, поднялся на последний этаж и остановился перед дверью.

Прислушался. Тишина, разве только гудит где-то в трубах вода. Потом надавил на кнопку звонка. Он прозвенел резко и отчетливо, я даже вздрогнул. Такой звук бывает только в пустых квартирах. Присутствие людей все шумы делает мягче и невнятной.

Я стал осматривать дверь. Хорошая, крепкая дверь, только один недостаток: замок был сломан, и стоило надавить на нее покрепче, как дверь открылась. Я прошел на ощупь по коридору и в нерешительности остановился на пороге комнаты... Сломанный замок, затаявшаяся квартира, — я уже ничего хорошего не ожидал увидеть...

Потом все-таки перешагнул порог, нащупал выключатель на стене и зажег свет. В комнате — никого. Возле дивана — пепельница, полная сломанных, недокуренных сигарет. И телефон рядом.

Кажется, она обещала, что будет ждать моего звонка всю ночь.

Я прошелся по комнате, остановился перед неплотно закрытым шкафом, открыл его. Вещи были сброшены с плечиков и в беспорядке лежали на дне. Тут же лежала сумочка под крокодиловую кожу и одна женская туфля. Я наклонился, поднял сумочку, открыл ее. Косметика,

зажигалка, ключи, документы... Не те вещи, чтобы оставить их в шкафу, уходя из дому. Положил сумочку и некоторое время растерянно озирался по сторонам. Но в остальном — никаких следов борьбы. Остается предположить, что хозяйка сумочки и туфли пыталась спрятаться в этом шкафу, где ее и нашли после того, как открыли дверь. Я дотронулся до смятого черного платья, пытаюсь мысленно восстановить образ молодой зеленоглазой женщины... На душе стало пронзительно тоскливо.

Закрыв шкаф, подошел к дивану и выбрал из пепельницы уцелевшую сигарету. Руки у меня дрожали, я никак не мог прикурить.

Видимо, она уже собиралась уходить, если была в уличных туфлях и держала в руках сумочку с документами и ключами. Может, стояла в коридоре, когда поняла, что в квартиру хотят проникнуть. Не знаю, на что надеялась, когда решила искать такое убежище. Впрочем, в подобной ситуации всегда поступаешь, как последний идиот. Я ведь и сам недавно прятался в шкафу. Только мне повезло больше.

Я зажег свет на кухне — на столе стояли две пустые бутылки из-под коньяка, а в пол были втоптаны окурки от папирос. Несколько таких же окурков было в ванной комнате, там же — выдранные с кусочками ткани две пуговицы и метра полтора завязанной узлами веревки. Больше ничего.

Как во сне я покинул квартиру и вышел на улицу.

Я шел по вечерним спокойным улицам, но не чувствовал себя в безопасности. Может быть, мне и удастся пока оставаться незамеченным, но каждое мгновение в одном из случайных прохожих я могу увидеть недавнего знакомого, и карусель снова закрутится.

Что значила веревка на полу в ванной комнате? Ведь и директора задушили — затянули на шее кожаный ремень... От таких мыслей у меня на лбу выступила испарина.

Я вышел на привокзальную площадь и невольно остановился в тени газетного киоска. Сквозь огромные стекла вокзала я видел немногочисленную очередь в кассу, людей, сидящих на лавках в ожидании поезда, и только потом засек того парня...

Я его
разглядыва
ла. Челов
на виду
вдвое. Это
засады.

До во
душу, то
ня он зам

Небре
маться п
тем парн
меня.

Сердц
шительн
парень п
полмину
стый, ко
Вместе с
дом за м

Я вз
и выгля
сосчита
ный за
было не
пообеда
под кра

Нам
ренный
те дво
соседн
искоса

Тол
Они
постав
вился
ряться

Я
ми. Го
специ

с при

Я его не знал, но насторожило, как он пристально разглядывает входящих и выходящих из здания вокзала. Человек, кого-то встречающий, сам старается быть на виду — тогда шансы не разминуться повышаются вдвое. Этот же выглядел так, словно караулит кого-то из засады.

До вокзала рукой подать, и если этот охотник по мою душу, то я потеряю последнее преимущество. Правда, меня он заметит, только когда я буду почти у цели.

Небрежно пересек площадь, но, когда стал подниматься по ступенькам, сразу же встретился глазами с тем парнем. Он шел следом и откровенно рассматривал меня.

Сердце так и опустилось — сомнений не было. Я решительно толкнул дверь вокзала и еще раз оглянулся — парень призывно помахал кому-то рукой. Не прошло и полминуты, как к нему присоединился второй, коренастый, коротко стриженный, похожий на бывшего боксера. Вместе они вошли в помещение вокзала и двинулись следом за мной к буфетной стойке.

Я взял сосиски и кофе. Там были еще и бутерброды, и выглядели они поаппетитнее. Но, открыв бумажник и сосчитав деньги на обратный билет — неприкосновенный запас, я выяснил, что даже стакан кофе лучше было не брать. Потому что если мне и доведется завтра пообедать, то разве только батоном хлеба и водой из-под крана.

Намазав сосиски горчицей, чтобы отбить их вываренный вкус, я приступил к небольшому пиршеству... А те двое, купив бутылку минеральной воды, встали за соседний столик, и я постоянно чувствовал их взгляды искоса.

Только бы дали доесть.

Они о чем-то тихо разговаривали, наконец один поставил стакан и медленно подошел ко мне. Остановился напротив, достал из коробка спичку и сталковыряться в зубах.

Я нагнул голову, чтобы не встретиться с ним глазами. Горилле никогда не надо в глаза смотреть, говорят специалисты.

— Эй, мужик, — рявкнул вдруг он, — дай на бутылку.

— А штаны не намочишь? — я поднял глаза, — ты же с приятелем одну выхлестал.

— Давно не били? — он заржал.

— Пошел вон, — я бросил на тарелку недоеденный кусок хлеба, — ты мне аппетит портишь.

— Так и шабер в бок получить недолго, — боксер продолжал нагнетать обстановку.

— А Шмель, — спросил я, — поправляется уже? Он ведь тоже что-то там насчет шабера говорил.

Брови у мужика удивленно поползли вверх, а я решил закрепить успех. Иногда очень полезно подслушивать за дверями.

— Привет Ягару, — я вспомнил еще одно имя. — Ты разве не в курсе, что мы с ним договорились?

— То-то смотрю, ты такой смелый, — боксер растерянно потер лоб. — А не врешь?

— Узнай сам, — я устало вздохнул: акула заглотила приманку. — Надеюсь, не надо объяснять, где Ягара сейчас найти? А твой приятель пусть меня покараулит.

Боксер повернулся на каблуках, отошел, и они тихо посоветовались. В это время я заметил, что люди потянулись к выходу на перрон — скоро должен был подойти поезд.

— Эй, — окликнул парней, — лично я иду на улицу курить. Кто со мной?

Вытер бумажной салфеткой рот, скомкал ее в кулаке и смешался с толкающимися на выходе людьми. Я старался идти спокойно, даже развязно.

Я знал только одно — с боксером мне не справиться, он сильнее меня. А вот со вторым — худощавым блондином — возможны варианты.

Выйдя на перрон, я остановился возле урны, выбросил салфетку и полез за сигаретами. Блондин остановился рядом, между мной и застекленным боком вокзала.

Вдали уже показались огни прибывающего поезда.

— Куришь? — я вроде бы протянул ему пачку, но в это время пальцы мои спрессовали в комок упаковку, фольгу и табак, а кулак, согнутый локоть, предплечье превратились в простейший механизм, который чуть отошел назад, развернув корпус, а потом устремился вперед, врезавшись в подбородок противника.

Все произошло мгновенно. Блондин неестественно дернулся, но не упал, только голова его склонилась набок, а из угла губ потекла струйка крови. Только потом он начал заваливаться на спину, я подхватил его и бережно опустил на землю.

Никто
предвкуше
Я снач
пошел к
жал.
...Они
платформ
было, ви
тепловоз
рируют
Их б
ной курт
градили
жали к
Посл
— До
час тебя
Я пр
меня за
Уже
краем
чужая
лись, к
серьезн
Мы
Сей
поздно
остава
Рез
и пры
вперед
Он
возду
моей
на не
Я
вагон
вдол
Т
вдол
гонь
Д
мате
не д

Никто словно ничего не заметил. Люди были в предвкушении подхода поезда.

Я сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее пошел к началу перрона. Наконец, не выдержал и побежал.

...Они вынырнули из кустов сирени, когда до края платформы оставалось с десятков шагов. Людей тут не было, видимо, ожидаемый состав будет короткий. Луч тепловоза разрезал темноту, и было слышно, как вибрируют рельсы.

Их было двое. Боксер и еще тот, утренний, в кожаной куртке. Они не произносили ни слова, молча преградили мне дорогу и, чуть подталкивая кулаками, прижали к краю платформы.

Послышался шум приближающегося поезда.

— Допрыгался,— сквозь зубы сказал боксер.— Сейчас тебя размажет...

Я промолчал и весь напрягся. Тогда боксер взял меня за локоть и невольно оглянулся, скоро ли поезд.

Уже зашуршали под напором воздуха кусты сирени, краем глаза я уже видел тупорылую морду локомотива, чужая рука еще крепче сжала мой локоть, лица замкнулись, как бывает, если люди хотят совершить что-то серьезное и опасное.

Мы стояли на самом краю перрона.

Сейчас, или будет поздно, подумал я. Все будет поздно... До навалившегося на край платформы поезда оставалось метров десять...

Резко, предплечьем я отбил тянувшиеся ко мне руки и прыгнул вниз, на рельсы. Потом, как в воду, дальше, вперед, до боли в суставах...

Оглушительный скрип колес, свист рассекаемого воздуха, вопль гудка, но вагоны уже мелькают за моей спиной, отрезая меня от платформы и стоящих на ней людей.

Я бегу дальше, через пути, пролезаю под товарными вагонами, пока, наконец, не падаю на ржавую траву вдоль насыпи.

Тяжело дышу, смотрю, как суетятся с фонарями вдоль подошедшего состава люди, заглядывают под вагоны и перекрикиваются.

До меня долетают некоторые слова, исключительно матерные. Потом все стихает, и люди расходятся, так и не догадавшись, что произошло.

Поднимаюсь с земли и отряхиваю брюки. Плечо неприятно саднит, я засовываю руку под рубашку и убеждаюсь, что повязка стала набухать от крови.

Ночью лучше затаиться, там, где меня не станут искать.

* * *

За железнодорожными путями, там, где дюны мусора прорастают густым кустарником и крапивой, я набредаю на полуразвалившийся одноэтажный дом. Внутри пахнет сыростью и гнилью. Не самое удобное место для ночлега, разве только одно преимущество — вряд ли меня будут здесь искать. И даже если будут, я услышу продирающихся сквозь кустарник людей и успею улизнуть.

Я обхожу пустые комнаты с проваленным полом и сквозняками, наконец, из досок и обрывков толя сооружаю себе гнездо в углу посуше. Привалившись к осыпающейся штукатуркой стене, я смотрю в проем пустого окна на ночное небо, верхушки кустарника, обступающего барак со всех сторон, и на звезды. Как-то постепенно звезды померкли, и стало совсем темно...

Я вдруг стал испытывать беспокойство, потому что не поднялся на второй этаж и не посмотрел, что там? Тогда я медленно встаю и на ощупь ищу скрипучую лестницу. Я иду, вытянув перед собой руки, и все время боюсь наступить на что-то мохнатое и неподвижное, вроде как вывернутую наизнанку козлиную дубленку. Я не понимаю, откуда у меня такие мысли, наверное, я что-то вспоминаю и вспомнить не могу.

На втором этаже светлее, свет пробивается сквозь пыльные стекла. Тут есть кое-какая мебель. Старинный шкаф, трюмо, панцирная кровать с набалдашниками. Я подхожу к окну — протереть его и посмотреть, что делается снаружи. А когда оборачиваюсь, то замечаю, как на трюмо, перед зеркалом, горит свечка. Пламя качается из стороны в сторону и коптит.

Я подхожу к зеркалу и тут слышу — кто-то быстро пробежал по комнате и остановился у меня за спиной. В зеркале отражается женский силуэт... Она находится очень высоко, почти под потолком, и я решаю, что

женщина сто-
опасно раскар-
юсь, раскрыв
В это же м
что руки мои
надо мной,
удавленици
Я кричу
ется, задева
кричу, давя
Рассвело
на крыше
зеленых ра
брызг.
На трес
бей. Я леж
всего лиш
Сквозь
дальнем к
Наконе
невнятно
проходит
заросли к
Надо
думаю я.
не в сила
наю оне
снимаю
от засох
края пок
все тело
я снова
успела
Обхожу
ту, где,
по общ
здесь с
ное. К
здоров
кошма
Теп
На
одног
улицу

женщина стоит на табуретке. Тут вдруг она начинает опасно раскачиваться, вот-вот упадет, и я оборачиваюсь, раскрыв руки, чтобы поддержать...

В это же мгновение я начинаю дико кричать, потому что руки мои ловят пустоту, женщина не стоит, а висит надо мной, глядя сверху вниз одутловатой мордочкой удушенной.

Я кричу и не слышу своего голоса, а она раскачивается, задевая пальцами босых ног меня по лицу. Я кричу, давясь от рыданий, и просыпаюсь...

Рассвело. Капли дождя барабанят по остаткам жести на крыше одноэтажного барака, стекают по стенам в зеленых разводах плесени. Лицо у меня все мокрое от брызг.

На треснувшем подоконнике нахохлилась пара голубей. Я лежу неподвижно, боясь поверить, что это был всего лишь сон...

Сквозь тонкие стены я слышу, как кто-то ходит в дальнем конце барака и кряхтит.

Наконец, кто-то с грохотом падает, и этот кто-то, невнятно бормоча, выбирается наружу, а потом, топая, проходит под моим окном и с треском удаляется в заросли кустарника.

Надо пойти и посмотреть, почему он там возился, думаю я. Но в подсознании еще клубится страх сна, я не в силах пошевелить даже пальцем. Наконец, разминаю онемевшие мышцы, потом, дрожа от сырости, снимаю рубашку и разматываю бинты. Бинты жесткие от засохшей крови, но рана уже не кровоточит, только края покраснели и распухли, и острая боль пронизывает все тело, когда я поднимаю руку. Помогая себе зубами, я снова делаю повязку и натягиваю рубашку. Рубашка успела остыть, и теперь сырость особенно чувствуется. Обхожу барак, комнату за комнатой, пока не попадаю в ту, где, видимо, тоже побывали люди этой ночью. Судя по обширному ложу из нескольких рваных матрасов, здесь спали вповалку несколько человек, бродяг, наверное. Короче, я забрел на чужую территорию, и мне здорово повезло, что не прирезали ночью, пока снились кошмары.

Теперь придется искать другое пристанище.

На запасных путях стоит пассажирский поезд, дверь одного из вагонов открыта, и проводница выметает на улицу мусор.

Я останавливаюсь чуть в стороне, так, чтобы сор не летел в мою сторону.

— Тебе чего? — проводница разгибается, держась рукой за поясницу, и смотрит на меня.

— Надо побриться, почистить одежду, в общем привести себя в порядок. Окажите гостеприимство, а?

— В бегах, что ли? — она смотрит подозрительно.

— Нет, что вы... Загулял просто. Если в таком виде явлюсь...

— Понятное дело, — она смягчается. — Бедные твои родители. Бритву я тебе найду, кто-то из пассажиров оставил...

Из зеркала на меня смотрит осунувшаяся физиономия в рыжей щетине и с воспаленными глазами. Глубоко вздохнув, я промываю под краном бритву, распечатываю конвертик с лезвием... Постепенно я начинаю себя узнавать.

Нашелся даже дешевый одеколон, а когда я снова перевязываю плечо, в туалет заглядывает проводница и отбирает у меня заскорузлые бинты.

— Где это тебя? — спрашивает она.

— Так, стеклом порезался.

— Знаю я эти стекла. Пойдем, в аптечке бинт есть. И мазь. Она вонючая, но помогает.

Дождь перестал, и выглянуло солнце, и земля сохла прямо на глазах.

* * *

Я ходил по улицам города и высматривал, не промелькнет ли среди прохожих стройная фигурка Риты.

Ноги сами привели меня на Железнодорожную улицу. В моих действиях появилась пусть далекая от истинной, но все же цель.

Близко к дому, где мы встречались с Юлей, я не стал подходить, а выбрал пустой ларек на противоположной стороне улицы. Задняя стенка у ларька была в нескольких местах продавлена, а внутри по колону всякого мусора, и пахло чем-то кислым. Может, до определенного времени это было убежище неприкаянных сограждан, жаждущих выпить бутылочку порт-

всейна и заняться
альную, а ей,
только на пользе
Теперь же,
гядко от помойк
Сквозь часть
подъезд, и окнос
и я мысленно
бахрома розово
Какая мерзко
Я очень до
пункте, и меня
движения за о
терпением пир
брался из засад
опыту я помн
если там ест
спросить:

«Кто там-м
Возле двер
лями. Потом

Никакого
Можно бы
совершенно п

Если бы
услышал, как
подошел к д
прислушивая

Дверь мн
смысла. Если
Короче, когд
найду в ней

Человек,
нять убежи
Тем более д
как стена, ч
другой пут

лестничной
бенно не в
Дело в

свои эстет
кирпич уз
го. Эти п
ширину л

вейна и заняться революцией. Я имею в виду сексуальную, а ей, как и любой другой, конспирация только на пользу.

Теперь же, наверняка, самым завсегдатаем стало гадко от помойки, которую они натворили..

Сквозь частые щели мне прекрасно были видны и подъезд, и окно квартиры. Окно было чуть приоткрыто, и я мысленно представлял, как от сквозняка качается бахрома розового покрывала.

Какая мерзость.

Я очень долго пробыл на своем наблюдательном пункте, и меня уже слегка подташнивало. Но никакого движения за окном не заметил. Я продолжал ждать с терпением пигмея и, когда совсем затекли ноги, выбрался из засады и направился в подъезд. По прошлому опыту я помнил, что дверь была без глазка. Значит, если там есть обыватель, то ему придется хотя бы спросить:

«Кто там-м?»

Возле двери я остановился, чтобы собраться с мыслями. Потом надавил на кнопку звонка.

Никакого ответа.

Можно было успокоиться и выбросить из головы эту совершенно пустую квартиру. Если бы...

Если бы после того, как я отпустил кнопку, не услышал, как в квартире скрипнули половицы... Кто-то подошел к двери с той стороны и замер, как и я, прислушиваясь.

Дверь мне не откроют, а играть в молчанку не имеет смысла. Если кто-то здесь спрятался, то явно неспроста. Короче, когда у квартиры дурная слава, то, наверное, я найду в ней именно это.

Человек, решивший спрятаться, вряд ли станет менять убежище из-за одного случайного звонка в дверь. Тем более дверь достаточно прочная, а для меня и вовсе как стена, через которую не пробиться. Я придумал себе другой путь, надо только подождать, пока стемнеет. На лестничной площадке я открыл окно и, стараясь особенно не высовываться, ощупал стену снаружи.

Дело в том, что строители, не в силах превозмочь свои эстетические потребности, проложили желтый кирпич узкими горизонтальными полосками красного. Эти полосы выступали из стены — немного, на ширину ладони разве, придавая дому замечательно

художественный вид. С точки зрения строителей, естественно.

Теперь я знал, что мне предстоит. Вернее, предполагал. Потому что когда предстоит ночная прогулка на высоте шестого этажа, ничего не знаешь наверняка.

* * *

Небо было звездное. Луна казалась огромной, страшной и висела над крышами. Не знаю, к удаче такое или наоборот?

Некоторое время пришлось ждать, пока дворник бес толково мел асфальт перед подъездом. Наконец, он ушел. Во многих квартирах уже легли спать, не было света и там, куда я стремился. Впрочем, уверен, в квартире его и не зажигали. Правда, окно осталось приоткрытым.

На лестничной площадке я несколько мгновений стоял, глядя в пустоту. Захотелось курить, но я понимал, что огонек от сигареты будет замечен с улицы, а мне не стоит привлекать внимание. Потом проверил одежду — теперь ничего не должно мешать, скажем, зацепиться за какую-нибудь ерунду. Такая мелочь может стоить жизни.

Под конец не выдержал и посмотрел вниз. Шестой этаж, не Бог весть какая высота, в случае чего не успею даже толком понять, где оступился.

Захотелось все бросить и смыться. Если еще немного постоять у открытого окна, представляя, как мои восемьдесят килограммов устремятся вниз со скоростью свободно падающего тела, а потом послышится звук, словно кто-то уронил арбуз... тут никакой силы воли не хватит. Надо торопиться, пока нервы не издержаны. Я решительно залез на подоконник.

Луна поднялась выше, посветлела и была похожа на ртутный шарик.

Держась за переплет, я повернулся спиной к улице и стал приседать на одной ноге, в то время как другой скользил по стене дома, пока носком не попал на узкую полоску красного кирпича. Утвердившись, я перенес наружу другую ногу.

Карниз казался еще уже, чем когда его щупаешь

рукой. Весь ве
случиться судо

ка. Ночной вет
за переплет, и
Если подует ск
пальцы. Впроче

Когда окон
распластаться
тиметру. Одно

рамы, компен
Наконец, я
впереди долж
щая опора. П
поверхности
дотягиваюсь.

Я потянул
пальцы, держ
Не знаю, как
за костыль, и
равновесие.
словно распя
мая костыль
повисла вдол
шагом, я до
дыхание.

Рана от на
же, вышла и
должна меня
обнимая ее,
я обмотал во
костыль, а д

Ноги ста
накопившая

Еще неск
рука уже на
створку... Я

Еще чере
нике, а пото

Я был г
себя, если в
что здесь м

Но я ст
меня не на

рукой. Весь вес приходился на пальцы ног, и стоит случиться судороге, мне не миновать затыжного прыжка.

Ночной ветер холодил спину, я стоял, ухватившись за переплет, и не в силах был выйти из оцепенения. Если подует сквозняк, окно захлопнется и прижмет мне пальцы. Впрочем, не стоит об этом задумываться.

Когда оконный проем кончился, пришлось прямо распластаться по стене и продвигаться вперед по сантиметру. Одной рукой я продолжал держаться за выступ рамы, компенсируя неустойчивое равновесие.

Наконец, я отполз на длину вытянутой руки. Теперь впереди должна быть водосточная труба, моя следующая опора. Правой рукой я провожу по шершавой поверхности стены и понимаю, что чуть-чуть, но не дотягиваюсь. Снизу все выглядело ближе.

Я потянулся изо всех сил, на какое-то мгновение пальцы, державшиеся за раму, начали соскальзывать... Не знаю, каким чудом мне все-таки удалось ухватиться за костыль, на котором крепилась труба, и сохранить равновесие. Теперь, держась обеими руками, я был словно распят на стене на высоте шестого этажа. Сжимаемая костыль, я расслабил левую руку, она бессильно повисла вдоль тела. Стараясь не торопиться, шаг за шагом, я добрался до трубы. Тут можно перевести дыхание.

Рана от напряжения разболелась, и левая рука, похоже, вышла из строя. А ведь на следующем этапе она должна меня страховать. Я перебрался через трубу и, обнимая ее, вытащил из брюк пояс. Один конец ремня я обмотал вокруг левого запястья, перекинул его через костыль, а другой зажал в кулаке.

Ноги стали предательски дрожать. Это искала выход накопившаяся усталость.

Еще несколько сантиметров, еще... Вытянутая правая рука уже нащупала срез окна, толкнула приоткрытую створку... Я понял, что выиграл.

Еще через минуту я стоял, согнувшись, на подоконнике, а потом тихо влез в квартиру.

Я был готов защищаться. Я был готов постоять за себя, если вдруг кто набросится. Я вовсе не был уверен, что здесь меня примут радушно.

Но я стоял возле окна, готовый к бою, а никто на меня не нападал. В квартире было темно и тихо. И от

этого затаившегося спокойствия я волновался еще больше.

Нет ничего страшнее, чем ожидание опасности. Я видел очертания мебели, стены, на которых отражался лунный свет, кровать...

На кровати кто-то лежал.

Я беззвучно подкрался и склонился, пытаюсь разглядеть... В это мгновение я почувствовал страх, словно тупой иглой ткнули под сердце. Я даже зажмурился и отпрянул.

На кровати лежала Рита. Она лежала неподвижно.

Рядом, на стуле, был ночник. Я нащупал выключатель и зажег свет. Тусклая лампочка осветила разметавшиеся по подушке волосы, по-детски приоткрытый рот, длинные тени ресниц.

Рита спала, натянув одеяло до подбородка и обняв во сне подушку. Я перевел дыхание и усталое опустился на кровать, стал снимать с запястья ремень. Она не проснулась, только чуть заворочалась во сне.

— Рита...— тихо позвал я.

Она открыла глаза. Зеленые глаза смотрели сначала отчужденно, потом испуганно.

— Ты? — произнесла она почти беззвучно, я понял только по движению губ.— Ты?..

Я кивнул и улыбнулся:

— Можешь даже потрогать.

Потом протянул руку и осторожно поправил ей волосы. Она отстранилась и уткнулась лицом в подушку.

— Этот сон,— сказала она глухо,— какой страшный сон, господи... Этот барак, свеча, зеркало, давленник... Я кричала и не могла проснуться...

Я поежился. Что-то знакомое было в ее сне.

— Где ты пропадал столько времени? — сказала она в подушку.

Ну и ну, оказывается, это я пропадал!

Она все лежала на животе и обнимала подушку, а мне теперь спешить некуда, и я ждал, пока она успокоится. Потом не выдержал и уцепился за нее под одеялом. Я просто хотел немного подбодрить ее. Она ударила меня по руке и села на кровати, держа одеяло под подбородком.

— Как ты сюда попал? — спросила.

Я показал на окно.

— Но ведь...

— Пустяки
не так высоко
сделал паузу и
шивать.— А ка

— Лисенок
Мне надо был

— По-мое
чувств.

— Она их
мешала, а те
без скандала
светском общ

— Но поч
квартире? Ко

люблю сидет
— Тут не

ла босые но
сила окно п
надо переде

— Ну вс
меня. Рита
лась совсем

Зажгла
шкафа чашк
чувствовала

— Ты зд
ответила, а
ной пачкой

по чашкам
сквозь обла
немного ра

Я имен
помнил. В
поколение

— Ты
ками чашк
на тебе об

этому уби
— Тог

— Они
запихнули
мой конь

Я им не
что ты у

— Пустяки, метра три по карнизу. Если бы это было не так высоко, я справился бы намного быстрее...— я сделал паузу и подумал, что настала моя очередь спрашивать.— А как ты сюда попала?

— Лисенок... Это Юля,— пояснила,— дала ключи. Мне надо было спрятаться, и она помогла.

— По-моему, эта девица не питала к тебе дружеских чувств.

— Она их и сейчас не питает. Только раньше я ей мешала, а теперь — уезжаю. Ей выгодно, чтобы я уехала без скандала — легче будет занять мое место. В нашем светском обществе.

— Но почему ты уезжаешь? И что случилось в твоей квартире? Кстати, я хотел бы зажечь верхний свет — не люблю сидеть в потемках.

— Тут не надо,— она откинула край одеяла и спустила босые ноги на пол.— Давай на кухне, я там занавесила окно покрывалом. И отвернись, пожалуйста, мне надо переодеться.

— Ну все, пойдем,— позвала она и пошла впереди меня. Рита была в туфлях почти без каблуков и казалась совсем маленькой и беззащитной.

Зажгла плиту, поставила чайник. Потом достала из шкафа чашки и насыпала в них растворимого кофе. Она чувствовала себя тут вполне уютно.

— Ты здесь бывала раньше? — спросил я, но она не ответила, а ушла в комнату и вернулась с нераспечатанной пачкой «БТ». Когда чайник закипел, разлила воду по чашкам и села напротив. Я курил и разглядывал ее сквозь облачко дыма. Рита казалась школьницей, пусть немного распутной, но все же невинной.

Я имею в виду своих сверстниц, какими их запомнил. В сущности, мы были последнее невинное поколение.

— Ты меня изучаешь, да? — Рита взяла обеими руками чашку и поднесла ее к губам.— Наверное, я должна тебе объяснить, что не имею никакого отношения к этому убийству.

— Тогда почему ты прячешься?

— Они ворвались утром в квартиру, связали меня, запихнули в ванную, а потом сидели на кухне и пили мой коньяк. Я слышала их разговоры — они ждали тебя. Я им не нужна была. Потом кто-то пришел и сказал, что ты убежал. Они ушли, а мне осталось распутать

веревку... Я боялась появляться у себя дома... Весь день пряталась то в кино, то... Потом позвонила Лисенку и взяла у нее ключи от этой берлоги. Она сказала, здесь безопасно.

— Не хочешь сообщить в милицию, что на тебя напали?

Рита грустно улыбнулась и достала из пачки сигарету.

— Мне нельзя иметь дело с милицией,— сказала она тихо,— я очень много знаю лишнего. Мне бы быстро заткнули рот. Для этого существуют сокамерницы и несчастные случаи. Все покупается за деньги.

— Ты хочешь сказать, тебе известно, кто?..

Девушка замотала головой.

— Таких кандидатур можно найти сколько угодно. Кроме меня и моего мужа.

— Твоего мужа?

— Да, это я ему сказала, чтобы он увез тело.

— Ничего не понимаю,— сказал озадаченно.

— Ремень на шее,— она постучала пальцем себе по горлу,— это был ремень моего мужа, с такой пряжкой. Но ведь он не такой дурак, чтобы воспользоваться собственным ремнем в собственном подъезде. Его просто решили подставить...

Она внезапно замолчала и опустила голову.

— Но если ты ни при чем, чего тебе было бояться?

— Я тебе уже рассказывала, с чего начинала,— теперь она не поднимала глаз, и я видел только склоненную макушку.— Кроме хорошей фигуры и всего прочего, что нравится мужикам, у меня было еще одно достоинство — я не трепалась. А когда люди крутят дела — только такие мне были нужны, только такие могут помочь в жизни,— им всегда нужен посредник, который не болтлив и умеет организовать нужную встречу, устроить все красиво и безопасно. Сначала это понял один из моих друзей и стал пользоваться. Потом люди, с которыми он у меня встречался, тоже стали приглашать своих знакомых... Иногда они просто выпивали, иногда играли в карты, а то и приводили девиц или о чем-то договаривались.

— Воровская малина? — спросил я с усмешкой. В этот момент мне хотелось ее ударить.

— Воры тоже приходили,— сказала она с вызовом и посмотрела в упор,— только большей частью приходили вполне уважаемые лица. Не всегда и не всех приглаша-

ешь к себе дом
емые люди...

— Вроде да
— Я ведь с
не уверяла, что

губу.

— Ладно,
— И ты е

прижала к пер
ее.— Если мне

с точки зрения
не будет опро

Ведь никто н
сказывать вс

нажмут? А я
Я не знал

был такой не
с которыми с

ния.

— Вот по
ладонью по
не должен з
на новом м

ошибок.

— Но ты
— Да,— о
глаза,— я не
задумывайся

мываться...

— Не по
— Я сбе

шталась по
подонков, и

обречена бы
мне по-доб

— Замеч
кофе,— очен

И засме
яростью.

— Черт
но,— я ведь
ты не види

Я замер

ешь к себе домой, кабинет или ресторан. Вполне уважаемые люди...

— Вроде директора комбината?

— Я ведь с самого начала не морочила тебе голову, не уверяла, что я невинная овечка,— она чуть закусила губу.

— Ладно, проехали,— я кивнул.

— И ты еще спрашиваешь, почему я прячусь? — она прижала к пепельнице незажженную сигарету и сломала ее.— Если мной заинтересуются органы, как, по-твоему, с точки зрения людей, которые были у меня в гостях, не будет опрометчиво позволить мне распустить язык? Ведь никто не даст им гарантию, что я не начну рассказывать все подряд, если на меня как следует там нажмут? А я ведь слышала многое.

Я не знал, насколько она права, но в глазах у Риты был такой неподдельный страх, что я поверил — люди, с которыми она встречалась, достаточно опасные создания.

— Вот почему я отсюда сматываюсь,— она провела ладонью по лицу, словно стряхивая паутинку.— Никто не должен знать, куда я уеду. Я просто исчезну, начну на новом месте и постараюсь не совершать прежних ошибок.

— Но ты до сих пор не уехала...

— Да,— она подняла на меня странно заблестевшие глаза,— я не могла уехать, пока ты здесь... Только не задумывайся над этим, ни к чему тебе над этим задумываться...

— Не понял?..

— Я сбежала из семьи, где меня ненавидели, я шаталась по вокзалам и подвалам, где встречала всяких подонков, и муж у меня подонок, и здесь кругом... Я обречена была обалдеть от первого, кто отнесется ко мне по-доброму, будь то мужчина, ребенок или собака.

— Замечательное сравнение,— я отпил остывающий кофе,— очень удачное сравнение.

И засмеялся. А она вдруг посмотрела на меня с яростью.

— Черт бы тебя побрал,— произнесла Рита медленно,— я ведь влюбилась в тебя. Я совсем обезумела, разве ты не видишь?

Я замер с чашкой в руке, потом осторожно поставил

ее на стол, словно боялся расплескать. Я на самом деле этого не увидел.

— Ну что ты молчишь? — глаза ее темнеют еще больше, хотя, казалось, некуда больше темнеть.

Несколько дней назад я был беззаботным малым, которому ничего не стоило полюбить такую девушку, как Рита. С такими глазами, губами, фигурой...

— Тебе... неприятно мое прошлое? — сказала она с запинкой.

— Дело не в этом. Мне нет дела до твоего прошлого...

— Хочешь сказать — тебе все равно? Нет до меня дела?

— Почему же? Вовсе не это хотел сказать... — Я ощущал какую-то пустоту внутри себя. Несколько дней назад мне ничего не стоило полюбить такую девушку...

— Ты не любишь меня?

Я молчал.

— Нет? — у нее запылали щеки. — Не хочешь отвечать?

— Почему же? — повторил я, а ощущение пустоты усиливалось. В таком состоянии я склонен совершать безрассудные поступки, — я тебя люблю.

— Уедем, — Рита встала и подошла ко мне. — Уедем вместе.

— Да, конечно, — я обнял ее за тонкую талию и прижался щекой к бедру, — чем не выход?

Я почувствовал, как она вся напряглась при этих словах.

— Тебе не даст покоя убийство? — спросила, проведя пальцами по моим волосам. — Но ведь про это можно просто забыть.

— Угу. Можно. Со временем.

Через ткань одежды я чувствовал тепло ее тела, и от этого в душе словно распрямилась пружина. Усталость накатывала волнами.

— Для этого есть милиция, пусть они ищут, — упрямо сказала Рита.

— Да. Только я все делал вовсе не потому, что сомневался в способностях профессионалов или хотел им помочь.

— Тогда зачем? — в голосе ее послышалось недоумение.

— Вокруг столько зла, и надо попробовать, на что ты способен. Я хочу сказать, способен ли ты противо-

стоять ему в
технике сыска
хватит ли у тебя
на что ты способен

— Идеализм
— Может быть
бедра. — Только
как определить
этой жизни. Я

— Станови-
лась Рита.

— Наверно

— Значит,

— Почему

— Нет! —

навать тебя

потенциальны

тра, то убью

понять тебя,

первой встре

во долга, мо

Нет! У тебя

судьбу, — она

не хочу, не

сшедший, э

Когда один

теряют голо

— Уж не

— Да, —

как звезды,

— Успо

протянул е

и немного

стаканчико

— Ты с

ющим щек

— Мне

встал, — не

— Уход

вит тебе у

Она в

ладони по

Я на

схватил е

стоять ему в одиночку, как умеешь. Тут дело не в технике сыска или приемах рукопашного боя, а в том, хватит ли у тебя воли пройти по карнизу. Важно знать, на что ты способен.

— Идеализм,— сказала она высокомерно.

— Может быть,— я уже совсем спал, обнимая ее за бедра.— Только я хочу знать, что во мне заложено. Иначе как определишь, на что имеешь право рассчитывать в этой жизни. Я хочу рассчитывать на многое...

— Становление личности? — холодно поинтересовалась Рита.

— Наверное. Я не хочу тебя обманывать...

— Значит, мы вместе никуда не уедем?

— Почему? Вот найду его... или их...

— Нет! — она отпрянула в сторону,— я не хочу опознавать тебя в морге. Я не хочу связать свою жизнь с потенциальным смертником. Если тебя не убьют завтра, то убьют через неделю, месяц, год. Я пыталась понять тебя, пыталась с первого нашего разговора, с первой встречи. Может быть, у тебя обостренное чувство долга, может, любопытство, может, свой интерес? Нет! У тебя просто патологическая страсть искушать судьбу,— она выкрикивала слова, как ругательства.— Я не хочу, не желаю постоянно бояться за тебя. Ты сумасшедший, это ты спровоцировал кошмар этих дней. Когда один все время лезет на рожон, остальные тоже теряют голову...

— Уж не я ли подсунул труп в подъезд твоего дома?

— Да,— она смотрела на меня бешеными и яркими, как звезды, глазами,— не удивлюсь...

— Успокойся,— я прикурил две сигареты и одну протянул ей,— тебе было бы неплохо выпить стаканчик и немного успокоиться. В этой дыре найдется пара стаканчиков винца?

— Ты сумасшедший,— она прижала ладони к пылящим щекам,— ты сумасшедший...

— Мне уйти? — я бросил сигареты в пепельницу и встал,— не люблю истерик.

— Уходи! Только по карнизу, как пришел, это доставит тебе удовольствие. Ненавижу...

Она вдруг размахнулась и ударила меня ребром ладони по скуле.

Я на мгновение ослеп от обиды, потом с силой схватил ее за плечи. Она попыталась вырваться, как в

тумане промелькнули ее испуганные глаза, сползавший с тонких смуглых плеч халат, обнажившаяся грудь, снова халат, смятый под нашими телами, ее руки, одновременно отталкивающие и удерживающие меня. Женщина извивалась, поднимая бедрами переплетенные тела с такой силой, что, казалось, пол прогибался под нами. Я чувствовал на лице ее горячее дыхание, которое становилось все чаще, пока вдруг не взорвалось воплями дикой кошки...

* * *

Утреннее солнце нашло лазейку между шторами и разбудило меня. Я лежал поперек широкой кровати, вытянувшись во весь рост и закинув руки за голову. Я приоткрыл веки и увидел Риту, она сидела в кресле, поджав под себя стройные ноги, и, улыбаясь, смотрела на меня. Глаза ее сияли. Я окончательно проснулся.

— Ты даже во сне с кем-то борешься,— сказала она со смехом,— я уже давно на тебя смотрю.— И потом, без всякого перехода,— я люблю тебя.

Я открыл рот, чтобы ответить, но она протестующе махнула рукой:

— Ничего не говори. Я тебя раскусила. Ты любишь, только если готов убить от ярости.

— Выбрось это из головы,— я рывком сел и огляделся,— а то я буду каждый раз получать по физиономии, если ты вдруг надумаешь проверить мои чувства.

Она счастливо засмеялась.

— Надо скрыть следы преступления,— я смущенно оглядел устроенный в комнате беспорядок.— Мы вели себя достаточно бесцеремонно.

Она состроила недовольную гримаску и по-звериному потянулась, упираясь руками в подлокотники кресла. Потом встала.

Пока я умывался и перебинтовывал съехавшую повязку, она заправила постель и аккуратно сложила мои вещи.

В прихожей я наткнулся на чемодан. Он стоял под вешалкой, коричневый и пузатый, с блестящими металлическими замками.

За завтраком, я спросил
— Когда ты
Мне покажешь
— Я еще
отнесла его
сколько времени
принесла вещь
ся... Халат, и
— Запаслись
побриться и
— Да, не
потом радости
на же элект
И осекла
— Что?
твоим чемоданом
Она кол
— Да, и
смотри так
— Весел
значит, вы
ждала в эт
— Пере
ный бутер
понятия е
— Нич
кать сигар
заварила
— А е
— Ты
Ты заранее
знала, что
причине,
участия.
ришь в
ски. А д
этом го
говорит,
вернулся
нахожу
я был у
что вме
сказал

ага, спелая и
мелкая, ее гру-
дами, ее раз-
мешанные мя-
ми переплетя-
пол прогибала-
рычае дыхание,
т не взорвалось

ду шторами и
окой кровати,
и за голову. Я
дела в кресле,
ясь, смотрела
проснулся.

— сказала она
И потом, без

протестующе

Ты любишь,

л и оглядел-
физиономии,
уства.

— Мы вели

по-зверино-
отники крес-

жавшую по-
ложила мои

И стоял под
мной метал-

ЦЕНТРИ

100

сделать в те десять — пятнадцать минут, пока я топтался у подъезда. Ну а у настоящего убийцы, конечно же, есть на это время железное алиби.

— Но почему ты решил, что этот таинственный убийца — это я?

— Ты знала, что у директора на руках большие деньги. И ты собиралась уехать, собрала вещи. Для того, чтобы бросить дом, работу и вот так вот уехать, нужны очень веские причины. Если ты заранее спланировала это убийство, такие причины у тебя были.

— Зачем мне тогда понадобилось просить Виктора вывезти труп? — она усмехнулась, — ведь тем самым я испортила себе алиби... то алиби, которое ты только что мне выдумал.

— Вовсе нет. Если бы тело сразу нашли, не так-то трудно было определить, убили ли директора только что или час-два назад. Но после того как труп пролежал столько времени на свалке, точное время убийства уже определить нельзя.

— Но я бы тем самым подставила своего мужа. Неужели ты считаешь, что я такая дура, чтобы не додуматься, — когда его обвинят в преступлении, он не станет прикрывать меня.

— Если деньги директора у тебя, он будет молчать. Он ведь рассчитывает на свою долю.

— Какая доля, что ты говоришь! — она всплеснула руками. — Ты представляешь, что ему может быть за убийство?

— Его никто не сможет в этом обвинить.

— Верно, он ремонтировался в тот вечер и звонил мне из мастерской. Его все там видели. А звонил он мне, сам знаешь, уже после того, как ты нашел труп.

— Ну вот, видишь? Убил не он. А тот, что труп спрятал, так ведь его задушили ремнем Виктора, вот он и испугался. Убедительная версия?

— Убедительная, — она кивнула. — И правильная.

— Можно и по-другому посмотреть. Ремень оказался на шее директора вовсе не потому, что кто-то хотел подставить твоего мужа, а наоборот, чтобы обеспечить ему оправдание, зачем он спрятал тело.

— Ты сумасшедший, — она сжала кулачок. — Совершенно очевидные вещи ты выворачиваешь наизнанку.

— Но ведь директор в машине был фальшивый. Значит, кто-то спланировал убийство?

— Ясно кто —
— Он не см
вытащить на л
иначе на него
гости сидели за
ко раз на кухне
— Ты ошиб

ты во всем о
мне жизни...
после вчерашн

— Люблю,
улыбку, — но ч

За спиной
Рита в ужа

Я резко об
В дверях с

лые щеки др
гальтер.

— Как вы

— Не заб
тоже мой. Ви

вокруг не за
— Ты? —

ко открыты

— У вас
рассмеялся,
тись...

— Да по
ной для его

коридора и

— Маль

Я и оп
распахнула

за широки

Вошли
короткостр
плеч, без

куртке.

— Нет
в тот же

пресса. Я
кувалдой

боли, пр
только к

— Ясно кто — Алик.

— Он не смог бы в одиночку. Труп должны были вытащить на лестницу незадолго до моего появления, иначе на него наткнулся бы кто-нибудь другой. Пока гости сидели за столом, разве ты не выходила несколько раз на кухню? Все хозяйки так делают.

— Ты ошибаешься, — у нее губы ходили ходуном, — ты во всем ошибаешься, но твоя ошибка будет стоить мне жизни... Неужели это тебя не остановит? Разве после вчерашнего... Разве ты не любишь меня?

— Люблю, — я еще удерживал на лице одеревенелую улыбку, — но что от этого изменится?

За спиной послышался шорох.

Рита в ужасе открыла рот, чтобы закричать.

Я резко обернулся.

В дверях стоял главный психиатр города, его отвислые щеки дрожали, словно им необходим был бюстгальтер.

— Как вы сюда попали? — спросил я.

— Не забывайте, квартира моя, и ключ от замка тоже мой. Вы слишком увлеклись разговором и ничего вокруг не замечали.

— Ты? — я посмотрел на Риту. Глаза ее были широко открыты и полны страха. — Ты все подстроила?

— У вас мания преследования, — толстяк дребезжаще рассмеялся, — шизофрения. Без госпитализации не обойтись...

— Да пошел... — я шагнул к нему, а он с неожиданной для его комплекции быстротой отпрыгнул в глубь коридора и закричал:

— Мальчики! Живо сюда!

Я и опомниться не успел, как дверь на лестницу распахнулась и через мгновение толстяк уже спрятался за широкими спинами...

Вошли двое, и обоих я знал в лицо. Боксер, с короткостриженной башкой, словно вырастающей из плеч, без всякого намёка на шею, и еще тот, в кожаной куртке.

— Нет, не смейте, — я услышал сзади крик Риты, и в тот же момент боксер проверил прочность моего пресса. Я уже давно не в форме, а это напоминало удар кувалдой под дых. Я отлетел к стене, скорчившись от боли, пространство вокруг позеленело. Но не упал, только колени подогнулись. Мотнул головой в сторону,

уклоняясь от второго удара, и резко ткнул боксера кулаком в пах. Тот охнул и отступил на шаг, что позволило мне ухватиться рукой за стул, который секундой позже обрушился на нападавшего.

— Девку, держи девку! — крик толстяка заставил меня посмотреть на Риту. Она была похожа на прыгнувшую пантеру, когда, сжимая длинный кухонный нож, кинулась на второго. Но он ловко перехватил одной рукой ее запястье, а другой ударил в подбородок. Я не успел прийти на помощь, а мужик в кожаной куртке уже завернул ей руку за спину, отобрал нож и приставил его к горлу.

— Только пошевелись, — прохрипел он, уставившись на меня побелевшими от страха глазами, — и я продырявлю эту стерву.

Я остановился, не в силах отвести взгляда от длинного металлического лезвия. Единственное, что удерживало в этот момент, так это беспомощная женщина. Я еще успел заметить, что руки у мужика дрожали, а в такой ситуации истерик мог надавить на рукоятку ножа чуть сильнее... Я замер в бессильной ярости, стиснув зубы.

На полу завозился боксер, он приподнялся, опираясь на локти, потом с трудом встал, ощупывая голову.

— Ты мне за это ответишь, — с угрозой произнес он.

— Я предупреждал, мальчики, — подал голос из прихожей толстяк, — это сущий дьявол. Только мне он нужен целеньким... пока.

Боксер открыл кран и, смачивая ладонь, стал стирать кровь с глубокой ссадины на лбу. Все это время он не упускал меня из виду, и по глазам его я чувствовал, что ничего хорошего ждать не приходится.

— Обыщите их, — приказал толстяк, — сначала девку.

Мужик в кожаной куртке перебросил нож боксеру и полез в карманы ее халата.

— Убери руки, скотина, — вдруг спокойно, сквозь зубы сказала Рита.

Парень заржал, отбросил в сторону полу халата и сжал пальцами обнаженное бедро девушки... Забыв обо всем, я рванулся вперед, и тут же боксер, переложив нож в левую руку, правой вдогонку ударил меня в затылок. Оглушенный, я упал лицом вниз.

— Свяжи девку, — слышал я сквозь розовый туман, — что в чемодане, ну-ка посмотри.

Я леж
паралитич
дан прине
копались

Я чуть
были свя
сжалась
голые но

— Он
тому что

— Э-э

Я усп

И, прежд

услышал

— Не

Я пр
минут д
почку, н
ные сте
потом я
среднее
рой, и ч

Посл
захотел
шую в
одет в з

Пото
тном п
время
гал ли
наложе

Я с
тягуче
боксер
выруб
полдел
ное ок
провал
я из н

Я лежал на полу и не мог пошевелиться. Словно паралитик. Краем глаза я видел, как коричневый чемодан принесли из прихожей, вывалили все вещи на пол, копались в них, а потом прошлись ногами.

Я чуть приподнял голову и увидел Риту. Руки ее были связаны за спиной, халат распахнулся, и она вся сжалась в комок, словно пыталась прикрыть собою голые ноги.

— Они ничего не найдут,— тихо сказала Рита,— потому что я не брала...

— Э-э, клиент уже оклемался,— сообщил боксер.

Я успел подняться на четвереньки, когда он ударил. И, прежде чем провалиться в узкий черный мешок, услышал испуганный крик Риты и слова толстяка:

— Не убейте его. Пока...

Глава третья

Я пришел в себя, как после удушливого сна. Я лежал минут десять, бессмысленно уставясь на тусклую лампочку, на дверь, обитую железом, серые оштукатуренные стены, покосившийся умывальник в углу. Только потом я понял, что лежу на кровати в комнате — нечто среднее между больничным боксом и тюремной камерой, и что лежу я ногами к дверям.

После того как я определился в пространстве, мне захотелось посмотреть на часы. Я поднял руку, занывшую в суставах, и увидел, что часов не было, а сам я одет в застиранную байковую пижаму.

Потом я с трудом сел на кровати, нашел на цементном полу стоптанные парусиновые туфли. Некоторое время подождал, пока пройдет головокружение. Потрогал лицо. Правая сторона заплывала, и над бровью были наложены швы.

Я стал припоминать, как сюда попал. Но, кроме тягучего черного омута, в котором я утонул после удара боксера, ничего вспомнить не мог. Никогда еще я не вырубался так глубоко и надолго. Рассекли бровь — еще полдела, но... Я перевел взгляд на маленькое зарешеченное окно под потолком. За окном была ночь. Если я провалялся в ваксе столько времени, то не понятно, как я из нее выплыл? Зародилось подозрение, и я быстро

закатал рукава. Так и есть — на руке был след от укола. Утихомирили меня, подлещи. Накачали всякой дрянью. Что ж, толстяк выполнил свое обещание насчет госпитализации, даже лечение началось.

Принудительной госпитализации, стоит отметить.

Рот пересох, и я давно уже безуспешно тер языком потрескавшиеся губы. Встал, подошел к умывальнику, открутил кран. Но из него выпала только ржавая капля и растеклась по фаянсовой поверхности.

Позвать кого-нибудь? Потребовать, чтобы соблюдали Женевские договоренности о военнопленных? Как бы не так. Пусть думают, что я пока замороженный. У меня есть чем заняться...

Я обследовал свою камеру, дверь — сантиметр за сантиметром, прикрученную к полу кровать, попытался дотянуться до окна, пока в изнеможении снова не лег, уставившись в потолок. Я строил планы, как мне отсюда выбраться. Планы были бесперспективные.

И еще я думал о Рите. Когда я думал о Рите, мне хотелось повеситься.

Примерно через час я услышал, как за дверью по коридору проскрипели шаги, потом лязгнул отпираемый замок.

Дверь открылась, и на пороге появился боксер. Я заметил, что в руках он вертит деревянную палку, больше похожую на дубинку.

— Пошли,— сказал он,— хозяин ждет.

Конечно, можно было попытаться что-нибудь сделать, только если я и справлюсь с ним, что весьма сомнительно, все равно не узнаю, как отсюда выбраться. Путеводителя он, кажется, не захватил. Значит, стоит притвориться покорным и между делом выяснить, какие коридоры в этом гадюшнике ведут к свету. Вот тогда меня не остановить... Надеюсь.

Кажется, он понимал, что я не опасен, и вертел дубинкой, скорее, просто так.

Лоб у боксера был заклеен пластырем.

— Тебе повезло больше, — сказал я и ощупал бровь.

— Пошли, пошли,— поторопил он и выдавил из себя некое подобие улыбки.

В конце коридора мы остановились перед двойной решеткой, перегораживающей проход, и он достал ключи.

— Здесь раньше тюрьма была,— хмыкнул боксер.—

До пятидесяти тр
ла. Психушки т
Я согласился
Боксер откр
вышел следом.
пролетов. На
никто не встре

— Сюда.

Он открыл
мы попали во
пластиком стел
на полу. Тут с
достаточно нол
человек, смугл
ресницами. Он
щенных боти
столике. Моло
пытался пох

Увидев нас
мол, подожди
вытер ладонь

Через ми
становился в

— Можно

Проходя
меня перед
встречал та
заметно усм
лять рубашк
увидел, что

Комната,
Вдоль стен
сивный сто

За столо
шапочке.

Сейчас
не в меру
зверюшки

— Прог
пальцем н

Я сел,
Но в моем
Боксер

До пятьдесят третьего. Потом перековали мечи на орала. Психушки тоже нужны.

Я согласился.

Боксер открыл замок и, слегка подтолкнув меня, вышел следом. Мы поднялись по лестнице на несколько пролетов. На всех окнах были решетки. По дороге нам никто не встретился.

— Сюда.

Он открыл еще одну, но уже обыкновенную дверь, и мы попали во вполне приличный холл, с обшитыми пластиком стенами и красными ковровыми дорожками на полу. Тут совсем немного мебели, но выглядела она достаточно новой. В дополнение к мебели был молодой человек, смуглый, с черными усиками и пушистыми ресницами. Он сидел в кресле, ноги его, в узких начищенных ботинках, покоились на низком журнальном столике. Молодой человек рассматривал свои ногти и пытался походить на гангстера из кино.

Увидев нас, он медленно встал, чуть заметно кивнул, мол, подождите, и исчез за дубовой дверью. Боксер вытер ладонь о штанину. Я заметил, что ему не по себе.

Через минуту молодой человек появился снова, остановился в дверях и сказал:

— Можно.

Проходя мимо, я встретился с ним взглядом, и меня передернуло от омерзения. Никогда еще я не встречал таких мутных глаз. Молодой человек чуть заметно усмехнулся и как бы невзначай стал поправлять рубашку. Пиджак его при этом распахнулся, и я увидел, что из-за пояса торчит рукоятка ТТ.

Комната, куда мы вошли, была небольшая и светлая. Вдоль стен — стеллажами с книгами, возле окна — массивный стол.

За столом восседал толстяк в белом халате и белой шапочке.

Сейчас он был похож на доброго доктора Айболита, не в меру располневшего и побритого. Ну, а какие зверюшки были в его лечебнице, я успел убедиться.

— Прошу садиться, — добрый толстый доктор указал пальцем на стул посреди комнаты.

Я сел, с независимым видом закинув ногу на ногу. Но в моем наряде это выглядело не слишком эффектно.

Боксер встал за моей спиной, держа палку наперевес.

— Ну-с,— доктор потер руки,— вас интересует, куда попали?

Я покачал головой, потом вдруг спросил:

— Как вас зовут?

От неожиданности он заморгал глазами и ответил:

— Семен Семенович. Устроит?

— Мне-то какое дело. Пусть будет Семен Семенович. Ягар, правда, звучит эффектнее.

Он замахал руками и захихикал, словно я сказал что-то невероятно смешное. Потом открыл ящик стола и достал исписанный лист бумаги.

— Поступило заявление с просьбой... Я цитирую: «Выяснить состояние психического здоровья гражданина...»,— он поднял глаза.— Тут дальше перечисляются ваши поступки: и людей вы избивали ни за что, ни про что, и в чужие квартиры врываются, скрывались где-то... В общем, достаточно, чтобы отдать человека под суд, только в ваших поступках нет мотивации. Значит, налицо нарушение психики...

— А кто это написал, можно посмотреть?

— Не стоит,— Ягар спрятал бумагу обратно в ящик.— А теперь слушайте меня. Госпитализированы вы на законном основании,— глаза его стали жесткими,— конечно, кто-то может это оспорить, только никто не узнает, где вы. Письма отсюда не идут, навещать не будут, сбежать невозможно. У нас опытные санитары, жесткий режим, хорошие двери. Даже если вырваться из здания, на территории несколько тренированных овчарок и сторожей. Ведь к нам на освидетельствование и преступники попадают, так что меры безопасности строгие, лучше не пытаться. А теперь — к делу. Успех лечебного процесса и его комфортность для пациента основываются на сотрудничестве врача и больного...

— Вы же собирались перейти к делу,— напомнил я.

— Любите перебивать...— он пристально посмотрел мне в глаза, но я никак не отреагировал, и он продолжил:

— Чтобы успешно вывести вас из болезненного состояния, необходимо узнать, что стало причиной нервного срыва. И потому для начала вы должны подробно описать свои действия, поступки с того самого момента, как сошли с поезда в нашем городе. Я понимаю, устный рассказ займет много времени... моего времени. Вам-то торопиться некуда. Потому изложите на бумаге.

Всем необходимо
дет правдой,
чительно по
ем и провер
пешным, и,
Главное, по
нежки — не
— И пол
и засмеялся
— Тогда
потер ладон
сейчас обхо
У самой
— Минут
на обратном
комится с в
ко мне.— Д
местная све
тесноте, ко
— Пошл
холл мимо
нашу сторо
Внизу б
нул заслон
— Посм
не слушает
Я накл
голыми ст
сидел высо
двигались,
Потом
Я вздр
Лицом
тряпичная
сом, асим
Взгляд его
двери, ниж
зубы. Глу
на четвер
прыгнул в
жие на кл
витого па
между на
почувство

Всем необходимым вас обеспечат. Если написанное будет правдой, очень подробной правдой,— он многозначительно поднял один палец,— а мы подробно расследуем и проверим каждый эпизод, то лечение станет успешным, и, вполне возможно, вы скоро выйдете отсюда. Главное, повторяю, искренность... И куда спрятали деньги — не забудьте написать.

— И полное, чистосердечное признание,— добавил я и засмеялся.— А если я откажусь?

— Тогда лечение будет долгим и болезненным,— он потер ладони.— Но я дам вам время подумать. У меня сейчас обход... Идите... Через два часа жду ответа.

У самой двери он остановил нас.

— Минуточку... Сережа,— он посмотрел на боксера,— на обратном пути покажи девятую палату, пусть познакомится с возможным соседом,— и пояснил, обращаясь ко мне.— Для выполнения моего задания нужна одна-местная светлая комната. Если откажетесь, придется в тесноте, коек у нас не хватает.

— Пошли,— тихо скомандовал боксер, мы пересекли холл мимо молодого человека, который не повернул в нашу сторону головы, стали спускаться по лестнице.

Внизу боксер остановился у одной из дверей и откинул заслонку глазка.

— Посмотри,— сказал он,— сюда мы сажаем тех, кто не слушается старших.

Я наклонил голову и заглянул. Увидел комнату с голыми стенами, металлическую кровать, на которой сидел высокий худой мужчина. Руки его безостановочно двигались, словно он ощупывал воздух перед собой.

Потом он повернулся ко мне лицом.

Я вздрогнул и попятился.

Лицом человека это трудно было назвать. Какая-то тряпичная маска с поехавшим набок поросычьим носом, асимметричными бровями, щеками в рытвинах... Взгляд его, вначале бессмысленный, сосредоточился на двери, нижняя губа опустилась, обнажив черные гнилые зубы. Глухо зарывав, он встряхнулся, как собака, упал на четвереньки, завертелся на месте и вдруг резко прыгнул вперед, выставив перед собой костистые, похожие на клешни пальцы. Он напоминал мохнатого ядовитого паука, у которого оторвали лишние лапки. Хотя между нами была прочная, обитая железом дверь, я почувствовал, как стынет в жилах кровь.

На губах боксера играла улыбка.

— Впечатляет? — спросил он.

— Ничего себе штучка, — я опасливо покосился на дверь, из-за которой слышалось царапанье ногтями по металлу и хриплое рычание.

— Этому парню ничего не стоит вырвать тебе глаза, он помешан на этом, — боксер посерьезнел. — Мне нравится, как ты дерешься. Люблю парней, которые почти такие же сильные, как я. Тебя сначала спеленают, чтобы ты и пальцем не смог пошевелить, а потом напустят эту тварь. Мне не светит видеть после твою безглазую изуродованную рожу... Хочешь, покажу такого, он уже побывал в этой клетке?

— Не стоит.

Рычание за дверью перешло в истошный вой.

— Подумай хорошенько, парень, — боксер поморщился, — Ягар шутить не любит.

— Неужели все возможно?

— А кто нам помешает? — он пожал плечами, — Ягар знает, кого держать здесь, внизу, а кого — наверху. Здесь хроники, ими никто не интересуется. Недели на три посадят на иглу, вот ты и хроник. Ладно, пойдем, запру тебя в твоем люксе.

Я не выдержал и спросил:

— Ты не знаешь... та девушка, которая была вместе со мной, что с ней?

Он с минуту молчал, глубоко задумавшись, потом ответил:

— Ладно, не дергайся, с ней порядок. Наверху она...

Потом парень ушел, задвинув снаружи засов. А я лег на кровать и попытался заснуть. В сущности, я уже принял решение.

* * *

Во сне меня мучили кошмары, и утром я был совсем разбит. Проснулся задолго до прихода санитаря. Тот не стал ставить мне градусник и даже разрешил помыться в служебной душевой.

Потом боксер отвел меня в кабинет к толстяку. Молодого человека нигде не было видно, и в холле дежурил теперь он. Я подумал, что боксер больше пола-

гается на свои кулаки, чем на новомодные огнестрельные приспособления.

Ягар выглядел усталым, щеки у него отвисли еще ниже. Он только что приехал на работу и, когда я вошел, надевал белый халат и шапочку.

— У вас неприятности? — поинтересовался я.

— К черту! Этот снабженец валяется в реанимации, и вообще неизвестно, будет ли когда-нибудь соображать. А время идет.

— Время — деньги, верно? — я улыбнулся. — В нашей ситуации, пожалуй, это удачное сравнение.

— Ну-ну, поупражняйся в словесности, — он хмыкнул. — Скоро у тебя появится другой собеседник. Из девятой палаты.

— Я так понимаю, мне отсюда не выйти. Найдете ли вы эти деньги или того, кто убил директора, я все равно останусь для вас опасным свидетелем.

— Много же тебе понадобилось времени, чтобы догадаться. Как только помрет кто из хроников, мы твой труп вместо его отправим в крематорий. А бедолагу зароем где-нибудь в саду. Так что будешь ты считаться без вести пропавшим.

— Тогда с какой стати мне сейчас вам помогать?

— Ну, твоя судьба может и измениться. Ты парень шустрый, а мне нужны крепкие шустрые парни. Но только те, кому я могу доверять.

— Если я найду деньги, вы мне станете доверять?

— А ты можешь их найти? — он поднял брови.

— Думаю, да.

— Ну, и где они?

— Пока не знаю.

— Ты что мне голову морочишь! — он сердито ударил кулаком по ладони другой руки.

— Я же сказал, могу узнать, а не — знаю.

— Ну так узнавай, черт тебя подери.

— Для этого мне нужна свобода... Хотя бы передвижения.

— Хочешь улизнуть? — посмотрел он исподлобья.

— А мне это удастся?

Толстяк хихикнул.

— Мне надо переговорить с разными людьми. Думаю, к полудню я буду знать, кто взял ваши деньги.

— С кем ты хочешь говорить?

— Уж не собираетесь ли и их сюда доставить?

— А почему нет?

Физиономия у него ничего не выражала, а глаза были безумные.

— Вам бы волю, весь город упрятали в психбольницу,— произнес я.

— А почему нет? — он пожал плечами.— Кто тебе нужен, называй. Твоя девка? Так она сама скоро заговорит.

— Рита ничего не знает,— я покачал головой.

— Это мы проверим.

— Только время потеряете.

— Мое время. Хочу — теряю.

— А деньги? От нее вы о них ничего не узнаете. Дайте шанс, и я найду.

— Почему я тебе должен верить?

— Потому, что для меня это единственная возможность выбраться отсюда.

— Ладно, я подумаю,— он снова хихикнул, и в водянистые глаза его стало страшно смотреть.— Сначала только побеседую с девкой. Может, тогда ты мне и не понадобишься. Кстати, можешь поприсутствовать. Никогда не видел, как за пару часов молодая красивая баба превращается в безумную старуху? У медицины сейчас огромные возможности. У медицины и моих мальчиков.

— Пошел ты...— я сжал кулак.

— Сейчас сам туда пойдешь,— глаза Ягара налились кровью.

Он надавил на кнопку сбоку стола.

Вошел молодой человек. Он смотрел из-под опущенных пушистых ресниц.

— Я собираюсь наказать этого юношу,— Ягар улыбнулся, и меня чуть не вытошнило от этой улыбки.— Разомнись с ним и возвращайся. Будет работа.

Молодой человек чуть заметно улыбнулся.

— Ничего у вас не выйдет,— ответил я.— Можете не пытаться.

— Попробуем,— щеки Ягара задрожали от смеха,— попробуем... Убирайтесь отсюда, оба. Мне надо обход начинать.

Я подумал, что в ближайшее время на самом деле совершу что-то дикое, что не лезет ни в какие рамки.

Мы стали спускаться по черной лестнице. Я знал, куда ведет эта лестница, только на втором пролете молодой человек приказал мне остановиться, стать к стене и поднять руки за голову.

— Шеф велел дать тебе урок. Так вот, ставишь к стене...

Не договорив, он с оттяжкой ударил меня по почкам. От боли я согнулся пополам, а когда муть в глазах рассеялась, я с некоторым удивлением обнаружил, что в ухо мне упирается дуло пистолета.

— Вот — верное средство для таких резвых, — он потыкал в меня пистолетом. — Больно было?

Пришлось удовлетворить его любопытство.

— Становись на место, — потребовал юноша, — повторим урок, пока не заучишь. А потом я приведу к Ягару девчонку.

Я неуклюже стал поворачиваться к стене, еще корчась от боли. Он решил переложить оружие в другую руку, так как занятие проводил с правой. Медлить было нельзя. Я делаю резкое движение, достаточно неожиданное для противника, и выбитый пистолет, описав дугу, падает на пол. Не даю ему опомниться. Схватив за отвороты куртки, резко притягиваю к себе, и нежное лицо этого подонка наталкивается во встречном движении на мой лоб, достаточно твердый, смею заметить.

Учить всегда легче, чем учиться.

Я проверяю содержимое его карманов, не упускаю случая переложить к себе связку ключей. В этом учреждении слишком много замков, чтобы упускать такую ценную находку.

В какой-то момент он приходит в себя и делает недвусмысленную попытку встать. Правда, неудачно, так как, наткнувшись на мой кулак, снова предается грезам.

Я поднимаю пистолет и пускаюсь в обратный путь. Добрый доктор явно не ждет меня так скоро... В первый момент он смотрит побелевшими глазами и пытается открыть ящик стола. Но я опередил его желание и, протянув отобранный пистолет, сказал:

— Ваш помощник очень неуклюжий. Потерял такую полезную штуковину.

Ягар недоверчиво берет у меня из рук оружие, а я добавляю:

— Мало того. Он принялся его искать и по неосторожности стукнулся обо что-то головой. Думаю, надо кого-нибудь послать с банкой йода на черную лестницу, а то он подцепит столбняк.

— Я не люблю, когда бьют моих людей,— Ягар взял уже себя в руки и смотрит холодно.— Конечно, то, что ты не попытался удрать, говорит в твою пользу. Но другой твой поступок не должен остаться безнаказанным.

— Лучше подберите себе помощников половчее. Не вечно же им держаться за вашу юбку... простите, халат. Отдайте их в детский сад, может, там их научат постоять за себя. Я лично всегда был против домашнего воспитания.

— У меня не так много помощников,— добрый доктор горестно качает головой,— одному пробили голову в подъезде, другому сломали челюсть на вокзале, третьему, судя по всему, несколько минут назад. Скоро наша клиника будет напоминать полевой госпиталь. Пока от тебя один вред,— он поворачивает пушку так, чтобы ствол смотрел мне в грудь,— а пользы никакой.

— Отправьте меня к Юле,— предлагаю,— я привезу деньги.

— Как ты это сделаешь? — спрашивает Ягар.

— Тут уж мое дело... Моя ставка против вашей,— я показываю глазами на наведенный пистолет.

— Ну, не только...— он улыбается и бросает оружие в ящик стола,— не забывай, что судьба твоей подружки еще не решена.

— Я помню об этом,— ответил я спокойно, и это была чистая правда.

Дальше беседа наша прерывается, потому что на пороге, покачиваясь, появляется молодой человек. Одна сторона лица у него заплыва и из носа течет кровь. Ягар, кажется, не обращает на это внимания, только приказывает ему:

— Срочно позови ребят.

Через несколько минут он привел боксера и кожаную куртку. Только тогда добрый доктор взглянул на своего помощника.

— Умой рожу,— посоветовал ему,— весь пол загадишь.

Юноша ушел на манер побитой собаки.

— Не в таком же виде мне ехать,— я провел ладонью по хлопчатобумажной пижаме.

— Тебе вернут вещи,— Ягар махнул рукой, а потом обратился к пришедшим,— возьмите машину. Наш друг,— он посмотрел в мою сторону,— должен будет прокрутить одно дело. Если начнет темнеть, действуйте по обстановке.

— Только пусть мне не мешают,— сказал я,— а то все провалится.

— Не мешайте ему,— он кивнул,— но глаз не спускайте. Если он убежит, то это будет первый пациент, сбежавший отсюда.

— Я могу поговорить с Ритой? Наедине?

— Что? — глаза его стали подозрительными.— Зачем?

— Это часть моего плана.

— Да?.. Ладно,— он махнул рукой.— Раз уж я на тебя поставил. Проводи,— он кивнул боксеру.

Мы спустились этажом ниже, где были кабинеты врачей. Боксер открыл один из них, пустой, маленький, с решеткой на окне. Пропустил меня вперед, запер дверь снаружи и ушел. Я сел на жесткий топчан и стал ждать. Через некоторое время услышал шаги, дверь отворилась.

— Поторопись.— Боксер посторонился, и в комнату вошла Рита.

Он снова закрыл дверь, ключ повернулся в замке.

— В общем, я хотел тебя видеть...— начал я.— Мне за тебя страшно.

— Мне тоже страшно,— сказала Рита тихо и села рядом со мной на топчан.

Она вложила теплую ладонь мне в руку и переплела пальцы.

— Как нас сюда доставили?

— Ты был весь в крови, я боялась за тебя и больше не сопротивлялась. Нас привезли в санитарной машине.

— Эти подонки за все ответят.

Она промолчала и с силой сжала пальцы.

Я ждал, когда она снова заговорит. Потом предложил сигарету:

— Только не сломай,— попросил я,— у меня их мало.

— Зря ты надеешься, что сможешь справиться с Ягаром,— вдруг сказала она.— Зря думаешь, что его времена прошли. Я кое-что знаю, мне директор рассказы-

вал... Раньше, сам знаешь, сюда направляли политически неблагонадежных. Теперь многие из них как раз и определяют политику. Его письменный стол,—она махнула рукой,—хранит много такого, о чем им не хотелось бы вспоминать. Кто-то сломался от здешнего «лечения»,—Рита усмехнулась,—рассказал то, что теперь посчитают за предательство, а тогда—за сотрудничество с органами. Других, кто не сломался, насильно приучали к наркотикам. Такими людьми становилось легко управлять. Сам понимаешь, с иглы так просто не слезешь. И никому не расскажешь, что ты наркоман, пусть даже против своей воли. Ягар до сих пор снабжает их наркотиками... И они сделают все, что он потребует. Нам не вырваться отсюда.

— Если бы я знал, где эти чертовы деньги, у нас появился бы шанс. Я сумею поторговаться.

— Если бы я знала...—Рита покачала головой.—Я бы сама могла выбраться. И вытащить тебя,—добавила она.

— Ладно, выберемся, придумаю что-нибудь,—я вообще мастер раздавать обещания.

По коридору прогромыхали шаги, и кто-то торопливо стал отпирать дверь.

— Ну, хватит,—заорал боксер с порога.—Ягар сказал, чтобы вы кончали трепаться. Ему же все слышно, дурень,—добавил он уже у коридоре.—Здесь всюду микрофоны понатыканы.

* * *

Мы с боксером забрались в салон пикапа «скорой помощи», а мужик в кожаной куртке сел за руль.

— Куда ехать? — кожаная куртка приоткрыл окошко в переборке, отделявшей кабину.

— Первый адрес — исполком, или как он теперь называется.

Боксер заколебался.

— Мы не попадем в ловушку? — спросил он у своего спутника.

— Хозяин велел не мешать, это его игра,—отозвался тот.—Пусть попробует надуть,—он снял одну руку с руля и похлопал себя по карману,—получит свинцовую

затычку. Мне терять нечего, мои пальчики по нескольким делам проходят.

— Слышь,— боксер обернулся ко мне,— кореш тот левых в дурдоме маскируется, на нем мокрое висит. Не вздумай его обмануть, он у нас самый авторитетный.

— А что,— хмыкнул тот,— не срок мотать, прокантуюсь пару лет тихо, там все спишут в недознанку. С Ягаром надежно — паспортов не спрашивают, кормят, как в санатории. Я с ним отношения портить не стану.

— А ты? — спросил я боксера,— тоже в бегах?

— Не-а,— тот мотнул головой,— я путем, как порядочный. В ресторане с девчонкой сидел, я тогда областные соревнования выиграл, там трое жлобов на меня залупились. Ну я и отоварил их, как на ринге. А один возьми да и не вынырни. Дело завели, срок могли повесить, но тренер отмазал. Вот и определили, что у меня от частых спортивных травм эта, как ее...

— Извилины выпрямились,— подсказал водитель.

— Ну да, вроде того,— он засмеялся добродушно.

— Все, приехали,— машина остановилась на углу, перед въездом на площадь,— ближе не стоит,— добавил водитель.

— Ладно, парни, ждите здесь. Можете расслабиться, осложнений пока не будет.

— Я пойду с тобой,— сказал боксер.— Хозяин велел не спускать глаз.

— Он велел не мешать мне.

— А я и не буду. Я за тобой издали наблюдать стану.

— Хорошо,— согласился я и подумал, что присутствие боксера вписывается в схему, которую я придумал.

На входе я узнал, на каком этаже находится кабинет Копылова. Боксер сразу прошел вперед и остановился возле лифта. Вместе мы поднялись наверх. В конце коридора было что-то вроде приемной, где за столом восседала светловолосая хорошенькая девушка. Вокруг нее толпились люди. Я выразительно посмотрел на боксера, и он отошел в сторону, спрятался за спинами.

Я протолкался к столу и поздоровался.

— Неужели не понятно,— сказала красотка вместо приветствия,— Вадим Андреевич будет через сорок минут. Все ждут и вы ждите. Его первый вызвал.

— Мне хотелось бы поговорить с товарищем Копыловым,— я невольно стал рассматривать ее загорелые коленки,— не знаете, он на месте?

— Последняя дверь направо,— она поймала мой взгляд и одернула юбку.

Зрелище, видимо, предназначалось не мне.

Боксер за мной не пошел, а остался в приемной, среди толчеи. Но я понимал, что он пристально следит за всеми моими передвижениями.

Я вошел без стука. Копылов сидел в кабинете за огромным столом. На столе стояло только два телефонных аппарата.

— Это еще что?! — он ошарашенно уставился на меня.— Как вы посмели явиться... Мы же обо всем договорились...

— Ну, теперь я пришел ради вашей же пользы.

— Уж не собираетесь ли мне в чем-то помочь,— он ядовито усмехнулся.

— Что касается помощи, то она стоит наискосок, через площадь. Я имею в виду машину «скорой помощи». Можешь взглянуть, из окна видно.

— При чем здесь машина? — не понял он.

— Тогда слушай, у меня мало времени...— и я коротко рассказал, какими методами добрый доктор хочет найти украденные деньги.

— Но мне какое до этого дело? — он всплеснул руками.

— Как, какое? Ведь деньги у твоей подружки, Юли.

— Ты что думаешь, она директора убила? Да ты на нее посмотри: силенок не хватит здорового мужика задушить, ее же соплей перешибить можно. Юлька с директором просто бы не справилась.

— Отчего же? Могло так случиться, что директор и не сопротивлялся. С недавних пор я замечаю, что у нашей рыжей подружки нездоровое влечение подмешивать в напитки снотворное.

— Директор не пил,— Копылов хмыкнул,— тем более с Юлькой. Он вообще вел здоровый образ жизни, думал до ста лет дожить, идиот. Даже какие-то витамины принимал.

— В таблетках?

— Что? — он изумленно уставился на меня.— Откуда я знаю? Нет, кажется, в задницу колол. Юлька ему еще одноразовые шприцы в больнице доставала. Как будто он их купить не мог, жмотяра.

— А кто ему колол? Самому, вроде как, не с руки.

— Понятия не имею. Но не Юлька, точно. Я бы знал.

— Но она ведь медсестра? И в охотничьем домике тому мужику инъекции делала тоже она.

— Хватит меня этим домиком попрекать,— вспыхнул он.— Это была... ошибка молодости, можно сказать.

— Неужели? — я рассмеялся.

— Да,— ответил он твердо.— Станки на комбинате все поломанные, а стране нужна бумага...— он заметил, что я продолжаю смеяться и осекся. После паузы заговорил снова.— Понимаешь, эти деньги, которые выделили, чтобы все следы аварии скрыть, директор решил пустить на закупку оборудования. Ну, по бумагам получалось, что всю землю вывезли, а станки у нас старые. На самом деле все было наоборот. Кому от этого хуже стало? А этот из Москвы приехал, все раскопал... Никто же не знал, что у него сердце хреновое, не выдержит. Несчастный случай...

— Ага, несчастный,— я покачал головой.— Не знаю только, с ним ли одним. Тут со всеми вами, по-моему, несчастный случай. Включая директора, хотя последнему уже все равно.

— Но...— Копылов помолчал, катая по полированной поверхности стола карандаш,— если я тебе скажу, где Юля, до нее доберется толстяк. И тогда... я ее больше не увижу...— все слова давались ему с трудом.

— Тебя это волнует?

— Да,— он поднял глаза.— Представь себе.

— Тогда заяви в милицию.

— О чем?

— Что ей угрожают, собираются похитить.

— Но ведь тогда всплывет история с деньгами, которые я должен был передать.

— Ну, ты-то уж как-нибудь выкрутишься.

— Я ведь мог не знать, что в чемодане. Меня просто попросили передать...— он задумчиво смотрел перед собой.— Верно?

— Это ты мне говоришь или репетируешь речь на суде? Подумай только вот о чем. Мне кажется, этот Ягар — просто маньяк. Может, раньше, когда все шло гладко, это было неизвестно...

— Нет, просто директор умел с ним ладить,— Копылов покачал головой.— Он его как-то сдерживал.

— Теперь некому сдерживать,— я кивнул.— И у него

крыша поехала еще больше, так он хочет найти деньги. И поэтому толстяк доберется до рыжей и без нашей с тобой помощи. Знаешь, что тогда он с ней сделает?

— Хорошо,— Копылов встал.— Я позвоню капитану. Только он сможет помочь. Потому что... Сам понимаешь, у Ягара большие связи... И в милиции тоже. Ты говоришь, вы увезете ее на машине «скорой помощи»? А номер знаешь?

Я взял со стола карандаш и записал на пачке сигарет. Все равно она уже пустая. Бросил на стол.

— Юля в городской больнице,— он пододвинул к себе пачку.— Не под своей фамилией, конечно. Косит под больную,— Копылов усмехнулся.— Решила, что там ее никогда не станут искать.

— Ясно,— я двинулся к двери, но на полпути остановился и, не выдержав, спросил:

— А ты знаешь, что фото, которым я тебя шантажировал, мне дала Юля?

— Знаю,— он впервые посмотрел прямо в глаза.— Но ведь шантажировал меня ты, а не она.

«В плену у женщин,— подумал я.— У женщин и смерти. И потерять первое порою страшнее, чем приобрести второе. Может, потому, что женщины не дают нам бояться смерти. Даже Копылову, хотя он, скорее, уникальный случай в своем подвиде».

Когда я уходил, он уже накручивал диск телефона. Мне показалось, что вид у него достаточно решительный.

К машине я возвращался так стремительно, что боксер на коротких ногах еле поспевал за мной.

— Давай быстрее,— бросил я,— к городской больнице.

Было слышно, как скрипят на поворотах шины. Никто не обращал внимания на машину «скорой помощи», которая нарушала все правила подряд. Наверное, думали, что мы спешим кого-нибудь спасти.

Впрочем, кто знает, может так оно и будет.

* * *

— Мне нужен белый халат,— сказал я, когда мы уже подъезжали. Боксер приподнял зад и вытащил из-под себя нечто похожее. Оказывается, он сидел на халате всю дорогу.

— Ладно, сойдет и так,— я набросил халат на плечи.— Останови возле приемного покоя.

Когда машина затормозила, я увидел, что к нам спешат двое санитаров с каталкой.

— Никуда не отлучаться,— бросил я своим компаньонам и вылез из машины.

— Все в порядке, ребята,— махнул рукой подошедшим санитарам,— можете не волноваться. Мы здесь по другому делу. Лучше подскажите, где найти медсестру Юлю. Рыженькую такую.

— Я и смотрю, машина вроде не наша,— один из санитаров покачал головой.— Юлю? Рыженькую? на третий этаж поднимись.

Юля сидела в комнате для персонала вдвоем с короткостриженной девушкой, такой же худенькой, как и она, и тоже похожей на подростка. Это были девочки одного урожая, сейчас таких все больше и больше.

— Привет,— сказал я с порога,— давненько не виделись.

Юля растерянно посмотрела на меня и закусила губу.

— Мы старинные приятели,— пояснил я второй девице, которая с любопытством за нами наблюдала.— Неужели она про меня ничего не рассказывала?

— Нет...— озадаченно сказала девушка.— Я не стану вам мешать,— она встала.

— Останься...— Юля посмотрела на нее.

— Конечно, останьтесь,— я улыбнулся,— заодно узнаете, как мы тут развлекались на днях. И если бы не последний стаканчик винца...

— Лучше я пойду,— девица направилась к двери, а Юля не стала больше ее останавливать. Она догадалась, какой стакан и какого вина я имею в виду.

Я проследил, как закрылась дверь, и мы остались тет-а-тет.

— Прогнал такую милашку,— проворковала Юля. Она уже выглядела совершенно спокойной.

— Перестань валять дурака,— сказал я зло.— Не за тем приехал.

— Тогда зачем? — она насмешливо улыбнулась.

— За долей,— я усмехнулся.

— Какой долей? — она широко раскрыла глаза.

— Ну, за частью тех денег, которые отобрали у директора.

— От мусорщика никаких вестей, хотя ему и намек-

нули,— она покачала головой.— Молчит пока, где деньги... Только тебя это не касается, ты уже свою долю получил. Засадил его в тюрьму.

— Зря я это сделал. Лучше бы получил деньги, и все.

— Так он тебе их и отдал.

— Он — нет. У него их и не было.

— Тогда у кого? — она посмотрела с любопытством.

— У тебя.

— Вот еще, с какой стати?

— Деньги ведь должны быть у того, кто убил директора?

— Ясное дело.

— А как его убили?

— Задушили, я слышала. А что?

— Ага, задушили. И чтобы он не сопротивлялся, вкололи один медицинский препарат. Ты им уже один раз воспользовалась, помнишь? В охотничьем домике.

— Но при чем здесь я? — спросила она с вызовом.— Я в глаза не видела директора в тот день, я была на работе, это все подтвердят, потом вместе с Копыловым приехала...

— Ты могла поучаствовать и раньше,— предположил я.— Во всяком случае тот, кто напичкал беднягу лекарствами, скорее всего, воспользовался твоим богатым опытом.

Юля еще ниже опустила голову.

— Никто ничего не докажет...— тихо сказала она.

— В установленном законом порядке, может быть, на это потребуется время. Но в психушке... В общем, мне поручили отвезти тебя к Ягару. Догадываешься, зачем?

— Меня? — она задохнулась от возмущения.— На каком основании?

— Можешь мне поверить, там многие находятся без всякого на то основания.

— Как ты собираешься это проделать? — она вскинула подбородок.— Заломить руки за спину и вытащить отсюда?

— Есть много способов... Подождать, к примеру... Не сегодня, так завтра. Не я, так кто-то другой.

— Спаси меня,— вдруг сказала она очень тихо.

— Если бы я мог...— пожал плечами.

— Понимаешь, меня спросили... по телефону. Тот, кто звонил, слышал про историю в охотничьем домике,

потому и спрашивал. Но я уже забыла, какая нужна дозировка. И тогда я сказала наугад.

— Так прямо и сказала?

— Ну... мне угрожали...

— А кто звонил?

— Женщина. Но голос старалась изменить, я не могу сказать, кто она... Хотя что-то знакомое...

— Кто же все-таки мог сделать укол? Ни с того, ни с сего не набросишься на человека со шприцем.

— Он проводил витаминный курс. Это модно, а он следил за своим здоровьем. Могли подменить ампулы.

— Да. Теперь я знаю о преступлении почти все, но вот о преступнике... — я потер лоб. — Знаю, что он заранее все планировал, что он был вашего круга. Догадывался, какие за кем водятся грешки... Но у всех подозреваемых есть алиби... В первую ночь ко мне забрался человек. Тот самый человек, который перед этим в машине изображал директора. У него, разве что, нет алиби...

— К тебе залезли той ночью? — она вдруг широко открыла глаза.

— Ну да. Через окно. В первую ночь мне отвели номер на первом этаже.

— А как он узнал, какое именно окно твое? — Юля озадаченно посмотрела на меня. — Ведь никто из нас не знал, в каком номере тебя поселят.

— Копылов знал. Он меня отвозил.

— Да нет же. Я его спросила... ну, перед тем как к тебе пробраться той ночью... Он не знал, он высадил тебя у подъезда и уехал...

— Но ты же все-таки пробралась ко мне, — я усмехнулся.

— Правильно, я спро... — Юля замерла с открытым ртом.

— Черт возьми... — я посмотрел на потолок, потом на Юлю. На столе затрещал телефон. Девушка сняла трубку.

— Звонил Копылов, — сказала она. — Просил передать, что надо срочно выезжать. Он передал капитану то, о чем вы договорились. Но операцию могут в любой момент запретить... Он сказал, что это кому-то не понравилось. Там, наверху.

— Что ж, тогда придется поторопиться, — я кивнул.

— Мне тоже надо ехать к Ягару?

— Ну, разве я могу позволить, чтобы там испортили такую светлую, но взбалмошную головку, без которой я бы никогда не догадался, кто преступник.

— Но я сама не знаю.

— Это не важно. Теперь уж не важно. Запомни только, самые изощренные преступления совершаются из ненависти. Из долгой, многодневной ненависти, когда есть время обдумать все детали.

Я так и оставил ее в полной растерянности. Наверное, она решила, что я натурально спятил.

* * *

— Возвращаемся,— я захлопнул за собой дверцу.

— Мне показалось, хозяин велел, чтобы мы прихватили с собой какую-то девчонку.— Кожаная куртка обернулся и посмотрел на меня.

— Когда я говорю возвращаемся, то отвечаю за свои слова. Не волнуйтесь, парни, мы выполнили задание на двести процентов. Я расскажу Ягару, какие вы были послушные, и уломаю его выдать вам денег на мороженое.

— Заткнись...

Покрутившись по улицам города, мы выехали на загородное шоссе. Я сидел как на иголках. Мне не светило проиграть на последнем этапе. Тем более, я догадывался, мои спутники не согласятся выступать в роли покорных овечек, когда нас остановят. Нет, на овечек они вовсе не похожи.

На выезде из города был пост ГАИ. Но там никто даже не шелохнулся, когда мы пронеслись мимо. Что ж, утешил я себя, наверное, нам готовят встречу в менее людном месте. Как хотелось, чтобы все уже было позади... Я подумал, что, если начнут стрелять, надо будет лечь на пол, а лучше успеть открыть дверцу и скатиться на землю. Нашу консервную банку пробить насквозь ничего не стоит.

Машина двигалась по пустому шоссе, лишь один раз мы обогнали трактор с повозкой. В повозке везли торф. На поля, наверное, они расстилались по обе стороны. Бессмысленно устраивать тут засаду, ее заметили бы за километр.

Это я так продолжал себя успокаивать. Нельзя было подать виду, что я волнуюсь.

Наконец дорога нырнула в тень леса. Высокие деревья подступали к самой обочине, и я приготовился. Неожиданность могла притаиться за каждым поворотом, каждым деревом, и я ждал ее с нетерпением.

Коридор между деревьями казался густым от насекомых. Солнце прогревало влажный воздух, и они сновали в нем по своим, насекомым надобностям. Мы ехали очень быстро, и лобовое стекло приобретало оранжево-кадмиевый цвет от разбившихся мошек. Надо все-таки соразмерять свои силы, когда идешь лоб в лоб.

В глазах зарябило, так пристально я смотрел по сторонам.

Мы ехали молча.

А что если в самом деле нашу машину решили не останавливать? Значит, я понадеялся на счастливую звезду, а это стоит делать, только приобретая лотерейные билеты. Потому что в этом случае ты рискуешь всего лишь полтинником.

— Долго еще? — спросил я.

— Минут пять.

А я-то надеялся на большее. Пять минут... Нет, уже меньше. На одну минуту. На две...

— Останови! — я завопил так, что боксер ошалело уставился на меня.

— С какой стати?

Машина успела еще на несколько сот метров приблизиться к воротам клиники. А за воротами все, конец. Достаточно мучительный конец, как я его себе представляю.

— Да у меня мочевого пузыря сейчас разорвется.

— Что ты, несколько минут потерпеть не можешь?

— Знаю я эти несколько минут. Как приедем, надо будет сразу к хозяину идти, отчитываться о наших похождениях. Тут не несколько минут потребуется. Да останови ты, честное слово.

Как ни странно, подчинились. Похоже, они уже чувствовали себя в полной безопасности. А я еще надеялся...

— Дальше обочины не отходи, — он достал из-за пояса пистолет и передернул ствол, послав патрон в патронник, — тут неподалеку охотничье хозяйство, в случае чего никто не обратит внимания. Подумают — трениру-

ются по мишени «бегущий кабан», — он усмехнулся. — Мне охота посмотреть, что ты задумал на этот раз.

Я постоял немного на сухой придорожной траве. Почему-то только сейчас я понял, как это приятно — стоять на придорожной траве. До леса я все равно не успею добежать. Это было бы совсем бессмысленно.

Я даже удивился, как спокойно об этом думаю. Не то, чтобы я считал свою жизнь делом второстепенным, просто стоял на пожухлой траве и наслаждался этими мгновениями. Потом я вернулся в машину. Двигатель плавно набрал обороты, вновь замелькали в окнах деревья.

— Эй, впереди патруль, — тихо сказал кожаная куртка, — проверяют машины.

Ощущение, будто очнулся от кошмарного сна.

— Может, проскочим? — спрашивает боксер. — До клиники рукой подать, а там нас искать бесполезно.

— Лучше остановиться, — предлагаю, — зачем мы им нужны, мы ведь еще ничего не сделали?

Мы уже поровнялись с патрульной машиной, и стоявший возле нее милиционер поднял руку.

— Ты что, не видишь — у меня спецмашина, — К.К. и не думал выходить, я заметил, как он сжал пальцами ключ зажигания, — если больной загнется, кто отвечать будет?

— Выйдите из машины, — повторил постовой и сделал шаг вперед, перегородив нам путь. Я подумал, что если кожаная куртка запаникует, то собьет парня. Меня подмывало броситься вперед и вытолкнуть его на асфальт прежде, чем он что-то предпримет. Только через окошко в стенке, отделявшее место водителя от салона, я вряд ли смогу пролезть.

— Отпусти их, — вдруг открылась дверца патрульной машины, и напарник замахал постовому рукой, — только что передали, операция отменяется. Всем вернуться на маршрут.

— Что, уже поймали, кого хотели? — весело спросил кожаная куртка.

Постовой невидяще посмотрел в нашу сторону, потом махнул рукой:

— Поезжайте, — и пошел к своей машине. Мне показалось, плечи у него устало повисли...

— Пронесло, — кожаная куртка откинулся в кресле и просигналил. Мы уже стояли перед воротами клиники

и ждали, когда их откроют.— Ну и нюх у тебя. Если бы не попросил остановиться, минуты на две раньше на патруль наскочили бы, точно начали бы шмонать. А у меня ствол под сиденьем, да и вообще, я человек нервный... Нет, кореш,— он обернулся,— следующий раз я на дело только с тобой. У тебя звезда фартовая.

Он ошибался. Господи, как он ошибался!

Ворота с лязгом закрылись за нами.

* * *

— Где деньги? — зловеще спросил Ягар, как только я вошел в кабинет.

— Не так скоро. Сначала... отвезите нас на вокзал. Перед отходом поезда я назову имя.

По его виду я понял, что номер не пройдет.

— Я не привык, чтобы мне ставили условия. Придется позвать сюда мальчиков. А чтобы ты от боли не забыл, что собираешься мне сказать, истязать мы будем не тебя, а твою подружку. Никаких средневековых методов. Препарат, разрешенный к применению Минздравом. Один укол, и самый буйный больной не может пошевелиться от боли. А мы уж на ней не станем экономить... Да, поверь мне, она на твоих глазах просто сойдет с ума от боли...

Он ласково улыбнулся и потянулся к кнопке.

— Ах ты гнида! — я рванул через стол, пытаюсь схватить его за горло. Но он ткнул растопыренными пальцами мне в глаза, и пришлось отпрянуть. Я обежал вокруг массивного стола, стараясь зайти к нему сбоку, он уже сунул руку в ящик...

— Оставаться на местах!

Резкий окрик, я непроизвольно оглядываюсь и вижу, как в дверях стоит капитан и держит Ягара на прицеле.

Тут же стол словно взорвался, с сухим треском расщепилось дерево, а у капитана на бедре будто лопнул балончик с красной краской.

Ягар стрелял, не вынимая оружия из ящика. И тогда я врезал ногой по крышке.

Послышался треск ломающейся кости, Ягар взвыл от боли и упал лицом на стол, теряя сознание.

Я подбежал к капитану. Он лежал поперек прохода, но

в общем держался молодцом. Я вытанцил пояс и стал накладывать жгут, пытаюсь остановить хлеставшую кровь.

— Момент истины есть,— он разлепил побелевшие губы.— Ты только никому не говори, что он сумел подстрелить меня, хотя я уже держал его на прицеле.

— Хорошо,— я помог спрятать пистолет в кобуру,— а я думал, операцию отменили.

— А ее и отменили,— он чуть заметно улыбнулся.— Только у моей группы как назло рация сломалась.— И серьезно добавил.— Не надо считать нас всех продажными и тупыми. Просто, на нас взвалили грязную и тяжелую работу, которую приходится выполнять по мере сил и умения. Не наша вина, что вы ждете от нас большего. Мы и так бьемся из последних сил...

Я вдруг почувствовал легкое дыхание на затылке и не успел обернуться, как чья-то рука скользнула мне под подбородок и сдвинула горло, а другая стала выкручивать мне запястье. Я попытался вырваться из захвата, но тиски сдавили еще сильнее.

— Отпусти его, старик,— сказал капитан,— займись-ка лучше вон тем, за столом.

Тот, кого называли стариком, подошел к Ягару и наклонился. Из-за спины я не видел, что он там делает. Наконец парень обернулся и показал нам пистолет доброго доктора. Пистолет парень держал через платок.

— Еле вырвал пушку, так у него пальцы свело,— сказал парень весело,— ничего, скоро оклемается,— и, как в подтверждение, Ягар громко застонал.— Конiec теперь сволочи,— добавил он,— никто не отмажет. Я ребят позову, пусть все зафиксируют. А вам,— он посмотрел на меня,— лучше подождать в другом помещении.

В холле уже столпились несколько человек, парень сделал им знак через открытую дверь, и они повалили в кабинет Ягара. Похоже, все были наготове и знали, какой тут разыгрывается спектакль. Впрочем, я тоже сыграл в нем не последнюю роль...

Хотел проведать Риту, но уже дежуривший в коридоре оперативник сообщил, что я обязан сидеть и ждать, пока они запишут мои показания. Сидеть и не рыпаться.

Я устроился в углу и стал наблюдать за вторым действием. Я надеялся, что несколько позже мне разъяснят смысл всей постановки.

* * *

Когда я вышел из задымленного кабинета, прошло уже около часа. Я остановился возле открытого окна и с наслаждением вдыхал прогретый полуденный воздух. Еще прокручивал в голове беседу с капитаном: не знаю, чего он добивался на этот раз, но в результате я выглядел как случайный прохожий, неожиданно оказавшийся в кабинете доктора-оборотня, когда тот палил в доблестного сотрудника милиции. Если такая версия их устраивает, и буду ее придерживаться.

Никого не интересовало, сколько дней я провел в клинике и по чьей милости. Видимо, для этого надо было копать слишком глубоко. В результате мне сказали, чтобы я убирался на все четыре стороны. В вежливой форме, естественно.

На этом этапе я был не нужен.

И вот теперь я стоял у открытого окна и разглядывал зеленую лужайку, на которой лежала застреленная овчарка... Овчарку было жалко.

По коридору сновали люди, в форме и штатском, или просто в белых халатах, и я хотел подождать и не мозолить им глаза.

Я не слышал, как кто-то подошел и положил мне руку на плечо.

Рядом стоял капитан. Он опирался на палку. Достал сигареты, мы закурили и стали вместе смотреть в окно.

— Быстро вы встали на ноги,— сказал я.

— Очень удобно проводить задержание в клинике,— он улыбнулся,— всегда под рукой специалисты, которые умело залатают дырки. Впрочем, и дырки-то никакой не было — так, слегка задело.

— Не понимаю, какой резон строить из себя мишень?

— Неплохо вышло, верно? — он стряхнул пепел сквозь прутья решетки. — И когда вы бросились на него, он уже был настроен достаточно агрессивно, чтобы применить оружие.

— Короче, вы спровоцировали доброго доктора?

— Нет, это вы его спровоцировали,— он усмехнулся. — Надо было заставить вашего приятеля совершить явное преступление, а то слишком много у него покровителей... Но стрелять в сотрудника милиции... ну, сами понимаете.

— А если бы он попал?

— Да уж... я не ожидал, что он станет стрелять через стол. Пока ему предъявлено обвинение в хранении и применении огнестрельного оружия. Но главное,— капитан мечтательно улыбнулся,— что следствие уже работает, и, кто знает, что скоро всплывет...

— Не всплывет только, кто убил директора,— сказал я.

Тут я посмотрел в глаза капитану и чуть не охнул от изумления. Потому что по его взгляду я понял: он все знает. Знает с самого начала, кто совершил убийство.

Мы молчали, пока не докурили свои сигареты.

— Собаку жалко,— я посмотрел на лужайку.

— Пришлось,— он кивнул,— она никого не подпускала к запасному входу.

Помолчал немного и добавил:

— Сегодня здесь задержана гражданка Ямщикова. Вы, кажется, были с ней в дружеских отношениях?

— Задержана? С какой стати?

— У нас есть сведения, что она участвовала в преступной деятельности вместе со своим мужем.

— Ловите стрелочников?

— Я не намерен обсуждать эту тему,— сказал он холодно.— В общем, ее еще не увезли. Если хотите встретиться, я могу помочь. Я ведь в некотором роде обязан вам...

— Ничем вы мне не обязаны. Да, я хочу с ней встретиться.

* * *

Я увидел Риту, когда ее уже вывели на улицу. Капитан отозвал в сторону охранника и о чем-то заговорил с ним. Мы остались вдвоем на залитой солнцем лужайке. Вдвоем, не считая фургона для перевозки преступников.

Мне было тошно, дальше некуда.

— Вот все и закончилось,— прошептала она, и дуновение ветра на мгновение растрепало ей волосы.— Мы ведь не так себе все представляли, верно?

Трудно сказать, что она имела в виду.

— Ты успела прихорошиться? — я заметил, что кос-

метика
прозвуча

— Не
ной вед
тоха, од
вещи...

— Не
Пока им
— М

еще не
выстрел,
пропуска
Я очень
пошла?

У ме
представ
ная и кр
ждет и з

Я по
всегда б
попытак
ляться,
я образу
смыслен
разные о
трудно б

Но в
заплатил

— Не

— Ра

этого хо

— Ну

Мы ведь

ушко,— с

ми щек

— Не

поцелова

Она б

ранника,

к себе...

Потом

чувствова

только в

что я зн

метика на ее лице была в полном порядке. Слова мои прозвучали очень неуместно.

— Не хочу, чтобы ты запомнил меня растрепанной ведьмой, — она улыбнулась. — Когда началась суматоха, одна из медсестер показала мне, где лежат мои вещи...

— Но ты же могла уйти? — я чего-то не понимал. — Пока им всем было не до тебя.

— Могла, — она снова странно улыбнулась, — но я же еще не знала, что с тобой все в порядке. Я слышала выстрел, но не могла туда пройти. Фараоны никого не пропускали и отказывались отвечать. Я сидела и ждала. Я очень боялась за тебя. И потом, куда бы я теперь пошла?

У меня на мгновение перехватило горло. Я только представил, как она сидит и ждет, тщательно причесанная и красивая, среди всего этого человеческого хлама, ждет и знает, чем ей это грозит.

Я понял, что сейчас я теряю нечто такое, о чем всегда буду жалеть. После будет жизнь, в которой я попытаюсь чего-нибудь добиться, и я снова буду влюбляться, будет много чего еще, интересного и не очень, я образумлюсь наконец и перестану совершать бессмысленные поступки, стану много курить и повидаю разные страны... Со временем все сотрется, и мне уже трудно будет вспомнить ее лицо.

Но всегда я буду искать ответ на вопрос: чем я заплатил за этот час ее ожидания?

— Не переживай так, — сказала Рита.

— Разве я думал, что все так сложится? Разве я этого хотел?

— Ну, перестань, по-другому ничего бы и не вышло. Мы ведь только могли мечтать... Дай, скажу кое-что на ушко, — она обвила мою шею руками и коснулась губами щеки.

— Не хочу, чтобы меня мазали помадой. Хочешь поцеловать, целуй в губы.

Она быстро оглянулась на уже возвращавшегося охранника, сжала ладонями мои виски, наклоняя голову к себе...

Потом я смотрел, как она идет к фургону, и чувствовал на губах вкус ее слез. Она разрыдалась только в самый последний момент, когда поняла то, что я знал с самого начала — мы больше никогда не

встретим друг друга. Хоть много-много лет будем надеяться на это.

У самой машины Рита оглянулась и помахала мне рукой. Ярким солнечным днем все казалось ненастоящим.

* * *

— Я постараюсь, чтобы с ней не расправились до суда,— капитан подошел сзади по обыкновению тихо, я опять не услышал.

— Подите-ка вы к черту,— ответил я.— Тоже мне, благодетель.

И зашагал прочь. У ворот посмотрел назад. Капитан стоял на том же месте, бледный, как полотно, и смотрел мне вслед.

* * *

Мне повезло, я остановил попутную машину, не пройдя и ста метров. Водителю я сразу признался — денег у меня нет, потому что сбежал из психиатрической лечебницы и теперь добираюсь домой. Он посмеялся и спросил, куда же меня отвезти. Я подумал немного и назвал адрес. По дороге он рассказывал мне анекдоты.

Анекдоты были про сумасшедших.

Потом мы расстались, и я, не задерживаясь, сразу поднялся наверх и позвонил.

Дверь открыла женщина. Она была женой Алика, работала дежурной в профилактории и три раза в неделю убирала квартиру директора. И теперь я снова пришел к ней в дом. Еще у нее был больной ребенок, и потому у меня не осталось другого выбора.

— А, это вы,— она сразу узнала меня, и у глаз ее собрались морщинки,— я знала, что вы зайдете перед отъездом. Я уже приготовила деньги, которые вы мне одолжили.

— Меня больше интересуют те, которые вы взяли у директора, прежде чем его убить. Или, наоборот, сначала убили?

— Все вышло как-то одновременно,— она опять

улыбнулась одними глазами.— Да вы заходите, разве о таком разговаривают на пороге? Заодно составите компанию...

Войдя в комнату, я увидел накрытый стол, на котором стояли цветы, какие-то закуски, вино. Стол был накрыт на двоих.

— Сейчас принесу вам тарелку... Нет, садитесь лучше на диван,— сказала она, увидев, что я собираюсь переставить со второго стула здоровую пятилитровую банку с какой-то бурой жидкостью. Это место так и осталось не занятым. Я решил, что она кого-то ждет и стул предназначается ему.

— Хочу рассказать вам, что сегодня арестовали главврача лечебницы, он стрелял в оперативника,— начал я,— но, думаю, его будут обвинять не только в этом.

Она хрипло рассмеялась, и я увидел, что смеялась она искренне.

— Это прекрасная новость. Откройте вино, надо выпить по такому случаю.

Я выбил пробку и разлил вино по бокалам.

— Меня допрашивали,— я попробовал вино и поставил бокал на стол,— но я не сказал, что это вы убили директора.

Лицо ее на мгновение омрачилось.

— Как догадались? — спросила она.

— Вы регулярно наводили порядок в квартире директора и наверняка знали, где находится препарат, который потом всадили своему патрону.

— Он даже сам попросил сделать укол. Правда, он думал, что это витамины,— с готовностью сообщила она,— я их регулярно ему делала — научилась, когда ухаживала за дочкой. Только я перепутала с дозировкой, и он просто проспал до того самого момента, когда пришлось вытащить его на лестницу.

Я слышала, что после укола он должен был сохранить способность двигаться, но не думать. Я хотела подвести его к краю лестницы и помочь упасть в пролет.

— Верно,— согласился я,— это вы неплохо придумали. Тогда никому бы в голову не пришло расследовать несчастный случай, тем более такой очевидный. Человек практически на глазах у двух свидетелей зашел в пустой подъезд, там оступился и упал вниз. Все ясно, даже вскрытия делать не надо. Кто бы мог подумать, что убили его чуть раньше.

— Конечно,— она покачала головой,— я просто в ужасе была, когда поняла, что у меня не хватит сил перевалить его через перила. Ну, и тогда решила ремнем... Впрочем, я предвидела такой вариант на случай, если он сразу не разобьется насмерть.

— Хладнокровная вы особа.

— Когда я работала на комбинате, то одно время завязывала мешки. Платили за это мало, и потому работали одни женщины. Когда я затягивала ремень на его горле, мои чувства немногим отличались от тех, что были во время работы.

— Значит, вы убили его, а потом уехали в профилакторий? Под подозрением оставались лишь присутствовавшие на вечеринке гости.

— Ну, откуда мне было знать, что один из них захочет перепрятать труп, другой — свести с ним счеты, третий перепугается за карьеру, четвертый решит завладеть деньгами. Они сами себя утопили.

— А как же ремень с самодельной пряжкой в виде черепа? Разве вы не подставляли таким образом Виктора? Что он, по-вашему, должен был делать?

— Тут я здорово ошиблась. Я не ожидала, что он об этом узнает раньше милиции и захочет перепрятать труп.

— Ну да, тогда инсценировка с подставным директором оказалась бы напрасной. Труп нашли на свалке, и ваши труды пропали зря. Почти... А как вам все это пришло в голову?

— У него было два одинаковых плаща, и это натолкнуло меня на мысль использовать подставного директора. Найти субъекта на такую роль было нетрудно — возле мужа всегда вертелись сомнительные личности, которые за деньги могли сделать все, что угодно. Конечно, «мой» директор не знал, что я собираюсь сделать с оригиналом... Наверное, тогда бы он запросил непомерно высокий гонорар. Потому он так легкомысленно поступил с зажигалкой — позволил вам ее забрать. А ведь настоящий директор не пил, не курил и золотой зажигалки у него не было и быть не могло. Вот он к вам и забрался. Не расскажете никому? Какой смысл? Тот, подставной, уже далеко, и я сама не знаю, где его искать. Мой муж, а он единственный мне помогал, разбился в аварии. Сегодня врач мне сказал, что даже если он выживет, все равно будет соображать не больше кошки. Вряд ли его станут судить. Остаюсь я...

— А у вас больной ребенок,— я кивнул.— И я понимаю, что если вас посадят, ребенок обречен.

— Не хотите брать грех на душу?

— Нет, не хочу. Вам повезло.

— Повезло?!

Она швырнула в меня бокал, и он, пролетев через всю комнату, разбился вдребезги.

— Извините,— потом тихо попросила женщина.

— Но деньги придется вернуть,— я налил себе еще стакан вина.

— Деньги? — женщина показала рукой на банку, которая стояла на свободном стуле.— Концентрированная серная кислота. Вернее, была достаточно концентрированная, пока я не растворила там все бумажки.

— Ничего себе,— я покачал головой.— Это же куча денег.

— Мне они теперь не нужны...

Я проследил за ее взглядом и понял, что меня неосознанно смущает все это время. Дверь в комнатку, где раньше лежал больной ребенок, была заставлена шкафом. Я поежился, как от пронизывающего холода.

— Нет,— сказала женщина, угадывая мои мысли,— ее увезли. Но туда больше никто не войдет. При моей жизни, конечно.

— Извините...

— Я взяла деньги, которые мне принадлежали,— она смотрела прямо перед собой,— у меня отняли все — здоровье, ребенка, мужа... Они должны были заплатить за это. Я наказала всех, кто столько лет безнаказанно издевался над нами... В этой банке души моих врагов,— она показала пальцем,— серная кислота и казначейские билеты. Я решила устроить всем нам заключительный праздник...

По-моему, она спятила.

— А теперь вы должны уйти,— сказала женщина.— Я вылью эту гадость в унитаз и немного побуду одна. Мне хочется собраться с мыслями перед дорогой.

— Хотите уехать?

— Не волнуйтесь, я не переступлю порога этой квартиры. И протру ручки дверей, и вымою ваш стакан, чтобы никто не узнал, что последним были у меня.

— Но...— я поежился, как от пронизывающего холода.

— Бросьте,— женщина махнула рукой.— Уж не подкажете ли вы мне другой выход?

— Нет,— я покачал головой,— у меня нет ни одной дельной мысли на этот счет...

— Что ж придется поискать их самой,— она встала и взяла с подоконника грубый серый конверт.— Напишите тут свой адрес. Я вам сообщу, что надумала. И попрошу брата отправить это письмо.

■ * ■

На следующий день, к вечеру, я приехал домой. А еще через неделю получил письмо. Оно было отправлено в день моего отъезда и шло целую неделю.

Я достал его утром из ящика, положил в кейс и взял с собой на работу. В течение дня несколько раз доставал, вертел в руках серый конверт, но так и не распечатал.

Только вечером решился. А потом сидел возле открытого окна и курил. И еще — зажигал спички, одну за одной, и смотрел, как они догорают. В конце концов набралась полная пепельница.

Дело в том, что конверт оказался пустой.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНЬ ЗОМБИ	3
СМЕРТЕЛЬНАЯ КОМБИНАЦИЯ	283

Пучков Л. Н., Костин А. Ю.
П88 Тень зомби: Роман. Смертельная комбинация:
Повесть.— М.: Голос, 1994.— 416 с.

ISBN 5-7117-0119-3

В сборник вошли криминальный роман Л. Пучкова «Тень зомби» и детективная повесть А. Костина «Смертельная комбинация». Для обоих произведений характерны острота сюжета, наличие экстремальных ситуаций, в которых оказываются герои, увлекательность повествования.

П 4702010201 — 31
М800(03) — 94 Без объявл.

ББК 84Р7-4

Лев Николаевич ПУЧКОВ
ТЕНЬ ЗОМБИ

Андрей Юрьевич КОСТИН
СМЕРТЕЛЬНАЯ КОМБИНАЦИЯ

Серия «Русский криминал»

Под общей редакцией Н. А. Иванова

Редактор И. Шевелева

Художник О. Смирнов

Художественный редактор В. Савченко

Технический редактор Н. Александрова

Корректоры М. Поляева, С. Ткаченко

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 040020 от 6.07.91 г.

Сдано в набор 28.07.94. Подписано в печать 25.10.94. Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 2. Печать высокая. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 35 000 экз. Заказ № 2430.

Издательство «Голос», 113184, г. Москва, ул. Пятницкая, д.52, стр.1.

Набор, изготовление оригинал-макета ТОО «Вязь»,
105023, г. Москва, Медовый пер., 5.

Полиграфическое предприятие «Современник»,
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30.

я комбинация:

Л. Пучкова «Тень
и острота сюжета
оказываются го-

ББК 84Р74

я

20 от 6.07.91 г.

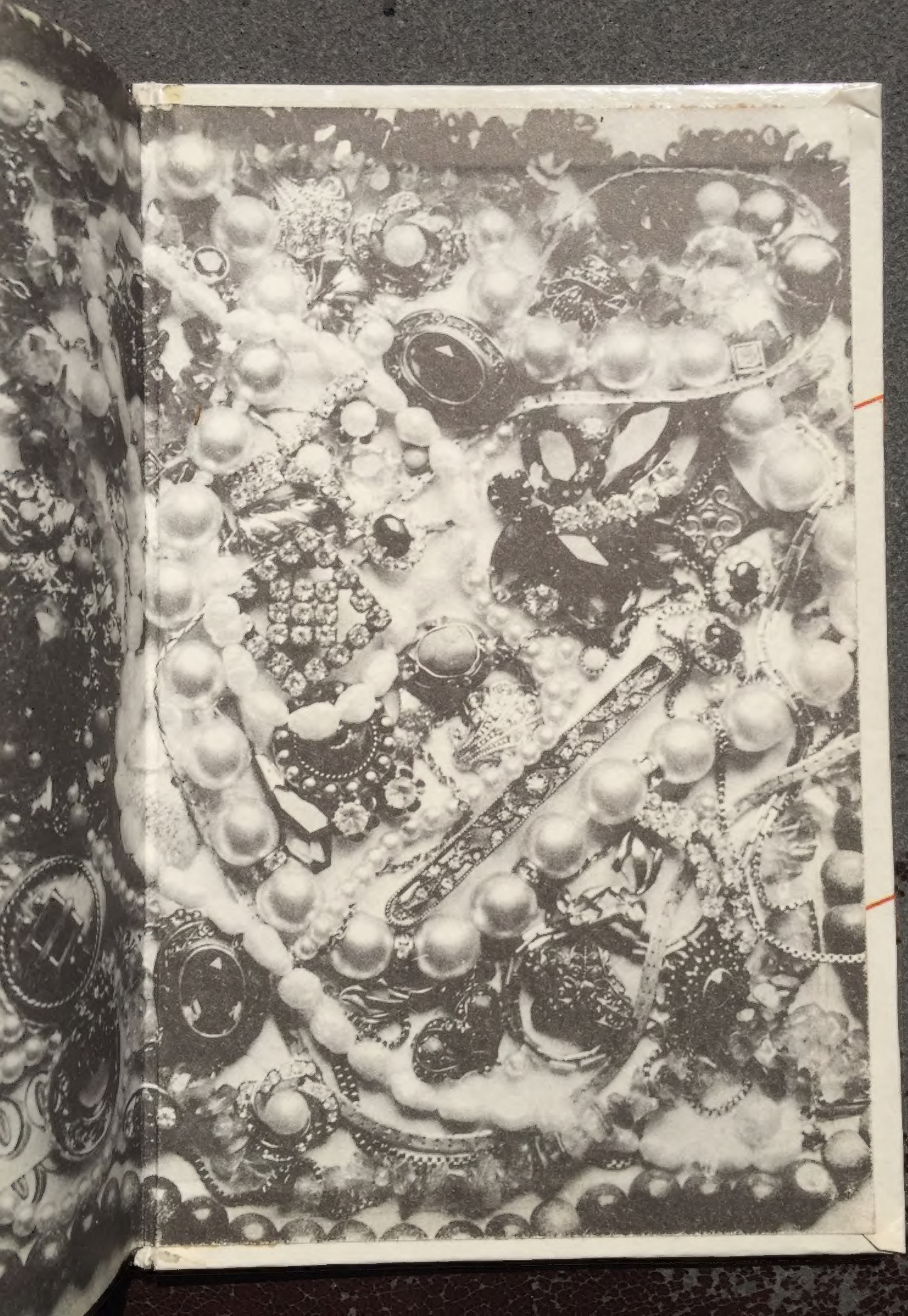
10.94. Формат
окая. Гарнитура
аз № 2430.
ая, д.52, стр.1.

«Вязь»,

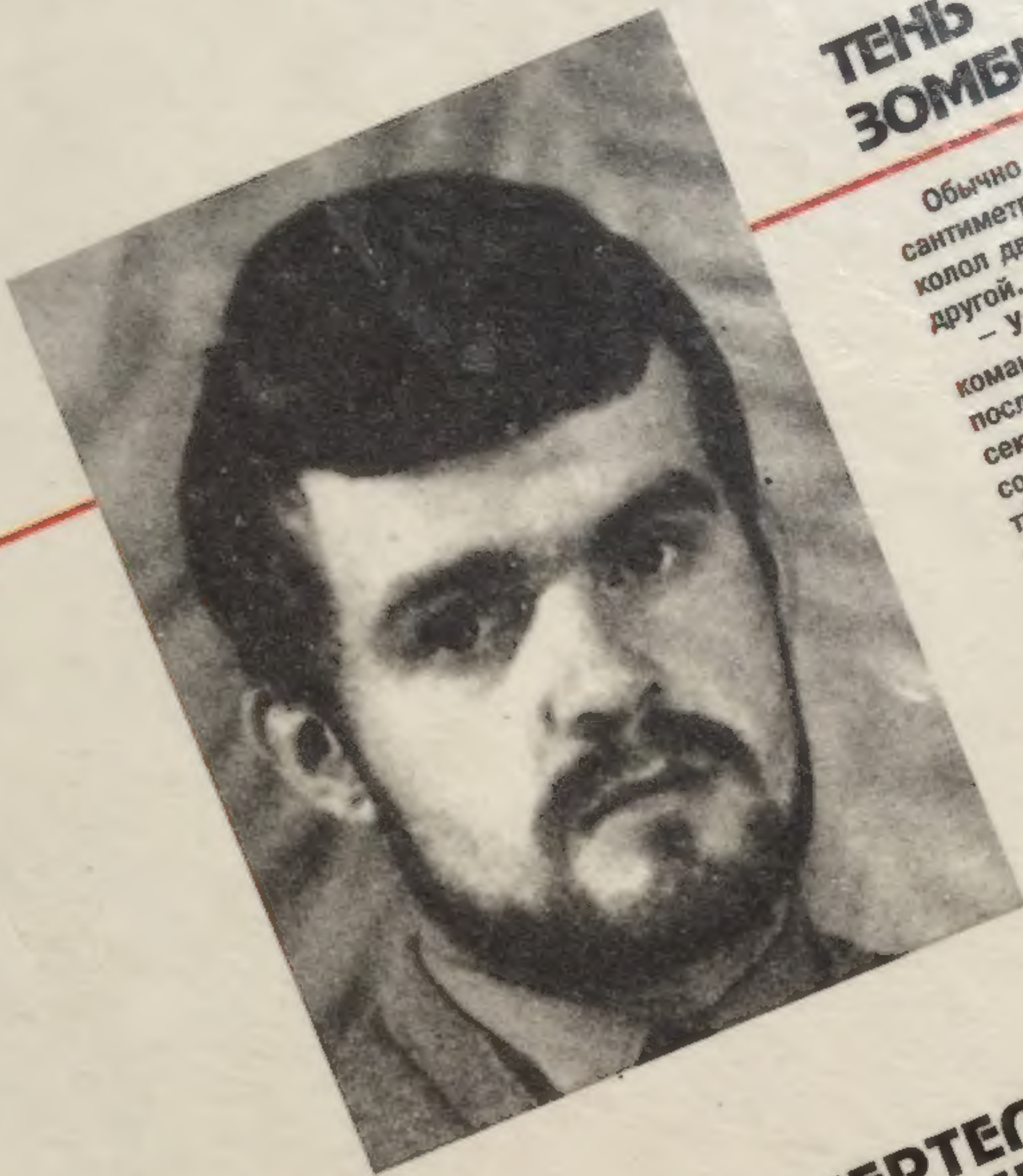
ник»,

ТЕНЬ ЗОМБИ

Обычно ударом ноги он разламывал шести-сантиметровую сосновую плаху, а кулаком колол два кирпича, положенных один на другой. А тут...

— Уложить! — прозвучала визгливая команда главного. В его голосе Ивану послышалось что-то знакомое. На секунду он даже перестал сопротивляться. Сжав железными тисками, его подбросили вверх и швырнули в гроб. Сверху прикрыли крышкой — невозможно было шевельнуться...

**Лев
ПУЧКОВ**

СМЕРТЕЛЬНАЯ КОМБИНАЦИЯ

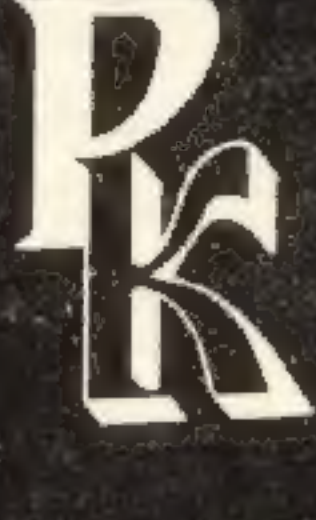

Я непроизвольно оглядываюсь и вижу, как в дверях стоит капитан и держит Ягара на прицеле. Тут же стол словно взорвался, с сухим треском расщепилось дерево, а у капитана на бедре будто лопнул баллончик с красной краской. Ягар стрелял, не вынимая оружия из ящика. И тогда я врезал ногой по крышке...

**Андрей
КОСТИН**

РУССКИЙ КРИМИНАЛ

НЕВ ПУКОВ
АИДРЕН КОСТНИ

ТЕИЛБ ЗОМБН
СМЕР ТЕПБН
КОМБНАУМБ